

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

СИБИРЬ

368/1 1.2018

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель — Иркутское региональное отделение

Общероссийской общественной организации

«Союз писателей России»

Журнал выходит при финансовой помощи

Министерства культуры и архивов Иркутской области

Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Поэзия

Валерий Хатюшин. Поэт в России, он — поэт...	3
Нина Ягодинцева. Тоске не выискать обновы...	22
Елена Анохина. В такое верится с трудом	40
Максим Орлов. Былого перевёрнута страница...	70
Александр Клиндухов. Прислонясь к небесам	81

Проза

Борис Шергин. Кроткая вода. Поморские сказы	10
Станислав Китайский. Рупь делов. Рассказ	28
Александр Богатырев. Фёдоровы деньги. Рассказ	46
Владимир Максимов. Заненастило... Рассказ	73
Александр Обухов. Бабушка. Рассказ	86

Публицистика

Валерий Скрипко. Аромат вечности	93
Василий Шелехов. Русский крест	107

Критика

Анатолий Байбородин. «Душа грустит о небесах...»	
Трагедия поэта Сергея Есенина.	115
Анатолий Заболоцкий. Памяти Василия Белова.	
О деревенщиках, совести, семитомнике и юбилеях	144

Родина

К 125-летию со дня рождения писателя Бориса Шергина	
Владимир Личутин. Последний в цепи	158
К 80-летию со дня рождения писателя Станислава Китайского	
Светлана Тарбеева. Великая и малая родина	163
Ирина Прищепова. Дом у Байкала. Памяти писателя Глеба Пакулова	168

Лукоморье

Марина Бородина. «На золотом крыльце сидели...»

Очерк о детском фольклоре 180

Вернисаж

К 90-летию со дня рождения живописца Анатолия Костовского

Григорий Лазарев. Русский народный художник 202

Книжная лавка

Юрий Брыжашов. Поэтическая энциклопедия.

О двухтомнике В. Скифа «Древо с листьями имён» 209

Людмила Мирманова. Человек у края бездны.

К выходу в свет романа А. Лаптева «Бездна» 212

Николай Стародымов. Над пропастью.

О книге Александра Витковского «За пять минут до ядерной полуночи» 216

Александр Никифоров. Зёрна и плевелы. Заметки о поэтических книжках 219

Коротко о книгах 224

Сумочка к ребру

Евгений Степанов. О пародии 227

«Им ворона в логу подпекает...» Литературные пародии 232

События

Валентина Семенова. Нельзя проиграть бой за культуру 237

Лауреаты премии журнала «Сибирь» имени Алексея Зверева 253

Игорь Шумейко. Николай Иванов избран председателем Союза писателей России 254

Анатолий Степанов. Обошлось без драки — значит есть надежда.

Впечатления гостя XV съезда Союза писателей России 257

Николай Иванов, председатель правления Союза писателей России

Мы не прятались за спины друг друга 261

Возвращаясь к напечатанному 264

Главный редактор А.Г. БАЙБОРОДИН

Директор редакции Ю.И. БАРАНОВ

Заведующий отделом поэзии В.П. СКИФ

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь С.В. ЗУБАКОВА

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.Г. Байборodin, Ю.И. Баранов, В.В. Воронов,
И.И. Козлов, М.П. Попова, А.И. Сальников, С.В. Шегебаева

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции. Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Л.Н. Заступова.

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600**

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.

Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: sve-t-lana@mail.ru

Подписано в печать 12.03.2018 г. Выход в свет: 22.03.2018 г. Формат 70х108/16.

Усл.печ. л. 22. Тираж 1300. Цена свободная.

Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. (3952) - 23-38-45.

Отпечатано в типографии: «Репроцентр А1», 664023, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2.

Тел. 8 (3952) 540-940. E-mail: info@printrepro.ru

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

Поэт в России, он — поэт...

Иркутск

*В Иркутске сходятся две реки:
Иркут и Ангара*

Бежит на север сильная, просторная
двух быстрых рек холодная волна...
Соединила здесь сама история
времен непримиримых имена.

Став Октября неосторожным пленником,
дань отдаю вождю и Октябрю...
И вижу: выше памятника Ленину
величественный памятник Царю.

Нет, на Руси монархия не свергнута.
В ней Царь и вождь скрепились на века.
По улицам Урицкого и Свердлова
я вышел к монументу Колчака.

Здесь две реки в один поток сливаются.
Его никто не в силах развернуть...
Здесь два пути страны соединяются
в единый, вечный, неразрывный путь.

ХАТЮШИН Валерий Васильевич родился 13 ноября 1948 г. в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Там же закончил среднюю школу. Служил в ракетных войсках в Сибири. Работал на строительстве газопровода «Север — Центр», строил КамАЗ. Первая книга стихотворений «*Быть человеком на Земле*» вышла в 1982 г. С 1986 г. член Союза писателей СССР и России. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Слово», «Кубань», «Дон», «Аврора», в альманахе «Академия поэзии». Автор многих книг и собрания сочинений в 6 томах. Лауреат отечественных и международных литературных премий.

Более двадцати пяти лет Валерий Хатюшин отдал работе в журнале «Молодая гвардия». В настоящее время он — главный редактор этого русского национально-патриотического издания. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

* * *

Я по нему опять тоскую...
Как долго я спешил туда!..
Была подобна поцелую
Байкала чистая вода.

Но если в воздухе кружилось
ненастье хмурое, тогда
в стальном дыханье шевелилась
Байкала серая вода.

Вошли в меня сердечной новью
и Ангара, и Усть-Уда...
Как свет небесный Подмосковья —
Байкала синяя вода.

Теперь в сибирской ностальгии
душа пребудет навсегда.
Скрывает столько тайн России
Байкала чёрная вода...

* * *

Я шагаю устало
от Москвы на восток...

Голос неба России
я хочу разгадать.

Что-то птица сказала —
я расслышать не смог.

Всюду прежние лица,
всюду голос родной.

Сколько хватит мне силы,
столько буду шагать.

Но о чём эта птица
говорила со мной?..

Цветок звезды

В лесной тиши, в глухом затоне
речной воды
я взял в холодные ладони
цветок звезды.
Вонзился в руку, словно жало,
её огонь,
звезда, шипя, в затон упала —
прожгла ладонь.

Тогда, склонясь над зыбкой глубиной
ночной воды,
ладони свёл я и пригубил
глоток звезды...
И мне с тех пор во тьме крошечной
светло всегда,
в моей душе, земной и грешной,
горит звезда!

* * *

Ну вот, я пережил и это лето.
Теперь и осень как бы пережить...
Пусть за окном, померкшим до рассвета,
унылый дождик будет моросить.

Пусть за окном дрожит и гнётся ива
под хмурым небом, от дождя темна.
Над ней ворона пусть летит лениво,
и лишь не шелохнётся — тишина.

Пусть ничего кругом не происходит,
дожди и ветры пусть одни шумят.
Для сердца есть покой в плохой погоде,
когда ничем не встревожен взгляд.

Когда осточертеет всё на свете
и станет всё таким ненужным тут,
лишь ива за окном, лишь дождь и ветер
покинуть эту землю не дадут.

* * *

Вывусь я в своём пророчестве
из тоски лихих годин.

Даже в полном одиночестве
я на свете не один.

Пусть душа, ни с чьей не схожая,
словно комната, пуста,

предо мною — мать Божия
и спокойный лик Христа.

Лампа ночью долго светится
над застывшею строкой.

Есть мне, с кем глазами встретиться
и к кому прильнуть душой...

В родной деревне

Вместо речки — ручеёк,
продан детства дом.

И в окошке огонёк
скрыт глубоким сном.

Всё чужое: дом не тот,
и не тот забор,
пёс, рычащий у ворот,
и недобрый взор.

Здесь ли я играл в лапту
и гонял гусей?

Здесь ли высмотрел мечту
жизни всей своей?

Ухожу, и боль тоски
сердце берedit,
словно вслед из-под руки
бабушка глядит...

* * *

Что-то в мире случилось такое,
отчего защемило в груди.
Липа кроной шумит надо мною
золотых облаков посреди.
Листопад, предвечерье, прохлада...
В сонном парке тропинки темны...
Ах, душа, не кручинься, не надо,
мы еще доживём до весны.

Но замри и прочувствуй мгновенье,
как в распахнутых детских глазах.
Клёнов красных в пруду отраженье,
ветра лиственный, шелестный взмах...
Кучевых облаков позолота,
светло-рыжая проседь берёз...
Мы не можем с тобой отчего-то
не любить эту землю до слёз.

Сирень

Опадает сирень, исчезает...
И вернулись на миг холода.
Майский день, словно жизнь, угасает,
погружаясь во мглу навсегда.

И от сорванной ветки сирени
вечер в комнате дышит тоской.
На твои, дорогая, колени
я прилягу колючей щекой.

И такую почувствую нежность
в невесомой, в горячей руке!..
Всех остывших ночей безутешность
просквозит по шершавой щеке.

Просквозит и слезинкой истаёт
под теплом чуть дрожащей руки...
Отцветает сирень, облетает
в терпких волнах весенней тоски.

* * *

Как жалко летнего тепла!
Оно и коротко, и зыбко.
Июля яркая улыбка,
неторопливый плеск весла...

Истает этот нежный день,
иссякнет трав благоуханье,
плаксивых туч немая тень
загасит озера сиянье.

Цветы, цветы... Вечерний свет...
Высоких лип густые тени...
Влюблённых поцелуйный бред
и женщин смуглые колени...

И долгий холод, серый цвет
откроют нам свои объятья.
И клину белому вослед
с былой тоской взгляну опять я...

* * *

Снова сердце радо зареву заката
и лесной рябины перезревшим кистям.
И опять бесцельно я бреду куда-то
по опавшим листьям, по опавшим листьям.

Дни уходят в вечность. Где-то ждёт расплата.
Кто-то вслед с ухмылкой смотрит взглядом лисьим.
Но всю жизнь с надеждой я бреду куда-то
по опавшим листьям, по опавшим листьям...

* * *

В Голицынском парке скамейки пусты,
в Голицынском парке — прохлада.
На клумбах широких сгорели цветы
в багряном огне листопада.

Аллеи безлюдны, качели — тихи,
устало-безмолвны деревья,
стада облаков, как немые стихи,
спешат в ледяные кочевья.

И вновь я простился с травой и листвой,
и лету сказал «до свиданья».

В Голицынском парке над хмурой водой —
небес и тепла угасанье.

Стою над водой, и не холодно мне,
и прежнего нет сокрушенья.
Угрюмому сердцу спокойно вполне.
Бесслёзны души сожаленья.

Дорога осенняя жизни моей,
недолгие годы земные
и сумрак остывших, увядших аллей
сошлись и слились, как родные.

* * *

Жёлтые бабочки в сером окне
трепетно кружатся будто во сне.

Кто они? Что они? Отблески чьи?
Может, сгоревшие годы мои.

Может, мелькнувший из снов золотых
пепел угасших надежд молодых.

Может, забытые в сумраке дней
лица любимые жизни моей...

* * *

Судьба нас всех по кругу гонит.
И в этой спешке — все сгорим.
В летящем под землёй вагоне
глаза в глаза — вдвоём стоим.
Мы под землёй летим по кругу.
Под свист и шум. Куда? Зачем?
Без слов глядим в глаза друг другу,
нигде не связаны ничем.
Летит вагон. Чужие люди,
уйдя в себя, не вспомнят нас.
Никто на свете знать не будет,
что видел я лишь только раз

её глаза... На остановке
я через круг сойду во тьму,
с чужим плечом столкнусь неловко,
став безответным ко всему.
Среди толпящихся, галдящих
мы не расстанемся никак.
Сжигает всех, во тьму сходящих,
летающий свет, свистящий мрак.
Ждём неизбежную разлуку
мы, отражённые в стекле.
И всё ещё летит по кругу
небесный взгляд в подземной мгле...

Поэт

Бога об одной просил награде.
Ждал одной любви до седины.
Всё отдал, со всем расстался ради
высоты духовной глубины.

Этот свет сберёг в себе до гроба.
Были вопли недругов смешны —

не слышна была чужая злоба
в небесах духовной глубины.

Должен был и смог не оступиться,
встав на самом гребне крутизны,
чтобы не упасть и не разбиться
с высоты той самой глубины.

* * *

Покуда мать жива —
ты не один на свете
и есть тебе к кому
приникнуть в горький час.
Пусть верны тебе
друзья, жена и дети,
но в жизни только мать
одна лишь не предаст.

Когда уходит мать,
душевного разлада
и с миром, и с собой
уже не избежать.
Слабеет свет в пути
и рушится преграда
меж смертью и тобой,
когда уходит мать.

* * *

Любовь несчастная моя...
Другой не будет.
В сетях земного бытия
кто нас рассудит?

Моя любовь казалась мне
тоской поэта.
И всё ж в душевной глубине
я ждал ответа.

«Нет, со своей тоской души
ты просто скучен.
Во мраке хохота и лжи
кому ты нужен? —
Себе внушал я, говоря: —
Не жди признанья.
Ты отдаёшь себя зазря
ей на закланье.
И безответны будут вновь
слова живые...»

Моя несчастная любовь...
Любовь к России.

Голос моих предков

Это ж сколько ушло поколений
и сожглось отстрадавших сердец,
чтоб для ясных души озарений
я пришёл в этот мир наконец!
Чтобы эти души озаренья
воспылали из тьмы вековой,
чтоб убитые мраком забвенья
наконец встали рядом со мной.

Чтоб отважно, спокойно, сурово
голос предков из праха восстал,
чтоб заветное русское слово
я жестокому свету сказал!
Да, трудились они не напрасно
до меня на российской земле.
И страдали они не безгласно,
и не сгнули глухо во мгле.

Пушкин

Летающий сквозь громады лет
огнём небес отмечен,
поэт в России, он — п о э т,
не больше и не меньше.

Он и творец, он и боец,
певец, гонец победный,
а выше — только лишь Отец
и Сын, и Дух Заветный.

Есть слово-символ, как пароль
для всех в России, — Пушкин.

За вечную любовь и боль
нальём по полной кружке.

Когда земные времена
погрязнут в общем блуде,
его строка, хотя б одна,
но в русском сердце — будет.

И пусть во власти высших сил
течёт веков громада, —
останется: «Я вас любил...»,
и большего — не надо.

* * *

Свободу завоёвывают кровью.
Не признаёт она иных щедрот.
Она своей безжалостной любовью
на пьедестал ведёт и эшафот.

Свободу завоёвывают кровью.
Глуха к словам без жертвы и борьбы,
она, как смерть, не поведёт и бровью
на уговоры, просьбы и мольбы.

Свободу завоёвывают кровью.
Подкожный страх пред нею изживи.
Цхинвал, Донецк, Луганск и Приднестровье
познали яд и мёд её любви.

Свободу завоёвывают кровью.
Когда остры глаза, сердца и слух,

ни жалам пуль, ни чёрному злословью
не победить в крови свободный дух.

Жестокий мир оваян русской новью.
За русский новый мир идёт война.

Свободу завоёвывают кровью —
и лишь тогда навек она верна.

Меч и камень

Тротил джихада и Дары волхвов...
Две веры, две надежды, две стихии.
Явления духа этих двух миров
слились в пространстве и в судьбе России.

Сошлись непримиримые миры,
как жизнь и ложь, как Истина и нежить.

Шахидки пояс и волхвов Дары...
И лишь одно из двух должно утешить...

Несовместимы пламя и вода.
Нас вновь столкнули и легко и быстро.
Остра их вера, но у нас — тверда.
И меч о камень высекает искры...

* * *

И ныне Божий Сын унижен и распят.
«Что истина?» — спросил с усмешкою Пилат.

Философ, он не знал: она не «что», а «Кто».
Его глазам прозреть не помогло ничто.

Был в слепоте своей Пилат неумолим.
А Истина живьём стояла перед ним.

Победитель

...Дрожали языки огня,
и ночь застыла глухо.
«...Один из вас предаст Меня,
но вы крепитесь духом».

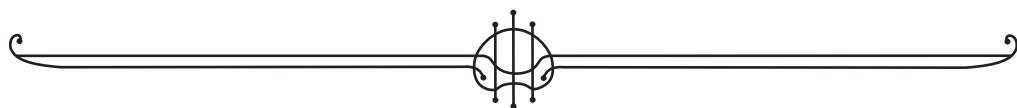
И было ждать совсем чуть-чуть
Земле, чтоб стать иною...
«...Я истина, и жизнь, и путь,
идите вслед за Мною».

Свет на лице. Чело в венце.
Веков минувших стержень.

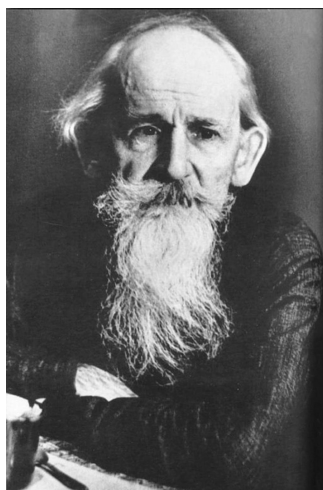
«...Отец во Мне, и Я в Отце,
и Мною мир повержен».

Была святая ночь тиха.
Предатель время выждал.
Ещё до крика петуха
Пётр отречётся трижды.

Нет больше в мире ничего
до крайнего предела,
весь этот мир — лишь Крест Его,
лишь Кровь Его и Тело.

БОРИС ШЕРГИН

Кроткая вода

ПОМОРСКИЕ СКАЗЫ

Для увеселенья

Владимиру Сякину

В семидесятых годах прошлого столетия плыли мы первым весенним рейсом из Белого моря в Мурманское.

Льдина у Терского берега вынудила нас взять на восток. Стали попадаться от-мелые места. Вдруг старик рулевой сдернул шапку и поклонился в сторону еле видимой каменной грядки.

ШЕРГИН Борис Викторович родился 28 июля 1893 г. на Русском Севере в Поморье. Учился в Архангельской мужской губернской гимназии (1903–1912), затем в Строгановском центральном художественно-промышленном училище (1913–1917). Печатался с 1912 г. В 1922 г. переехал в Москву. При жизни писателя опубликовано 9 книг. Основные издания: «У Архангельского города, у корабельного пристанища» (1924); «Шли московский» (1930); «Архангельские новеллы» (1936); «У песенных рек» (1939); «Поморщина-корабельщина» (1947); «Поморские были и сказания» (1957); «Океан-море русское: поморские рассказы» (1957); «Запечатленная слава: поморские были и сказания» (1967); «Гандвик — студеное море» (1971). Десятки произведений Б. Шергина экранизированы, многие поставлены в театре. Умер писатель 30 октября 1973 г. в Москве.

— Заповедь положена, — пояснил старик. — «Все плывущие в этих местах моря-океана, поминайте братьев Ивана и Ондrejaна».

Белое море изобилует преданиями. История, которую услышал я от старика рулевого, случилась во времена недавние, но и на ней лежала печать какого-то величественного спокойствия, вообще свойственного северным сказаниям.

Иван и Ондrejaн, фамилии Личутины, были родом с Мезени. В свои молодые годы трудились они на верфях Архангельска. По штату числились плотниками, а на деле выполняли резное художество. Старики помнят этот избыток деревянных аллегорий на носу и корме корабля. Изображался олень и орел, и феникс и лев; также кумирические боги и знатные особы. Все это резчик должен был поставить в живность, чтобы как в натуре. На корме находился клейнод, или герб, того становища, к которому приписано судно.

Вот какое художество доверено было братьям Личутиным! И они оправдывали это доверие с самой выдающейся фантазией. Увы, одни чертежи остались на рассмотрение потомков.

К концу сороковых годов, в силу каких-то семейных обстоятельств, братья Личутины воротились в Мезень. По примеру прадедов-дедов занялись морским промыслом. На Канском берегу была у них станова изба. Сюда приходили на карбасе, отсюда напускались в море, в сторону помянутого корга.

На малой каменной грядке жилали по несколько дней, смотря по ветру, по рыбе, по воде. Сюда завозили хлеб, дрова, пресную воду. Так продолжалось лет семь или восемь. Наступил 1857 год, весьма неблагоприятный для мореплавания. В конце августа Иван с Ондrejaном опять, как гагары, залетели на свой островок. Таково рыбацкое обыкновение: «Пола мокра, дак брюхо сыто».

И вот хлеб доели, воду выпили — утром, с попутной водой, изладились плыть на матерую землю. Промышленную рыбу и снасть положили на карбас. Карбас поставили на якорь меж камней. Сами уснули на бережку, у огонька. Был канун Семена дня, летопроводца. А ночью ударила штормовая непогодушка. Взводень, вал морской, выхватил карбас из каменных воротцев, сорвал с якорей и унес неизвестно куда.

Беда случилась страшная, непоправимая. Островок лежал в стороне от роскожих морских путей. По времени осени нельзя было ждать проходящего судна. Рыбки достать нечем. Валящие кости да рыбы черепа — то и питание. А питье — сколько дождя или снега выпадет.

Иван и Ондrejaн понимали свое положение, ясно предвидели свой близкий конец и отнеслись к этой неизбежности спокойно и великодушно.

Они рассудили так: «Не мы первые, не мы последние. Мало ли нашего брата пропадает в отношениях морских, пропадает в кораблекрушениях. Если на свете не станет еще двоих рядовых промышленников, от этого белому свету перемененья не будет».

По обычаю надобно было оставить извещение в письменной форме: кто они, погибшие, и откуда они, и по какой причине померли. Если не разыщет родня, то придется, случайный мореходец даст знать на родину.

На островке оставалась столешница, на которой чистили рыбу и обедали. Это был телдос, звено карбасного поддона. Четыре четверти в длину, три в ширину.

При поясах имелись промышленные ножи — клепики.

Оставалось ножом по доске нацарапать несвязные слова предсмертного вопля. Но эти два мужика — мезенские мещане по званию — были вдохновенными художниками по призванию.

Не крик, не проклятье судьбе оставили по себе братья Личутины. Они вспомнили любезное сердцу художество. Простая столешница превратилась в произведение искусства. Вместо сосновой доски видим резное надгробие высокого стиля.

Чудное дело! Смерть наступила на остров, смерть взмахнулась косою, братья видят ее — и слагают гимн жизни, поют песнь красоте. И эпитафию они себе слагают в торжественных стихах.

Ондрейан, младший брат, прожил на островке шесть недель. День его смерти отметил Иван на затыле достопамятной доски.

Когда сложил на груди свои художные руки Иван, того нашими человеческими письменами не записано.

На следующий год, вслед за вешнею льдиной, племянник Личутиных отправился отыскивать своих дядьев. Золотистая доска в черных камнях была хорошей приметой. Племянник все обрядил и утвердил. Списал эпитафию.

История, рассказанная мезенским стариком, запала мне в сердце. Повидать место покоя безвестных художников стало для меня заветной мечтой. Но годы катятся, дни торопятся...

В 1883 году Управление гидрографии наряжает меня с капитаном Лоушкиным ставить приметные знаки о западный берег Канской земли. В июне, в лучах незакатимого солнца, держали мы курс от Конушиного мыса под Север. Я рассказал Максиму Лоушкину о братьях Личутиных. Определили место личутинского корга.

Канун Ивана Купала шкуна стояла у берега. О вечерней воде побежали мы с Максимом Лоушкиным в шлюпке под парусом. Правили в голомя. Ближе к полуночи ветер упал. Над водами потянулись туманы. В тишине плеснул взводенок — признак отмели. Закрыли парус, тихонько пошли на веслах. В этот тихостный час и птица морская сидит на камнях, не шевелится. Где села, там и сидит, молчит, тишину караулит.

— Теперь где-нибудь близко, — шепчет мне Максим Лоушкин.

И вот слышим: за туманной завесой кто-то играет на гусях. Кто-то поет, с кем-то беседует... Они это, Иван с Ондрейаном! Туман-то будто рука подняла. Заветный островок перед нами, как со дна моря всплыл. Камни вокруг невысокого взлобья. На каждом камне большая белая птица. А что гусли играли, это легкий прибой. Волна о камень плеснет да с камня бежит. Причалили; осторожно ступаем, чтобы птиц не задеть. А они сидят, как изваяние. Все, как заколдовано. Все, будто в сказке. То ли не сказка: полуночное солнце будто читает ту доску личутинскую и начитаться не может.

Мы шапки сняли, наглядеться не можем. Перед нами художество, дело рук человеческих. А как пристало оно здесь к безбрежности моря, к этим птицам, сидящим на отмели, к нежной, светлой тусклости неба!

Достопамятная доска с краев обомшела, иссечена ветром и солеными брызгами. Но не увяло художество, не устарела соразмерность пропорций, не полиняло изящество вкуса.

Посредине доски письмена — эпитафия, — делано высокой резьбой. По сторонам резана рама — обнос, с такою иллюзией, что узор неустанно бежит. По углам аллегии — тонущий корабль; опрокинутый факел; якорь спасения; птица феникс, горящая и не сгорающая. Стали читать эпитафию:

*Корабельные плотники Иван с Ондрейаном
Здесь скончали земные труды,
И на долгий отдых повалились,
И ждут архангеловой трубы.*

*Осенью 1857-го года
Окинула море грозна непогода.
Божьим судом или своею оплошкой
Карбас утерялся со снастями и припасом,
И нам, братья, досталось на здешней корге
Ждать смертного часу.*

*Чтобы ум отманить от безвременной скуки,
К сей доске приложили мы старательные руки...
Ондрейн ухитрил раму резьбой для увеселенья;
Иван летопись писал для уведомления,
Что родом мы Личутины, Григорьевы дети,
Мезенские мещана.
И помяните нас, все плывущие
В сих концах моря-океана.*

Капитан Лоушкин тогда заплакал, когда дошел до этого слова — «для увеселенья». А я этой рифмы не стерпел — «на долгий отдых повалились».

Проплакали и отерли слезы: вокруг-то очень необыкновенно было. Малая вода пошла на большую, и тут море вздохнуло. Вздох от запада до востока прошумел. Тогда туманы с моря снялись, ввысь полетели и там взялись жемчужными барашками, и птицы разом вскрикнули и поднялись над мелями в три, в четыре венца.

Неизъяснимая, непонятная радость начала шириться в сердце. Где понять!.. Где изъяснить!..

Обратно с Максимом плыли — молчали.

Боялись, не сронить бы, не потерять бы веселья сердечного.

Да разве потеряешь?!

Гость с Двины

В Мурманском море, на перепутье от Русского берега к Варяжской горе, есть смятенное место. Под водою гряды камней, непроглядный туман, и над всем, над всем, над шумом прибоя, над плачем гагары и криками чайки, звучал здесь некогда нескончаемый звон.

Заслышав этот звон остерегательный и оберегательный, русские мореходцы говорили:

— Этот колокол — варяжская честь.

Варяжане спорили:

— Нет, этот колокол — русская честь. Это голос русского гостя Андрея Двинянина.

Корабельные ребята любопытствовали:

— Что та варяжская честь? Кто тот Андрей Двинянин?

Статнее всех помнили о госте Андрее двинские поморы.

Этот Андрей жил в те времена, когда по северным морям и берегам государили Новгород Великий.

Андрей был членом пяточисленной дружины. Сообща промышляли зверя морского, белого медведя, моржа, песца. Сообща вели договоренный торг с городом скандинавским Ютта Варяжская.

В свой урочный год Андрей погружает в судно дорогой товар — меха и зуб моржовый. Благополучно переходит Гандвиг, Мурманское море и Варяжское. Причаливает у города Ютты. Явился в гильдию, сдал договоренный товар секретариусу и казначею. Сполна получил договоренную цену — пятьсот золотых скандинавских гривен. Отделав дела, Андрей назначил день и час обратного похода.

Вечером в канун отплытия Андрей шел по городской набережной. С моря носило туман с дождем. Кругом было пусто и нелюдимо, и Андрей весьма удивился, увидев у причального столба одинокую женскую фигуру. Здесь обычно собирались гулящие. Эта женщина не похожа была на блудницу. Она стояла, как рабыня на торгу, склонив лицо, опустив руки. Ветер трепал ее косы и воскрылия черной, как бы вдовьей, одежды.

Андрей был строгого жития человек, но изящество этой женщины поразило его. Зная скандинавскую речь, Андрей спросил:

— Ты ждешь кого-то, госпожа?

Женщина молчала. Андрей взял ее за руку, привел в гостиницу, заказал в особой горнице стол. Женщина как переступила порог, так и стояла у дверей, склонив лицо, опустив руки. Не глядела ни на еду, ни на питье, не отвечала на вопросы.

Андрей посадил ее на постель, одной рукой обнял, другой поднес чашу вина.

— Испей, госпожа, согрейся.

Женщина вдруг ударила себя ладонями по лицу и зарыдала.

— Горе мне, горе! Увы мне, увы! Забыл меня Бог и добрые люди!

Беспомощное отчаяние было в ее рыданиях. Жалость, точно рогатина, ударила в сердце Андрея.

— Какое твое горе, госпожа? Скажи, не бойся! Я тебя не дотрону.

Переводя рыдания, женщина выговорила:

— По одежде твоей вижу, господине, ты русский мореходец. Мой муж тоже был мореходец.

— Был мореходец? — переспросил Андрей. — Ты вдовеешь, госпожа?

— Почти что вдовство. Мой муж брошен в темницу.

— За что же?

— Я расскажу тебе, господине. Мой муж с юношеских лет ходил на здешних торговых судах. Когда мы поженились, загорелся он мыслью построить собственное суденышко. Сколько своими руками, столько помощью товарищей построен был кораблик, пригодный к заморскому плаванию. О, как мы радовались, господине! Тогда задумывает муж сходить в Готтский берег на ярмарку. Но где взять деньги на покупку прибыльного в Готтах товару? И опять судьба улыбнулась нам: здешняя гильдия дает моему мужу деньги в долг на срок — вернуть долг сполна по возвращении с Готтского берега. О, как мы радовались, господине! Днем муж закупал товар и погружал на судно. Ночами мы рассчитывали, сколько у нас останется прибыли по уплате долга в гильдию. Я не плакала, провожая мужа, я радовалась. Но пути божьи неисповедимы. Еще кораблик наш не дошел Готтского берега, налетела штормовая непогода. Кораблик нанесло на камни и разбило в щепы. Дорогой товар утонул.

Муж вернулся в Ютту бос и наг. По суду гильдии его бросили в темницу на срок, покада не уплатит долга. Это было два года назад, господине.

Я осталась одна с двумя маленькими детьми. Надо было кормить мужа в темнице, прокармливать детей. Я стала работать у рыбного засола. С рассвета до заката, на ветру, на снегу, на дожде. За труд платили рыбой. Голову варила и несла

мужу, остальное доедала с детьми. Хлеб подавали соседи, добрые люди. И они же доводили меня до отчаяния. Всякий день я слышала: «Гордячка ты, бесстыдница! Рыбный засол не работа! Сама подохнешь и семью уморишь. Иди на пристань, торгуй своим телом, пока молода. Познатнее дамы торгуют любовью по нужде, а ты кто?»

С ужасом я слушала такие речи. Стать блудницей, пропащей... Утопиться бы — и то нельзя: без меня замрут мои дорогие муж и дети. И вот сегодня город тонет в тумане. И я решила: вечером пойду и стану у пристани. В такую непогоду никто из горожан не ходит, никто моего позора не увидит. Меня, господине, ты и приметил у причального столба и привел сюда. Вот и все.

— Госпожа, как велик долг твоего мужа?

— Страшно вымолвить, господине: без малого сто золотых скандинавских гривен.

Андрей соображал:

«На нас пятерых я получил пятьсот гривен, по сто гривен на брата. Моей долей я волен распорядиться». Он выговорил:

— Следуй за мной, госпожа.

Город накрыт был белесым туманом. Но Андрей шел быстро, уверенно. Женщина едва поспевала за ним. На спуске к пристаням еле блазила древняя церквушка. Андрей сказал:

— Стань, госпожа, в церковных воротах и не соступи с места. Жди меня. Я тотчас вернусь.

Как птица слепым полетом в тумане, он побежал на свой корабль. Спустился в каюту, отомкнул ларец с общей казной, в кожаный кошель отсчитал сто золотых гривен. Спрятал кошель за пазуху, побежал обратно в город.

Женщина стояла в каменной нише, как изваяние. Андрей сказал:

— Я принес тебе нечто, госпожа. Но должен проводить тебя до дому.

— Господине, — отвечала женщина, — мой дом близко. Видишь, в конце улицы брезжит огонек. Это мой сынишка поставил на окне светильник, боится, чтобы мать не заблудилась.

Андрей все же проводил ее до дому.

— Теперь ты дома, госпожа. Вот, держи обеими руками этот кожаный кошель. В нем сто золотых гривен. Завтра утром иди в гильдию, объяви о себе секретариусу и казначею. Они примут гривны счетом и весом. Также выдадут тебе пергамент с печатями, что твой муж чист от всякого долга. Завтра, до полудня, твой муж возвратится домой полноправно и свободно. А теперь прости, госпожа.

Сотворив поклон, Андрей зашагал обратно, и его накрыло туманом.

Тогда только женщина опомнилась, бросилась вслед Андрею и закричала:

— Господине, господине! Человек ты или ангел? От сотворения мира не слышана такая великая и богатая милость!

Она бежала и кричала, но не знала, в какой переулочек, к каким пристаням свернул Андрей, и крик ее был, как крик чайки в море. Тогда женщина упала на дорогу и, рыдая и молясь, целовала следы Андреевых ног на сыром песке.

В ту же ночь, до утренних часов, Андреев корабль покинул Ютту Варяжскую и, открыв паруса, пошел в русскую сторону.

Оминув Варяжскую гору, Андрей проходит море Мурманское и наконец, одолев жерло, достигает Двинской земли.

В сборной избе Андрей здравствуется с четырьмя своими товарищами. Справив поклон, они спрашивают:

— Каково путь и торговлю справил, господине?

Андрей отвечал:

— Вашим счастьем, государи, Бог дал все благополучно. В Ютте казначей и секретариус товар похвалили и договоренную цену уплатили, пятьсот гривен золотом свесили счетом и мерою.

Андрей поставил на стол ларец с золотом.

— Здесь, государи, только ваша доля — четыреста гривен золотом. Свою долю — сто гривен — вынял и стратил.

— Суматоху говоришь, государь! Общая казна делится сообща. Никто из пайщиков не вправе выхватить из общей казны ни единой серебряной копейки. Ты, государь Андрей, поступил самочинно, самонравно, самовольно. Ты переступил Морской промышленный устав!

Ни единого слова покорного не приготовил Андрей своим товарищам. Вышел из горницы, так дверью двизнул, что изба дрогнула.

С этого дня и часа остуда легла меж Андреем и четверьмя его товарищами. Эта остуда была на руку соседственной артели. Артельный староста «подвесил Андрею лисий хвост».

— Тебе, преименитому кормщику, не дозволено копейки взять из казны! Твоей бы дружине перед тобой на четвереньках бегать, а они свою ногу тебе на голову ставят. Переходи в нашу дружину. Будешь над нами государить, а мы тебе будем в рот глядеть и от тебя слова ждать.

— Куда походите? — спросил Андрей.

— Зимовать на Матку, на Новую Землю. Люди к походу готовы.

Андрей был крут на поворотах — дал согласие. Ушел на Новую Землю, не сказавшись, не спросившись со старыми своими товарищами. И те оскорблены были даже до слез: ушел, не простился!

На Новой Земле кормщик Андрей государил и осень, и зиму, и весну. Там, в невечерний день, к Андрею пришла та, которая говорит о себе: «Я — детям утеха, я — старым отдых, я — рабам свобода, я — трудящимся покой».

Андрея положили в каменном берегу, накрыли аспидной плитой. На плите высечена надпись: «Спит Андрей Двинянин, жда архангеловы трубы».

Эта весть об Андрее прилетела на Двину, и была печаль великая, и дружина плакала — ушел и нам прощения не оставил.

Через четыре года по Андрееве исходе, значит, через пять лет после его быванья в Ютте, пришел на Двину скандинавский корабль, и хозяин корабля стал сыскивать об Андрее. В тот же вечер встретился с Андреевой дружиной.

— Вы Андреева дружина. Вам должно принять эти гривны.

— Недостойны.

— Раздайте скудным, бедным людям.

— Не нашими руками раздавать. Тяжко нам будет получать спасибо за Андрееву милость.

Наконец сошлись на том, что надобно учредить память Андрею. А как Андрей был отменный мореходец, то да будет намять его знатна и слышна в морском сословии.

— Наша Двина ходит промыслять рыбу в Западный Мурман, близ Бусой салмы. Это место вы, скандинавы, зовете «Жилище туманов», и Андрей мечтал учредить здесь остерегательный звон.

— Быть посему, — отозвался варяженин. — Я в эту же зиму вылью колокол и весной, на Троицу, привезу кораблем.

— Быть посему, — отвечали двиняне. — Мы явимся на Мурман раньше тебя и к Троицыну дню возведем на Бусой вараке столп-звонницу. Еще кладем на тебя

заповедь, государь варяженин. По ободу, по краю колокола, вылей сей стих: «Малый устав преступив, исполнил великую заповедь».

Как пообещал варяженин, так и учинил. Сыскались в Скандинавии искусные мастера-литейщики. Вылили из меди, олова и серебра художный колокол. Только стих, завещанный двинянами, вылили латинской речью. По тому же латинскому обычаю колокол был окрещен и наречен Андреем.

Весною, когда полетели в русскую сторону гуси, гагары и утята, варяженин погрузил колокол на свой корабль и, вслед за птицей, пошел в русский ветер.

В эту пору стоит на Мурмане беззакатный день, и берега грезят и манят в великой прозрачности.

Варяженин видит Бусую вараку в полном лике: на вершине возведена звонница новгородским обычаем, но в один пролет.

Варяженин трубит в рог, и Русь трубит ответно. Колокол вздымали на гору на моржовых ремнях, всем народом.

Звон был учрежден западным обычаем: в пролете, в железных гнездах, ходила дубовая матица. В матицу вращены уши колокола. От ушей спущены до земли ременные вожжи. Звонарь, стоя на земле, управлял вожжами. Матица начинала ворочаться, раскачивая колокол. Колокол летал в пролете, язык бил свободно, рождая звук певучий, грозный и жалобный.

Это звенящее нескончаемое пение носилось по океану триста лет. И проходящие мореходцы поколение за поколением поминали гостя Андрея с Двины и гостя варяженина.

После этих времен дошел день и час: колокол зазвонил сам собою, ужасая слышавших.

«Последи же бысть трясение земли о Западный берег Мурмана».

Тряхнуло гору в Кольской губе, дрогнула Бусая варяка, качнулась звонница. Колокол, звеня и рыдая, как птица слетел в глубину морскую. Но и в начале нынешнего столетия мореходцы уверяли, что звенит Андреев колокол и на дне моря-океана.

Кроткая вода

Несколько лет назад, читая о четырех советских солдатах, попавших в «относ» в Тихом океане, вспомнил я одну старую «мирскую оказию».

Читатель, мне кажется, без комментариев оценит разницу между старым временем и новым: в прежние времена погибавших поморов никто не искал, никто не писал о них.

Архангельские поморы, бывало, хвалились: «Морскую беду терпеть нам не диво, но когда что за обычай, то весьма сносно».

«Гибельные случаи» из своей жизни поморы иногда закрепляли в своих записных книжках.

Устный рассказ помора о своей беде всегда поэтично-образен. Но стоит ему взять перо, он, стесняясь просторечия, пишет как бы «донесение по начальству». Такой полицейский протокол написал о себе и талантливейший Афанасий Тячкин, от лица которого и ведется рассказ «Кроткая вода»¹.

¹Попавшие в морской унос поморы спасались в «час кроткой воды», то есть во время отливного течения. — Прим. автора.

В 1915 году это протокольно-деловитое донесение разыскала и опубликовала артистка О.Э. Озаровская. Между тем внуки Тячкина сохранили в памяти живые детали устного рассказа своего деда. Их воспоминания и послужили основой предлагаемого читателю рассказа «Кроткая вода».

Мы, жители посада Неноксы, знаем ветер и воду, и всякую морскую примету.

Но был гибельный случай, над которым я и при старости лет вздыхаю и говорю: море — измена лютая.

В тот там год весной, еще в море льдина погуливала, пришли мы в Архангельск купить жита для посева.

На шестое мая заря всю ночь была многокроваяя, а у нас договоренность плыть домой. В карбасе народу двадцать два человека, а жита двести пудов. Приятель мой, Мирон Кологреев, говорит:

— Ошалеть надо, чтобы с эким грузом в море напускаться.

Карбасник говорит:

— Ты и не плавай. Нам и без тебя не тоскливо.

Грамотница Дарья кудемская говорит:

— Чем ругаться, сходите поставьте свещу Николе Морскому.

Мы пошли в часовню, свечи затеплили, цену положили, обратно идем, а старец свещник под берегом сидит у котла с ковшом и кричит:

— Ей вы, утопленники, идите пиво пробовать никольское!

Мы говорим:

— Отче, благослови путь.

Он ковшом взмахнул и запел:

— Непорочнии в путь. Аллилуйя...

Мы это в карбасе рассказали. Одни рассмеялись, другие смутились:

— Ведь это он погребальную кафизму запел...

В море выплыли Никольским устьем. Точно из воды выстал белокаменный Никола.

Тут на веках потонули два сына новгородской посадницы Марфы. Она и поставила мореходную примету: белокаменный Никола, как лебедь, одно крыло распустил на север, другое — на полдень. Карбас грузен, а под парусом ходко бежит. Уж от берега верст за пять были, и тут ветер стал чернеть. В корму поддаст шелоник², а в лицо ему — веток. Волна пошла несурядна. Кологреев правил волне вразрез, а правый борт накрыла волна со востока. В каюте вода, в корме того больше. За помпы схватились — помпы не действуют. У карбаса то нос в небо взлетит, то корма кверху. Что тут делать? Надо воду лить, баб от реву унимать...

Парус не успели обронить.

Бабы взвыли:

— Святитель Никола, убавь воды!

Мужики кричат:

— Ройте жито в воду!

Схватились мешки в море свистать, но той же минуты ветер стегнул в парус, и суденко наше опрокинулось вверх дном, раз за разом, трижды. Сильно страшно, вверх колодой переворачивало. И груз, и людей единым мгновением вымыло из карбаса, как сор из чашки.

О, коль тошно человеку водою конец принимать! Я, Афанасий Тячкин, всплыл из-под карбаса возле самый борт. Карбас лежит на водах боком: мачта с реей и парусом не дают ему обернуться вверх колодой-килем.

²Юго-западный ветер с реки Шелони.

Ухватясь за обшивку, я вытянулся за борт, а из-под карбаса вынесло Мирона Кологреева. Я ухватил Мирона за волосы и подал руку. В тот же миг карбасник наш, чая спасения, схватил Мирона за ногу, и толь несоблюдно, что сдернул с ноги, с левой, сапог и унес в пучину моря.

Еще разом выставили из воды, возле карбаса, братишко мой Степка и Лукьян Лгалов. Степка сам залягнулся ногами на сухой борт, а Лукьяна выудил Кологреев.

Еще сколько-то держалась на водах Дарья Ивановна, грамотница из Кудьмы. Сарафан широко спузырился и не дает тонуть.

Но не успели ахнуть, как она, махнув бахилами, исчезла в бездне.

И вот мы четверо посреди смертей многих. Пособить бы, да некак, помочь бы, да нечем.

А нас, четырех, понесло вниз и к вечеру спустило до Летних гор. Несло в великой нужде: карбас на боку, волна ударит, нас ледяной водой полощет, — зубов сцепить не можем.

Как вода пошла на прибыль, и наше суденко покорно плывет в обратный путь. Верст за пятнадцать подносило к родному берегу. Видели Ненокотскую вараку и белый Климент на ней. Тогда Кологреев говорит мне:

— Ты, Афоня, в грамоту горазд. На тебе шило. Напиши память.

Сроду этак никто не писывал, как я, — уцепясь ногами за борт, головой вниз, рукой буква за буквой царапаю на обшивке. И о долгах было написано, кому что отдать и с кого что взять.

Опять часы дошли, и кроткая вода понесла нас вниз, попутно воде летние ветры управили карбас на середину моря. При конце убылых часов завидели Терский берег. Там еще снег белел. Загорелась надежда зачалиться за льдинку и вылезти на гору. Но ударил с Терских гор ветер, а течение пошло на прибыль... Нас понесло обратно и стало осаживать во восток, в Зимнее море.

Только глазами ели берег-то... Жажда нас томила. Выудили льдинку, посопали: как полынь горька. И опять вздохнула грудь морская. Прибыль сменилась на убылую воду. Палая вода стала нас осаживать вниз, но несет ближе к земле, и находимся от берега в семи верстах. Однако вешние воды с Двины садят о Зимний берег сильно и неодолимо. И мы сказали друг другу:

— Ежели за этот берег не захватимся, то полетим вниз и в океане пропадем.

Чтобы как-нибудь прибархтаться к берегу, надо было обронить мачту с реей и парусом, которые держали судно на боку.

Вот ведь злое горе! Дома, хоть в избе, хоть во дворе, завсегда топор за поясом и нож у пазухи, а в грозном море оказались с голыми руками. Но усилились, и отогнули железные обоймы, и развязали, ногтями да зубами, бортовые снасти-крепи. Но мачту еще сдерживает штак — снасть, протянутая от верхушки к носу. Благо ночи светлые, и мы, раздеваясь догола, по очереди лезем в ледяную воду, от носового корга этот штак отвязывать.

Восьмого мая штак был отвязан. Той же минуты мачта выпрыгнула из своего гнезда, и той же секунды карбас обернулся вверх колодой-килем. А мы, все четверо, разом ухнули в воду. Но скорополучно вычерапались на днище и сдумали думу: обернуть карбас как следует. Для сей акции уперлись коленями в киль, а руками в воде по локоть ухватились за борт и тянули на себя. И толь ловко преуспели, что, обернувшись, карбас чуть нас не утопил. Но опять вынырнули и залезли в карбас. Сели, в воде по пояс, двое с той и двое с другой стороны. Сняли по сапогу, стали воду отливать. Воды не убывает: взводень через ходит. Между тем течение гонит мимо берега, ждать некогда.

Отодрали от поддона две доски матерых. Зачали грести и задаваться в берег. А Кологреев у руля. Румпель утерялся, и Кологреев держит руль в охапке. А мы изо всей мочи гребем, действуем досками. А сами ведь по грудь и по пояс в воде.

Девятого мая, раным-рано поутру, шаркнул наш карбас по прибрежному песку — хрящу. Выбрили на землю, пали, поклонились трижды. Напились водицы из ручья, сели на сухом на бережку, заплакали от радости.

Место, на которое мы вышли, находится в половине Зимнего берега и называется Добрыниха. Рассудили, что разумнее всего идти в Зимнюю Золотицу. Кологреев, глядя на меня и на Лгалова, вздохнул:

— Справите ли, осудари, экой путь?

Я действительно при утоплении разбил себе колени, а Лгалов оскудел всем телом, но и у Мирона одна нога была босая. Я говорю:

— Хоть ползунком ползти, а в Золотице быть.

Пошли мы берегом, брели водою, вязли в глинах. Лезли мы через наносный хлам, ползли по глиняным оплавинам. Извляемся, как куклы глиняные. И везде ручьи гремят, как добрые жеребцы ржут. Так дошли до становища Лысунова: крест, изба, амбар. И — безлюдье. В избе на блюде — кости рыбы прошлогодние, мы пожевали. И уснули, будто люди, в доме; на лавках, будто господа какие.

Дальше путь пошел до наволока Вепрь. А погода взялась ненастлива: сито с дождем. Мы с Лукьяном Лгаловым под руку ведем друг друга. Кологреев в Лысунове полотенце драное нашел, босую ногу завернул. Лукьян шутит:

— Чем так идти, поедем друг на дружке попеременно. Ты, Афанасий, садись на Мирона, я сяду на Степку. Час проедем и сменимся.

Кологреев смеется:

— Я боюсь, Афонька и Лукьян зачнут скакать. Мы упадем, убьемся...

Дошли до наволока Вепрь. На полугоре часовня древняя, и божество в ней древнее. Лестно было постоять. У иконы воск нашли и пожевали. Нам досадно было, что ни в одной избушке на странных, на людей терпящих, припасу никакого не оставлено. Но — год был скудный.

В часовне и обночевали. Сон отрясли — утро ясное, холодное. Опять бредем, идем песками прибрежными. Пески зыбучие, мы еле ноги перекладываем.

Этак о полдень привалились на песок, забылись... Вдруг чайка надлетела, звонко крикнула. Мы прохватились, а невдалеке от берега бежит судно поморское под парусами.

Мы по берегу забежали, закричали, замолились. Видим: на судне паруса убавляют, лодку спускают. Кормщик и хозяин судна, дошед до нас, спрашивают:

— Вы какие?

— Осудари корабельщики, не оставьте нас, губительных людей!

Без дальних расспросов в лодку они нам забраться помогли, а из лодки на судно затащили. Далее спрашивают:

— Куда вы попадали?

— В Золотицу в Зимнюю.

Они говорят:

— В Золотицу вас доставим. А теперь выпейте, поешьте и усните.

Тут нам несут уху горячую и хлебы мягкие, и вина по чайной чашке.

Судно к Золотице подошло, а у меня и у Лукьяна ноги ничего не понимают. Доброхоты корабельщики нас в деревню на руках несли.

Золотицкий староста хотел нас положить к себе, но житель Степан Субботин

отпросил нас в свой дом. Тут доброты корабельщики прощаются, торопятся на судно.

Мы их только тем отблагодарили, что в ноги пали со слезами.

В Золотицу мы пришли одиннадцатого мая. Мы заметили, что люд одет нарядно и поют девицы. Здесь был престольный праздник — Троица.

Хозяин наш Степан Субботин нас зовет к гостям. Мы подивились:

— Степан Иванович, какие же мы гости?!

Он говорит:

— Самые дорогие: нынче я вас, потерпевших, принимаю, а в иное время сам могу попасть в морской унос. Тогда вы меня не оставьте.

Прихаживал к нам и золотицкий старшина. Он советовал:

— Вам веселее будет попадать домой через Архангельск. Когда поотдохнете, я наряжу под вас карбас.

Преудивленный человек Степан Субботин держал нас десять дней. Нами беспокоился и нас воспитывал, как отец родной. Приводил знающих старух, которые определили, что я болею от простуды, а Лгалов от кручины.

Двадцатого мая мы vyplыли из Зимней Золотицы на казенном карбасе. Из Архангельска поехали домой на конях.

...Узнали, что, когда еще нас четверых носило по морю, в Неноксу уж прилетела гибельная весть и велик был плач с рыданьем.

ПОЭЗИЯ

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

Тоске не выискать обновы...

* * *

Первый заморозок. Сны
В глубине согретых комнат.
Так далёко до весны,
Что её никто не помнит.

А проснёшься поутру —
И глаза открыть не хочешь:
Дождь полощет на ветру
Рваный плащ осенней ночи.

Над долиною речной
Гаснет лучик обречённый,
И травую-тишиной
Зарастает двор мощёный.

И плывёт сквозь потолок,
Нарастая в нежной силе,
Голубиный топоток,
Шелест лёгких шестикрылий...

ЯГОДИНЦЕВА Нина Александровна — секретарь Правления Союза писателей России, кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской государственной академии культуры и искусств. Руководит межвузовской литературной мастерской «Взлётная полоса», ведёт Литературные курсы ЧГИК. Член Совета по критике Союза писателей России. Автор более 30 книг, лауреат ряда международных и всероссийских премий в области литературы, критики, перевода, науки и творческой педагогики. Член Союза писателей России. Живёт в Челябинске.

* * *

Кафешка, стёклышко, где мы с тобой сидели,
Где низок потолок, но всюду ариэли,
Летая по столам вперегонки,
Устраивали в сердце сквозняки...

Кафешка, закуток под боком шумной стройки,
Где окна в жалюзи линованы под строки:
Пиши что хочешь, благо, не видна
По синеве чернил голубизна...

Кафешка сломана. Её хрустальный воздух
Блестит в пыли, змеится в острых звёздах
Рассыпанного по земле стекла...
Я плакала бы, если бы могла.

Но ариэлям, беспрестанно вьющим нити
Для невесомой голубой канвы событий,
Нужна свобода. Воздух между строк
Бывает так же радостно жесток:

Погибшие слова лежат в столетнем хламе,
То, что не названо, в восторге бьёт крылами,
И ты стоишь в изнеможенье сил
Пред тем, что сам на волю отпустил...

* * *

...Они ещё волки и братья по крови волкам,
И жажда струится по их филигранным клыкам.

Их плоские лица и гибкие злые хребты
Прижаты к земле невесомым столбом высоты.

В косые прорехи светящихся золотом глаз
Холодными искрами чёрная ночь пролилась.

Они ещё волки, весёлые дети беды:
Сухие века пролегли от воды до воды,

И стая летит, ощущая волнистой спиной,
Как небо, подтаяв, лавиной скользит ледяной...

* * *

...Издали — как чужая —	В те поры, когда Везувий
Но до мельчайших трат	Возвысился в палачи
Я знаю тебя, я знаю,	
Как будто прошла стократ	И в жажде не кровной мести,
	Но права вершить закон
Парадом твоих безумий	Облизывал соль созвездий
В лохмотьях твоей парчи —	Пылающим языком...

* * *

Нам, переменчивым, как пламя,	Но наступает, как проклятье,
Как свет, горящий вдалеке,	Необратимый тайный час,
Нам трудно говорить с богами	Когда учителя и братья
На скудном нашем языке.	Уже не понимают нас...

* * *

Замки сновидений вскрыты,	У ног на полу табличка,
Развёрнуты на просвет	Рванный сырой картон.
Короткие птичьи вскрики,	Слова читать неприлично,
Косые крыла газет.	И просит-то не о том,
Секунды короче вдвое,	А просто стоит, сутула,
И каждая горяча,	На лестнице в переход —
И нищей стоит вдовою	Руку не протянула,
Покинутая печаль.	Мелочи не берёт.

Храм

Видно, крепко небо помнило	Только стёкла мелко брызнули!
Злую удаль здешних мест:	Но когда растаял дым,
Трижды в купол била молния,	Над приземистыми избами
Трижды сбрасывала крест.	Храм вознёсся, невредим,
Трижды с долгими молениями	Всеми главами точёными
Вновь увенчивали храм.	Над быльём и вороньём —
Уминали прах коленями,	Только лики стали чёрными
Лбы крестили по утрам.	В гневе горестном своём.
А потом порою шаткою	Пронеслись десятилетия —
В зябкой розовой пыли	Мастерская, школа, склад...
Появились со взрывчаткою —	Всё прожили — не заметили
Заложили, подожгли...	Обретений и утрат.

Но однажды встала молния
Вместо прежнего креста,
В колокольное безмолвие
Пала горькая звезда, —

А куда с крутого берега? —
Только в воды Иртыша...
И не заново поверила —
Болью вздрогнула душа.

Загудел набат над крышами,
Поднял стаи на крыло,
И очнулись, и слышали:
Горе-горькое пришло.

Копоть смыли, сажу счистили,
Сцеловали боль и гнев,
В самой светлой Божьей истине
Усомниться не посмев...

* * *

Июльский ливень лип, рискующий пролиться,
Держащий на весу немыслимую цветь...
Как слёзы на глазах наивного провидца,
Сквозь молодую жизнь увидевшего смерть.

Всё камень и металл — но липы вдоль проспекта,
И предвечерний час — над ними, на весу.
Всё музыка вокруг — и ничего не спето,
И я иду одна и музыку несущу.

Вот-вот сорвёт струну растерянного взгляда,
Вот-вот обрушит мрак и ливень разольёт,
И цвет собьёт в траву, и жёлтой каплей яда
Горячая луна над городом взойдёт!

Но если удержать, не покачнувшись, если
Всей музыкою стать, всей дождевой водой,
Опомнишься: они из вечности воскресли
Для радости твоей, со-бытия с тобой.

* * *

Вернись в тот сон, где ты была
Любима и светла от счастья,
Где Богородица прошла
В окно к соседке постучаться,

Где тайну нянчит белый сад
И на ветру смеются вишни,
Где материнский лёгкий плат
Печали шёлковые вышили...

Ты помнишь — всхлипнуло дитя,
Когда калитка заскрипела,

Сухою веткою тебя
За сердце яблоня задела —

И словно чёрным чертежом
Вдруг отчеркнула безвозвратно —
В каком-то городе чужом
Ты сны чужие смотришь жадно,

И эти кровь, и смерть, и блуд,
Придуманные воспалённо,
В твой сад, пока ещё зелёный,
Волною огненной идут.

* * *

Тайная жизнь одиноких деревьев полна
Шёпота, шелеста, полупрозрачного гула...
Словно в забытый колодец душа заглянула
И не увидела дна.

Там, в глубине, обретая родные черты,
Имя и голос, одежды из ветра и света,
Что-то волнуется, плещется, ищет ответа —
И осыпается белой пылью с высоты...

Очи деревьев темны и замкнуты уста —
Небо своё обживают они бессловесно.
Нас прижимает к земле многозвёздная бездна —
Их, словно мать, поднимает к лицу высота.

Это они, погружаясь по грудь в забытьё,
Как невода, заплетают немymi ветвями
Чистое, гулкое, неумолимое пламя —
Нежное и невесомое пламя Твоё.

* * *

Тоске не выискать обновы —	О неизбежном и суровом,
Ну разве что среди полей	О неизбывном и родном!
У края полога льняного	Не словом, Господи, не словом,
Увидеть журавлей,	А словно сном...

Домой летящих бездорожьём	Так заслоняют лёгкой тканью
Весны небесной и земной...	Свет, обжигающий глаза, —
О Господи, как осторожно	И не бывает проще тайны,
Ты говоришь со мной	И разгадать нельзя.

* * *

Болотины да пожарища,	На ветер сквозной нанизаны
Да неба сырая ржа...	Домики вдоль реки —
Зима-то не госпожа ещё,	Ни ласточек под карнизами,
Вестимо, не госпожа.	Ни взгляда из-под руки.

Разок бы на вкус испробовать	Да сожаленью позднему
Серебряного пшена...	Калёного — не обжечь...
Но встретимся до Покрова ли,	Скорей бы в дорогу, по снегу —
До белого полотна?	В пожар долгожданных встреч!

* * *

И нас переплетает реками —
Как наши доли и леса,
Таковыми долгими и крепкими,
Что разорвать уже нельзя.

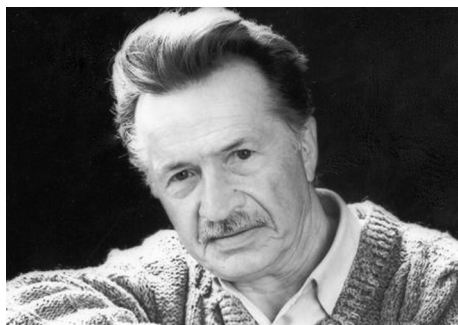
И нас метелями захлёстывает —
И нет вернее этих пут,
Когда под огненными звёздами
Мы выбираем страшный путь.

И нас просвечивает памятью,
И нам идти на этот свет,
Пока над вечной Божьей пажитью
Иного знака в небе нет.

Надрывно голоса над язвами
Все те, кто предал нас вчера.
Но не иссякнут воды ясные,
Дыханье не прервут ветра.

СТАНИСЛАВ КИТАЙСКИЙ

Рупь делов

РАССКАЗ

На октябрьские Андрей дежурил — куда поедешь? — а через неделю взял под выходные отгул и сразу с работы, не заходя домой, пошёл на автостанцию. Чтобы Нинка не сходила с ума, он попросил соседа забежать к ней и сказать, что он уехал в деревню.

Билетов на Сосновку, как всегда, не было. Он выбрался из очереди, отошёл к окну, где толкучка была не так напориста, посмотрел сквозь незамёрзший угол стеклины на улицу. Там всё так же дул сухой морозный ветер — вылизывал мелкий сыпучий снег с чёрных плешин асфальта, гонял по тротуару обрывки бумаги, обёртки от мороженого, конфетные фантики.

Андрей вспомнил про племянников, сходил в буфет, купил ирисок и четыре узеньких шоколадки — по штуке на каждого огольца, прихватил в запас папирос (как-никак — три дня жить, не бежать же сразу в сельпо), хотел взять гостинец матери, селёдки какой или колбасы, но ничего такого не было.

— Возьмите яблок, — предложила буфетчица, сдобная, поролоновой желтизны блондинка с откровенно ласковыми глазами. — Хорошие яблоки, алма-атинские. На базаре у чучмеков они по пятёрке. А мясное теперь из деревни везут. На рынке по четыре рубля свинина, жир один, — в очередь!

КИТАЙСКИЙ Станислав Борисович, прозаик (родился в 1938 г. в селе Ордынцы Базалийского р-на Хмельницкой области. Умер 4 марта 2014 г. в Иркутске). Автор книг: «Поле сражения»: роман (М., 1973); «То же» (Иркутск, 1977; 1988: Советский сибирский роман); «В начале жатвы»: повести и рассказы (Иркутск, 1985), публикаций в коллект. сб. и журналах. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Андрей, не считая, сгрёб сдачу, собрал с прилавка покупки и отошёл в сторонку, к столику, чтобы рассовать всё по карманам — ни сумки, ни сетки у него не было. Оглянувшись на буфетчицу, встретил её взгляд, сожалеющий и насмешливый, но не ответил на него — привык. Бабы находили, что он похож на модного киноартиста, и вертихвостились, будто и вправду перед артистом. Нету у дур понятия, что походить на кого-то для мужика честь небольшая. Да и не нравился ему этот артист — ходит, как дрын проглотил, но никуда не денешься — пошибать друг на друга они пошибали: тот же длинный рот, сухой породный нос и такие же глаза, внимательные и не улыбочивые, под ровными тесёмками бровей. Только Андрей был покрепче своего жидкого в кости двойника и ростом выше на целую голову. Когда его спрашивали, не братья ли они, Андрей отвечал обычно грубостью — шутовства он не любил и не понимал. Буфетчице, видимо, хотелось поиграть с ним, она вышла из-за стойки и начала прибираться на столиках, без надобности наваливаясь на них пышной грудью и вытягивая сзади тугую круглую ногу.

Андрей не стал смотреть на этот цирк, вышел в коридор, разделявший зал ожидания и билетные кассы, прислонился в угол возле двери и закурил.

Диспетчер занудным голосом через репродуктор всё отправляла и отправляла в рейсы номерные автобусы, перечисляла знакомые на слух названия посёлков и деревень, а Сосновки не поминала, хотя время вроде уже и подошло.

Люди, одетые в новую зимнюю одежду и оттого непривычно медвежковатые, с чемоданами и мешками в руках, сновали в проёме стеклянного, похожего на аквариум входа, громко окликали друг дружку, словно боялись заблудиться в этом подвижном человеческом лесу, толкались, задевали встречных плечами и ногами, но никто не возмущался и не огрызался — вокзал есть вокзал. Андрей слышал голоса, видел растерянные и озабоченные сиюминутными тревогами лица, примечал самоуверенных в форменной одежде дежурных, но ему не было до окружающих никакого дела, и им до него тоже — здесь все были сами по себе.

— Здорово, Андрюха! Провожаешь кого? Наших не видел? — протиснулась к нему с мешком в обереме Прасковья Васильева, односельчанка, низкорослая и присядистая, как квашонка, туго обтянутая плюшевой тужуркой.

— Сам еду, — сказал Андрей.

— Вот беда, билетов нету, — пожаловалась Прасковья. — Утре уже не было. Кого делать? К заводу пойдём, ли чё ли?

— А то куда ещё? — невольно ответил Андрей. Кого уж меньше всего хотел бы он видеть сегодня, так это Прасковью, сплетницу ту ещё! Непременно запустит по селу какую-нибудь небылицу. Но деваться было некуда, и они вместе вышли на выюжную улицу и пошли подальше от автостанции, чтобы «проголосовать» своему автобусу. На посадке контролёр без билета ни за что не пустит, хоть руки ей целуй: закон, и всё! А шофёр чуть отъедет за угол, голоснёшь — остановился: залетай! Сидеть, конечно, не придётся, да оно и на одной ноге поедешь, если приспичит, и езды тут всего два часа, устать не успеешь!

— Ой, холера, чижолый какой! — удивлялась Прасковья на свой мешок, как будто не сама таскала его целый день по городу. — Кака нечиста сила тамака весит столь?

Андрей посмотрел на неё, лупоглазую, ростом чуть повыше мешка, и неохотно взял ношу.

— Вот спасибо тебе! — обрадовалась Прасковья. — А то хоть волоком тащи. Тебе-то он с подушку, поди, кажется, битюгу такому. Не наше горе... Картошку

продала! — выкрикнула она. — Кули не бросишь. Да накупила чего. Саранчи полная изба, одёжка огнём горит! Ваське катанки на резине взяла, он на «Беларуси» теперь, без кабины-то который, сам знаешь, на нём не вспотеешь. Надо, всё надо! Куды ни кинь — подавай! Покупаешь, покупаешь, и всё, как в полое прясло!

Глаза у Прасковьи блеклые, холодные — не мигнёт, а сама всё похохатывает, растягивая по-лягушиному широкий рот, и в душу заглянуть норовит. Ей уже за сорок, а как была баламутка, так и осталась.

— Проведать, значит, старуху решил? — Прасковья забежала вперёд, чтобы взглянуть Андрею в лицо, и он чуть не наступил своей кирзухой ей на ботинок. — А чё её проводить? Всё колесом по деревне! Только руки по коленкам хлещут и снег из-под чирков метелит. Ещё лет двадцать пробегает. В праздники со старухами песни хайлали — куды молодым!

Андрей промолчал.

— Отгулялись — куды с добром! Матвей Осокин опять своей Аньке ребра считал, в бане с ветеринаром застал. Ой, чё было!

— Молчала бы, — прервал её Андрей. — Самое-то Васька не лупит?

— Сам знаешь, когда и лупит. А мне чё — откачусь колобком и дале пометелю... А ты Нинке не поддаёшь?

Андрей, дотягивая окурок, крутнул головой.

— Ну и здря, — сказала Прасковья, — стоит того, ржа сухорёбрая. Вон отпустила мужа: ты ж не переодевшись поехал!

— Те-то какая печаль — одетый я или нагишом?

— Так, думаю, разругались. Анисья Андреевна как порассказывает про неё — уши вянут. Нешто со свекровкой так можно? Оно и Андреевна с характером, всё есслиф не в лоб, то по лбу — а нельзя! Она хозяйка, не Нинка. Андреевна хоть и прогуляет под руку всё, что накопит, дак кому дело-то?

Андрею было неприятно, что она так про мать говорит, однако понимал, что Прасковья только и ждёт, чтобы он оборвал её, и тогда посыплет из неё подслащенная крутая желчь на всю чувскую родову, смешает всех с грязью, а будто позолотит, и не остановишь её, не отвяжешься. Да и всё сказанное было почти правдой.

Мать никогда не делала ничего в меру; ходить не умела — бегала, работала тоже бегом — и по дому, и в колхозе, и если наймовалась к кому — всё бегом, бегом, скорее, скорее! И в гулянке тоже удержу не знала — как заведётся, так компании три-четыре за праздник к себе созовёт, другой раз и угостить толком уже нечем, а, глядишь, — ведёт! А назавтра снова бегом! Вчерашние гости посмеивались над её немудреной щедростью, лукаво зазывали к себе на чай, вспоминали, что вчера, однако, у неё все прибрали. Мать не обижалась, только отмахивалась: даст Бог день, даст и пищу.

Вот так её беготнёй и выжили они все, безотцовщина: старший, Иван, теперь крановщиком в Мирном, Валька, сестра, огородницей в Сосновке — уважаемая, не то что Прасковья вот, да и о нём, Андрее Чувее, никто худого не скажет — фотокарточка всегда на Доске почёта желтелась.

— Нинка-то, поди, в деревню теперя и казаться не хочет? — зудела Прасковья, от ветра держась поближе к Андрею. — И то, кого у нас делать, мух на почте давить? В городе и поспишь до обеда, в киятры сбегаеть...

— Тебе бы только спать! — огрызнулся Андрей, знавший за Прасковьей ленивый грех. — Так уборщицей в клубе и робишь?

— А то где? Наплюют, накурят — еле провернёшь назавтра.

— Шла бы на ферму, на сплетни время меньше оставалось бы, — посоветовал Андрей, — да и деньги там теперь добрые платят.

— Деньги! Какие деньги? Это в городе их, поди, куют. На ферме — здоровье нужно. А у меня руки вона, — она протянула Андрею под нос пухлую руку, короткопалую, изветренную, — совсем плохие. На ферму никого из наших силком не затанешь. Там же одно звание, что механизация, всё надо вот — руками. Приезжих туда и толкают.

Прасковья болтовня надоела Андрею, и он обрадовался, когда показался автобус. Они проголосовали, но автобус затормозил не около них, а подальше, где стояла толпа человек в пятнадцать, наверное, из попутных сёл — шофёру-то всё равно кого брать, меньше рублёвки он не сдерёт, хоть куда езжай.

Когда Андрей с Прасковьей добежали, игрушечный «пазик» уже был забитый, залезть некуда. Прасковья заверещала про своих детей, что остались без присмотра, но крику её никто не внял. Каждый стремился забраться хоть на ступеньку, отбиваясь от остальных локтями и бёдрами, цедил сквозь зубы ругательства и просьбы — всем ведь ехать надо. Широколицый шофёр, мудро не вмешиваясь в давку, снисходительно ждал, пока залезут все, и только считал глазами безбилетников. Андрей поднял Прасковью вместе с мешком, прилепил её к чьей-то спине, ухватился за поручни и грудью даванул вперёд. Взвизгнули бабы, заматерились мужики — куды прёшь, расхлебай! двинь его по сопатке! — но Андрей не огрызнулся, не извинился, только локтями сдвинул за спиной створки двери: поехали!

Вскоре в автобусе стало потише и посвободнее. Безбилетники перевели дух, огляделись, заздоровались: каждый отыскал глазами своих. Андрей хоть и был высокого роста, но с нижней ступеньки, где зажали его, разглядеть никого не мог. Кое-как он развернулся по ходу автобуса и из-за чьёго-то плеча стал глядеть в смотровое стекло, из которого ему видно было только верхушки придорожных деревьев и кабины встречных грузовиков.

Ехал Андрей в Сосновку с намерением уговорить мать продать избу, корову и всё остальное хозяйство и переехать жить к нему в город. Деньги ему нужны были до зарезу: хозяин квартиры, которую Чуевы арендовали уже третий год, прислал письмо с просьбой освободить жилплощадь, так как он к Новому году возвращается. А завод обещал хату не раньше года через два. Значит, надо покупать какую-нибудь хибару. Снимать угол Андрей не хотел — последнее дело, добрый никто не сдаст, а обязательно или жадина такая, что полешка лишнего не сожги, или пьяница — и то и другое не жизнь, а мучение, но избы в городе дорогие, и без материнской помощи никак не обойтись. Нинка с ним не соглашалась, считала, что лучше пару лет перемучиться у чужих, чем жить со свекровкой, и они крупно разругались. Андрей знал, что настоит на своём, и дело было только за матерью. Он соображал, с чего начать с ней разговор, и смутно предчувствовал, что разговор этот будет тяжёлым, если только не подлым с его стороны.

Когда выехали за город, стало стемнеться по-осеннему быстро и весоמו. Шофёр включил в салоне свет, и сразу завоняло махрой, масляной краской и подтаявшей морской рыбой. Где-то на сиденьях укачало и вытошнило ребёнка, и он плакал, а мать уговаривала его потерпеть. Мужики угощались бутылочным пивом и приставали к бабам.

— Нюрк, а Нюрк! Это которая у тебя? — спрашивал беспечно-пьяный баритон.

— Третья! — весело отвечала Нюрка.

— А чё так тоскливо?

— Машинка боле не работает!

Баритон довольно хохочет и предлагает свои услуги. Жена, слышно, угощает его тумакон, обзывает срамцом и пьяным кобелём и тоже хохочет, уверенная в своей небросаемости.

— Энти бабы ныне куды как нежные пошли! — перекрикивает собственную глухоту какая-то старуха. — Рожать разучились! Я вон штук восемнадцать прита-скивала, растила и хоронила, а что так поскидала, так и шшоту нету!

Бабку не слушают, и ей обидно, и она кричит, прихихикивая стыдные подробности, и девчонки, чтобы заглушить её и не краснеть, заводят песню про Ереван, в котором будет много веселья и много вина. Поют хорошо, слаженно, голоса высокие, чистые.

*Я хочу, чтобы только ты-ы-ы
Со мною рядом сидела
И горячей любо-овью
Согревала меня...*

— Нюрка! — кричит всё тот же мужик. — Сшей-ка себе джинсы, как вон у студентки, — все мужики твои будут!

— Тьфу, срамотища! — сплёвывает его жена. — Скоро эти девки совсем голые пойдут. И мороз их, гляди, не берёт! Я своей голову скручу, если узнаю.

Андрей поднялся выше и оглянулся, будто мог увидеть студентку, о которой шла речь, и вдруг за Прасковьиной спиной заметил на сиденье Шурку Капустину с целым оберемком сумок и сеток на коленях. Она раньше увидела Андрея и теперь смирно ждала, когда он обратит на неё внимание.

— Здорово, — сказал он ей.

— Здравствуй, — ответила она, чуть прищурив синие, подкрашенные тушью глаза, и в улыбке её мелькнуло что-то беспомощное и горькое.

Андрей отвернулся. Кажется, переболел уже этой дурью, а всякий раз при встрече как пилой по сердцу проведёт. Не такая она и красавица, как понимал теперь Андрей, таких в городе, что цыпят на инкубаторе — на каждом шагу те же белённые перекистью волосы, пудренные личики и перетянутые по-осиному талии — такая уж серия пошла. А тогда, перед армией, казалась она ему сплошным удивлением.

В Сосновке у них красавиц не было, все так себе, вроде Прасковьи. Парни больше за мобилизованными на уборку горожанками ухлёстывали и женились или на них, или из других деревень брали. Шурка тоже была не местная, из «утопленников», как называли сосновские переселённых к ним из зоны затопления будущим морем поангарцев. Когда приехала она из техникума на каникулы к родителям, Андрей догуливал последние две недели перед армией. Была она тогда молоденькая, лет семнадцати, но не из тех дурочек, что только и умеют бантики навязывать и танцевать с подружками. Вечер на третий Андрей уже стоял с ней после кино у прясла и даже тискать пробовал, но она увёртывалась, а когда стала податливей, ему уже надо было уезжать. Так и не натешился как следует.

Полевая почта редко баловала рядового Чуева письмами от Шурки из города, а потом переписка и вовсе прекратилась, Андрей не больно расстраивался — нет так нет. Его даже смешило, когда ребята на полном серьёзе чуть не плакали, завывая под гитарный звон, что, мол, я тебя не виню — не легко ждать три года солда-

та, но друзьям напишу я, что меня дождалась. Эти песенки были не по нему. Он познакомился с официанткой из офицерской столовой и ходил к ней в увольнения, ничего не загадывая на будущее. А когда приехал домой после демобилизации, стал крутить сразу с несколькими, и девки, к ужасу Анисьи Андреевны, сами стали в окна стучать.

Но тут по направлению приехала работать фельдшером в местный медпункт Шурка, сама напросилась сюда, хоть родители её в Сосновке не прижились. И с первого же дня у них с Андреем закруговертилась такая любовь, что хоть святых выноси. Он почти всё время и ночевал у неё в медпункте, где за дощатой перегородкой у Шурки была комнатёнка, оттуда и на работу уходил. За полтора месяца от прежнего чуевского солдатского лоска не осталось и следа: он почернел с лица, глаза ввалились и засыпал иногда прямо в борозде. А Шурка по-бабьи расцвела, вроде раздалась вширь, но не отяжелела, а только спокойней сделалась, плавнее стала на ноге.

Однажды она объявила, что назавтра к ней приезжает муж. Андрей не сразу и понял, о каком муже речь, а потом до него дошло, почему она не тащила его в сельсовет расписываться и не требовала никаких клятв и обещаний, только жадно припадала к нему, как припадают к ключу в покосный день.

— Пошто не сказала раньше-то? — с затаённой угрозой спросил он.

— А сказала бы, так ты что, не стал бы ходить ко мне?

Андрей сознался себе, что всё равно ходил бы, но злость и обида не прошли. Он резко ушёл тогда и по дороге твердил себе, что если бы знал, то всё вышло бы по-другому. Он не знал как, но только не так, как получилось. И бесился, аж в глазах ломило...

Муж Шуркин оказался спокойным круглолицым медиком в тяжёлых роговых очках. Она ему всё объяснила, и они интеллигентно согласились на развод. В тот же вечер очкарик уехал на попутной машине.

Андрей к Шурке ходить не стал. В Троицу он женился на Нинке Просекиной, рыжей почтальонше, которую в селе и за девуку никто не считал.

Вопреки бабым предсказаниям, они не разошлись на третий день, а стали жить в обнимочку: Андрей без жены никуда ни шагу, и она ласточкой возле него. Бабы на деревне пришли к истине: точно, должен парень до свадьбы перебеситься, тогда с него мужик стоящий получится, а то так и будет кобелиться до старости.

Шурка вела себя так, вроде меж ними ничего не было. Но на третий год, когда у Чуевых родилась рыженькая, вся в Нинку, девчонка, Нинка вдруг задумала. Началось это ещё до родов, когда надо было оформлять декретный отпуск. Тут Шурку ей никак было не обойти. Хотела Нинка обратиться в районную консультацию, но там без направления не приняли, пришлось ей показаться Шурке. И когда Шурка надавливала прохладными белыми пальцами ей на живот и шупала её отсутствующую талию, Нинка из всех сил крепилась, чтобы не вцепиться руками в её тонкую высокую шею. А рожать дома отказалась наотрез, прознав, что можно лечь в больницу и за неделю. Но уехать в район Нинка не успела, приспичило раньше, чем думала. Роды приняла Шурка, но Нинка, как только очухалась, так сразу и проперла её из избы.

— Иди, иди, — поддержала её и Андреевна, — я тутыка пригляну, не первый раз...

С тех пор Нинка стала ревновать. По ночам на пашню бегала смотреть, пашет Андрей или шастанул в тёплую Шуркину постель. Убеждалась издали, что пашет, и шла, спотыкаясь в темноте, обратно обессиленная и потерянная, размазывала по

веснушчатому лицу слёзы и думала, что уж лучше бы она застала их, чтобы разом всё кончилось. Пошли свары и со свекровкой. Нинка терялась тогда в рассудке и не понимала, что и кому можно кричать, была дочку и грозилась отравиться.

В один из таких скандалов Андрей крепко в подпитии завернул в медпункт. Шурка встретила его спокойно, усадила за стол, поставила стаканчик разведённого спирта, собрала закуску, уселась напротив и смотрела, как он хмуро выпил, как неторопливо и безвкусно жевал корку.

— Ну, чего в рот воды набрала? — не вытерпел он. — Спросила бы хоть, пошто пришёл.

— Надо, значит, пришёл. Не надо, не пришёл бы. Чего спрашивать?

— Всех так принимаешь?

— Кого приму, а кого и выставлю. Я женщина свободная.

— Это точно, — сказал Андрей и крепко ладонью вытер лицо. — Свободная. Все мы свободные. Пойду я.

— Как хочешь. А то посидел бы. Ко мне со всякими болями приходят. Ты не нервничай. Уладится всё.

Голос у Шурки тихий, участливый, глаза всё понимают — не манят и не гонят. Не хотелось Андрею уходить. Раздеться бы да плюхнуться на жёсткую больничную койку, сграбастать податливое Шуркино тело, зарыться лицом в белый песок волос — и пропади всё пропадом! Только понимал он — нельзя. Легко не получится. А разорвать себя надвое как? Потеряешь что-то большее, чем есть сам, чего словами и не высказать.

Он хлопнул ладонью по столу, — звякнула на тарелке вилка, — поднялся и, не прощаясь, пошёл к двери.

Вскоре Чуевы уехали в город. Андрей перед этим поругался с механиком, приежей птахой, вообразившим, что совхоз — это армия, где любой приказ выполняется беспрекословно, и запретившим пахать огороды, пока не закончится посевная. Андрей пригнал ночью с поля трактор и вспахал свой огород и все соседские. Механик полез в бутылку, потребовал оплатить простой и амортизацию. Андрей написал заявление и через две недели подался в Иркутск. Сосновских в городе жило много, а своих не было. Андрей остановился у бывшего соседа, за сильный пришептывающий голос прозванного Селезнем. Селезень долго работал в Сосновке продавцом, а потом после удачной ревизии быстренько распродал хозяйство и уехал в город, где раньше купил в предместье ещё хороший дом с огородом и садом. В деревню он больше не показывался, и сосновские быстро забыли его, тем более что бывали продавцы и получше, да и товаров на прилавках с каждым годом прибавлялось. Одна только Андреевна, помня добро, — Селезень неизменно оставлял ей в заначке всё самое дешёвенькое и ходовое, — писала им письма с длинными поклонами и деревенскими новостями. Вот он и помог Андрею снять в аренду квартиру у завербовавшегося на север шофёра и сводил в отдел кадров на завод, где сам работал кладовщиком. Андрея оформили бульдозеристом.

Нинку город сначала как будто пришиб, она сделалась снова тихой и незаметной. И на почте, куда пошла работать после того, как дочку взяли в заводской садик, и с соседями она боялась показаться деревенской дурой, и оттого у неё всё получалось ещё хуже, и она страдала. А привыкла к городу она быстрее Андрея, и через год говорить даже стала по-городскому быстро и гладко, как заведённая, волосы крупно закрутила, выкрасила в каштановый цвет и губы взялась мазать на манер продавцов из гастронома — густо-красным сердечком, но веснушек, как

ни старалась, свести не смогла. Андрей на эти перемены внимания не обращал, вернее, не замечал их. Иногда Нинка нарочно лезла в глаза, но он отмахивался: ладно, мол, ладно, всё ладно.

Городская жизнь ему нравилась: восемь часов работы, два выходных, зарплата хорошая, премии, домой придёшь — воды не таскать, газ на кухне горит, зимой только печку углем пошуруй — и вся забота,

В выходные дни Чуевы обходили магазины, заглядывали на рынок, спрашивали на всё цену, но покупали мало что: продукты — картошку, лук, огурцы, мясо — они привозили из деревни, а одежду и мебель выбирали с осторожностью, брали только то, что попрочнее, понадёжнее. Да и деньги Андрей приберегал, не давал разменивать на пустяки.

Скандалы у них прекратились. Не без того, чтобы не поцапаться иногда, — без этого у кого обходится? — но всё так, по мелочам. Андрей не пил, как другие мужики, Шурка была далеко, и Нинка успокоилась. Правда, она частенько перехватывала на муже взгляды молодых, праздничных женщин и торопилась увести его от этих взглядов, нервно кося белесым глазом в его лицо — замечает или не замечает, что манят его? — но понять не могла: лицо у него оставалось серьёзным и озабоченным, как и раньше. Она знала за ним манеру любому делу отдаваться полностью: если уж пошёл рубаху покупать, так ничего другого, кроме рубах, для него в этот день не существует, даже и не думай в другой отдел затащить, возьмётся валенки подшивать, так хоть громы на него катай, не бросит, пока не закончит, и во всём так. Может, и тут так же, не видит ничего...

И всё же что-то у них дома было не так. Когда Нинка принималась рассказывать ему свои почтовые новости, он слушал и не слушал, мастерил что-нибудь или играл с дочкой, и ей приходилось окликать его и повторять вопросы. Такие минуты пугали Нинку, рождали в голове предположения о какой-то заводской шлюхе, а их тама вон сколь! — не захочешь, так зятянут, или вставала в памяти Шурка. И тогда снова, как перед свадьбой, её охватывало чувство растерянности и неуверенности в собственной судьбе, только теперь не было на доньшке души мстительной радости — «вот вам всем! носились, как мартовские кошки, а он меня взял!» — а появлялся страх перед грозящим одиночеством и безотчётная обида — «за ним, как за дитём, а он...» Замужество как бы заново произвело Нинку на свет и навсегда заслонило от неё ту рыжую нескладную девчонку, что плакала перед зеркалом из-за своего уродства. Она считала себя ничуть не хуже теперь, а может, и лучше многих других и требовала к себе если не любви, то хотя бы благодарности. Не встречая её, она дулась и плакала, и понимала, что эта благодарность ей не нужна вовсе, а нужно живое участие, нет, не участие — всё нужно! И ещё понимала, что окажись на её месте другая, хотя бы та же Шурка, Андрей был бы другим — видать же, какой он с дочкой! — и ей хотелось унижить его, оскорбить, вытоптать в нём эту способность быть другим — «не мне, так уж никому!»

Андрей ни в какую любовь не верил, даже кино про неё смотреть не любил, если там не было «картинок».

— Лапша всё это — любовь там и переживания. Картинки — это точно, а остальное — лапша! Врут, сюсюкают — тьфу! По правде если, так мне всё равно с кем жить. И любому так же. Умрёт там муж или жена, так другой что — в полынью головой? Хрен-то! Завтра же приволокёт другую. И опять — любовь...

Нинка на такие речи не отвечала, боялась нарваться на грубость. Даже, скорее,

укрепляла в нём это мнение, чувствуя, что так надо, хотя сама его любила до коллик в сердце и знала, что не сможет жить без него.

Счастье Андрей понимал как работу: потрудился хорошо, вот тебе и почёт, и деньги, и совесть спокойная. Тут никакой «лапши» нету. Он уважал свой труд и себя на работе и дома без дела сидеть не любил. Однако заделывая по дому в городе было не так уж много, и в праздные минуты на него накатывала какая-то серая тоска и тянуло копать в себе или бежать куда-нибудь.

«Вот всё здесь так, — думалось ему, — поэтому кто телевизор собирает, хоть готовый купить дешевле, кто другую чепуху какую мастерит, а кто и пьёт горькую, чтобы одному не быть. С бабой чё наговоришь — у неё своё, у тебя своё. В деревне так хоть помолчать об одном можно...»

На праздники Чуевы ездили всегда в Сосновку. Заранее покупали билеты, набирали две коричневые сумки гостинцев, сетку вина и пива. Андрей надевал голубую нейлоновую рубашу, выходной костюм, а если на Седьмое, то и пальто с серым каракулевым воротником. Он придирчиво осматривал, как одета жена, — не осудили бы, не засмеяли односельчане, что пошёл, мол, по шерсть, а вернулся стриженным, — но и на Нинке всё было ладное — и пальто с таким же воротником, и шаль добротная, пуховая, и сапожки венгерские ловко сидели на тонкой ноге. Дочка тоже по всем зимним правилам — в дошке, в шапке меховой, в чёсаночках — медвежонок медвежонок, одни глазёнки васильками цветут. И Андрею было приятно, когда сосновские с плохо скрытой завистью здоровались с ними и приглашали заходить, и сам управляющий протягивал для пожатия руку.

Сегодня он ехал по-рабочему: телогрейка хоть и новая, а маслом уже тронута, брюки хабэ, кирзухи ржавые. Но это его почему-то не смущало. Вроде даже и лучше так. Будто с поля возвращаешься. И Шурка, наверное, смотрит на него так распахнуто потому, что таким он когда-то залетал к ней.

— Ну, как у тебя? — спросил он Шурку.

— А как на постоялом, — поспешно ответила за неё Прасковья, решившая, что они с Андреем уже заодно, — успевай толь за жильцами подметать!

— Нишкни, жаба! — зло сказал Андрей. — Не про тебя речь, поняла?

Ошарашенная его внезапным гневом, Прасковья несколько раз по-рыбьи хватанула воздуха, но сказать что-нибудь не успела, он взял её за плечи, переставил, тут же загородив её от Шурки ватной спиной.

— А что у меня? Всё так же, — сказала Шурка.

— Ну и ладно, — отмолился он, хотя и понял, что вовсе не всё ладно. Шурка постарела с лица, жалкая сделалась. «Уезжать ей надо, — подумал он, — в городе найдёт себе кого — мало ли там неприкаянных?» Но не сказал ничего и стал глядеть мимо.

Шурка спрашивала тоже что-то незначительное, он отвечал машинально, не задумываясь, даже схамил разок что-то, но не придавал этому значения. Он вдруг поймался на том, что врёт сам себе: не хочет он, чтобы Шурка ехала в город, и наплевать ему на всех, кто был у неё и кто не был. Если бы кто сказал ему, что он любит её, он послал бы такого говорка подальше. Тут было что-то другое...

Шурка почувствовала в нём эту перемену и смешливо стала глядеть ему в лицо. Андрей злился на себя и пыхтел.

От деревни до деревни народу в автобусе становилось всё меньше. Андрей прошёл на заднюю площадку, подсел к выпившему старику и закурил, часто и глубоко вдыхая безвкусный табачный дым. Недавнее своё признание перепутало

все его планы и мысли, и он не знал, что делать и как вести себя дальше, будто ему не двадцать семь лет, а десять, когда он заблудился на базаре.

— А вот не скажи! — хлопал его по коленке старик. — Че теперь не жить? В доме всё есть. Рупь делов — и я в городе. Продался, выпил и обратно. Обыденком всё! Не-е-е, не скажи-и!.. Вот раньше было, как поедешь с продажей...

Андрей не стал слушать, что было с продажей раньше, загасил каблуком папирску, прошёл снова вперёд, сел на освободившееся возле самой двери место и стал разглядывать освещённую фарами дорогу. Она казалась ровной, как холстина, а потряхивало — дай бог! Снег искрился под сильными лучами, а на обочине синел и сливался с темнотой.

Вон справа мелькнули кусты, показался чёрный на белом снегу мост — до Сосновки осталось два километра, пять минут езды. А он так и не придумал, как объяснить матери свой торопливый приезд...

Когда въехали в Сосновку, Андрей сказал шофёру остановиться напротив своей избы, отдал положенную рублёвку, кинул всем привычное «пока» и соскочил с подножки.

Автобус фыркнул, обдал его белым едким облаком из выхлопнушки и покатился, покачиваясь, дальше.

Андрей постоял, пока глаза привыкли к ночи, посмотрел вслед автобусу, уже далеко мигавшему цветущими сигнальными огнями, вспомнил, как беззвучно открылся на прощанье Шуркин рот, и потянулся в карман за папирсами.

Вдруг он увидел по деревне мягкое сияние снегов: ровно и чисто прикрыли они дорогу, огороды, крыши. Над тёмными срубами изб дичились чёрные колодезные журавли, сиротливо и ненужно квадратили белое пространство огородов прясла, и яркий свет в щелях ставен обещал в каждом доме тепло и уют на всю долгую зиму. Потом он увидел небо — тёмно-синее, звёздное, какого никогда не видел в городе, и ему показалось, что в душе у него что-то сломалось и запело тонко и жалобно.

«Это от неба такая синь, — догадался он и снова оглядел деревню, — снег, снег кругом. Когда столько успело накидать? — подумал он о снеге. — Ведь вроде бы и не шёл ещё...»

Над их избой, как и над другими, из трубы вился лёгкий не то парок, не то дымок.

Андрей подошёл к воротам, с детства привычным движением отодвинул застав, калитка открылась, и он вошёл в ограду.

В ограде снег был не вытоптан, синились в нём дорожки — к бане, к дровянику, к поднавесу, где стайка, а меж ними темнели оспины коровьих следов. Непорядок.

Андрей представил себе, как завтра приберёт здесь всё, пройдёт по всем углам метлой, и двор станет чистым и уютным, как затопит баню, а сам съездит за сеном на дальнюю таёжную чистку. Косил он далеко потому, что отпуск его приходился раньше, чем начиналась косовица в деревне, и не следовало лезть лишний раз на глаза совхозному начальству. Он знал, что поедет за сеном на тракторе с кем-нибудь из друзей, — для этого он и зарод сметал на санях, срубил две лесины и скрепил их поперечинами, только подцепляй и тащи, — но сейчас ему представлялось, что он поедет на коне. Почудились ещё не пробитая лесная дорога, белая заснеженность полей, запах раскрытого зарода и свежее пофыркивание лошади.

«Размечтался! — упрекнул себя Андрей. — Может, ещё и Шурку на воз захочешь?»

Он выплюнул окурок и взглянул на двор и на избу уже по-другому: сколько за них могут дать денег.

«Ерунду дадут, — подумал он, — рублей триста, ну — четыреста. За корову сотен пять. С моими тысячи полторы наберётся. А что в городе купишь за полторы тысячи — зимовьюшку какую-нибудь. За такую там надо выложить не меньше четырех-пяти...»

И вдруг он понял, что ему не хочется продавать эту избу и вообще не хочется возвращаться в город, он даже лазейку придумал — должен кто-то из детей с матерью жить, но тут же одёрнул себя и, шагнув на крыльцо, требовательно постучал в сенную дверь.

— Чичё, — отозвалась через минутку мать ещё где-то на пороге. — Кого несёт тамыка? Ты, Андрюха, чё ль?

Андрей подивился: как это она узнаёт без голоса, кто стучит? — и бодро ответил: — Я, мама.

Мать открыла, и он вошёл в избу. В прихожей тускло светилась запылённая лампочка (мать боится лишний раз прикасаться к ней), горько пахло капустой — прикрытая чистым полотенцем, стояла в углу ещё не вытащенная бочка. На столе красовался самовар, погнутый, но блестящий, стоял недопитый стакан постного чаю — ужинала Андреевна.

Андрей разделся, повесил на крючок у двери телогрейку рядом с такой же, материной, вспомнил, что раньше здесь трудно было найти свободный от одежды гвоздь, и вздохнул.

Мать принялась растапливать печку, слезила в подпол, достала солёных огурцов, миску картошки и нераспечатанную бутылку — вjala, видать, Прасковья, что гуляла Аниcья Андреевна.

Вспомнив Прасковью и её брехню, Андрей вроде как чужими глазами посмотрел на мать и увидел, что она действительно уже старая, и что спина у неё дугой, и руки длинные, ниже колен, и впервые подумал о ней не просто как о матери — существе неизменном, неподвластном ни времени, ни болезням, ни смерти, — а просто как о женщине, прожившей долгую безмужную жизнь, и ему стало жаль её новой, незнакомой жалью.

— Ко мне тутыка учителя просились на фатеру, — говорила между делом мать, — дак я не пустила. Приедете, думаю, то и переночевать негде... Внучка-то не остывала ишшо?

— Здорова, — сказал Андрей, глядя, как в печке выплясывал, разгораясь, огонь.

— А Нинка ничё?

— Ничё.

— Ну и слава богу... Ты выпей стаканчик. В сапогах-то не больно жарко ездить. Хлеб вот у меня чёрствый. Как привезут из районной пекарни, так хоть во врага им запускай, поди, машины там его стряпают. А из Иркутска хороший хлеб! Оно запаху того нету, что у домашней ковриги, но мягкий, пышный. А самим стряпать — у нас никто не стряпат, муки нету... Ты не слыхал там в городе — правда, нет ли? — директора нашего совхозного будто снимать будут. Говорят, овсы убрать не успели, под снег ушли, так он их как зелёнку списал.

— За это не снимут.

— Так всё одно по одному, — возразила мать. — Пшеница ишшо, гектаров триста, чё ли. Вся Стрелка — сколь там было?

— Двести десять, — сказал Андрей.

— Ну, вот и всё прикрыто. Снимут должно...

— Ну и пусть снимают, тебе-то какая печаль? Мало ли поснимали их? — с непонятной злостью ответил Андрей.

— Не, этот ничё мужик. Вон пенсии мне прибавил. Двадцать о полтиной теперь получаю. На хлеб, на сахар хватает.

— Он тут ни при чём. Это государство прибавило. А ему до фонаря.

— Да я так, к слову. О чём нам тут ишло говорить? Ничё мы боле не знам... На Седьмо ждала, ждала вас, а вы не приехали. Конфетов внучке купила, пряничков взяла. Так Валькины мальчонки по три раза на дню прибегали — хулиганы, не приведи господи! — всё вытаскали. Кого теперь ей пошлю?.. Соскучилась я за ей. Хоть бери да к вам в город езжай.

— Ну и приехала бы. Чего не приехать? — сказал Андрей, поворачивая к матери настороженное лицо.

— И то... Только куды поедешь?

Это было сказано так, что становилось понятно: с невесткой ей не жить, и он, Андрей, ломоть отрезанный. Она поняла, что не надо было его вот так сразу огорчать, и добавила:

— Дом не на кого оставить. Корова, курицы... Да я и раньше, бывало, съезжу на базар, так после этого города три дня больна. Как вы там живёте — не знаю. Народищу кругом, машины эти смердят, все бегом, бегом. Я вон выйду на огород, гляну на бор, и сердце успокоится. Никуда мне боле не надо... А ты бы мог внучку-то привезти. Вдругорядь непременно привези.

Мать бегала от печки к столу, налаживала ужин и не видела, кивнул Андрей на её слова или просто так просидел. Когда она, вытирая о цветастый передник длинные узловатые пальцы, взглянула на него, он прикуривал папиросу. Стаканчик перед ним стоял полный и еда не тронута.

«Насупился, — ласково проворчала Андреевна про себя. — Вылитый отец! Тот тоже никогда в рюмке радости не искал. Уважала его деревня. И этого могла бы зауважать...»

— Наших кого видел? — спросила она.

— Видел, — ответил он после глубокой затяжки. — Многих видел... Не знаешь, избу никто не собирается продавать?

«Это что же, — торопилась сообразить Андреевна, — к чему это он? Ежели покупать, так это ни к чему — вон какая избища, а если продавать — так как же это?»

— Не слыхала, — сказала она, — не слыхала. А купить спрашивают. Пенсионеры больше, которые с Севера. Там они молодыми поспевают. И сюда. Деревня-то — кавказов не надо! Самое человеческое место. И город опять же рядышком! Рупь — и там, рупь — и здесь...

Она ещё говорила какие-то слова, но и сама их не слышала, а в голове крутилась и виделась летняя дорога по жёлтым взгоркам — если в город, то сизая, тревожная, а если сюда, то солнышко, солнышко и живые хлеба...

ПОЭЗИЯ

ЕЛЕНА АНОХИНА

В такое верится с трудом

Трик Трак

А дело-то было, ребята, вот так:
Король с королевой играли в «трик-трак».
Сказала супруга супругу:
— Не так!
Вы сделали ложный заведомо шаг!
Вы, милый, признайтесь, наврали...
Вы, милый, нечестно играли!

Супруге сказал возмущённый король:
— А чья в королевстве ведущая роль?!
В указах, уставах
И даже в забавах —
Нигде королей не бывает неправых!

АНОХИНА Елена Сергеевна родилась в Бугуруслане Оренбургской области 14 апреля 1976 г. Закончила Иркутский государственный педагогический университет по специальности «Психолог». Училась на 4-м курсе Литературного института им. А.М. Горького. Лауреат конкурсов им. А. Толстого (2009); им. Ю. Черных; «Хрустальный родник» (2011); интернет-конкурса от фонда «Великий странник — молодым» (2011), поэтического конкурса «Под парусами Кижской регаты» (2014); дипломант конкурсов «Золотое перо» (2009), «Поэзия в моей жизни» от Почты России (2006), конкурса «Любовь растений» (2016) от Государственного Дарвиновского музея, финалист литературного конкурса «Добрая книга» (2016), финалист конкурса «Детские писатели на берегу Енисея» (2016). Публиковалась в коллективных сборниках: «Родник» (2002), «К тебе, единственной» (Волгоград, 2003), «Другие имена» (Иркутск), в журналах: «Первоцвет», «Иркутское время-2012», «Енисейский литератор», «Енисейка» (Красноярск), «Иркутское время-2016», «Добрая книга» (Оренбург, 2016), «Нужна летающая рыба» (Красноярск, 2016). Автор книг: «Семь футов под килькой» (Волгоград, 2012), «Вязаная сказка» (Иркутск, 2014), «Кто-то пролил молоко... Очень много» (Иркутск, 2017). Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Сказала тогда королева:

— Ах, так!

За мною победа в противный «трик-трак»!
И с этим супруга — бряк-бряк... по макушке,
По самой её королевской верхушке!

— Хотя я, дорогая моя, Вам не враг,
Но «бряк» по макушке — совсем не пустяк!
Примите же, милая, царственный «шмяк»!

— Ах, так, дорогой!

— Да, любезная, так!

И — «шмяк»! И ещё один «шмяк»!

Тем временем сам королевский сосед
Явился к супругам на званный обед.
Зашёл и увидел из замка чету,
Что мирно дралась под окошком в саду.

Подумал:

«Раз время свободно,
То будет, наверно, удобно
Чуточек,
Чуточек,
Всего лишь кусочек
Чего-нибудь вкусного съесть:
Ведь здесь провианта — не счесть!»

Вот так вот — кусок за кусочком,
Вот так вот — глоток за глоточком
Он слопал котлеты, супы и конфеты,
Галеты, паштет, две вечерних газеты,
Всю снедь, запивая бочонком вина..

Да где же они?!

Тишина...

Он глянул в окно и увидел чету,
Что так же дралась у фонтана в саду...

Подумал:

«Раз время свободно,
То будет, наверно, удобно
Чуточек,
Чуточек,
Возможно, в должочек...
Чего-нибудь взять из казны.
В должок — до минувшей весны.

Всего лишь один казначейский билет
И несколько штук монет.

И вот — за монетой монета,
И вот — за билетом билет:
И нет королевского больше обеда,
И нет в королевстве соседа,
Казны королевской, обеда... Соседа
Простыл (как и водится) след!

А дело-то, помните, было вот так:
Король с королевой играли в «трик-трак»...

Быва-ает... «трик-траки» доводят до драки,
Но в том не повинны «трик-траки».

Лесной рассвет в осиновом плену

Сегодня здесь привечен был творец.
Он из дому принёс мольберт и краски.
И сонный лес раскрыл ему ларец
И вынул нерассказанные сказки.

Из них, из всех, запомнилась одна —
Про чародейку, старую осину.
Она сплела из веток паутину,
А в ней к утру запуталась луна.

Луна слезила утренней росой.
Луна роняла брызги в паутину,
Просила отпустить её домой.
Художник быстро рисовал картину.

Успел нарисовать один эскиз —
Лесной рассвет в осиновом плену.
Потом явился солнцеликий принц
И вызволил красавицу-луну.

Творец курил. На выдохе печаль
Свою поведал верной сигарете,
Что, как хотелось бы — но нет, а жаль
Волшебных красок, что могли бы в цвете

Сказать о щебетании в гнезде,
О сквозняке, ромашковом, кленовом,
Мурлыкающей меж кустов воде,
О разнотравье, приторном, медовом.

Творец ушёл, не погасив печаль.
Огнём ничто не может быть забыто —
И старый лес от ужаса кричал,
Мешая краски в огненной палитре.

Пожар нарисовал свою картину:
Огонь сочился кровью сквозь кору.
Кричала к солнцу старая осина,
Вмиг поседев на дьявольском пиру.

Огонь работал быстро, упиваясь
Умением работать «с огоньком».
Художник, он творил, не наслаждаясь
Ромашковым, кленовым сквозняком.

Птенцовый щебет скомкал с паутиной,
Собрал травы медовый аромат
И бросил солнцеликому светилу,
Забившемуся в ужасе в закат,

Лишь горстью пепла да слезой смолы.
Лес вычерчен графитом сверху вниз...
Нет краски совершеннее золы.
Замажь, художник, ею свой эскиз

«Лесной рассвет в осиновом плену».

Ветер-пёс

Ветер-пёс! Облака разорвал,
точно пенки,
и из лужи лакал,
разогнав воробьёв по кустам.
В подворотню загнал,
плащ задрал
и лизал мне колени,
расстилая себя
по чистейшим моим сапогам...

Я пришла.
Ты меня обнимал в полотенце.
«Где так долго была?!»
В непогоду —
забавный вопрос!
И, ничуть не солгав,
я отвечу тебе
с лёгким сердцем:
— Ветер-пёс!

Шоколадная история

В такое верится с трудом:
Однажды мистер Смит
Себе построил модный дом
Из шоколадных плит.

Он обходил свой новый дом
И спереди и сзади

И говорил, что в доме том
Всё будет в шоколаде.

Всё было так, мой юный друг,
Пока весной прохладно.
Но вышло солнце. И вокруг
Всё стало шоколадно.

Тихий омут

Ах ты, милая, приставучая,
Всё-то смех тебе да игра...
Порыбачим здесь, у излучины,
Посиди со мной до утра.

Вроде тихая, вроде скромница.
Не сейчас. Не здесь. Без обид.
— В тихом омуте черти водятся —
Так мне матушка говорит.

Не тревожь меня. Обещаю я,
Что до первого петуха
Рыбка хоть одна да поймается —
Будет к завтраку нам уха.

Ночь спокойная, ночь безлунная.
Плавай, милая, в стороне:

Рыба сонная всё же умная,
Ходит стаями, вся — на дне.

Искупайся ты за излучиной,
У поникшего ивняка,
Что полощет себя под кручею...
Поспокойнее там река!

Вышла на́ берег, платье мокрое
Облепило девичью стать.
Ночь такая сегодня долгая:
«Петухам ещё спать да спать...

Мать лгала тебе. Милый, полноте.
Обнимай же меня!.. Смелей!!!
Я проверила: в тихом омуте —
Только девушки. Нет чертей».

Вам чего?!

Проводница влетела в вагон-ресторан,
Задыхаясь от быстрого бега,
Попросила: «Скорей! Молодой чемодан,
Заверните мне два человека!»

Отчего за спиной этот шёпот и смех?
И буфетчик устался странно...
Повторила: «Быстрой! Молодой чебурек,
Подогрейте мне два чемодана...»

Ученье — свет!

Друзья, поверьте, будет больше толка,
Когда штаны начнут кроить из шёлка.
Когда хорошим слоем эбонита
Перила будут школьные покрыты.
И каждый школьник, покидая класс,
Обязан будет ну хотя бы раз
По всем перилам в школе прокатиться!

И мною будет вся страна гордиться.
А в школах будет мой висеть портрет
Под надписью «Ученье — это свет!»
В который раз, съезжая по перилам,
Я представлял себя физическим светилом.
И в этот раз всё с треском сорвалось —
Я встретил на пути знакомый гвоздь!

Голодные игры

К большой перемене голодный желудок
Прескверно влияет на детский рассудок.
Идёт переписка: голодные дети
Места занимают у стойки в буфете.
Их темы урока уже не тревожат:
Идут разговоры про булку и коржик.

«Купи мне вот то и купи мне вот это»,
Под партами крепко шнуруются кеды.
Трясётся буфет, и буфетчик трясётся.
Звонок зазвенит — и толпа понесётся.
И ждут, содрокаясь, столовские стены
Голодные Игры большой перемены!

Не зашивай...

Стой! Не вдевай иголке в ушко Обрывок тонкой прочной нити. Я расскажу тебе, подружка, Зачем не следует чинить их.	Представь, что ты давно не ела И на друзей глядишь пираньей. И вот страдающее тело Нащупало дыру в кармане!
Вот кошелёк забыла вдруг ты, И мелочь ищешь за подкладом. Когда идёт к тебе кондуктор — Любая мелочь будет кладом!	Достанешь крошки и поешь ты, От голода едва живая. Не зашивай свои надежды, В карманах дырки зашивая!!!

Девочка-поганка

Нынче мальчишки-опята, Симпатичные ребята, Приглашали постоять Поболтать, потанцевать.	Подобру расстанемся — Оба жить останемся!
Не волнуют их волнушки, Сыроежки и свинушки, Им нужна беляночка, Девочка-поганочка.	Хочется не хочется, Знай меня по отчеству: Если видишь — «Бледная», Сразу помни — вредная!
Пусть стоят и топчутся: К ним идти не хочется. Очень хочется одной Постоять в тени лесной.	Не бери в свои засолки, Не суши меня на полке. Какова я есть на вкус — Я сама узнать боюсь.
Вон — грибник идёт с лукошком. Я стою на тонкой ножке. Он сейчас поклонится И начнет знакомиться.	Пусть я очень ядовита, Только не ворчи сердито — Кто как обзывается, Сам так называется!
Ты, грибник, меня не трогай, Ты иди своей дорогой.	Я не дрянь, не хулиганка — Просто девочка-поганка, Раз природой создана, Значит, ей была нужна!

АЛЕКСАНДР БОГАТЫРЕВ

Фёдоровы деньги

РАССКАЗ

Дед Фёдор — церковный сторож восьмидесяти пяти лет отроду — живёт тихо в маленькой сторожке. Никто его и не видит по зиме. Выйдет в сарай дров взять, да и назад. Иногда тюкнет топором раз-другой, раскалывая дровину. Вот и весь звук. И снова тишина.

Как он живёт в своей избёнке в одно оконце, никто не знает. А если бы кто заглянул к нему в четыре часа утра, то увидел бы, как зажигается тусклый свет в запорошенном окне. С полчаса в сторожке никакого знака человеческого пребывания, потом слышится громкое копошение, перемежающееся хриплыми охами, а потом уж недолгое шарканье в два-три шага до порога. Слышится скрип открываемой внутренней, в сени, двери, два шарка в сенях и стук наружной двери. После чего на крыльце оказывается высокая сгорбленная фигура.

В левой руке у деда Фёдора лопата. Ступая с крыльца, он опирается на неё. Сделав по свежему снегу три шага до дорожки, ведущей от ворот с калиткой до храма, дед Фёдор по-военному разворачивается кругом. Даже пятками валенок прихлопывает, а лопатой выписывает в воздухе непростую фигуру, что-то вроде военного артикула «На плечо!» и «К ноге!»

БОГАТЫРЕВ Александр Владимирович закончил филологический факультет Петербургского университета. Преподавал английский язык, занимался литературным переводом. С 1982 г. работает в документальном кино: сначала сценаристом, затем режиссёром. По его сценариям снято 30 фильмов. Является постоянным членом жюри многих кинофестивалей (краснодарский «Вечевой колокол», московский «Радонеж» и др.). Автор семи сборников рассказов и статей по истории и современной жизни Православной Церкви, об отношении Церкви и государства, о проблемах экологии и культуры. В 2016 г. был номинирован на Патриаршую премию по литературе, а в 2017 г. стал лауреатом литературной премии Святого Благоверного князя Александра Невского. Живёт в Петербурге.

Дорожку очищает он так: сначала к храму, затем обратно до калитки, а потом уж разгребает свой двухаршинный хвост от дорожки до сторожки. Работает он медленно, не разгибаясь, а дело идёт быстро, будто само по себе делается. На часах ещё и пяти нет, а у него уже и снег убран, и паперть обметена. И неважно, будет ли служба или нет, много ли снегу выпало или мало. А если совсем за ночь не нападало, всё равно побредёт с веником мести крыльцо. Такое у деда Фёдора трудовое правило.

Летом он дорожку не подметает. Нравятся ему и сосновые хвоинки, и пучки сухой травы, и всякая лесная шелуха на плотно утопанной земле. «Чего лес мести!» — огрызнётся он недовольно на замечание чистоплотной свечницы Агафьи. Той дай волю, так она бы домоткаными дорожками всю землю выстлала.

А вот если попадётся окурок, конфетная обёртка или газеты клочок, тут старому сторожу напоминать не надо. Далеко увидит, добредёт и подымет.

Летом в его хозяйстве сору немало. Особенно в кладбищенской части, между старых могил.

Более полувека тут никого не хоронят. Памятников осталось мало. Все давнишние, мраморные да из гранита. Кресты на них сбиты. Большинство дорогих памятников и плит давно растащили. Деревянные кресты либо сгнили, либо лежат на могилах трухлявыми остатками. Остались одни могильные холмики, на которых, как только сходит снег, усаживаются, словно грачи на пашне, местные мужики. Сидят, вино попивают. Когда тихо, а когда рассорятся, иной раз и до драки дойдёт. Если службы нет, Фёдор с ними не связывается, но если во время службы загалдят, умиряет их бесстрашно (пьяницы и побить могут). Но не было случая, чтобы не уgomонились.

К вечеру от этих гулянок остаётся на могилах яичная шелуха, рыбы головы да серебристые ошмётки от плавленых сырков. Всё это Фёдор подбирает вместе с пустыми бутылками.

Злые языки говорят, что «навару» ему от сдачи бутылок на многие сотни. Разговоров у пьяниц о его деньгах много. Некоторое буйные головы вслух мечтают пошерстить его хозяйство: вспороть матрац да под половицы заглянуть. Ведь не мог он за столько лет не накопить больших денег. За сторожевую службу ему положили 60 целковых.

Хата даровая. В последнее время наладился дед плести корзины из прутьев и сосновой щепы. Продаёт их: какие за три рубля, а что побольше — за пятёрку. Прибыток немалый — плетёт много. А бутылки да сено... О сене особая статья... Нет, тут, что ни говори, а денег должно быть много.

Один скажет десять тысяч, другой — двадцать. Третий и того больше загнёт.

«Главное, он их не тратит. В магазине кроме крупы, хлеба да постного масла ничего не покупает. А ест, как воробей. На червонец в месяц. И картошка своя...»

«Во-во, ещё и картошку государству сдаёт, — завершит подсчёт фёдоровских денег четвёртый. — Нет, ребята, у него не меньше пятидесяти тысяч».

«Он ещё и милостыню собирает», — соврёт кто-нибудь, уж совсем разгорячившись от арифметики. Но такого тут же оборвут. Все знают: Фёдор никогда никого ни о чём не попросит. Сам даст. Хоть и сливёт скупердяем, попросишь стакан или хлеба — даст. На закуску ещё и банку консервов принесёт, чтобы натошак совсем не сдурели. А вот денег на вино не проси. Ни за что не даст.

Как ни говорят о фёдоровских деньгах, как ни считают, но отважиться на разбойное дело не смеют. Многие помнят добром его трёх сыновей, погибших на вой-

не. Были лучшими работниками на лесопильном заводе. Помнят и его покойную старуху Прокофьевну, добрейшую душу. После войны городские сиротки стайками вились вокруг неё. И ласку получают, и угощение, какое в доме найдётся. Двоих сирот они с дедом, тогда ещё крепким и нестарым мужиком, усыновили. Помнят земляки богатыря Фёдора, скорого и на работу, и на веселье. Даже не забыли, что пришёл с Первой мировой с двумя «георгиями». Всё помнят, только вспоминать не досуг.

Резко оборвал со всеми Фёдор. Знакомства теперь не водит ни с кем. Сам ни к кому не ходит и к себе в сторожку не пускает. Дом свой — двухэтажный, добротный, на большую семью, им же самим срубленный, — отдал многодетной вдове. Только половину огорода за собой оставил. Сажает картошку да морковь с капустой.

Быстро пролетела жизнь.

Дочь его приёмная за офицера вышла и где-то по стране колесит. Давно писать перестала, а как уехала, так и не навестила ни разу. К матери приёмной ласкалась, а вот его боялась. Он после трёх похоронок угрюмым стал. Тосковал по сыновьям. Видно, сиротке с ним плохо было, боязно. Ей бы ласки, а он то в работе, то в запое.

После смерти жены отпил своё зараз. Сорок дней пил. Потом как отрезало.

А сына своего приёмного, Колю, полюбил он крепко. Выбрал его в детском доме за сходство с младшим — Григорием. Ни на час не оставлял его. С собой таскал повсюду, да и дотаскался. Мастером сделал по плотницкой части и к вину пристрастил. Очень он любил тихое сиденье с Колей после работы. Сядут у верстака, только стружки с опилками стряхнут на пол, разольют вино по стаканам, молчком и выпьют. Иной раз не по одной бутылке. Могли так несколько часов не разговаривая просидеть. Потом встанут, Фёдор троекратно поцелует Колю в щёки, пригнёт его голову и прижмёт к сердцу, да и всплакнёт. Никто в целом свете не знал о его ласке. Всегда запершись сидели. И Коля его целует. Гладит по голове, целует и «папой» зовёт. Так до самой армии, как овечка кроткая, везде за отцом названным хвостиком бегал.

Ну, а как из армии пришёл — мужик мужиком, воин. И уж ему не до отцовских ласк. Даже стыдиться стал Фёдора и «отцом» больше не называл. А пил так же часто, но не с Фёдором, а с друзьями. Страшно переживал эту перемену Фёдор, как самое неблагодарное предательство. И хотя утешал себя: «Что ему, молодому, со стариком якшаться? У него свои молодые интересы, свои друзья, свои забавы», свыкнуться с тем, что потерял сына, не мог. Понимал, что и родные дети разлетаются во все концы, но о Коле ему грезилось другое. Любил он его и жалел. И был он для него «сиротинкой на весь свет одинокой». А в сиротстве человек не должен отталкивать того, кто полюбил его как родного сына. Нет, не было в этом правды. Знал Фёдор людское сердце. Две войны прошёл и мирное лихолетье, да такое, что в войну легче бывало. Всякое видел: и геройские дела, и предательство, и любовь, и злобу людскую. Но тут что-то не складывалось. Не мог ни понять, ни принять Колиной измены. Пробовал поговорить с ним, но до главного не добрался. То какой-то пьяный рык вместо ответа, то сопенье. Однажды не смог сдержаться — погнался из дому пьяного пасынка. Да ещё ногой в зад поддал, чтобы катился подальше.

В тот же день Николай магазин взломал. И взял-то лишь бутылку «белоголовый». Выпил её да тут же и уснул на полу в дверях.

Судили его строго. То ли указ какой вышел, то ли местное начальство приказало судьям засудить его, что б другим неповадно было, только вина у него вышла

по всем статьям, вплоть до подрыва оборонной мощи. Что-то там от военторга числилось, да после обнаружения пьяного Коли не обнаружилось. И зажил с тех пор его приёмный сын в лагерях. Посидит, выйдет, напьётся, начудит — опять на нары. Зла-то особого в нём не прибавилось, только трезвому ему жить стало, как с большого похмелья. Ни смысла не видит, ни удовольствия. Дружки его сказывали, что в лагерях ему даже спокойнее, чем на воле. То ли свыкся, то ли порчу на него кто навёл. Как стал Фёдора сторониться — и, вправду, будто в нём хворь какая-то угнездилась. После второго выхода на свободу он уже и появляться у Фёдора не стал. И вдруг получает Фёдор письмо. Пишет Николай, что за последний кураж дали ему три года. И уж по выходе непременно приедет к нему. Пить он завязал и решил с прошлым покончить: «нельзя больше позорить старика-отца». Так и написал «отца». И еще: «хочу по-человечески с отцом пожить, чтобы согреть его старость».

Прочитал Федор письмо и неделю ходил как пьяный.

Вот и дождался радости. А потом вдруг, словно в прорубь свалился, похолодел весь. «А что если он ластится из корысти. Из-за дома. Да ещё из-за чего-нибудь».

Дом-то пока на Фёдоре записан. А вдова так живёт, гостьей. Помру — на улице окажется. Никто ведь она ему.

С той поры мутрно стало Фёдору. Как тут разобраться? И раньше не понимал он своего Колю. И сейчас... Да и что он о нём знает?

Чужая душа — потёмки. Воистину, потёмки. Вот и в его душе темно стало от этих мыслей.

Долго терзался Фёдор. Потом сам себе сказал, чего голову и душу надрывать?! И так скоро помру. Надоть бы ему чего-нибудь оставить. Пусть живёт как знает. И Анне-вдове с ребяtnей тоже надо. Отпишу Коле заднюю горенку, туда и ход можно отдельный прорубить. Ведь не захочет, чтоб его Анна беспокоила. Там и печку сложить можно. Ему одному хватит горенки. Остальное Анне... А если корысть удумал и просто так отца дразнит, то это его грех. Мне-то что. Буду думать, и вправду образумился. Уже сам почти старик. Может же он вспомнить отроческое житьё своё с ним да восхотеть его наново...

Так и порешил Фёдор и стал деньки считать до Колиного возвращения. Сходил в контору к нотариусу, отписал дом, как надумал, и успокоился.

Соседи помнили о Фёдоре всякое. И как пил да гулял, как жену свою кроткую бивал. Та, бывало, и не вскрикнет, чтоб кто её позору не вызнал. Но да разве от соседского глаза скроешь что!

Всё знали соседи. Как калымил ночами в свои короткие отпуска. Брался за любую работу, ничем не гнушался, потому как и работу любил, и до копейки был жаден. И до того прижимал порою эту копейку, что и домой на прокорм не давал. И жене выговаривал, что та много на падчерицу тратит.

Помнили люди, как ходил он к Матрёне на дровяной склад и живал у неё неделями. Долга соседская память. Вот только хранит то, что похуже. Соседи друг с дружкой отсудачили да и перестали о нём вспоминать.

А первое время, когда ещё не прошло изумление от его перемены, только и разговоров было, что о нём.

Несколько лет после смерти жены жил он один в своём доме. А когда на окраине, у порогов, сгорело сразу пятнадцать домов, пошёл на пепелище и вернулся с вдовой-погорелицей да четырьмя её мальчонками. Видно, выбрал её из-за имени. Жёнка-то его тоже Анной была.

Думали, возьмёт за себя по вдовству. Она и крепка, и честна, и мать хорошая, и хозяйка на зависть. Соседи гадали: распишутся или так жить станут? Время идёт, детишки в окна мелькают, Анна в огороде старается, а Фёдор и на глаза не показывается. А потом узнали, что нанялся он то ли сторожем, то ли дворником в церковь. Чего угодно ждали от него, но только не этого.

Набожным Фёдор сроду не был. И вдруг — работник при церкви! Правда, после жениной смерти он присмирел. Бросил пить. И за усадьбу выходил только в магазин.

Думали, отчудит и вернётся. Будут с Анной по-человечески жить. Вот только уж больно много ребятни у неё. Как жить с чужими? Старшие двое уже женились и жён в дом привели. И детей наплодили. Трудно будет ему разобраться с Анной, да с детьми её, да с внуками...

Фёдор показывался в своём доме по весне. Зимой не приходил. Вскопает огород, посадит картошку — и до лета его не видно, пока окучивать пора не придёт. А так, до осени опять в сторожку...

И как понять человека? Любого спроси, каждый ответит: «скуп Фёдор». А тут дом с усадьбой отдал! Пока у Анны дети малы были, на всех копал и сажал, а как подросли, отделил себе землю да на себя одного стал огородничать.

Долго ждал народ разгадки — в чём его корысть? Может быть, втайне и жил он с Анной? Ему хоть и было под семьдесят, а такого работника и среди сорокалетних не найти.

Кем только не работал за свою жизнь Фёдор!.. И плотничал, и лес валил, и на зверя в море ходил, и за треской на Мурман, и на Грумант за гусями и гагачьим пухом... Но больше всего любил Фёдор косить. А косил он необычным манером. Замах короткий и с каким-то нырком. Да и пятка у косы как-то вихлялась. Со стороны казалось, неумелый косец. А посмотришь — стерня с ногтей от земли. Да такая ровная! Всю поляну обкосит, словно побреет.

С самого детства не было ему равных косцов. Правда, нынче на весь городок один Фёдор и косит. А и чего косить-то? Только и осталось у Фёдора угодьев гектаров пять: на кладбище, подле церкви полянка, за амвоном лоскуток, полоска до аэродрома, да и сам аэродром по краям полосы. Самолёты стали летать редко. Осталось два маршрута для «кукурузников». Коси — никому не помеха.

Сена намётывал стогов десять. Два отдавал старухам. Остальные продавал молодым хозяйкам по семидесяти рублей за стог.

Утром девятнадцатого июня проснулся Фёдор с тяжёлым сердцем. Ночью долго не мог уснуть, а когда, наконец, задремал, в зыбком, тонком сне увидел покойницу-жену. Она плакала и укоряла его за то, что сгубил он Николушку. Что-то жалостное и непонятное говорила о себе. Сон был цветной. Стояла она на зелёной лужайке, покрытой жёлтыми цветами. За спиной её ярко светило солнце — ярче настоящего, но смотреть на неё было не больно. Только Фёдору отчего-то стало страшно. Сердце заныло. Совесть заговорила в нём, будто зверь какой изнутри стал грызть. Он стал смотреть на солнце, и «зверь» отпустил. Сердце наполнила радость, а Анна заплакала — не слушает он её жалоб. Смотрит на него с тоской и грустью. И взгляд её такой родной и знакомый. Вздохнула Анна каким-то долгим вздохом. Фёдор испугался. Так человеку и вздыхать нельзя. Уж больно долго. Никакого духу не хватит. Анна закончила вздох, поглядела на него с жалостью да и говорит: «Всё бы тебе, дураку, веселиться». Фёдор обиделся и проснулся.

— Отчего же дурак, — проворчал он. — И какое тут веселье?!

Он с трудом приподнялся, опустил на пол ноги, попав в расхлябанные валенки со срезанными голяшками.

— Выдумает всякое. Давно без веселья живу. А вот про Колю верно. Моя вина...

Долго не мог успокоиться Фёдор. И чай пошвыркал без удовольствия, и правило утреннее прочёл без внимания. Отчего ещё больше расстроился, а потом и придумать не мог, чем бы тревогу заглушить. Вспомнил, что через день у него именины. Батюшка обещал службу отслужить, хоть и не воскресный день был на Фёдора Стратилата... Агафья-свечница угощение задаст... Ох, надо бы подготовиться как должно...

Фёдор вышел на крыльцо, перекрестился на храм, поглядел на сумрачное небо, на качающиеся под сильным ветром верхушки сосен, на гомонящих грачей.

Было сыро и холодно.

«Никак нет лета, — вздохнул Фёдор. — Косить уж скоро, а погоды нет. И трава мала, да и сохнуть по мокрому не станет...»

Он вытащил косу, стукнул по лезвию несколько раз лопатником, хотя и не было никакой нужды. Коса была отбита хорошо.

Зайдя за сторожку, Фёдор в несколько взмахов уложил островок крапивы со сниткой, сел на бревно и стал смотреть на шмеля, сердито гудевшего над жёлтым цветком одуванчика.

С аэродрома донёсся гул мотора. Несколько раз грозно взревел и затих.

«Не полетит, — подумал Фёдор. — И куда по такому шелонику лететь...»

Он поддал носком валенка срезанную траву. «Супу что ли сварить с крапивы?»

В это время его позвала Агафья. Он слышал её шаги и стук в дверь. Отвечать не хотелось. Он подумал отсидеться за сторожкой, пока не уйдёт. «Вздор, поди, какой обмалакивать станет. Что изготовить на именины спросит... или ещё что пустое...»

Но Агафья снова позвала его громко и даже сердито.

«Видно, случилось что», — подумал Фёдор и отозвался.

— Да ступай скорее, батюшка кличет. Открывай храм. Дароносица нужна, — говорила она скоро и тревожно.

— Почто? — спросил Фёдор и кряхтя поднялся с бревна.

— Маланья воскресла. За батюшкой прислала. Приобщиться просит.

— Как воскресла?! — рассердился Фёдор. — Что языком хлябать! Знать, не померла.

— Померла. Вчера ввечеру в больнице. А утром проснулась.

— Коль проснулась, какая смерть?

— Говорят тебе, померла. Врач сказал, смерть была. Особая — клуническа. Иль как, не знаю. Говорят, с неё, бывает, отходят.

— Не знаю такой. С того света не вертаются.

— Да Маланья сроду непоседой была. Видно, не усидела там. Отпросилась. Или не приняли без исповеди.

— Отпросилась... Клянчить она горазда. Что хошь выпросит, — проворчал Фёдор.

Взяв ключи, они поспешили к церкви, где их ждал отец Игнатий.

Фёдор открыл ризницу, снарядил батюшку. Тот был встревожен не меньше Агафьи. Та балаболила без умолку, просила объяснить, что это за настоящая смерть, от которой просыпаются. Батюшка сказал, что называется она «клинической». По-научному.

— Если проснулась, значит, ещё не совсем конец, — сказал он и скорым шагом припустил вниз по тропе. Приказал ждать его часа через два.

— Это понятно, что ещё не конец, — сказал сам себе Фёдор и побрёл в свою сторожку укрыться от Агафьиного беспокойства. Та, видно, решила, что до батюшкиного возвращения Фёдор побудет с ней, и наладилась рассказывать о смертях своих кумовьёв да сродников.

Фёдор, не глядя на неё, буркнул «прости» и побрёл к себе.

В сторожку Агафье ходу не было. Только там он и мог посидеть в тишине.

Жильё своё Фёдор любил. Всё, что нужно, под рукой.

Справа от двери стояла узкая железная койка. В углу две иконы: Федоровская Богоматерь и Фёдор Стратилат. Под ними всегда зажжённая лампада.

Во всю противоположную стену — печь и широкая лавка. Между койкой и лавкой стол под маленьким оконцем. На правой половине стола — книги и три тетради. В них он делал выписки наиболее понравившихся ему мыслей из Евангелия и книг святых отцов. На левой «трапезной» половине стола берестяная, самим сделанная хлебница да никогда не убираемая посуда: глубокая миска, алюминиевые кружка, ложка и вилка. Слева от двери три гвоздя с висящими на них фуфайкой, старым пиджаком и льняным полотенцем. Под лавкой два ведра с водой и чемодан из фанеры с рубашками да бельём. У стола табурет. Вот и всё хозяйство. Держал он его в чистоте. Пол мыл каждую неделю, а подметал по два раза на дню.

Были в его избушке и маленькие сени. Там он держал инструмент и сосновые чурки.

Две занёс в горницу (так он называл свою комнатёнку), большим ножом распустил на щепу и принялся ладить корзину.

Разные мысли лезли в голову. То о Николае подумает, то о жене. Вспомнил и мать свою, и отца, умершего, когда Фёдору не было и семи лет. Вспомнил и сыновей своих. Сначала взрослых парней, а потом, когда были они малышами голопузыми. Как провожал их на фронт. Первенца своего вспомнил Ивана. Как не знал он, что с ним делать, и радовался, и стеснялся чего-то, и не мог усидеть дома и подался на всё лето на Мурман на промысел... И вдруг вспомнил толстого англичанина-капитана лесовоза.

Ясно всплыло из полувекового забытья гордое лицо с надменным взглядом. Длинный тонкий нос, рыжие густые бакенбарды и короткая трубка, пыхавшая терпким до одури табачным духом...

Мужики грузили английскую баржу лесом, а их жёны отвозили к берегу на лодках гвозди. Время было голодное. Англичане знали это. Стали бросать нашим бабам в лодки орехи, шоколад, конфеты. Даже котелки с супом спустили и жестянку с ветчиной. Бабы не удержались — набросились на еду. Едят, стыда не зная, да хвалят английских моряков, пока мужики не оттащили их да не всыпали им на глазах у команды. Те загалдели, глазами зыркают, а капитан их ноздри раздул, кричит: «Дикарь, не смет бит женщина!»

Тут Фёдор и прыгнул на борт, хотел за «дикаря» поучить басурманина. Мужики еле оттащили его... Слава Богу, никто не настучал, а то загремел бы Фёдор в тюрьму за подрыв международного сотрудничества. Позже он узнал, что бригадир хотел донести на него, да испугался, что накажут всю бригаду и его самого в первую очередь за то, что не доглядел и допустил конфликт.

Дома Фёдор отыгрался на жене за обиду... Потом уж пожалел. Да и как бабам удержаться было с голодухи?! Да ещё такое угощение. Они про шоколад с царско-

го времени не слышали. А мужикам тогда очень оскорбительным показалось, что их жёны, потеряв гордость, на заморскую подачку набросились.

Потом замелькали новые лица. Иных он и не узнавал, но что-то тревожное навалилось на сердце. А, да, это же инспектор Бдонин. Он хотел посадить его за сёмгу. Даже жаром обдало. Он вспомнил, как Бдонин забирал у него новую сеть и грозился отправить его в сибирские дали. Больно хлестнула обида на бригадира Рябова, крепко обсчитавшего его после сезонного лова. Думал, бригада заступится, но никто не стал бригадиру перечить. Дико ему было видеть, как сломался помор, попуская неправду. Хотя и поморов было на тот сезон у них не более трети.

И всё лезли из глубин памяти забытые обиды. Он старался отогнать их, но они продолжали вылезать. Сколько лет прошло! Всё давно забыто. Ан, нет. Тревога росла, и уже работа не могла отвлечь от неё. Фёдор отложил корзинное донце, встал на колени и закрыл глаза. Он перекрестился, но молитва не шла — не мог вспомнить ни одной. Голова гудела. Сердце билось тяжело и неровно. И вдруг он подумал, что всё это неспроста. И жена приходила во сне, и её укоры за Колю, и старые обиды... Что-то липкое заливало голову.

Он потрянул головой, опёрся одной рукой о кровать, другой о табурет и тяжело поднялся.

«Неужто конец?!»

Переступив вялыми ногами порог, качнулся всем телом, падая на наружную дверь, но в последний момент удержался. Свежий сосновый воздух ворвался в грудь. Ему показалось, что он не дышит, а грудь сама распахнула какие-то створки.

Больно резанула прохлада, и вдруг полегчало, будто горящую одежду скинул с себя.

Он медленно вздохнул и, держась за дверной косяк, опустился и сел на ступеньку, опершись спиной о раскрытую дверь.

В голове у него посветлело, приятное кружение уносило липкую пелену. Сердце неровно подрагивало. Фёдор силился понять, в голове или в сердце поселилась какая-то новая мысль.

А может, не мысль, а знание чего-то верного, что произойдёт с ним. Стоило лишь немного напрячься, и стало бы ясно, что это. И он напрягался. Что-то подобное произошло утром, когда просыпался. Но лишь скользнуло и ушло. А всплыли забытые обиды. И вдруг он понял, в чём дело, и сам себе тихо сказал, словно изнутри диктор по радио: «Я помру. Скоро. Может, сей момент». Надо бы успеть покаяться. Вот и обиды всплыли... Так то ж другие сотворили, а надо своё вспомнить и осудить.

И от этого знания ему стало легко. Стало понятно, почему всякая чушь в голову лезла.

А вспоминать надо, как других обижал. Как жену в гроб свёл. Как Колю испортил вином, как с чужими жёнами жил... Да мало ли что натворил!

Фёдор приготовился вспоминать, но в голове словно кто лампочку загасил, освещавшую тёмную кладовку с залежами собственного окаянства.

Он сидел, часто моргая и напряжённо шмыгая носом. Напрягался так, что сперало дыхание. Но вспомнить не мог ничего, кроме птичьего взмаха безвольных пьяных рук, падающего от его пинка Николая.

На минуту выглянуло солнце. Слабой искоркой блеснула на тропе крупная песчинка. Чёрный грач заводной игрушкой подскочил к самым ногам Фёдора и, склонив головку, посмотрел на него круглым лукавым глазом. Фёдор плюнул на птицу и отвернулся.

Когда вернулся отец Игнатий, Фёдор уже без особого труда добрёл до храма. Ему хотелось расспросить про Маланью, но язык не поворачивался. Агафья куда-то запропастилась. Батюшка молчал и, видимо, хотел поскорее уйти, пока та не вернулась.

Запирая храм, Фёдор всё же отважился и спросил:

— Жива-то?

Батюшка молча кивнул головой.

— Надо бы и мне исповедаться, — сказал Фёдор. И недоговорил.

Отец Игнатий упредил его:

— Послезавтра. Готовься.

Он простился со сторожем и зашагал не к калитке, а в дальний угол кладбища, где был широкий разлом в ограде.

Фёдор смотрел ему вслед и думал, что надо остановить его и упротить исповедать его прямо сейчас. Не откладывая. «Доживу ли я до послезавтра?..»

Он смотрел на удаляющуюся спину священника, а видел какое-то сизое дерево, качающееся и расплывающееся вдоль ограды.

Через минуту прибежала Агафья. Стала заполошно рассказывать о том, как её не пустили в больницу, что Маланья слаба и помрёт непременно. Фёдор слушал, силясь понять, отчего ей так весело. Но Агафья вдруг высморкалась и зарыдала.

Фёдор мазнул её шершавой ладонью по спине. «Ну-ну, жёнка».

Хотел ещё что-то сказать утешительное, но не собрался и медленно пошёл к себе.

Он сварил себе супу из крапивы и снитки, нехотя похлебал горькое варево,ковырнул в банке «Частик в томатном соусе», но есть не стал. Выпил чаю с ржаным сухарём и лёг на кровать.

Болели ноги, сухо жгло в животе, ломило поясницу, но он приказал себе о болях не думать. Закрыл глаза и попытался уснуть. Но сон не шёл. Мелькали перед внутренним взором лица родных и давно позабытых людей, какие-то дома, деревья. Била по воде огромная сёмга, скривила от боли морду подстреленная им белуха, тарахтел мотор, угрюмо, с укоризной глядели на него глаза Николая.

«Эх, Коля, Коля, — вздохнул Фёдор. — Как же быть, помру и не свидимся. Письмо б написать тебе. Да не горазд я... Да и чего писать... Был бы рядом, попросил бы простить... Да слова бы какие нашёл... А то и не нашёл бы. Горазды мы друг дружку учить. А сами-то по-человечески и прожить не можем. Сам-то прожил свиньёй. И зачем мне такой срок дан? Восемьдесят пять годов! Шутка ли! Во всем районе только бабки-сверстницы, да и тех не много. Мои-то дружки уж десять годов, как последнего проводил на тот свет... И почто дольше всех небо коптию? Однако родила ж меня мать. На добро наставила... Ох, тяжело помирать. Страшно. Дело небывалое... Бедный человек, однако. В молодости от блуда да всяких страстей не знаешь, куда деваться, а в старости — одни болезни... А может, ещё потяну до Колькиного возврата. Может, померещилось. Мало ли чего не бывает. Может, предчувствие, а, может, наваждение какое... Срок никому не ведом. Нечего и помыслам таковым изводиться. Надоть дальше жить, Колю ждать. Сказано «задняя забывай, вперёд стремись».

Фёдор привстал с кровати, прислонился спиной к стене. От резкого движения в глазах поплыли сиреневые круги. Он прерывисто вздохнул и поскрёб в затылке. «Ишь, чешется. Либо битым быть, либо облают крепко. Вот, одрань. А ведь нала-дился дело делать...»

Фёдор поднял недоделанную корзину, повертел её, отложил к стенке и вспомнил, что кончилась щепы. Он неожиданно легко поднялся и вышел наружу. Сосновые чурки лежали в сарае отдельной поленицей. Он выбрал три подходящие и решил больше не брать, чтобы не захламлять избу. Выйдя из сарая, он увидел человека с походной заплечной сумкой. Тот кланялся ему и молча подходил ближе. Фёдор сощурил глаза, пытаясь разглядеть незнакомца.

— Не узнаю, — сказал он. — Чего накланиваешься?

Человек поздоровался и стал извиняться, долго объяснял что-то. Фёдор слушал, но никак не мог понять, чего тот хочет.

— Не возьму в толк. Надоть-то чего? — спросил он недовольно.

— Мне бы кипяточку. Не волнуйтесь, заварка у меня есть. С утра голова болит. А чаю негде выпить. У меня, как с утра не выпью крепкого чаю, голова болит. Может, позвольте кипяточку... да компанию составите. У меня и пироги есть домашние, и печенье...

— Погоди, — прервал его Фёдор. — Тебе чаю што ль сварить?

— Ну да. Собственно, не чаю, а только кипятку, заварка у меня своя. В аэропорту нет буфета.

Фёдор с минуту помолчал.

— Где ты там аэропорт увидел? Изба и та гнилая.

Очень уж некстати был этот человек. Да и как ему чай сделать? Вскипятить и занести? Так у него и кружки нет... и оставлять на дворе неловко. Своих-то он никого к себе не пускал. Да никто и не стремился. Знали его закон. А как быть с приезжим человеком? Странноприимство оказывать должен. Придётся в дом запустить.

— А в чём проблема? — удивился гость. — Воды нет? Так я схожу. Печку растопить?

Фёдор кашлянул и коротко ответил:

— Не то.

— Что не то? — не понял гость.

— У меня чайник электрический. Давай заходи...

Он открыл дверь и впустил гостя вперёд. Тот недоуменно пожал плечами и переступил через порог.

Пока Фёдор наливал в чайник воду, вставлял расшатанную вилку в розетку, гость выкладывал из сумки на стол припасы, рассказывая про то, как не отважился идти просить в пятиэтажки, а пошёл наудачу к частным домам через кладбище, да по дороге к нему первому и обратился.

Фёдор смахнул со стола на пол пролитую воду и сел на кровать.

— Садись, — пригласил он. — Хошь, на лавку, хошь, рядом со мной, а то вон табурет.

Гость сел на скамью и улыбнулся.

— Погода нелётная. Отложили до утра.

— Да, дует крепко. Куда лететь?!

Гость подумал, что его спрашивают, куда он летит, и стал рассказывать, кто он, куда и зачем летит, и что дня через два-три вернётся и полетит обратно домой в Молдавию.

— Далеко тебя занесло, — кивнул Фёдор. — Как, говоришь, тебя зовут-то?

— Дмитрий.

— А годков тебе сколько? — спросил Фёдор скорее для порядка, чем из интереса. Коль впустил, неудобно пнём сидеть. Надо и разговор поддержать.

— Двадцать пять, — охотно ответил Дмитрий. — Это моя первая командировка. Понимаете, и наши пишут, что много они заколачивают. И от ваших было письмо. Все недовольны. Шутка ли, за сезон по семь тысяч привозят!

— Ты про что? — не понял Фёдор.

— Я вам объясняю: наши из Молдавии строят в этом колхозе клуб. В прошлом году построили коровник. Заработали по пять и по семь тысяч. Поступили жалобы. Вот я и еду разбирать на месте...

— А-а-а, — протянул Фёдор, — ты, значит, по этой части...

Он шмыгнул носом, нахмурился и замолчал. Милицию и всяких инспекторов Фёдор не жаловал. Дмитрий заметил реакцию хозяина и смутился. Он что-то хотел объяснить, но запнулся и тоже замолчал. Так они просидели минуты две. Слышно было, как хрипело у Фёдора в груди и как начал тихонько шуметь чайник.

— Закипел, — нарушил молчание Дмитрий.

Фёдор не ответил.

— А почему вы замолчали. Я вас обидел? — виновато спросил гость.

— Чем обидел? — буркнул Фёдор. — Я гомонить не горазд. Чего рот открытым держать? В избе вон и то, дверь отворить — она и выстудится.

— Вы замолчали, когда узнали, что я еду с инспекцией.

— Полно толковать, — отрезал Фёдор. — Я своё отговорил. А хочешь знать моё слово, так знай: нету порядку ни в чём. Разве это дело? Заезжие тысячи получают, а своим заработать не дают. Что наши мужики хуже ваших дом срубят?

— Такой закон, — сказал Дмитрий и сочувственно посмотрел на Фёдора. — Местные получают свою зарплату, а дополнительных договоров заключать с ними нельзя...

Фёдор махнул рукой и поднял крышку чайника. Лёгкое облачко пара вырвалось наружу. Из носика чайника выплыло плотное кольцо, а за ним тонкая струя пара.

— Готов, — сказал Фёдор и вытащил из ящика стола заварной чайник, старую фаянсовую чашку и латунную со многими зарубками ложку.

— Заваривай, пей, а мне надоть выйти...

Он медленно побрёл к церкви, ругая себя за то, что ввязался в разговор. «Надо же было подвернуться этому парню!»

Фёдор остановился у паперти. На ближних могилах уже «заседали» три группы. Услышав шаги, пьяницы стали прятать бутылку, но, увидев сторожа, успокоились и продолжили разливать.

«Со своими нынче стаканами ходят, — удивился Фёдор. — Даже пьяницам теперь не нужен. Вот ведь и податься некуда».

Он повернул назад и вдруг подумал, что зря осердился на парня.

«Тот смирный и вежливый. Да и чего законы облаивать. Не нами писаны, не нам и менять. Да и всё, видать, для русского человека ко спасению устроено. Большие деньги — большие соблазны. Только балует народ, да не знает, как себя утешить с ними, погаными. В них ли радость...»

Он вспомнил о своей прежней страсти к деньгам и решил: «Безотменно надоть с парнем поласковой». И вдруг ему пришла на ум поразившая его мысль: «А что если он с инспекцией к Коле когда поедет?! Да мало ли что, возьмут и пошлют. Кто их инспекторов знает?! К нам же заслали. Надо бы потолковать с ним. Он, вон, молод. Краснеет. Знать, не закаменела душа».

Когда Фёдор вернулся в сторожку, гость раскладывал на бумаге бутерброды с колбасой и сыром, половину макового рулета и домашнее печенье разной формы: сердечком, ромбом, плетёной косичкой.

— Это вам, — сказал Дмитрий и стал наливать хозяину чай в вымытую чашку.

— Эт ты с собой бери. В дороге сгодится. Вишь, какие у нас тут рестораны. А мне сие не по зубам. Разве что полбулки оставь.

Дмитрий стал уговаривать взять всё, но Фёдор решительно отказался.

— Ты, вот, на меня не сердчай. Я о своём печалуюсь, а на тебя чего мне сердчать. Ты человек государственный. При исполнении... Если хочешь, оставайся тут. До утра каратай. Гостиница у нас малая. Сплошь занята морскими людьми... Так что смотри. Тебе кровать, а я на лавке лягу.

Дмитрий стал отказываться. Сказал, что попробует счастья в гостинице, хотя ему интересно было бы со старым человеком поговорить.

— А мне что говорить! Такое скажу пустое... или недовольствоваться будешь. У меня толк особой. Я по-своему разумею о всём. Тебе и интересу не будет. У тебя жизнь своя...

Но Дмитрий поблагодарил за приглашение и объявил, что остаётся. Только попросил разрешения ночевать на лавке.

— Это ты зря. Тебе сон нужен. А я нынче почти без сна живу. Да и отосплюсь вволю. Мне вскорости долгой сон предстоит.

Но Дмитрий объявил, что ляжет на лавке, и тут же лёг на неё, примериваясь.

— Отличное ложе. Сон у меня нормальный. Я и на полу могу лечь.

Фёдор перестал перечить и подумал: «Чего это я оставляю его? Лучше бы шёл себе. Только хлопот да разговоров с ним. Молчать получше бы было... Надобно нынче мне молча пожить...»

Но вслух не сказал ничего.

«Что это? Корысть? Надежда на то, что этот человек поможет отыскать Николая? Ну а найдёт, не он же Колю увидит. А этому человеку и дела-то до Коли нет. И что он ему скажет? Видел, мол, твоего отца.... Ну и что? Мало ли кто меня видел... Э, пустое всё... А может, мне просто страшно оставаться одному... И чего страшиться?! Давно своего часа жду. Не уйти от него. Надо бы одному остаться. Подготовиться... Чтобы достойно... А вдруг неспроста, он мне послан? Ведь никто за семнадцать лет не бывал в келье... Знать, неспроста. Бывает ведь под видом путника и явится кто. Всяко бывает».

Фёдор посмотрел на своего гостя внимательно. Глаза светлые, добрые. Сам молодой и гладкий. «Врёт, поди, что начальник», — подумал Фёдор и твёрдо решил, что это путник не простой.

Пока он рассматривал гостя, тот рассказывал ему о себе, стараясь развеять подозрительность хозяина. Видно, ему нужно было что-то объяснить важное и для самого себя, и для того, с кем свела его судьба. Он видел, как Фёдора задело известие о цели его командировки. Люди боятся всяких проверок. Ведь после них и под суд отдают. Он и сам чувствовал себя неуверенно: какой из него начальник... После юридического факультета он по распределению попал на службу. А теперь ему захотелось рассказать этому угрюмому старому человеку о своей мечте бескорыстно служить Отечеству, пока не исчезнут нечестные люди, пока не отпадёт нужда в наказании и контроле, пока все не станут счастливыми с чистыми душами... пока... Пока не перестанут на могилах водку пить. Вот она, любовь к отеческим гробам, о которой говорил Пушкин... Он говорил горячо, словно старался снова убедить себя в своей правоте, а заодно переубедить своего оппонента.

Фёдор слушал его, мало понимая смысл того, о чём тот говорит и почему так горячится.

«Пушкин-то что худого для инспектора сотворил?» И вдруг что-то дрогнуло в его сердце.

«Вот бы так Николушка посидел со мной да потолковал о своей мечте. И о чём он мечтает? А что у него, старого, за мечта?.. Да и чего мечтать...» Он безнадежно вздохнул. Дмитрий запнулся и удивленно посмотрел на него. По щекам старика текли слёзы.

— Это я так. О своём, — вздохнул Фёдор. — Хороший ты человек... Только возможно ли это? Куда же они одеваются, нечестные?

— Исчезнут, — убеждённо ответил Дмитрий. — Мы так организуем жизнь, что им не будет места.

— Дай Бог, — вздохнул Фёдор.

— А почему вы не верите этому?

— Да я ведь без малого девять десятков землю топчу. Вон как ноги распухли... Всякое видел...

Фёдор задумался: «Говорить ли? Пусть помечтает. Что мне его берeditь. Чего душу чужую мутить. Пусть себе...»

— Ну, скажите, — настаивал Дмитрий.

— Эх, — вздохнул Фёдор, — да как её, жизнь-то, организуешь? Нечто это ручей? Его перекроешь, он через край польётся. Коли дырку не провертеть... Вор-то не должность такая, чтоб под начальством ходить да приказа ждать. Ты ему как дорогу ни загораживай, какой закон ни придумай — свою хитрость найдёт, чтоб обойти его. Потому как вор. Это ведь сердце, душа у него воровская. Душу надо лечить, а не ловушки на вора ладить. Чем ловчее ловушка, тем вор искусней. Карманников переловишь, начальство заворует. Да оно и так ворует. Плох человек, больна у него совесть, как его от воровства удержишь?

— Что же вы предлагаете?

— Ничего я, паря, не предлагаю. Не нами свет заведён, не нам его и переделывать. Я так... сказал, что на ум взбрело. Может, у тебя какой секрет найден. Так я за тебя порадуюсь...

Дмитрий беспокойно передвинулся по лавке.

— Но ведь надо же что-то делать. Распустился народ... Все всё тащат.

— Долго в скудости жили. То одно, то другое, то раскулачили, то война... А и то подумать: много ли надо? Подумаешь, так ничего и не надо. Обуты, одеты, не голодаем...

Дмитрий покачал головой.

— Логика у вас странная. Так рассуждать — сидели бы в каменном веке.

— Зачем?

— Ну а как же? Если человеку ничего не нужно, и сидел бы он себе на печи. И ни в космос бы не полетели, ни открытий научных не сделали.

Фёдор вздохнул и ещё раз пожалел, что заговорил.

— Разве не так? — настаивал Дмитрий.

— Может и так, — Фёдор ткнул себя в грудь и выпалил: — Вот он, космос! Сюда бы почаще летать. Вот где порядку нет!

— Я об одном, а вы о другом, — Дмитрий покачал головой.

— Всё одно...

— Да ведь всё нужно. Можно и мир познавать, и себя совершенствовать.

— Можно и потерять...

— Так нельзя этого допустить, — чуть не закричал Дмитрий.

— Нельзя, — кивнул Фёдор.

— Значит, мы понимаем друг друга?

— Кто его знает, — вздохнул Фёдор. — Я, вон, себя понять не могу, а тебя как мне понять? Вижу, душа у тебя копошится — ответов ищет. Только там ли они?

— А где же?

— Каждому свой путь, — уклончиво ответил Фёдор.

— А всё же? Вы свой нашли?

— Неведомо мне. Коль столь годов хожу, значит, своим путём. На чужой не заступил...

Фёдору показалось, что со стены над печкой смотрят на него с фотографий жена с Николаем. Но никаких фотографий там не было.

— А коли заступал на чужой путь, то ломал тех, кто по нему шёл, — тихо добавил он. — За что и ответ собираюсь держать.

— Я не понимаю вас. Вы что-то говорите и не договариваете, — взволнованно проговорил Дмитрий. — Знаете, случайные беседы бывают очень полезны. Мне кажется, эта наша встреча не случайна... Однажды я говорил с одним человеком о войне. Он рассказывал совсем не так, как в кино и книгах. Ничего особенного. Очень просто, откровенно и очень по-доброму и по-человечески. Совсем непривычно. И я много понял...

— Я, может, скоро помру, — прервал его Фёдор.

— Ну что вы...

— А то. Помру я. А ни ума не набрался, ни долгов своих не отдал. Ты вот чужие доходы судить собираешься, а я со своими не рассчитался. Вот что страшно... Такая вот бухгалтерия.

Они оба замолкли. Слышно было, как скрипели под сильным ветром сосны. Надорванный кусок толя хлопал по крыше сарая. Кто-то пробежал по дорожке, топая и тяжело дыша. Раздался чей-то пьяный вскрик. Сильный порыв ветра налетел с завыванием и глухим свистом. Неожиданно погасла лампада. За разговором Фёдор забыл подлить масла. Дело несложное — налить масла да зажечь фитиль, — но Фёдор сильно огорчился. Ватный жгутик прогорел до основания, и он принялся негнушимами пальцами скручивать новый, думая о том, что непременно нужно спровадить гостя и прочесть вечернее правило.

Но было неловко просить его уйти. Фёдор кряхтел, собирался с духом, а потом выпалил:

— Мне тут часок одному побыть надоть. Погулял бы ты... А?

Дмитрий с готовностью поднялся, и Фёдору опять стало неловко — снова обидел парня.

— Ты не спеши. Приходи потом и ложись. Я уж тогда толковать не стану. Коли надоть чего, ты сейчас спрашивай.

Гость помялся.

— Вообще-то я о многом хотел спросить. Многое мне интересно.

Фёдор неопределённо помычал.

— А давно вы здесь работаете?

— Годов семнадцать.

— А в церковь всю жизнь ходили?

— Нет... Вообще не ходил. И сейчас-то не всегда заглядываю.

Фёдор сам не понял, отчего соврал парню. Воскресных служб он никогда не пропускал.

— Значит, просто так сторожите? Объект и только?

Фёдор недовольно кашлянул, но ничего не сказал.

— А до этого чем занимались? — продолжал расспрос Дмитрий.

— Всяко было...

— Значит, вы просто подрабатываете к пенсии? — не унимался гость.

— Да какая же тут приработка?! Сторожу да мету... Себе в радость. При деле, опять же.

— Но за деньги?

— Да что тебе за дело до моих денег? — вспылил Фёдор.

Дмитрий смутился.

— Простите. Я сначала подумал о вас одно, потом... другое. Вы мне кажетесь очень интересным человеком. Я хочу понять. Долгая жизнь. Время было тяжёлое. И революция, и война. Теперь до старости трудитесь и без денег.

— Да чего тебе понимать? Какая разница, за деньги, без денег! Это ты со своими молдаванами решай. А я уж своё порешил.

— Не понял.

— На что деньги? Ни жену не выкупить с того света, ни сына из тюрьмы... У меня сейчас другие беды.

— Какие?

— Топчусь на месте. Росту никакого. Мира нет на сердце. Одно утешение...

Дмитрий осторожно присел на скамью.

— Какого роста?

— Никакого нет. Человек завсегда должен расти. И младенец растёт, и начальник вверх стремится. А и старикам, и всякому возрасту свой рост надобен. Иначе нельзя — беда иначе. Подвигаться надобно...

— Я не понимаю вас, — тихо сказал Дмитрий. — Чего вы от себя хотите?

— Подвига, — просто сказал Фёдор.

— Подвига? Хотите героем стать?

— Может, даст Бог, пострадать придётся... А-то ни на что не гожусь. О грехах толком не молюсь, не каюсь... Так, как бревно нечувственное...

Дмитрий слушал старика, затаив дыхание. Фёдор резко прервал монолог, вздохнул и, махнув рукой в сторону двери, тихо приказал:

— Ступай. Погуляй часок.

Оставшись один, Фёдор принялся читать вечернее правило. Перекрестился широким крестом, поклонился в пояс и забубукал выученные наизусть слова молитвы. Он клал крестное знамение истово, тыкал с силой себя в лоб, словно призывая непослушную голову пробудиться для светлых мыслей. По плечам он бил сложенными троеперстно пальцами, норовя попасть туда, где в молодости красовались на его погонах унтерские лычки. Но не мог привести сердце в молитвенное состояние. Опять лезли откуда-то воспоминания. На сей раз он вспомнил своё служение в Восточной Пруссии. Но не страшный бой, в котором был ранен в грудь, а пышнотелую Эльзу — дочь хуторянина, к которой бегало полвзвода.

— Эх, да что же это за срамота! Никакого покаяния. Вспоминаю без сокрушения сердечного. Наоборот, с усладой. Хоть оторви голову да выбрось вместе с сердцем...

Когда вернулся Дмитрий, он уже лежал под ветхим суконным одеялом.

— Постели фуфайку да пинжаком накинись, — приказал он гостю и повернулся к стене.

Он досадовал и на гостя, и на себя: «Ишь, ему интересно! В одно ухо вошло, в другое вышло — и весь интерес. А мне смущение. Болтун старый. И молитва не пошла».

Фёдор понимал, что не в госте дело, а свои грехи не давали ему покоя, но не знал, что делать и как настроиться на покаянный лад. «Может, оттого и пустил парня, что не могу, яко подобает, покаяться...»

Утром он сделал вид, что спит. Говорить с гостем не хотелось. А тот встал тихо, чтобы не потревожить его, надел башмаки, вылил в чашку оставшуюся с вечера заварку, немного добавил холодной воды из чайника и залпом выпил. Потом он что-то написал на клочке бумаги, выложил из сумки пакет и положил его на стол, рядом с молитвословом. Ступая на цыпочках, он подошёл к двери, тихо открыл её и неслышно ступил в сени.

Звякнул засов, проскрипела наружная дверь. Некоторое время было слышно, как хрустит под ногами песок, насыпанный Фёдором третьего дня. Потом всё стихло.

— Славный парень. Боится разбудить. Доброе сердце. Не окаменеть бы, гоняясь за мазуриками...

Был шестой час. Фёдор лежал не вставая, без мыслей, без радости. Даже тревога ушла.

«Словно куль с ватой, — подумал он. — Надо бы встать».

Ветер стих, громко чирикали воробьи. Грачей не было слышно.

— Распогодилось. Должно, улетит... Чего он там намаракал?

Фёдор поднёс к глазам бумажку, подвинулся к окну, прочёл написанное ровным почерком «Спасибо за гостеприимство. Желаю вам доброго здоровья и долгих лет».

— Долгих... — вздохнул Фёдор. — Куды дольше!

Рядом с молитвословом лежали пять рублей.

— За пятёрку он бы три дня в гостинице постоял. Добрейшая душа. Надоть на их заказать сорокоуст о его здравии.

В пакете лежал пирог-медовик и конфеты «Мишка на Севере».

Фёдор растрогался и всплакнул. Развернул конфету, но есть не стал.

— Мишка-мишка, скоро деду крышка, — прошептал Фёдор и вытер тыльной стороной ладони слёзы.

День шёл как обычно. Фёдор обмёл паперть, подобрал на могилах мусор и две порожние бутылки из-под портвейна. Доделал корзину. Принялся, было, читать псалтырь, но глаза скользили по строчкам, ничего не складывалось, словно читать разучился — бежит буквенное плетение — узор и только. А в голову не входит. Фёдор вздохнул, отложил книгу и стал думать о Маланье.

Вражда у них была давняя. В молодости он хотел жениться на ней, но она не пошла за него.

Он женился на её подруге Анне, и Маланья с той поры ни разу не зашла в их дом. С Анной встречалась у себя, а его никогда не приглашала. Знала о Фёдоре всё. Ну и с соседями своими знаниями щедро делилась. Болтать она всегда была великая охотница. А сейчас, когда, казалось бы, и рассказать о Фёдоре нечего, либо осудит его — то не так сделал, или не туда чего поставил, а коли он и на глаза не показывается, примется его старые грехи поминать да всякий раз и закончит: «Слава Богу, не вышла за него. Он бы и меня в могилу вогнал, а детей споил».

И хотя Фёдор всякий раз сам попрекал себя тем же, но одно дело самому себя ругать, а другое — со стороны услышать. Сердился он на Маланью крепко.

В полдень прибежала Агафья, вызвала его наружу и стала рассказывать, что Маланья рыдает и говорит всем, что Фёдора хочет увидеть. А к ней-то не пускают никого.

— А нужен ты ей — повиниться хочет, — выпалила она. — Забыла вчерась покаяться, что тебя всё злила да наговаривала всяко... Вот.

— Я зла не держу, — смутился Фёдор. — Вот только о ней думал. Ну, пойдём, сходим. Скажу ей. Успокою. И на мне грех. Обижал её.

— Да не пускают-то к ней, говорю. Мне всё нянечка Михеевна докладает.

— Ну, так пусть Михеевна её на мой счёт успокоит.

— Вот ведь... хорошо, — согласилась Агафья и, не раздумывая, побежала вниз в больницу.

«Бегают, чисто овца непорожная», — усмехнулся Фёдор, глядя, как Агафья, смешно семеня подкашивающимися толстыми ногами, сбегает вниз по угору.

Не успела Агафья скрыться за дощатым забором ближайшего палисада, как перед Фёдором возникла новая фигура: незнакомый мужичок в рваном клеёнчатом плаще, мятых рабочих штанах и новых кедах. Он настороженно смотрел на Фёдора маленькими глазками. Фёдор взглянул на него и тут же отвёл взгляд.

Он увидел мутные водянистые круги с чёрными дырами зрачков, и ему показалось, что он заглянул в бездонную яму.

Фёдор решил, что это пьянчужка из новых и пошёл в избу за стаканом. Он прикрыл за собой дверь, но дверь тут-же отворилась. Такого прежде не было. Пяницы закон знали: сторожево жильё — запретная для них зона.

Незнакомец не только вошёл, но ещё и задвинул за собой засов. Фёдор сердито поглядел на вошедшего, не зная обругать его или вытолкать из сторожки без слов. Пока он решал, что предпринять, незваный гость скинул плащ, оказавшись в грязной футболке. Он быстрым движением вытащил из штанов, подвязанных бельевой верёвкой, мятый конверт и молча протянул его Фёдору.

Фёдор, с трудом сдерживая гнев, взял конверт и сразу понял, что в нём. Он сел на кровать, с трудом преодолевая боль в сердце. Неожиданное сильное чувство гнева и страха лишило его сил. Он часто дышал, голова стала подрагивать, крупная испарина выступила по всему лицу.

Человек смотрел на него не мигая и ничего не говорил. Потом он быстрым обезьяньим движением приподнял лежащую на ведре фанерку, зачерпнул кружкой воду и протянул хозяину.

Фёдор долго, судорожно глотал, но получалось вхолостую. Вода в кружке не убывала.

— Вот, прохудился, однако, совсем, — пробормотал он.

Пришелец привстал, отобрал у Фёдора кружку и, взяв её за дно, резко наклонил. Вода плеснулась Фёдору в рот, мимо рта по ватнику, пролилась на колени. Фёдор жадно сглатывал воду, шумно сопел и далеко выпячивал губу. На сей раз кое-что проглотить удалось.

Гость налил вторую кружку, но Фёдор замотал головой, отвернулся и вытащил из незаклеенного конверта письмо. Узнав Колину руку, хрипло спросил:

— Как он там?

— Нормально, — ответил гость. — На УДО тянет. Может, скоро увидишь. Или не увидишь, — добавил он, сощурившись.

Голос у него был резкий с какими-то истерическими женскими взлётами.

— Куда? — не понял Фёдор.

— Условно-досрочно. Раньше срока могут выпустить.

— Когда? — обрадовался Фёдор. — «Знать, сон вещей. И все воспоминания и тревога — к возвращению Коли». — Когда ждать-то его?

— Кто знает. Может, к октябрьским. Ты давай читай. Не тяни.

Фёдор положил письмо на стол и наклонился, разглядывая знакомые каракули. Он испугался, что не сможет прочесть его, как не сумел давеча читать псалтырь. Читал он, слава Богу, в свои годы без очков. И сейчас буквы без труда складывались в слова.

Коля писал:

Дорогой отец!

Много писать не могу. У меня всё хорошо. Может быть, скоро увидимся. Дружок мой Володя расскажет тебе всё. Ты ему дай за письмо 25 рублей и ещё тысячу. Я ему должен. Вернусь — отработаю и отдам. А если ему не дашь, мне будет плохо. Может, совсем не свидимся. Прости меня.

Твой сын Коля

Фёдор прочёл письмо, пожевал губами, вздохнул, прочёл ещё раз, разгладил листок рукой и перечитал наново.

«Вон оно что! Деньги... Значит, и «папа» и «твой сын» всё ради денег. Так я, старый дурень, и думал... Деньги...»

Фёдор закрыл глаза и долго сидел, покачиваясь всем телом. Гость, прищурившись, наблюдал за ним. Он сидел сгорбившись, настороженно высунув голову из высоко поднятых плеч, и был похож на сову, готовую броситься на зазевавшуюся мышь.

— За что он тебе столько должен? — наконец спросил Фёдор.

— Тебе дела нет. Прочитал — гони, — отрезал человек.

— Ты ж дружок ему. Отвечай отцу.

— Там всё сказано, — дружок передёрнул плечами — то ли боксёр перед противником, то ли иззябший воробей.

— Не говоришь, и у меня разговор короткий — нет у меня денег. За письмо дам, сколько сказано, а тысячи нет.

Дружок ещё больше сощурился и медленно процедил:

— Там всё написано. Худо будет Кольке... Он сказал, что ты жмот и можешь не дать. И что денег у тебя много... Смотри... Лучше дай.

Фёдор почувствовал, что задыхается от гнева. Ему хотелось броситься на этого тщедушного человека и задушить его — силы бы хватило... Но вдруг стало страшно за Николая...

«Проиграл или ляпнул дружкам про тысячи...»

— Завтра у меня именины, — пробормотал Фёдор. Язык ворочался с трудом. Во рту было сухо. Он поднялся и набрал воды. Выпил на этот раз всю кружку в несколько глотков и, глядя на перекатывающуюся по дну серповидную длинную каплю, закончил: — Мне батюшка даст восемьдесят пять рублей. Я тебе их отдам.

— А остальные? Слышь, отец, не торгуйся. Мне ночью на поезд. Тебе полдня срока. Где хочешь ищи. Занимай, отнимай, из чулка доставай — не моё дело. Ночью срок.

Он бесцеремонно отодвинул старика к печи и прыгнул на кровать, по-кошачьи перевернувшись в воздухе. Сбросив на пол кеды, он поелозил спиной по кровати, посутил по одеялу короткими кривыми ногами и, радостно взвизгнув, потянулся. Что-то странное произошло с его лицом. Фёдор не сразу понял, что это улыбка. Детской радостью сверкнули глаза... На фёдоровской кровати лежал мальчишка.

Набегавшийся, уставший от долгих шалостей, наконец, получивший возможность отдохнуть от собственной неугомонности.

«Вот ведь, и его мать родила. Сопляк, а страху нагоняет».

Но в тот же миг мальчишечье лицо сморщилось и помрачнело, словно молоко подёрнулось складками жёлтой пенки. Гость хмуро посмотрел на хозяина и, резко вскинув подбородок, заклокотал:

— Давай, батя, шукай! Не тяни кота... — он выдал долгую матерную тираду, шмыгнув носом и отвернувшись к стене.

Песок скрипел под ногами Фёдора, часто стучал по сухому телеграфному столбу дятел, низко пролетел к аэродрому четырёхкрылый «кукурузник». Медленно плыло над головой большое белое облако, похожее на руину храма с овальным проёмом посередине, сквозь который широким раструбом бил солнечный луч. Он ярко высветил золотистые стволы сосен с янтарными подтёками живицы, зелёные могильные холмики и трёх мужиков. Двое сидели на могилах, а третий громко балагурил, стоя на длинных хлипких ногах, то склоняясь к приятелям, то выпрямляясь неестественно резко. Руки его ходили ходуном, и был он похож на заводного паяца, пляшущего в огромном прозрачном конусе, заполненном огненным золотым эфиром.

«И что мы за народ! На могилах скачем! Ни страху, ни уважения к предкам», — сокрушался Фёдор.

На стакане в руке сидевшего на могиле мужика сверкнул солнечный зайчик. Такой яркий, что Фёдор зажмурился.

«Не успел осудить, как мне, дураку, вразумление. В собственном глазу бревна не вижу. Пора бы вынуть. Сколько лет на могиле жены не был».

Похоронили её вместе с его матерью в деревне. Да и остались ли хоть холмики на могилах... От деревни и следу нет.

Он остановился около двух уцелевших надгробий из чёрного мрамора. Были они одинаковыми: гладко отполированными со множеством сколов и странным ажурным навершием — подобием готического свода, из которого торчали обрубки арматуры. На них крепились когда-то кресты. На одном памятнике было выбито: «Надворный советник Ярцев Михаил Варсонофиевич». На другом: «Жена надворного советника Ярцева Домна Моисеевна».

«Кто такие? И за что им такая честь? Почти всё перебито, а эти памятники стоят? Знать, хорошие люди. Вот Господь и сохранил. А может, и нехорошие. Может, за имя женино не сломали. В честь индустриализации. А то стукнули бы, что дому ломают. И припаяли бы за вредительство!»

Фёдор усмехнулся и стал следить за белой капустницей, порхавшей над могилами. Она пролетела между чёрных камней и, скача по воздуху, устремилась вверх, скоро затерявшись в сосновых ветвях.

Фёдор прошёл по кладбищу против своего обычного покосного хода и начал спускаться вниз к реке.

Деревянный тротуар резким пришаркивающим стуком далеко оповестил о его походе. Чья-то кудлатая голова высунулась и тут же исчезла за высоким забором. Звонко засмеялся ребёнок. Протарахтел за углом мотоцикл.

Переходя дорогу, Фёдор пропустил автобус, отсалютовавший ему клубом густого сизого дыма. Незнакомая молодая женщина поздоровалась с ним и прошла

мимо, опустив низко голову. Пробежал мальчишка, гоня перед собой облепленную грязью камазовскую покрывку.

Перед домом бывшего купца Мясоедова Фёдор остановился и несколько раз машинально проёрзал ногой, подняв пыль.

На этом месте семьдесят лет назад он нашёл золотой империал. О своей находке он никому не сказал и пять лет держал монету в старом валенке. Несколько раз на дню он любовался своим сокровищем, прячась от матери на повети. Золотая монета приятно холодила ладонь. Тускло посверкивал бородатый профиль императора, кружилась голова от мысли, что на этот жёлтый кружок можно купить всё, что душе угодно...

Однажды вернувшись с покоса, он узнал, что мать отдала его детские валенки вместе с заячьей шубкой какой-то нищенке... Потом была глиняная свинья с кривой дырой на спине. В эту свинью он бросал копейки и плотно сложенные рубли. Свинья дожила до сберкнижки, радуя его постоянной прибавкой веса и глухим звяканьем при потряхивании. С каким сладострастием саданул он ей по спине отцовским кузнечным молотом! На изрядную кучку из бумажных и металлических денег он водрузил самый большой осколок: половину свиной головы с красным пятачком и кривым жёлтым клыком, торчавшим из отбитой пасти...

А потом он долго жалел, что разбил копилку, и даже собрался вылепить такую же, но не сумел... А после смерти жены им овладела невыносимая тоска. Он вдруг почувствовал себя той самой свиньёй, набитой деньгами.

От каждого шага звенела в нём медь и шуршали бумажки, сильные рези терзали живот. Сколько жутких ночей провёл он, катаясь по кровати с закушенной зубами подушкой, с ужасом прислушиваясь к грозному хрюканью, вырывающемуся из глубин сотрясавшегося живота. Чьи-то грубые пальцы мусолили бумажки, перебирали монеты, рассовывая их по кишкам.

Он не мог рассказать о своих болях, боясь, что его сочтут сумасшедшим. Да и сам он не был уверен, что не потерял рассудок... Вот тогда-то он и пришёл в церковь. Батюшка сказал, что его надо отчитывать, только он не возьмётся — нет на отчитку благословения. А нужно ему порвать со старой жизнью. Победить грех сребролюбия. Совершить какую-нибудь очень большую жертву. Тогда Господь, возможно, и исцелит его.

Фёдор послушался: отдал свой дом вдове-погорелице и перебрался из своего дома в церковную сторожку. Не прошло и недели, как боли в животе и нутряное хрюканье прекратились.

Подойдя к своему дому, Фёдор остановился и, оглянувшись по сторонам, приладился глазом к дыре в заборе. По двору семенила младшая Анина внучка. Подошла к корыту и наклонилась, ухватившись за борт, смешно задрав голую попку.

В огороде был завидный порядок. Фёдор удивлённо посмотрел на окученную картошку: «Надо же, и мою окучила!»

Ровные бороздки бежали вдоль забора в дальний угол к колодцу. Фёдор посмотрел на колодезное колесо (таких теперь ни у кого в городе не осталось) и почувствовал зуд в руках. Ему захотелось погладить этот большой, отполированный за целое столетие, деревянный круг, крутануть его, вытащить тяжёлое ведро и упасть лицом в ледяную вкусную воду. Эх, какая вода у него! Первые годы жизни в сторожке он нет-нет да и сходит с ведёрком к родному колодцу. Тосковал не по дому, по воде.

Фёдор пошамкал пересохшими губами и решил войти во двор.

Но в это время из избы вышла босая Анна. Она молча подняла на руки внучку, звонко поцеловала её в щеку и усадила рядом с собой на скамейку. Достав из кармана передника ножницы, она высоко задрала платье и, нагнувшись враскоряку, стала стричь на ногах ногти.

Фёдор поглядел на её голые толстые ноги, густо исчерченные распухшими венами, отвернулся и побрел прочь.

В больнице его никто не остановил. Он прошёл мимо старух в синих байковых халатах, режущихся в «дурака», заглянул в раскрытую дверь какой-то палаты. Там сидела женщина в таком же байковом халате с газетой в руках. Она поглядела на него поверх очков и отложила газету.

— Вам кого? — спросила она и поднялась с табурета.

— Маланью, — ответил Фёдор, — помирающую, — добавил он для ясности.

Женщина вышла в коридор и кивком пригласила его следовать за собой. Старухи оторвались от карт и с любопытством уставились на посетителя.

В палате, в которую его ввели, стояло четыре кровати. Сначала Фёдор ничего не понял. Кровати были пусты. Женщина показала на ту, что стояла у окна, и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь. Фёдор подошёл вплотную к кровати и тут только увидел голову Маланьи. Он скользнул глазами по плоско лежащему одеялу, силясь понять, куда же подевалось тело. Через несколько мгновений по Маланьиному лицу произошло какое-то движение: дрогнули веки, медленно открылись глаза.

Фёдор придвинул ногой поближе к изголовью табурет и тяжело опустился на него.

— Спасибо, что пришёл, — голос Маланьи был слабый, но чистый.

— Ну, как ты? — спросил Фёдор и положил руку на торчавший из-под одеяла матрац.

— Прости меня, Фёдор, — веки закрылись, и из правого глаза выкатилась большая круглая слеза. Фёдор смотрел, как слеза юркнула вниз по щеке, оставив тёмную бороздку на иссохшейся белой коже.

— Бог простит, а я и подавно, — сказал он и, взяв с перекладины полотенце, осторожно промокнул Маланьину щеку.

Та с благодарностью посмотрела на Фёдора:

— Я ведь тебя любила. Всю жизнь.

Фёдор от неожиданности закашлялся:

— Ну, девка. Какая така любовь?

— Не знала, что ты крут. Думала, походишь, ещё попросишь, позовёшь за себя. Я ж была девка нецелованная. Надо было скромность выказать. Чтоб не бежать по первому зову. А ты раз — и женился... Да ещё и на подружке моей.

Фёдор изумлённо посмотрел в подёрнутые белесой пеленой глаза умирающей:

— Дак, чего ж ты... Ну, девка...

Он замахал обеими руками и, чуть не поперхнувшись, выпалил:

— Чего о том теперь толковать. О другом теперь думай.

— Моя вина, — всхлипнула Маланья.

— Да, и не без моей.

— Кругом дура. Вся жизнь наперекосяк. Ничего хорошего не видела. Ни за кого не хотела выходить.

— А со мной ещё хуже бы было. Я ведь не подарок.

— Может, со мной другим бы был..

— Да что ты, слыханное ли дело, — начал сердиться Фёдор. — Раньше не могла сказать?

— Нельзя, у вас детки...

— Так до детков.

— До детков обида жила... И потом обида.

— Ну, знаешь, — Фёдор привстал и тут же снова сел: — Ты за этим меня позвала?

— Повиниться хотела.

— Ну, дак, повинилась, а теперь молчи. Но пороге уже... а всё глупое городишь. Разве можно? Кака теперь любовь?

— Хотела, что б ты знал. Ой, Фёдор, страшно-то как...

— Ничего. От этого не уйти. А чего жалеть! От тебя, вон, и не осталось ничего... — он подумал, что странно как-то утешает и добавил: — Я за тобой. Долго не задержусь.

Маланья помолчала, голова её стала легонько подрагивать.

— Икону-то Николая Угодника Николке твоему. Я Агафье наказала.

— Спасибо на том.

Маланья беззвучно плакала. Левый глаз был закрыт. А из правого выкатывались частые бусины слёз.

— Сами, сами во всём виноваты, — сокрушённо вздохнул Фёдор. — Нечего ни на людей, ни на жизнь пенять. Все беды сами себе натворили, и некого винить... — Он снова мазнул полотенцем по Маланьиной щеке.

— Родителей не почитали, вот и нам от детей то же. Ты не горюй. У тебя хоть сирот не будет. Сирот оставлять плохо, а неблагодарных детей — тоже радость не велика.

Он подумал, что вовсе не о том говорит с бездетной старухой, махнул рукой и почувствовал, что и по его щеке бежит жаркая струйка.

Он не помнил, как дошёл до берега, сколько просидел, глядя на бесшумно текущую реку. Он любил это место. Справа река широкой водой входила в море. Вдали у грузовой пристани стояли длинные баржи-лесовозы.

По бонам бежал с багром: на плече сплотчик. Пронзительно прогудел катер и, описав дугу, быстро поплыл к пристани.

Фёдор вспомнил о деньгах, которые ждал Николкин дружок, и принялся подсчитывать сколько сможет собрать до осени.

«Сено, картошка да корзины...» Получалось так, что тысяча набиралась. «Велю ему в сентябре приехать», — успокоился Фёдор и решил, что пора домой. Но идти не хотелось. Краешек солнца скрылся за кромкой горизонта.

По морю и по реке разлилось багряное зарево. Пылающие облака, казалось, норовили прыгнуть вслед за солнцем в море. Золотисто-красные всполохи побежали от моря вверх по реке до того самого места, где сидел Фёдор. Через полчаса небесный багрянец постепенно начал гаснуть. Вода потемнела и уже слева вверху чернела маслянисто и грозно.

«Ишь, наладилась до осени собирать. А сколько мне жить-то осталось... С утра помирать собрался. Да и к вечеру не передумал. Надоть вслед за Маланьей идти. Что б не спужалась одна. Вот ей и будет со мной заgrabная свадьба...»

В то время, когда Фёдор подсчитывал будущую выручку, на кладбище проходили другие подсчёты...

Фёдоров постоялец, разбуженный криками, быстро определил, что гуляют не без напитка. Через несколько минут он сидел посреди гуляк с наполненным до краёв стаканом. Мужики щедро угощали его. Расспрашивали о Николае. Местный Николкин дружок Лёнька Дранов тыкал гостю в нос просмолённый большой палец и запальчиво выкрикивал: «Колька, во! Во, парень!» Потом он погрозил кулаком в сторону сторожки: «Если бы не старый хрыч, мы бы сейчас с ним тут сидели».

И заходили под старыми кладбищенскими соснами рассказы о фёдоровской купости и о его несметных тысячах.

Гость слушал молча, а когда Лёнька, распаляясь, крикнул «сто тысяч», коротко спросил:

— Где?

— Что «где»? — не понял Лёнька.

— Где он их держит?

— Известно, где. В матрасе.

— А может, под полом или в печке, — добавил другой Николаев приятель.

Гость громко скрипнул зубами и в два глотка осушил стакан.

Утром Агафья спешила поздравить Фёдора с именинами.

Дверь сторожки была распахнута. На крыльце валялись осколки кирпича и куски грязной серой ваты. Половые доски разворочены. На месте печки груды кирпичей. Растерзанный матрас брошен на пол.

На кровати лежал Фёдор. Лицо его было покойно и даже торжественно. На правом виске темнела небольшая — с пятак — ссадина.

Похоронить Фёдора позволили здесь же — на старом кладбище, неподалёку от его сторожки. Хоронить пришёл весь город. Много было зевак, не знавших его. Их привлёк слух об убийстве из-за больших денег.

После отпевания и краткой литии у могилы долго стояли молча. Никто не плакал. Речей не было. И только тогда, когда уже собирались опускать гроб, Анна, которой Фёдор отписал дом, тихо сказала:

— Не было у него никаких денег. Всё погорельцам отдал. Я и раздала их.

Потом добавила Агафья:

— Он и жалования не брал. У него закон был: пока носят ноги, кормиться от рук своих. Что за корзины выручал, на то и жил.

Никого эта весть и не удивила. Получилось, будто об этом все знали.

А когда стали засыпать могилу, вдруг заволновались птицы. Сотни грачей поднялись над кладбищем. Со стороны аэродрома прилетела огромная стая. Птицы носились, громко крича над верхушками сосен. Несколько грачей подрались из-за места на высокой сосне над самой могилой.

Агафья испуганно закрестилась, приговаривая:

— Его птица. Стратилат грачами богат. Ишь, как его провожают. — Потом добавила (народ-то не церковный): — Фёдор Стратилат нонче. Именинник наш Фёдор. На Стратилата родился.

Но и это объяснение мало кто из народа понял.

Агафья накануне вечером напекла блинов и сварила две огромные кастрюли киселя. Тем и помянули тут же. Потом, после того как разошёлся народ, посидели с батюшкой. Помянули и кутьей, и полным обедом. Батюшка был грустным. В конце даже всплакнул:

— Я ведь его не исповедал. А он просился. Чувствовал, что уйдёт. На мне грех. Буду поминать сугубо.

Вечером постоянные участники кладбищенских радений помянули Фёдора по заведённому обычаю. Человек двадцать расселись на густо поросших травой могилах рядом с новой, голой. Пили долго молча.

Кто-то всё время хрипло вздыхал, кто-то заметил, что не у кого теперь и стакан попросить. Кто-то сказал, что некому будет траву косить...

В конце «поминок» стали бить Лёньку Дранова, того Колиного дружка, который рассказал убийце о Фёдоровых тысячах. Били не зло, но усердно. Избитого оставили на Фёдоровой могиле. К утру Лёнька оправился и пошёл домой.

А ещё через два дня на Фёдоровой могиле появился крест — большой восьмиконечный.

Агафья сказывала, что накануне ночью видела Лёньку. Будто бы он тащил на спине что-то большое. Но что, не разглядела.

МАКСИМ ОРЛОВ

Былого перевёрнута страница...

Уроки черчения

Вижу тебя, золотое сечение, —
мытарств моих поперечный разрез.
Вся моя жизнь — обстоятельств стечение
и обязательств надуманных пресс.

Строгим весьма был Учитель Черчения,
не беспричинно меня попрекал...
Знать, оттого моей жизни течение —
контур по граням шаблонных лекал.

Мной нарушались каноны черчения —
Линч над собою чиню до сих пор...
Пустопорожни о прошлом речения,
как и банален о нынешнем ор.

Жить на Земле, несомненно, фантастика!
И не беда, что грешил транспортир.
Мне не найти подходящего ластика —
ватман судьбы поистерся до дыр.

ОРЛОВ Максим Томасович родился в 1956 г. в Улан-Баторе. Автор трёх поэтических сборников. Подборки стихотворений публиковались в журналах «Юность», «Сибирь», антологии «Бег времени», в «Литературной газете» и др. Опубликовал ряд литературно-публицистических статей о творчестве Леонида Мартынова и несколько критических статей. Член Союза писателей России. Живёт в Братске.

Этюд № 4

Опять не получается закат,
очередной испорчен подмалёвок.
Набросок без страстей — из недомолвок —
не поэтичен, а аляповат.

Быть может, про закат писать не след,
Сарьян не стал слепым от солнцепёка...
Взывать к сочувствию — банальна подоплёка
псевдомытарств, а не жестоких бед.

А может, в пику, обессмертить ночь,
подобно академику Куинджи...
Но туба с охрой оказалась ближе,
на время сажу убираю прочь.

Этюд № 5

Настал октябрь... Светла Покрова гжель,
хотя не вся земля покрыта снегом.
Повсюду — серо-грязная пастель,
и паберега не белá, а пега.

Местами смачно чавкает мокреть —
зима пришла, но злобствует вполсилы.
Ещё не срок России околеть,
не тот мороз, чтоб околеть России.

Пользителен мне тутошний мороз,
ведь я чалдон кержацкого подмеса...
До мая не услышу грозных гроз.
Опустошённо, серо и белесо.

Хотя я жизнь обворовал, как тать, —
в сухом остатке ямбы да хореи,
но на душе — покой и благодать,
до Братска не дошли ещё бореи.

Мгновение хочу запечатлеть
без вычура ненатуральных красок,
не будоража колокола медь,
не надрывая беспричинно связок.

Сиюминутность эту сохранить,
не расчленять на «будет» и на «было».
Сучить словес рифмованную нить...
Я не звонарь, а мой язык — не било.

Озноб

Устав от гнёта городских хвороб,
вхожу с моста в посёлок Постоянный,
и его облик, в целом деревянный,
ввергает в неожиданный озноб.

Топчу трещиноватый тротуар,
о гачи бьются стебли иван-чая.
Знакомые приметы привечаю
и открываю старый портсигар.

С крыльца взирает местный рыжий кот —
он служит понятым у лукоморья.
Преодолев посёлочное взгорье,
ищу полузабытый поворот.

Ещё чуть-чуть — и вот он, отчий дом...
Заменена на новую ограда...
А облик незабвенного фасада
такой же, как и в семьдесят шестом.

Транжира времени и юношества мот
не разорвал с двадцатым веком звенья:
реальным показалось наважденье —
на ужин меня матушка зовёт.

Хозяев нет. В дверях другой замок.
Из-под стрехи вспорхнула ввысь синица.
Былого перевернута страница,
заученная мною назубок.

Разность потенциалов

Ах ты, совесть моя, диссидентка!
Слышу твой протестующий глас —
вопиешь из сердечных застенок.
Чем тебя огорчил в этот раз?

Укоряешь меня и перечишь:
то не эдак и это не так.
О свободе не может быть речи,
жизнь моя — настоящий ГУЛАГ.

Велика разность потенциалов
между лъзя и полярным нельзя.
Как бы совесть ни уничижала,
с ней, похоже, ровнее стезя.

Но пока не причислены к ретро,
не настиг нас последний недуг,
пусть зашкалят все разом вольтметры
от накала тех вольтовых дуг.

* * *

Настало времечко итожить...
Влюблялся чаще, чем любил.
То без причин себя треножил,
то истощался сердца пыл.

Не сожалею ни на йоту,
себя не буду яро клясть —
любовь не превращал в работу,
когда повелевала страсть.

Как будто собраны все камни
и белых нет в шкафу одежд,
но не закрыты ещё ставни
для всех несбывшихся надежд.

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

Заненастило...

РАССКАЗ

Эпизод этот, на первый взгляд совсем незначительный, произошёл в незапамятные теперь уже времена (в начале шестидесятых годов прошлого, двадцатого, века). Но отчего-то вот вспоминается довольно часто и в веке двадцать первом. Особенно в пасмурные последние (как и тогда) дни лета...

Август в том незапамятном году выдался на редкость дождливым.

Заканчивалось лето. Ещё одно лето моего детства. А с ним заканчивались и большие школьные каникулы. И от этого мне, да и всей нашей поселковой ребятне, было конечно же особенно грустно наблюдать этот безутешный бесконечный плач дождя.

Девчонки и мальчишки нашего двора в основном сидели из-за этого по квартирам, печально наблюдая за скатывающимися по стёклам окон нескончаемыми струями дождя, зарядившего свою долгую, надоедливую и, казалось, нескончаемую «песню». Отчего и мир огородов за окнами квартир выглядел серым, сумеречным, унылым...

МАКСИМОВ Владимир Павлович, прозаик, поэт (род. в 1948 г. в пос. Кутулик Аларского р-на Иркутской обл.). Автор книг прозы: *Морозный поцелуй* (1998); *Формула красоты* (Иркутск, 1998); *В то лето* (Иркутск, 2004); *Не оглядываясь назад!*: роман (Иркутск, 2005); *Предчувствие чудес*: повесть, рассказы (Иркутск, 2008); *Куда всё это исчезает*: повесть, рассказы (Иркутск, 2010); поэтич. сб.: *Парижская тетрадь* (Иркутск, 1996); *Сестра моя осень* (Иркутск, 1999); *Памяти солнечный зайчик* (Иркутск, 2007); *Подарок для бездомной кошки* (Иркутск, 2012); *Снег, уходящий вверх* (М., 2016); *Уходящее время* (Иркутск, 2017). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Иногда, правда, мальчишки и девчонки собирались в длинном холодном коридоре нашего барака. В его конце, у окна, у ледяной батареи парового отопления.

Там, сидя кто на корточках, кто прямо на не очень чистом полу, а кто и на принесённой из дома табуретке, вели долгие неторопливые разговоры о том, кто куда съездил летом. Что кому купили к школе. Говорили и о вещах более значительных. Например, о том, что наши ракеты запросто могут достичь Луны и посадить там наших советских космонавтов. А Гагарин, если бы захотел, мог бы и до Марса спокойно долететь...

А однажды Генка Чеканов из квартиры, расположенной напротив нашей, мой ровесник, поведал о том, что покойники в такую погоду любят по ночам приходиться в жилые дома, чтобы там погреться и обсушиться.

— Вот и Люська, которую недавно похоронили, тоже, говорят, приходила к своей матери в соседний барак, — нагнал он на всех нас страху.

А после короткой тягучей паузы, когда все задумались о Люське, нашей ровеснице, рассказал ещё и о том, что во время дождя нельзя пробегать под проводами, особенно высоковольтными. «Сразу убьёт», — закончил он свой научный экскурс, почерпнутый им, в свою очередь, от кого-то более взрослого, чем мы. Хотя и мы уже были не малышами. Некоторые из нас, как я и Генка, уже успели окончить начальную школу, поскольку другой в нашем посёлке просто не было. И теперь с первого сентября нам предстояло перейти уже в среднюю школу, которая находилась в городе от нашего посёлка километрах в трёх.

В коридоре было холодно, неудобно и, несмотря на то, что ты был не один, как-то одиноко.

Посидев какое-то время, все мало-помалу начинали разбредаться по своим квартирам, где было чисто и тепло от топящихся, почти у каждого, с утра печей.

Мы же с Генкой на какое-то время в коридоре ещё задержались. Нам хотелось обсудить, как мы (уже взрослые, как нам казалось) пойдём учиться в пятый класс 29-й средней общеобразовательной школы, находящейся на окраине Юго-Западного района города в 211-м квартале. И может быть оттого, что мы не так давно перевалили лишь за первое десятилетие своей жизни, она (жизнь) виделась нам впереди хоть и не бесконечной (о смерти мы уже знали, увы, и несколько даже видели), но невероятно долгой, обновлённой, к тому же непременно чрезвычайно интересной, не как у наших родителей, державших скот — коров, свиней, кур, чтобы как-то обеспечить нам сносное существование...

А сейчас мне даже как-то трудно представить, что я уже значительно старше моего отца, которому тогда было чуть за сорок.

И вот в один действительно прекрасный день в начале последней недели августа среди этого затяжного многодневного ненастья, которое, казалось, никогда не кончится, из голубого «озерка», образовавшегося среди серых, сырых, взлохмаченных туч, золотым светом вдруг брызнуло яркое солнце. И всё вокруг радостно заиграло, заискрилось. А каждая капля на тёмно-зелёной ботве помидор и прочей зелени в огороде за окном засверкала, как чистейшей воды бриллиант. И сразу стало тепло и спокойно, словно какая-то большая беда только что миновала, прошла мимо всех нас.

— А не сходить ли нам, ребяташки, — обратился отец к нам с сестрой, — на канал! Порыбачить корчажкой и банками. А то уж скоро лето кончится, а мы с вами и в поход ещё ни разу не сходили.

Дело в том, что отец у нас, отработав сутки, три дня потом отдыхал. И у него как раз было ещё два выходных в запасе.

Сказано — сделано.

Отец сходил в сарай за плетёной из ивовых прутьев, почерневших от влаги и времени, корчажкой. Мы с сестрой приготовили свои снасти: литровые банки с воронками из рубероида, укреплённого у стеклянных горловин жгутом, метра полтора-два длиной.

В банку потом, уже на месте, крошился хлеб, лучше белый. И она погружалась в воду. За кормом в тёмную горловину воронки заплывали пескари. Иногда попадались и ельчики. Бывало, что через какое-то совсем непродолжительное время банка полностью заполнялась мелкой рыбёшкой. И меня всегда удивляло, что рыбы не соображали, что из западни легко можно выбраться назад через узкую часть воронки...

А какая уха! Какая жарёха с яйцами и поджаренным луком получалась потом из этой мелкой рыбёшки, которую можно безбоязненно есть вместе с косточками! Маленькими и гибкими, напоминающими хрящ...

Где-то к обеду мы были уже на канале, с грохотом вырывающемся в его начале из огромной (метра два в диаметре) бетонной трубы. Канал этот был построен неким сверхсекретным предприятием, о деятельности которого все жители посёлка, тем не менее, всё знали, шёпотом передавая друг другу «секретные сведения» о том, что «на почтовом ящике № 79 делают сырьё для водородных бомб».

К предприятию, расположенному в лесу и обнесённому колючей проволокой, со сторожевыми постами на вышках по всему периметру и собаками, по некогда прорубленной просеке тянулась высоковольтная линия электропередач ЛЭП-500. Провода этой линии с ажурными (напоминающими мне почему-то Эйфелеву башню, увиденную как-то на фотографии в журнале «Вокруг света») металлическими опорами всегда чуть провисали под собственной тяжестью. И именно по этой просеке мы обычно и ходили на канал. Так было значительно короче, чем по петляющей среди леса грунтовой дороге, идущей в 6-й посёлок, где я, впрочем, никогда не был и знал о нём только из разговоров взрослых.

Просека же постепенно превратилась в полноценную лесную дорогу, заросшую душистой аптечной ромашкой, поскольку машины по ней не ходили. Да и люди, надо сказать, пользовались ею не так уж часто.

От окраины посёлка, где стоял наш барак, до начала канала по просеке было километра три. По дороге же — километров пять, а то и больше. Очень уж она была отчего-то извилистой.

На канале (а вода в нём была тёплая и в ненастье парила) по мере понижения рельефа было устроено два искусственных, высотой метра в полтора, водопада, в которых вода прозрачной толстой стеклянной струёй с грохотом стекала вниз по бетонным желобам. Возле второго водопада, с устилающими дно канала разного размера угловатыми камнями, особенно хорошо и ловились пескари. И тут искусство рыбалки банкой заключалось в основном в том, чтобы аккуратно, чуть наполнив её водой, закинуть подальше, стараясь не разбить о камни, отчего ёмкость должна набирать воду постепенно, в то же время не плавая на поверхности. Вот и надо было точно рассчитать, какое количество воды в неё набрать перед забросом, чтобы она плавно опустилась на дно к стаям роящихся рыбёшек, сразу же устремляющихся за кормом в воронку банки — широкую снаружи и узкую внутри.

А ещё дальше, за вторым водопадом, где вода канала текла неторопливо и плавно, за поворотом впадая в небольшую речку Еловку, водились щуки. Видимо, у водопада для них было слишком мелко, да и течение здесь было очень сильное.

Отец отправился за поворот забросить там корчажку, а мы с сестрой приступили к рыбалке у водопада.

Примерно через час отец вернулся, неся на кукане из ивового прута довольно крупную щуку, положив её, ещё отчаянно трепыхающуюся, в намоченный в воде холщовый мешок, который отнёс затем подальше от реки.

Нам с сестрой тоже было чем похвастаться перед отцом. За время его отсутствия мы наловили банками уже четверть небольшого ведра пескарей. Попалось нам и два-три ельца.

— Молодцы! — похвалил отец, глядя на наш улов. — Жарёха будет нынче знатная! А сейчас давайте чай варить. — Достав из кармана сухую бересту, он приступил к разведению костра из мелких сухих веточек, положенных на бересту и извлечённых им из-под выгнутого горбом вверх бревна. А когда пламя занялось и окрепло, подбросил и более крупные ветки. С удовлетворением глядя на огонь, он закончил: — А то какой же это будет поход без чая со смородиновыми листьями. Я их там за поворотом нарвал.

Костерок весело потрескивал, и вскоре вода в котелке забурлила. Отец заварил в нём чай, сняв с жердинки, воткнутой одним концом в сырую землю, и поставил теперь с края костерка, чтобы он чуть погрел на углях. От котелка разносился вкусный аромат «таёжного» чая, который только и можно, наверное, сварить на костре...

И тут, когда мы все сидели у огня на том самом огромном горбатом бревне, с неба снова, пока неторопливо, но настырно и нудно стал накрапывать дождь.

— Опять заморочачило, — грустно сказал отец, глядя на закрывающееся свинцовыми, беременными влагой, тучами небо. — Судя по всему, скоро по-настоящему ливанёт. Давайте-ка, ребятишки, пейте чаёк, не пропадать же добру. Вот вам конфетки, — достал отец из кармана горсть карамелек, завернутых в серую грубую бумагу. (Чувствовалось, что он основательно подготовился к походу и был расстроен тем, что всё теперь надо делать скомканно, в спешке.) — Чаёвничайте по-быстрому и дуйте домой! Глядишь, до настоящего дождя успеете в посёлок вернуться. А я, если непогода сильно не разгуляется, ещё раз два-три корчажку проверю и тоже домой. Бегом. Может, и вас ещё нагоню по дороге.

Мы с сестрой наскоро выпили по кружке обжигающего чая. Собрали свои банки, положили их в холщовую сумку с ляжкой через плечо. Хотели взять и ведёрко с рыбой, но отец велел нам всё оставить.

— Я это потом сам принесу. В рюкзаке-то оно сподручнее будет. А вы давайте двигайтесь налегке, чтоб быстрее до дома дотопать. И матери скажите, если раньше меня придёте, что скоро буду.

Мы с сестрой с неохотой отошли от затухающего костерка и по высокому искусственному гребню, идущему вдоль канала, направились в обратную сторону вверх по течению его правого берега.

Вскоре (дождь всё ещё капал весьма лениво, словно раздумывая начаться ли ему по-настоящему или замереть) мы миновали уже первый водопад, находящийся от второго, где мы рыбачили, наверное, в полукилометре. Дошли до начала канала. Вода бурлила мощной зеленоватой выгнутой горкой струёй, вырывающейся из темноты бетонной трубы, отстоящей от первого водопада ещё примерно на полкилометра. Пересекли гравийную дорогу, ведущую, из нашего 4-го в 6-й посёлок. И собирались было ступить на просеку, как вдруг я вспомнил недавний рассказ Генки Чеканова в коридоре барака.

— Шура, — остановившись, сказал я сестре, имеющей такой несчастный вид от уже преодоленного ею, огромного для её маленьких ножек, расстояния, — давай по дороге, а не по просеке пойдём. Помнишь, что Генка Чеканов недавно говорил, — нельзя под проводами в дождь ходить.

— Так ведь дождя ещё нет, — попробовала возразить Шура. — Так, отдельные капли только.

— А если он припустит по-настоящему? Куда мы с тобой тогда с просеки денемся?

— Ладно, пойдём по дороге, — обречённо согласилась Шура.

По обочине гравийки, идти по которой было значительно хуже и тяжелее, чем по мягкой душистой травке просеки, мы прошли примерно ещё с полкилометра. И тут вдруг меня осенило.

— Шура! — как вкопанный остановился я. — А как же отец?! Он ведь может не знать, что в дождь под проводами ходить опасно? Надо его предупредить.

Возвращаться назад мне, конечно же, не хотелось. И я ждал, что ответит Шура. Но сестра молчала, глядя на меня с какой-то затаённой надеждой.

И «слушая» это молчание, а не её просьбу продолжить путь домой, на что я в глубине души надеялся и, наверное бы, согласился, рассчитывая на авось, на то, что всё как-то обойдётся само собой, я вдруг с каким-то отрезвляющим чувством подумал об отце. «А если не обойдётся?!» И тут же начали вспоминаться не такие уж давние похороны нашей ровесницы Люси из соседнего барака, утонувшей летом в Китае. Причём кто-то из ребят говорил потом, что лицо у неё в гробу было синее.

— Это так всегда бывает у утопленников, — уточнил ещё кто-то.

— А у тех, кто погибает от электричества, лицо становится чёрным, — добавил очередной «знаток» подобных тонкостей.

Я не знал, какого цвета было лицо у Люси, поскольку на выносе её тела из дома, у которого собралась добрая половина всех жильцов соседних бараков (какое-никакое, а разнообразие в серых, похожих друг на друга буднях), не присутствовал. Ибо похорон никогда не любил и не люблю донине, стараясь всячески избегать подобных процессий. И только из нашего сарая, забравшись на сеновал, чтобы быть подальше от подобного мероприятия, и где так приятно пахло прошлогодней, казалось, тёплой мягкой сенной трухой, я слышал, как громко, неожиданно врываясь в истошный плач Люсиной матери, начинал гудеть небольшой оркестрик из нашего поселкового клуба. Исполняющий нечто тягучее, противное, душераздирающее и тоскливое, отчего-то ассоциировавшееся у меня с безнадёжностью поздней осени.

Одним словом, мне совсем не хотелось, чтобы лицо моего отца сделалось чёрным, да ещё и в гробу. Я и представить себе не мог, как это мы вернёмся домой, а отец нет. Его не будет. Никогда больше не будет с нами. Со мной, мамой, Шурой, бабушкой Ксенией — маминой мамой.

— Давай сделаем так, — немного поразмыслив, предложил я сестре, оценивая весь её несчастный вид. — Ты стой здесь. Никуда не уходи только. А я сбегаю к отцу. Предупрежу его. И вернусь за тобой.

Сестра как-то робко, с опаской оглянулась на стену тёмного влажного, будто затаившегося рядом с дорогой, леса.

Видно было, что ей совсем не хочется оставаться здесь на пустынной дороге одной. Да ещё когда так сумеречно, почти темно даже днём.

— Нет, я с тобой! — решительно заявила она. — Не бойся, я не сильно устала, — попыталась она изобразить бодрость, передёрнув плечами. Хотя по её виду было ясно, что всё обстоит как раз наоборот.

— Ну, пойдём, — согласился я, взяв её за руку. Мне тоже не хотелось оставлять её здесь одну. — Только быстро, — предупредил я Шуру.

«В крайнем случае, на спине её понесу, — подумал я. — Или у начала канала оставлю. Там гребень берега до самого второго водопада прямо идёт. И мне её будет издалека видно. А сам бегом к отцу. А нам отсюда до начала канала не так-то уж и далеко. Мы, наверное, ещё и километра по дороге не прошли».

Шурочку приходилось за собой почти тянуть, как неисправную машину на буксире. К тому же она постоянно обо что-то запиналась и начинала тихо хныкать.

— Стой здесь, — объявил я ей, когда мы дошли, наконец, до начала канала. — А я побегу. Ты меня будешь видеть, а я тебя. Так что бояться тебе нечего.

— Нет, я с тобой, — быстро ответила сестра, готовая вот-вот расплакаться.

Не очень спешно дойдя с ней до второго водопада, отца мы там не застали. Хотя и сумка с нашими банками, и ведро с уловом, и холщовый мешок в траве были на тех же местах. И даже костерок ещё тлел серо-красными углями, от которых не было дыма, но исходило приятное мягкое тепло.

— Сиди у костра, охраняй нашу добычу, — сказал я сестре. — А я побегу за поворот. Отец наверняка там проверяет корчагу...

Однако не успел я сделать и шага, как отец сам показался из-за поворота.

Кажется, он нёс ещё одну или две щуки и корчагу.

Он шёл навстречу нам уверенно и быстро. Лёгкой упругой походкой. И мне почему-то подумалось, что, наверное, вот так же, прочно ступая по чужой земле, он шёл во время войны по Маньчжурии, освобождая от японских захватчиков Китай.

Увидев нас, отец ускорил шаг, почти побежал.

— Вы чего вернулись? — слегка запыхавшись, спросил он, подойдя к костру. — Что-то случилось? Шура ногу подвернула? — взглянул он на печальную, измотанную дорогой сестрёнку, как-то нелепо выставившую вперёд одну ногу.

— Нет, папа, всё в порядке, — успокоил я его. — Просто мы хотели тебя предупредить, чтобы ты не возвращался домой по просеке. Во время дождя это опасно.

— И вы вернулись с полдороги, чтобы мне об этом сказать? — спросил отец, как-то по-новому взглянув на меня.

— Да, — ответил я.

Он неловко прижал моё лицо к своему колючему старому тёмно-синему китею. Потом подошёл к Шуре, как маленькую взял её на руки с бревна, на котором она сидела, и, весело улыбнувшись, проговорил, обернувшись ко мне:

— Я бы между струйками проскочил...

И тут вдруг снова, как цыплёнок из яйца, проклюнулось жёлтое солнце!

И вновь, весь окружающий нас мир стал свежим, радостным, светлым и добрым.

Отец подбросил на жар углей, сухих веток, извлечённых из-под бревна, где они лежали на жухлой траве. И вскоре костерок вновь занялся весёлым пламенем. На той же жердинке над ним снова был подвешен котелок с чаем, для разогреву.

Подмигнув мне, отец сказал:

— Щас будем чай пить не спешить. У меня НЗ — неприкосновенный запас — остался. Вафли и сгущёнка. Доставай, сынок, из рюкзака. Они там в полиэтиленовом пакете лежат. Думал, назад нести придётся. А так мы ношу облегчим. И хорошо, что я чай на костёр не выплеснул, как вначале намеревался...

— Ура! — радостно воскликнула Шура. И мы, глядя на неё, оба тоже разулыбались, очень уж комично она выглядела в своём стареньком, коротком демисезонном пальтишке, с растрёпанными косичками и вымазанными в саже щеками, чем-то похожая в таком виде на беспризорника.

Мы долго, не торопясь, пили чай. О чём-то неспешно говорили. И нам всем вместе было так хорошо! И не хватало только мамы. Чтобы и ей тоже было хорошо посидеть с нами у костра и попить такого вкусного таёжного чая. И, казалось, что не такой уж длинный день в конце августа не хочет заканчиваться, чтобы как можно дольше продлить наше удовольствие, а, может быть, и счастье...

А потом опять вдруг заморочачило.

По поверхности канала забулькали, вздуваясь белыми пузырями, крупные капли дождя.

Мы быстро собрали свои пожитки и мешок с двумя щуками и шурёнком и отправились домой.

Назад шли по просеке. Но с отцом нам было совсем не страшно идти в дождь под высоковольтными проводами.

«Видно, наврал нам Генка, — подумал я. — И зря мы с Шурой возвращались. Сейчас бы уже давно дома были и трескали бабушкины пироги с вареньем... Нет, не зря, — оборвал я свои «пирожковые» мысли. — Вон как отец нам обрадовался. И как мы хорошо с ним чая попили. И как нам сейчас здорово идти всем вместе. С отцом почему-то совсем не устаёшь, хотя идёт он быстро. И ничего, что скоро в школу. Зато потом наступит зима. И можно будет кататься на коньках и играть с ребятами в хоккей на замёрзшем озере за кварталом... А при первых заморозках, скорее всего к ноябрьским праздникам (хотя в нашей семье 7 ноября — «День Великой октябрьской революции», как писалось в газетах, особо за праздник не почитали. Скорее всего из-за того, что оба моих деда — отцы мамы и папы, были этой самой, совершившей октябрьский переворот властью в 1937 году — годы репрессий — расстреляны. Один за то, что казак, другой — за то, что «кулак»), заколют свинью (и об этом я подумал ещё и с некоторой горечью, поскольку нам с сестрой всегда было жалко обречённых на заклание домашних животных, к которым успеваешь привыкнуть за время их жизни в сарае), и будет прекрасная жарёха на большущей сковороде! Отец с дядей Сашей — бурят, которого он всегда приглашал колоть скот, — сам не мог, выпьют водочки и запоют фронтовые песни «Вьётся в тесной печурке огонь...» или «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина!...» А потом из сцеженной крови и тщательно промытых кишок мама наделает чудесных кровяных колбасок с чесноком, которые при нужде можно быстро разогреть на сковороде...»

Обычно дальше Нового года я не загадывал.

Новый год для меня всегда был неким рубежом, который я старался не пересекать даже мысленным взором. Ибо среди той радости, которую он сулил, он ещё, как ножом гильотины, отсекал и всё твоё прошлое, случившееся в уходящем году, — хорошее и не очень. Исчезающее в некой незримой копилке Времени навсегда. Вот и моих уже лет в этой копилке с десятков... И этот год, и этот такой ненастный август, и эта нынешняя, такая славная наша рыбалка тоже исчезнут, уйдут куда-то, где их недостать. Но думать о грустном сейчас, когда нам всем было так хорошо, мне не хотелось. И я продолжил думать об обычных наших хлопотах.

Отец с бабушкой уже к началу декабря распродадут излишки мяса на рынке, и нам с сестрой, как было обещано, купят по новому пальто. А там уже и Новый год

не за горами! Будут весёлые ёлки в нашем поселковом клубе и в школе! Всё-таки не удержался я и заглянул за заветную черту...

А перед этим мы с отцом как обычно отправимся за ёлкой для дома, под которой нас с сестрой в первый день года будут ожидать подарки, «принесённые ночью Дедом Морозом». И будут такие радостные долгие зимние каникулы с катанием на горках и коньках-снегурках по утрамбованным снежным дорогам посёлка, где машины так редки...

И никакое, даже самое затяжное ненастье не сможет нам испортить настроения. И лишит нас этого счастья — общения с близкими тебе любимыми людьми.

И вот сейчас уже скоро мы придём домой, промокшие. А там — топится печь. Дома тепло. Хорошо. Чисто. Уютно...

Бабушка быстро, пока мама переодевает нас в сухое бельё, приготовит на большой сковороде пескарей с луком и яйцами.

Все будут есть. Смеяться. Радоваться нашей добыче. Хорошо! Вот ещё бы только, хоть ненадолго, в особо счастливые моменты, научиться как-нибудь останавливать время...

29–31 августа 2016 г. Порт Байкал

12–19 января 2017 г. Иркутск

АЛЕКСАНДР КЛИНДУХОВ

Прислонясь к небесам

* * *

Села сорока на ель и качается,
Будто ей всё нипочём,
Будто и жизнь никогда не кончается —
Бьёт своим вечным ключом.

Только завидовать вроде бы нечему:
Тоже, наверно, тоска
Так вот сидеть и качаться на веточке
Ели на крае леска.

Тихо бежит родниковая чистая
Струйкою тонкой вода.
И распознать ту великую истину
Мне не дано никогда.

КЛИНДУХОВ Александр Фёдорович родился 23 июля 1956 г. в рабочем посёлке Калинино Калининского района Горьковской области. В 1978 г. окончил Кировский политехнический институт по профессии «инженер-электрик». Служил в армии под Владивостоком и на Камчатке. Работает на металлургическом заводе начальником отдела. Автор пяти книг стихотворений: «Суровая нитка моя» (Киров, 1995), «Былые песни» (Киров, 2004), «Избранное» (Киров, 2006), «Черёмуха, рябина и ольха» (Киров, 2009), «Превыше звёзд» (Киров, 2016). Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Смена», «Нижегородская провинция» (Саров), «Луч» (Ижевск), «Нижний Новгород» (Нижний Новгород), «Нива» (Казахстан), «Подъём» (Воронеж). Автор повести «В Петропавловске-Камчатском полночь» («Роман-журнал XXI век»). Член Союза писателей России. Живёт в г. Кирове (Вятка).

* * *

Я вышел из беды подобно Ною,
Хотя и сам совсем не без греха,
И вот тогда склонились надо мною
Черёмуха, рябина и ольха.

Мне так легко дышалось, даже пелось.
И я стоял, как выпивший слегка,

И лишь не осуждали мою смелость
Черёмуха, рябина и ольха...

Исчезнет свет над крышкой гробовою,
И чтобы смерть не так была горька,
Склонитесь над моею головою,
Черёмуха, рябина и ольха!

* * *

Чёрное небо. Не видно
Звёздочек, только одна
Шхуною пьяного Флинта
Бродит по небу луна.

Я же, давно протрезвевший,
Молча смотрю на луну,

Не поклоняясь ни ветру,
Ни золотому руну.

Лишь иногда, отчуждённый,
Взгляд свой бросая в толпу,
Тихо в поэзии тёмной
Я пролагаю тропу.

* * *

Солнце садится на берег реки,
Село за ивами — и не видать.
Удочки, как продолжение руки, —
Парни пытаются щуку поймать.

После работы устать бы должны:
Ужин сварганить, поесть бы да спать,
Только упорно, забывши про сны,
Парни пытаются щуку поймать.

Над головами висят комары:
Сил больше нет, чтобы их отгонять.
Но остальные все рыбы малы —
Парни пытаются щуку поймать!

Вновь уезжаем, лишившись ухи.
Рыбы остались в реке ночевать.
Ночью приснился нам берег реки —
Парни пытаются щуку поймать.

Закат

Под вечер краснеет округа:
Берёзы, наш дом, мезонин,
Трава на заброшенном луге
И всё, что чернело за ним:

Ручей в одинокой ложине,
В колоде журчащий родник
И тропка в засохшей малине,
Что к речке ведёт напрямик...

Такое лишь может присниться.
От счастья застыл у ворот.
Зачем же так жалобно птица
В лесу одиноко поёт?

* * *

...Спиной прислонясь к небесам,
сидят парни вокруг огня...

Кс. Некрасова

Прислонясь к небесам, мы сидим у огня,
Что взлетает и тает в бескрайнейшей тьме,
А работа осталась за шторами дня,
Что пришпилены крепко к ночной тишине.

Стынут плечи, но руки согреты огнём.
Небеса. Сколько в них отразилось веков!
Потрудились на славу мы нынешним днём —
К нам созвездья несутся стадами венков.

Нам привычен огонь: сколько тайн пролегло
От огней наших предков до наших огней.
Мы сидим у огня. Как нам вместе легко
Коротать вечера остывающих дней.

Мы безмолвны. Огонь догорает в тиши.
Только ветром раздутые угли, яркие,
Разлетаются в поле — держи их, держи!
Но они уже светятся как маяки.

Болоньевый плащ

Мальчишкой был и в жизни толк не знал,
И не спешил ещё куда-то мчаться.
Она вошла во двор, как в бальный зал,
И лишь спросила: «Можно покачаться?»

Распахнут плащ болоньевый, простой,
По меркам общим — попросту одета,
Но для меня она была звездой
Или, по крайней мере, чудом света!

Бежали дни. Вертелось колесо
Привычных дней, не просто — с ускореньем.
Вокруг себя нагородил лесов
И трепетал над созданным твореньем.

Был час пустой. Забрёл в соседний двор
И размышлял, чего я в жизни стою.
Хоть озибался, как заправский вор,
Но всё-таки столкнулся со звездой.

Она играла плащиком в руках.
Прошло два года — срок такой огромный!
Всё изменилось, только плащик, ах,
Всё тот же плащик — тоненький и скромный...

Что стало с ней? Подчас издалека
Возникнут двор, скрипучие качели...
О, как летали ввысь, под облака!
О, как от ветра руки коченели!

* * *

Смотрю на мир с Чурина угора	Неясен путь, но ясно расставанье,
Сквозь дождь, что хлещет из седых небес.	Освобожденье от мирских сетей.
Не слышит он ворчанья и укора.	
Но просиял под солнцем дальний лес,	Так стоит ли на мир смотреть с укором
	И горевать, раз это всё пройдёт?!
И дождь ушёл... Свежеет мирозданье,	Смотрю на мир с Чурина угора,
И на душе становится светлей.	И вдаль несутся годы напролёт.

* * *

Срываю ль шиповник, промёрзший насквозь,
Иду ль по дороге в сиянии звёзд,
Сижусь у злосчастной скрипучей двери,
Я вижу и чувствую губы твои...

В столовой ли пью жидковатый компот,
Ищу ли пропавших с обеда комрот,
Стою ль на разводе в сыпучей пыли,
Я вижу и чувствую губы твои...

Я вижу и чувствую... Рота, подъём!
В движенье приходит казарма — снуём,
Как трудолюбивые муравьи...
Почувствуй, я чувствую губы твои!

* * *

Дракованова Кулига.	А на кладбище забытом
Церковка. Погост.	Битая плита,
Перехожий ли калика	А на ней, землёй забита,
Иль случайный гость	Солнцем залита,

Я средь этого забвенья	Надпись тихая такая
Мира, тишины —	Взята в окоём:
Для меня всё это звенья	«Помяни их, Господи,
Мировой цены.	во царствіи своёмъ.»

* * *

Я проспал свои лучшие годы,
И мне было совсем невдомёк,
Что мой сон, словно талые воды,
Унесёт запоздалый поток.

Как мне было во сне интересно,
Как мне было привольно тогда,
Как звучали небесные песни,
И всю пролетали года!

Но с течением времени болью
Отзывались те песни во мне,
Словно птицы, томились в неволе,
Своей жизнью довольны вполне.

Я поднялся, как воин усталый,
Что лежал на калёной печи,
И ушёл, не осилив удара,
Растворившись в бездонной ночи.

АЛЕКСАНДР ОБУХОВ

Бабушка

РАССКАЗ

*С глубочайшим уважением
посвящаю молодым учителям*

— Той осенью, — начала любимая мною учительница Лидия Михайловна, — я проходила практику в четвёртом классе. Да, именно, в четвёртом. И училась на четвёртом курсе педагогического. Не скажу, что я без волнения входила в класс, но уверенность уже была: практика — не первая, ученье в институте, как ты знаешь, давалось хорошо. Думается, главное, что мне тогда помогало, — любовь к ребятишкам. Я любила их разных: добрых и злых, доверчивых и осторожных, искренних и лживых. Каждый ребёнок должен чувствовать доброе, участливое к нему отношение, и на основе этих чувств — учить предметам. Кажется, я увлеклась не интересными для тебя педагогическими рассуждениями. Прости, пожалуйста...

— Так вот, возвращаясь к практике, — продолжила Лидия Михайловна. — Веду первый урок, второй, — наблюдаю, изучаю детей. Они тоже ко мне присматриваются, испытывают несложными причудами-выпадами. И, что ты думаешь, где-то на пятом-шестом уроке чувствую проникновенный взгляд Алёши Пересветова. К этому времени я уже знала всех учеников по именам и фамилиям и, как

ОБУХОВ Александр Иванович, поэт, критик (род. в 1939 г. на прииске Николаевский Красноярского края). Автор книг: *Цветы России* (Иркутск, 1993); *Сквозь время ненастное* (Ангарск, 1995); *Звёздный вальс*: сб. рассказов (Ангарск, 1998); *Зимы не будет* (Иркутск, 2001); *«Слово о букве»* (Иркутск, 2001); *Светлячок*: стихи для детей (Иркутск, 2006) и др.; критических статей в различных изданиях. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

правило, обращалась к каждому по имени. А вот Алёшу я реже вызывала по имени. Меня влекла его фамилия: Пересветов, очень благозвучная, очень памятная для каждого русского — от имени Пересвет. Вот и мой Алёша — Пересветов...

Здесь Лидия Михайловна, отпивая чай из стакана, сделала паузу, а я залюбовался ею — тридцатипятилетней женщиной. Шатенка, с чётко обрисованным овальным профилем, с тёмно-кариыми глазами под чёрными бровями, с лицом, обрамлённым крупными естественными завитками тёмных волос, перехваченных декоративной заколкой, — притягивало-впечатляло меня и сейчас, и всегда. Да и не только меня! Откусывая от любимой ею конфетки «Чародейка» и глядя на меня неотразимыми «ночными глазами», она улыбнулась и обнажила два ряда ровных жемчужинко-зубов, белизна которых усиливалась-подчёркивалась и шоколадной конфетой, и смуглой, по-рафаэлевски изящной, как у мадонны, кистью руки. Моё восхищение не осталось без ответного внимания Лидии Михайловны. Лиды!

— Что, бусинки-жемчужинки в улыбке считаешь? Или про себя цитируешь пушкинское: «Как тучи, локоны чернеют»? Говори! говори! Я люблю, когда ты восхищаешься мною... Ты так красиво-поэтично восхищаешься! Спасибо...

— И первое, и второе делаю: жемчужинки считаю, тучами люблюсь и, в-третьих, продолжаю пушкинское: «Звездой блещат её глаза, её уста, как роза рдеют...» Довольна ответом? Думаю, довольна... Восемнадцать лет уже это, Лида, длится. Восемнадцать. С десятого класса... Но, если далее рассказ будет идти в перехлёст с восхищением тобою, он до утра не закончится. Итак, ты закончила словами «Алёша Пересветов...» — продолжай.

...Вернувшись к теме разговора, Лида поведала мне, что однажды, после звонка на перемену, Алёша подошёл к её столу, раскрыл учебник и обратился с вопросом. Она склонилась к странице, и её пышные волосы коснулись головы Алёши и частично его лица. Всё последующее Лидия Михайловна связывает с этим, в какой-то степени, интимным моментом, который она осознала несколько позднее...

— Когда мы оторвались от учебника, — вновь зазвучал голос Лиды, — взгляд Алёши был очень взволнованный, и, чтобы успокоить мальчика, я ласково провела ладонью по его белокурой головке и доброжелательно ободрила:

— Алёшенька, ты не волнуйся. Будут вопросы — подходи смело.

После моих слов Алёша слегка прильнул ко мне — и:

— От вас так вкусно пахнет, как от мамы... — и, чуть приостановившись, тихо добавил: — Как от маминого флакончика.

...С того памятного общения прошли годы, а Лидия Михайловна всё ещё не может без волнения вспоминать случившееся и всё дальнейшее, связанное с Алёшей. Сейчас ей на помощь пришёл очередной глоток спасительного чая и подружка-«чародейка». Я не стал торопить с рассказом и молча пил из любимой пиалы, подаренной ею. Волнение одухотворило лицо рассказчицы, навело пунцовый глянец на щёки, заалило губы. «Новое состояние — и какая весенне-зоровая прелесть лица! Какая неисчерпаемая духовность!» — подумалось мне.

Поставив локти на стол и, покачивая пальцами стакан, как маятник, Лида раздумчиво-медленно продолжила:

— Представляешь, Сашенька, прошёл ещё один день, и на одном из уроков я снова ощутила, а затем и увидела направленный на меня вдумчиво-глубокий взгляд Алёши. Мелькнула мысль, что у него есть что-то необходимое сказать, и я вопрошающе кивнула ему, на что он ответил отрицательным движением головы и, как мне показалось, смущённо склонился над тетрадкой.

Не скажу, что мною уделялось каждому ученику одинаковое внимание, но и в пасынках никто не был, с каждым я умела устанавливать понятные, добрые отношения, которые формировались не только на уроках, но и на различных мероприятиях в школе и за её пределами: в походах на природу, в кино, музеи. И всё-таки Алёша Пересветов привлекал и располагал меня больше других: в нём чувствовалась — не по годам — большая собранность, самостоятельность, ответственность, от него веяло особенной одухотворённостью. Чувствовалась его начитанность. Что говорить, к нему я была расположена более, нежели к другим. Алёша чувствовал это и смелее общался со мной: он мог первым встретить меня перед уроками, поздороваться, потом немного пройти со мной и весело отбежать...

И вот слушай дальше. Практика заканчивалась, осталось провести два дня в школе. В предпоследний день, после звонка с последнего урока, подходит ко мне Алёша и говорит:

— Лидия Михайловна, а вы не можете... к нам в гости, пожалуйста. Я очень-очень вас прошу. Сейчас, после уроков...

Наши отношения были добрыми, можно сказать, дружескими, но, тем не менее, просьба оказалась удивительно-неожиданной — застала врасплох. Не буду скрывать, мне было интересно узнать условия воспитания мальчика, такая мысль у меня, как будущего педагога, возникала, и я могла по своей инициативе навестить семью Алёши, но не получилось. Алёша — пригласил.

— Спасибо, Алёшенька... А будет ли это удобно, так неожиданно, не предупредив родителей?

— Будет, Лидия Михайловна, будет, — убедительно ответил он. — Я уже дома говорил о вас.

В тот день, — продолжала Лида, — окна класса лучисто отражали солнце; было видно, как в воздухе задумчиво парили белые пушинки, покинувшие стебли молочая, растущего на меже пришкольного участка; осенний полдень изливал божественную благодать. Моё оживлённо-радостное настроение было под стать деньку, я имела прекрасный отзыв о проведённой практике, и сама утвердилась в своём профессиональном выборе, а поэтому было бы грешно не исполнить просьбу милого мальчонки.

— Хорошо. Спасибо, Алёшенька, за приглашение. Но давай по пути забежим в магазин, я куплю торт к чаю и ещё — что ты хочешь?

— Хоть что, Лидия Михайловна. Я всё ем.

Зашли в кулинарию, потом в магазин, при выходе на улицу он тотчас предложил:

— Лидия Михайловна, давайте вашу сумку или торт, я понесу.

Я вручила ему сумку, и мы пошли...

Во время взволнованного рассказа Алёши о любимом герое Алексее Маресьеве мы неспешно продвигались по улице, всем своим обликом напоминающей деревенскую.

— Пришли, Лидия Михайловна! — весело воскликнул Алёша, указывая на деревянный, выкрашенный зелёным дом, проглядывающий из-за ветвей ранетки.

Юный хозяин отодвинул щеколду-засов калитки, и мы вошли во двор, — продолжила Лидия Михайловна. — К веранде дома вела мощёная кирпичом дорожка, вдоль неё алели розовошёрные георгины и угасали-отцветали печально-нежные гладиолусы. Облетевшая с яблонь и ранеток листва расцвела, изукрасила ровную, утопанную под ними площадку. Тёплый солнечный денёк подпарил рассыпанные по земле плоды, заволожил листву, всё источало лёгкий, пряно-по-

кальвающий аромат; в палисадике — над нашими головами — сладковато пахло от созревших плодов ранетки и от бордово-красных яблочек, рясно висящих на ветках и ярко окрасивших ажурную крону.

— Лидия Михайловна, ставьте, пожалуйста, торт, — предложил Алёша, указывая на стоящий рядом стол, куда поставил сумку и свой ранец.

...Тихий, уютный, в пределах города, но не городской мир обласкивал, мягко изливал томление и негу. Так бы стояла и стояла очарованно-околдованно рядом с Алёшей... Я сорвала ранетку и неспешно, задумчиво надкусила кисловато-сладкую вяжущую мякоть...

Молчаливые, мы стояли напротив друг друга, угощались дарами осени.

— Пойдёмте, Лидия Михайловна, в дом, — вывел меня из небытия тихий голос. — Скоро папа придёт.

Алёша отомкнул дверь, и я, взяв сумку и торт, ступила на чистые светло-коричневые половицы веранды. Справа, около застеклённой стенки, стоял деревянный столик ручной работы, на нём блестела стеклянная ваза с тремя гладиолусами; напротив, у бревенчатой стены, темнела деревянная кадь, на крышке которой лежал эмалированный ковшик.

Войдя в просторную, несколько сумеречную кухню-прихожку, какие обычно бывают в частных домах, я обратила внимание на изящно облицованную плиткой печь-голландку, на покрытый светлой клеёнкой стол и на три табуретки под ним... Прошла к столу, поставила торт, выложила сыр и коробку конфет.

— Садитесь, Лидия Михайловна, — предложил Алёша, выдвинув табуретку. — Я сейчас переоденусь.

Появившись на кухне, он спохватился:

— Лидия Михайловна, может, в комнату пройдёте — там лучше. Я очень быстро почищу картошку, поставлю вариться и тоже приду. Вы любите картошку?

— Люблю, Алёша, люблю. Вместе и почистим, быстрее будет.

Он моему предложению искренне обрадовался, его глазёнки лучились.

— Тогда... оденьте папин... — несколько смутившись, проговорил он и снял с гвоздика фартук, в который меня можно было трижды завернуть.

Уверенная работа «белоголовой хозяйюшки» покорила меня — картофельная кожура непрерывной лентой стекала с округлого клубня. «И откуда такая ловкость-сноровка?» — подумалось мне. Вскоре кастрюля с картошкой, чайник, наполненный водой, были поставлены на газовую плиту.

— Всё, — облегчённо выдохнул Алёша. — Вот-вот папа придёт. Снимайте, Лидия Михайловна, фартук. Пойдёмте в комнату.

Я сняла фартук, повесила на место.

Комната-зальчик, где мы оказались, тремя окнами выходила на улицу и одним — во двор. Комната была светлая и просторная. Чистота... уют. Внимание привлекли живописные работы в добротных багетовых рамах, и я с удовольствием рассмотрела каждый пейзаж. На одной из стен висели книжные полки и манили именами известных мастеров художественной литературы; рядом стояли книги по технике, имена авторов были мне неизвестны. Далее взгляд остановился на трюмо старинной работы, из которого, как ты должен догадаться, смотрела на меня очень красивая молодая девушка, то есть — я. «Какое чистое отражение», — подумалось мне тогда. Однако я не увидела на полочке трюмо тех милых парфюмерных вещиц, без которых не обходится ни одна женщина. Словно забытым, одиноко стоял флакончик любимых мною духов «Дзинтарс». В памяти мгновенно высве-

тились слова Алёши: «От вас так вкусно пахнет, как от мамы... Я говорил о вас с папой...» И тут вспыхнула догадка: «Алёша живёт без мамы». Как сейчас помню, у меня ощутимо-больно сдавило виски, боль скатилась до сердца и там кольнула. «Бедный Алеша... почему без мамы?» Мысль оборвалась негромким стуком калитки и радостным кликом:

— Ура! Папа пришёл!

Отец уже с порога одобрил сына:

— Ты, Лёша, молодец как всегда, слышу запах картошки.

А молодец, выйдя на кухню, тоже поспешил сообщить отцу новость:

— Папа! У нас — моя учительница Лидия Михайловна.

— Вот новость так новость! Что ж ты не предупредил вчера?

— Я не знал, папа, что она согласится.

— Что же... веди знакомиться.

Я стояла у книжной полки, листая какую-то книгу.

Алёша вошёл первым, его лицо излучало радость.

— Вот, папа, моя любимая учительница Лидия Михайловна. Видишь, какая она добрая и красивая!

— Вижу, сынок, вижу, — ответил он и, протягивая мне руку, представился: — Владимир Петрович. Спасибо вам, Лидия Михайловна, что зашли. Алёша мне о вас часто говорил.

Лицо Владимира Петровича было, как у сына, открытое, светлое; от него исходила-источалась доброжелательность, веяло силой и надёжностью. Чистая белая рубашка в полосочку, светло-серый костюм, дополняемый в тон ему галстуком, тоже создавали приятное впечатление, располагали.

— Что же мы стоим! — спохватился он. — Садитесь, пожалуйста, — и предложил мне стул. — Заждались, наверное...

— Да нет. Только успели картошку приготовить. Алёша у вас золотой: трудолюбивый, умелый. Учится хорошо. Дружелюбный мальчик.

— Спасибо, Лидия Михайловна. Стараемся...

Во время разговора Алёша молчаливо стоял, внимательно смотрел на нас, слушал и с возгласом «О! кажется, горит!» выскочил на кухню, напомнив этим об ужине.

— Вы, Лидия Михайловна, минуточку посидите, пожалуйста... кое-что соберу на стол, потом с вашими сладостями — чай.

Мой взгляд потянулся к полке, я взяла первую попавшуюся книгу со стёртым названием, а раскрыв её, прочитала: «Педагогическая поэма». Стало очевидно, что папа читает не только техническую литературу. Дальше моя мысль прервалась, потому что появился поднос, на котором было «кое-что на стол». Мы совместно расставили тарелки, разложили вилки, ножи... У вошедшего Алёши, как солнышко, светилась на блюде жёлтая картошка.

— Всё готово, можно и садиться, — пригласил хозяин. — Нет, кажется, не всё... — и вышел на кухню.

Вернулся Владимир Петрович с бутылкой десертного «Муската» и двумя рюмками.

— Думаю, что за знакомство можно... — полуспросил-предложил он, ввинчивая штопор в пробку. Я указала ему взглядом на Алёшу и отрицательным движением головы отклонила предложение.

Мы разложили картошку... Алёша, как главный «виновник» знакомства, сидел во главе стола и восторженными глазами поочерёдно смотрел на нас, сидящих друг напротив друга.

Когда все, с большим аппетитом приступив к картошке и огурчикам, немного поели, Алёша высказал главное, затаённо приготовленное:

— Ты, папа, обычно говоришь мне, что ищи, Алёша, маму себе сам и, если полюбите друг друга, то и ты полюбишь её. Я, папа, очень люблю Лидию Михайловну.

От неожиданности у меня выпала вилка и звонко ударилась о тарелку; маковым цветом вспыхнуло лицо Владимира Петровича. От услышанного моё лицо тоже воспламенилось, я резко опустила взгляд, взяла вилку и молча сосредоточенно, не зная, что делать, накалывала кружочек огурца.

— Лёша, разве о таком говорят вот так неожиданно-скоропалительно, без раздумья? Видишь, ты смутил Лидию Михайловну и меня, — спокойно заметил отец. — Простите, Лидия Михайловна. Пожалуйста, простите. Говорил я об этом... говорил. Четыре года живём без мамы. Умерла она. Царство Небесное ей... Себе, может бы, я нашёл... а вот сыну?... Давайте помянем её...

Я согласно кивнула, пригубила рюмку. Туманящие слёзы закрыли глаза. От глотка вина стало и легче, и тяжелее: я узнала состояние ребёнка, оценила мужество папы, главное в его жизни — встретить ту, которая могла бы стать для Алёши любящей и любимой мамой.

Чувствуя себя в какой-то степени виноватой в том, что, может, чрезмерно дружеским отношением к Алёше спровоцировала событие, я заключила:

— Владимир Петрович, Алёша не виноват в сказанном, по-видимому, мною был дан повод. Вы меня, пожалуйста, тоже простите.

Алёша сидел тихий, задумчивый, его тоскующее сердце не могло знать, что отношения взрослых складываются иначе.

— Да я его не виню, — продолжил Владимир Петрович. — Он говорил мне о вас, но я не придавал его чувствам столь серьёзного значения. И вот...

Алёша, слушая наш доверительный душевный разговор, успокоился. Настроение всех восстановилось. Потом пили чай, говорили о классе, в котором училась Алёша, я коротко рассказала о своей студенческой жизни, потом о родителях, проживающих в деревне. Владимир Петрович поведал о своих заводских делах, о повседневной напряжённой работе коллектива, которым руководил.

Наступили сумерки — пора уходить. Во дворе, под пахучими ранетками, я погладила белокурую головку Алёши. Владимир Петрович проводил меня до автобуса, прощаясь, протянул ладонь, мягко-ласково пожал мою и пригласил в гости...

Я окончила институт, — после некоторой паузы начала Лида, — получила работу, как тебе известно, в одном из микрорайонов областного центра. Вскоре вышла замуж. После учёбы минуло одиннадцать лет. То ли близость к городу, где я проходила практику, то ли глубокое чувство возвращало меня к Алёше Пересветову, к далёкой памятной встрече. Не скажу, что у меня не было за это время других приятных знакомств, но та была особенной...

Здесь Лида взволновалась, словно это произошло вот-вот, на днях, и продолжила:

— И что ты думаешь... Однажды, в конце сентября, часов около шести вечера, в прихожей раздаётся звонок. Я отрываюсь от тетрадок, открываю дверь и вижу молодого человека с младенцем на руках, а рядом с ним, я поняла, стояла его жена.

— Разрешите войти, — попросил мужчина.

— Да, входите, пожалуйста, — пригласила я и отступила в коридор.

— Лидия Михайловна, здравствуйте! Я — Алёша Пересветов... Помните, четвёртый класс... Вы у нас в гостях были...

Он произнёс это так, словно не прошло и недели с той встречи. И это «словно не прошло» так и было: через сотни лиц школьников вспомнилось детское лицо Алёши, теперь повзрослевшего и напоминающего родного отца. И снова, как в далёком детстве, боясь упустить главное заготовленное, волнуясь, он продолжил:

— Лидия Михайловна, вы знаете, у меня с детства не было... мамы. Жена моя Надя — сирота, из детдома она. Я хочу... мы хотим, чтобы у нашей Алёнушки была бабушка.

— Господи! Да что же мы стоим... Алёшенька, милый, проходи. Надюша, проходи. Проходите, пожалуйста.

Я бережно-ласково приняла из рук Алёши протянутый свёрток-одеяльце — неожиданную внучку...

— Поздравляю тебя, юная бабушка! — воскликнул я и горячо поцеловал её нежную руку.

Мягко отстранив меня, Лида завершила рассказ:

— Вот такая история произошла со мной, Санечка. Бабушка я. А ты — всё сокол летающий. Когда на землю опустишься? У меня сейчас, стало быть, большая семья — муж, двое моих детей: Иришка с Ванюшкой, и недавняя гостья — Алёнка. Ой, да что я говорю «двое моих детей»... Все трое — мои родные.

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

Аромат вечности

В защиту «ходящих по воздуху»

Возражение философу

Что-то глубоко несправедливое есть в упреке немецкого философа Гердера в адрес византийского Православия. *«Христианская идея, — писал Гердер, — сбила с толку ум человеческий — вместо того чтобы жить на земле, люди учились ходить по воздуху. Долг людей по отношению к государству путали с чистыми отношениями людей к Богу и, сами не ведая того, положили в основу Византийской христианской империи религию монахов, — как же могли не утратиться верные отношения... между обязанностями и правами, наконец... даже между сословиями государства»*¹.

Скорее всего, философ обращался здесь к читателям Западной Европы, которые представляли себе Византию XIII–XIX веков как отсталую страну, где процветал «религиозный фанатизм». А византийские богословы были уверены в своей правоте. Согласно их концепции *«человек не есть автономное существо, но что его истинная человечность реализуется лишь тогда, когда он живёт «в Боге» и обладает божественными качествами»*².

Но Гердер, как и его последователи, слишком верил в возможность рационального устройства человеческого сообщества с помощью законов и правильного воспитания граждан. Но без пробуждения религиозного сознания эта цель неисполнима!

Гердер словно не слышал о Мефистофеле, о котором написал его земляк — великий Гёте, живший в это же время в том же городе Веймаре по соседству с ним. В любом человеке, кроме человечности, есть ещё способность откликаться на бе-

¹Цит. по: Кожин В.В. История Руси и русского слова. М., 2001. С. 48.

²Протоиерей Иоанн Мейндорф. Византийское богословие. Минск, 2001. С. 200.

совские соблазны и увлекаться ими. А уж князь тьмы со своим арсеналом средств готов так «перевоспитать» людей, что от навыков светского и религиозного воспитания ничего не останется. И представители духовенства порой поддавались его чарам! Самые лучшие эстетические ценности, земные богатства, женскую красоту дьявол использует в качестве «сыра» для своей «мышеловки».

Иисус Христос явился в мир и открыл людям, какая мощная духовная сила скрыта в них. Эта сила способна выдержать натиск целой вселенной греха и порока. Он пришёл, чтобы *«изменить внутреннюю жизнь своих учеников и последователей...»* Он пришёл и *«обновил естественное состояние, и чувства сделал опять здоровыми, какими они были вначале»*³.

Рассуждая о христианской идее, Гердер был не прав в самом существенном, а именно: для того чтобы правильно жить на земле, любому верующему надо сначала «научиться ходить по воздуху», то есть постигнуть существо Евангелия.

Еще в начале одиннадцатого века Симеон, новый богослов, сетовал, что *«из отцов нынешнего века никто почти не воспитывает детей по-христиански и не обучает их правилам и заповедям Христовым, но все почти воспитывают их в обычаях мирских и правилах эллинских. Не страшатся они и не трепещут при мысли, не сделали бы их дети что-либо неуместное и не отпали бы чрез то от... сыноположения Христа и не сделались опять рабами врага нашего тирана-сатаны»*⁴.

Византийцы предлагали другой «проект жизнеустройства», основанный на приоритете духовных ценностей над материальными. Это чрезвычайно раздражало практичных европейцев. Особенно купеческие кланы и ростовщиков Генуи и Венеции. Они приобрели сказочные богатства на эксплуатации колониальных народов и начали экспансию добытого ценой тысяч жизней финансового капитала (под проценты) по всему тогдашнему миру для завоевания мирового господства. Византийская «религия монахов» никак этим планам не соответствовала. Более того, она грозила их полным разрушением как пример абсолютно другого отношения к целям человеческого существования.

Точно так же сегодня наших алчных «купцов» раздражают духовные достижения нынешнего российского Православия!

В начале 90-х годов многим казалось, что Россия возвращается к активному Православию. Сотни храмов пережили второе рождение, открылись новые приходы. Но материальную часть церквей восстановить проще, чем духовную силу проповеди наших церковных наставников.

К сожалению, наши соотечественники до сих пор не часто пускают церковь в свою душу, редко делятся с пастырем самым сокровенным. Но надо помнить наказ соборного послания апостола Иакова: «...вера, если не имеет дел, мертва сама по себе». Нужны дела и поступки, которые бы поколебали силы тьмы.

По многочисленным социологическим опросам, в России начала XXI века только 14 процентов довольны общением с сослуживцами, а большинство страдает от гордыни, хвастовства, чёрствости, зависти своих коллег! Человек так духовно «запущен», что даже не осознаёт этой своей ущербности и повреждённости!

Николай Каверин очень верно заметил, что теперешние молодые люди рано или поздно всё равно окажутся в церкви *«...не посредством «миссионерских литургий» и «миссионерских листовок», раздаваемых в храмах верующим и прохо-*

³ «Да будет воля твоя»: житие и труды священномученика Серафима (Чичагова). М., 2003. С. 216.

⁴ Слово преподобного Симеона Нового Богослова. Т. 2. С. 520.

жим на улице, а окажутся в церкви, когда Сам Господь посетит их скорбями, болезнями, невзгодами, смертью близких... Только при таких обстоятельствах и рождается нерасторжимая молитвенная связь человека с Богом»⁵.

Хочется добавить, и поймёт человек, что в мире нет ничего надёжнее, чем научиться «ходить по воздуху» по дороге к Богу. Так пусть это стремление рождается в нас не от болезней и других несчастий, а от благодарности Богу за каждый прожитый день, в котором все на своих местах и все здоровы — и родные, и друзья, и весь живой мир вокруг.

Иркутская история

В СМИ появилось сообщение, что в этом году на Иркутской земле состоится фестиваль поэзии, который будет назван именем поэта Анатолия Кобенкова. Фестиваль либеральной поэзии, разумеется. Кобенков организовывал подобный фестиваль не один год. Вложил в это дело много сил.

Я познакомился с поэтом в 70-х годах на севере Иркутской области. Анатолий Иванович приехал, чтобы посетить Витимский заповедник, с которым я был связан по работе. Встречали мы его со всем размахом сибирского гостеприимства. Кобенков не так давно служил в армии, и это ощущалось по его выправке, твёрдости в голосе. Он привёз сборник стихов. В них были все переживания солдата — нашего солдата, советского. Это была лирика человека из Русского мира. Мы были ровесники, служили в одних войсках, в одном дальневосточном военном округе. Нам было что вспомнить.

А потом Русского мира, как нашего общего мира, не стало. Словно кто-то объявил о его окончании в связи с введением «свободного рынка». Кобенков вдруг вспомнил о своих иудейских корнях. Сам феномен такого пробуждения национального сознания в постсоветский период — мало изучен. На него даже есть негласное табу. А зря! Тут есть о чём задуматься.

После краха СССР «скреплять» народ в одно целое стало уже нечем, не стало идеологии, основанной на общем труде и общенародной собственности. Серьёзные академические издания констатировали повсеместные поиски национальной идентичности во всех бывших советских республиках. Но никто не интересовался, что происходит с мощным и влиятельным «отрядом» нашей интеллигенции — с творческими людьми еврейского происхождения. А там происходили поистине судьбоносные сдвиги сознания в сторону индивидуализма, причём своеобразного, национального. Вот и Кобенков... ещё вчера, в заповеднике, это был очень свой, простой однополчанин и поэт, а сегодня... это был уже весь пропитанный гордыней небожитель, учитель отсталого народа, среди которого он вынужден жить. С ним стало трудно разговаривать...

Казалось, что этот человек очнулся от долгого сна и понял, что он на чужбине... Невольно думаешь, если бы в этот момент его увезли в Израиль, устроить в местный колхоз (кибуцы), он бы спасся и ещё прожил долгие годы в гармонии с окружающими людьми и природой. Родные просторы Святой земли дали бы ему новую творческую энергию для пробудившегося иудейского миропонимания. Обязательно появились бы новые образы для стихов, новые темы! И новые друзья, и новое духовное сообщество!

⁵Каверин Н. //Сайт «Благодатный огонь» (28.12.2011).

А с чем Анатолий Иванович остался здесь, в России? Со своим космополитизмом, с музой, как холодной снежной бабой посредине студёной Сибири. Всё в этой «снежной бабе» сляпано из самых разных деталей, нос из морковки, шляпа из ведра, а единого образа нет! Лирическая поэзия — не политика, её не обманешь. Это в политике — сегодня ты бесстрашный революционер Яков Свердлов, а завтра — такой же неутомимый антиреволюционер Шендерович или Быков. Вчера — неутомимый строитель социализма Каганович, а сегодня — капиталист Абрамович. Настоящая лирика (как предупреждал ещё Борис Пастернак) не читки требует с актёра, а полной гибели всерьёз. По крайней мере, полного растворения в любимом образе. Если ты творческий человек, надо как-то определиться в своём отношении к обществу. Вот, Мэир Шалев, известный писатель в США, а всей своей душой — он всегда в Израиле. Родина продолжает духовно питать его как неиссякаемый чистый источник. Природу также не обманешь. Если в тебе проснулась иудейская душа, поддерживать жизнь в ней может особая духовная пища, предназначенная только для неё... Жил в Москве такой художник Виталий Стенин, валял дурака, вёл богемный образ жизни. А переехал в Израиль — сразу женился и с головой ушёл в изучение иудейской философии. Душу не обманешь — подай ей то, что она просит!

В своих статьях, опубликованных в иркутских газетах, я убеждал Кобенкова, что родину и мать не выбирают. Надо любить Россию — всякой! И оставаться любящим сыном при любых обстоятельствах. Что презрением русских «перевоспитать» нельзя, а заменить всех на благородных и умных кобенковых — не получится! Но кому я это всё вещал? Того однополчанина, которого я знал, уже не было. Был какой-то новый, неизвестный субъект, который сам вёл себя, как чужой!

По всем приметам Кобенков мог бы стать моим другом, но стал — идейным противником. Чудно, однако! Литераторы-«почвенники» выжили в условиях дикого «рынка», как выжила питавшая их иркутская творческая почва. Их защитил Байкал, приангарская тайга, вампиловские по духу предместья старого Иркутска, живые потомки героев пьес Вампилова, духовные богатства героев Распутина. Как бывают святые места, намоленные монахами, так бывают края, преображённые творческой энергией писателей. Таким — преображённым — было и есть всё Приангарье со своим Переделкино у Porta Байкал. Таким же было и Забайкалье с Сосново-Озёрском, преображённым талантом писателя Анатолия Байбородина.

Эти края — живой литературный музей. Выйдешь на любой станции — и перед тобой обязательно какой-то «памятник», например, посёлок, где работал будущий писатель Леонид Бородин... Братское море, на дне которого распутинская Матёра.

Поэт Кобенков явно не ощущал творческой «намоленности» здешнего пространства, не принимал его как духовное целое и прекрасное, вызывающее эстетический восторг. Какой может быть восторг, когда вокруг такие рыла!

В 2005 году поэт из Иркутска уехал. Либеральные СМИ громко завопили, что с отъездом Кобенкова литература в Иркутске кончилась. Это в городе, где было сильнейшее в России литературное сообщество во главе с Валентином Распутиным?!

А вот Кобенкову в Москве, видимо, было несладко среди либералов от литературы — циников и приспособленцев. Через год он умер прямо в московском метро.

С чем возвратится дух Кобенкова в Иркутск уже в качестве одноимённого фестиваля? Будет ли фестиваль залогом мира в нашей литературе или началом новой конфронтации?

Церковь и общество

Матушка-Сибирь... Была ты похожа на Европейскую Россию, но в чём-то существенном всегда отличалась неповторимым своеобразием. Архиерей Никодим в одном из писем пишет: «...Леса здесь необозримые. Земля не разделена: владей каждый, где и сколько хочешь и сможешь!» Это 1861 год — первые месяцы пребывания Никодима во главе Енисейской епархии, которая тогда объединяла церковные приходы нескольких губерний, в том числе и Иркутской.

Архиерей далее в письме сообщает, что «*духовенство покорно. Светские власти вежливы. Консистория, мною открытая, ревностна и покорна*». В то же время владыка с огорчением воспринимал несерьёзное отношение светского общества к духовенству и Церкви: «*крестятся, как бы отмахиваются от мухи*»⁶. Этот упрёк больше относился к прихожанам из почтенных сословий. Но не к купцам. Судя по историческим сведениям, именно они чаще всего (по крайней мере, в Сибири) помогали Церкви. Кажется, Господь в их лице дал русскому народу образец того, каким должен быть наш христианин, успешный в мирской жизни. Когда он обычаи православные чтит со страхом и любовью ко Христу. Удачу в деле имеет, а не возгордится, о нуждающихся братьях помнит и старается жить по совести. Родину любит без оглядки на тех, кто её не любит. Царь для него — связующий мост между ним и Богом!

Такой знаковой фигурой был купец Исидор Григорьевич Щёголев — один из главных золотопромышленников Сибири. В день рождения наследника цесаревича Николая Александровича решили золотопромышленники собрать средства на возведение нового большого храма. Собрали и вручили деньги Щёголеву. Через шесть лет собор был уже почти построен, но неожиданно рухнул. И тогда Исидор Григорьевич решил построить новый собор на свои средства. В 1861 году восхищённым взорам прихожан предстал Богородице-Рождественский храм, впоследствии кафедральный собор Енисейской епархии, центр духовной жизни Сибири. В этом соборе и совершил свою первую службу первый владыка епархии Никодим.

Какой прекрасной была бы наша жизнь, если бы в ней на ведущих ролях были всегда такие прихожане, как Щёголев! Сколько маловеров — купцов и дворян — сгинуло в небытие, не оставив никаких следов своего присутствия — домашний скарб сгнил, золото по чужим рукам разошлось. А вот Щёголев память о себе оставил великую! Когда большевики Богородице-Рождественский собор взрывать собирались, могилу купца возле собора вскрыли, и даже безнадёжные атеисты испытали страх: мощи Щёголева оказались нетленными!⁷

В истории сибирской Православной церкви было не много таких чудесных явлений. Через три года после вступления в должность архиерея Никодима в Иркутске обнаружили нетленными мощи святителя Иннокентия.

Бороться за паству надо было непрестанно, не давать ей духовно погибнуть в мирских страстях. В своём дневнике архиерей Никодим записал, что многие из крестьян искренне веруют, строго соблюдают посты и другие церковные правила. Побеждать тьму и невежество в душах можно было только духовным окормлением — архиерей объезжал, месяц за месяцем, всю епархию и совершал Божественные литургии и молебны! За два года он побывал почти в каждом приходе.

⁶Малашин Г. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ 1861–2011 гг. Иркутск : Изд. дом «Восточная Сибирь», 2011.

⁷Там же.

Деятельность и других сибирских проповедников тоже была настойчивой и постоянной: вдохновенные проповеди, беседы, а часто и реальная помощь прихожанам в их житейских невзгодах. Священник тех лет и учил паству, а порою в отдалённых сёлах лечил и заступался за обиженных.

Священный Синод в докладе царю обосновывал необходимость открытия Енисейской епархии следующим обстоятельством: в пределах Томской и Енисейской губерний (с присоединением Семипалатинской) находятся до 20 тысяч раскольников (староверов), 150 тысяч инородцев-язычников. (Где-то там среди сибирских староверов в это время жил и молился мой прапрадед по материнской линии Пётр Марьяшин.)

В докладе Священного Синода говорилось: *«Для успешной жатвы на этой обширной духовной ниве необходимо сугубое пасторское действие, необходим и ближайший высший духовный надзор за деятелями... за духовенством и паствою!»* От священников требовалось всеми силами противодействовать «гибельному влиянию раскольников и расколуучителей». И они успешно справлялись с поставленной задачей.

И всё же деятельность самых опасных врагов Церкви, первых революционеров, наши пастыри недооценили. За это пришлось потом (в 1917 году) дорого заплатить всей пастве.

В 1860 году в Сибирь прибыл на поселение ссыльный русский социалист М.В. Буташевич-Петрашевский. На совести социалиста-революционера была уже исковерканная судьба молодого студента Фёдора Михайловича Достоевского. За участие в революционном кружке петрашевцев великий писатель был осуждён на четыре года каторжных работ. Достоевский довольно быстро разглядел суть социалистов-революционеров и осудил их как самых настоящих бесов. Губернатор терпел долго, потом всё же решил выслать смутьяна-социалиста подальше от губернского города, потому что он *«безбожник опасный в сношениях с сосланными сюда мятежниками»*.

В лице таких вот петрашевских в Россию пришла мощная антихристианская сила. Она отличалась глумлением над верой, что заметил ещё Достоевский. Эта сила пришла в тот момент, когда представители власти (когда-то самые ревностные защитники и покровители церкви) на нашу общую беду начали подражать европейским идеям «демократии», «гуманизма» и «просвещения». Подражали они как-то странно: своему местному правдоискателю могли жестоко сломать судьбу, а к политическим преступникам были необъяснимо лояльны: того же революционера Петрашевского, осуждённого на вечную каторгу в 1849 году, через несколько лет российские власти «простили» и заменили ему каторгу на поселение, да не где-нибудь, а в губернском городе.

Если рядовой член кружка, бывший студент Достоевский, отбывавший каторгу (по сибирским меркам почти по соседству), после каторжных работ не был допущен в «цивилизованный мир» дальше провинциального Семипалатинска⁸, то идейный вождь бесов, лютый враг самодержавия и христианства, называвший Иисуса Христа демагогом, Петрашевский, жил в большом губернском городе, вёл беседы с владыкой епархии Никодимом, а в «миру» смущал паству революционными речами. Губернские власти вроде бы проявили «принципиальность» по отношению к революционеру, но выслали его почему-то на юг губернии, в благодатное курортное место с целебными источниками. Удивительное дело! (Через

⁸Селезнёв Ю. Достоевский. Сер. ЖЗЛ. М., 1990.

несколько десятилетий в это же место будет отправлен для «исправления» другой революционер — Владимир Ильич Ленин!)

Не отличалась чувством ответственности за нравственное здоровье общества, за его религиозное воспитание и сибирская светская «элита». В истории епархии был такой случай. Третий владыка Енисейской епархии преосвященный Антоний призвал паству поучаствовать в строительстве Успенского общежительного монастыря. Но часть интеллигенции, включая главу города, вскоре перестала поддерживать строительство, то есть собирать пожертвования. Они «посчитали излишним расход строительных материалов». Интересно, испытывали ли интеллигенты и чиновники чувство стыда оттого, что монастырские сооружения всё же были достроены, но только за счёт пожертвования простых крестьян? Вряд ли!

Позже местные власти забрали у монахов главный корпус ближайшего монастыря и разместили в нём своё управление и почтовое отделение. Таких примеров на всей территории Сибири было немало. Какой-то невидимый глазу опасный сдвиг в сознании представителей российской власти, интеллигенции, мещан и чиновников уже произошёл. На одну из причин такого «сдвига» указывал М. Горький: «...Росла всеразделяющая частная собственность, обостряя отношения людей... человек должен был напрягать все свои силы на самозащиту от поглощения бедностью, на охрану личных своих интересов, постепенно теряя связь с племенем, государством, обществом»⁹.

Вторая причина — нигилизм, который давно вёл свою разрушительную работу в России вместе с усвоением «верхов» европейской культуры. Светская, образованная часть, как птица из силков, давно рвалась из православных обычаев и традиций — к жизни «европейской». Сто лет назад «позвал» её в такую жизнь историк Николай Михайлович Карамзин и его единомышленники. Вернувшись домой из путешествия по Европе, историк занялся просветительством, девиз которого «*всё народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами*»¹⁰. Постепенно в Сибири, как и по всей России, сложился целый слой людей самых почтенных сословий, которым о душе, о вере уже некогда было думать. «*Другое всем представлялось важным: политика, материальное устройство, удовлетворение чувственных интересов, ну еще, может быть, наука, искусство. Это всё называлось, и было действительной жизнью*», — писал митрополит Вениамин¹¹.

О благополучии всего общества уже никто не думал. Не думал как об общероссийском большом социальном проекте, включая выравнивание доходов среди различных слоёв населения. Исторический опыт убедительно доказал: резкий рост образованного населения должен сопровождаться одновременным ростом благосостояния этого самого населения. Иначе опасный перекося, иначе образуется «грозовой потенциал» между богатыми и бедными слоями, как между грозовыми облаками. Те, кто доволен своей сытой жизнью, вдруг с ужасом обнаруживают, что словно из ничего в стране возникает терроризм (как в наше время).

В 1891 году наши края посетил наследник престола, цесаревич и будущий царь Николай II. До коронации оставалось ещё пять лет. Встреча была тёплой и даже сердечной. Но при выезде из города наследник в испуге кинул под ноги лошади букет цветов, который ему бросили в карету жёны офицеров. Оттуда, из нарядной толпы, он уже ждал беды в виде спрятанной в букет бомбы!

⁹Горький М. Разрушение личности //Собр. соч. Т.16. М. : Правда,1979. С. 226.

¹⁰Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М. : Правда,1980. С.355.

¹¹Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнениях. М., 2002. С. 55.

Она пришла через четырнадцать лет — в 1905 году — вспышкой первых народных восстаний. Богослов А. Оносовский в ту пору писал: *«Церковь не может и не имеет права игнорировать поступки человека и социальную обстановку человеческой жизни. Она не может не следить за законодательством страны, за положением бедных и угнетённых, за состоянием рабочего класса и т. д. Церковь должна стремиться в некоторых случаях к гегемонии над правительственными начинаниями и протестовать против таких явлений, которые идут в разрез с нравственными устоями Церкви. Если последнего не будет, то Церковь будет представлять из себя нечто хилое, болезненное, немоющее, оранжерейное и в общем негодное для настоящей, требующей страшной энергии жизни»*¹².

Честное слово, всё вышесказанное А. Оносовским не устарело в качестве рекомендаций и для наших дней. Можно только добавить: если не будет большого духовного авторитета церкви, обязательно будет гегемония богатых мерзавцев-атеистов!

После войны нашей пастве и священникам пришлось пройти ещё много испытаний и лишений! В начале 90-х годов прошлого века буржуазная «элита» вернула себе власть, и снова, как и в феврале 1917 года, начала идеологическое наступление на православную церковь. Однако второе наступление не принесло такого же успеха, как первое. Не сбылась мечта либералов превратить нынешних священников в «менеджеров» по «демократичному» осуществлению церковных обрядов: без архиерейского руководства, соборности управления! (Так легче было бы ввергнуть паству в атеистическое «общество потребления».) К счастью всех верующих, в нашу церковь вернулись приверженцы канонического Православия. И стали её ведущей силой. Либералы у власти ещё не могут этого понять и по привычке пытаются действовать как раньше. Но прежнего эффекта нет. Православная Россия активно сопротивляется, православных русских стало слишком много! Это уже современное, образованное сообщество, которые ищут свой духовный путь в нашем сложном мире. И, надеемся, Бог поможет ему в этом!

Аромат вечности

Вспоминаю своё недавнее посещение кувуклии — маленькой часовенки внутри храма Гроба Господня в Иерусалиме.

Часовенка окружает плиту, на которой воскрес наш Спаситель.

Первое, что поражает, — особый воздух этого святого места. Такой бывает в пространстве русской печи, где каждый день разжигают огонь и бушует пламя. Но в пламени земном много земных запахов — сосновой смолы или берёзовой коры. А после остаётся сажа. И всё это вместе, после того как печь остынет, создаёт сложную гамму привычных и родных запахов домашнего очага.

В кувуклии чувствуешь, да, огонь здесь был, но никаких запахов, присущих земному огню, здесь нет! Огонь здесь спускается каждый год на Пасху во втором часу дня по местному времени, но это Огонь Неземной!

Атмосфера в кувуклии от ежегодного схождения Благодатного огня имеет свою окраску, свой особый состав, влияющий на обоняние, но аналогов ей на земле не найти. Сравнить этот запах в земной жизни не с чем!

Входящий в кувуклию никогда не вдыхал воздух с таким явным напоминани-

¹²Малашин Г. Указ. соч.

ем о Вечности. Это, по сути, аромат Благодатного огня, это — посланец Царствия Небесного... Но, несмотря на явно неземное происхождение, *этот воздух свой, родной, знакомый*.

Понять, почему он кажется на удивление знакомым, совершенно невозможно! Никто не демонстрировал его в церкви, никто никогда не ощущал его во сне, но он совсем не чужой.

А плита Воскресения, она тоже... *родная!* Несколько секунд движения к ней... Голоса у входа в кувуклию стихают... И времени больше нет... *оно останавливается...* Его больше не ощущаешь ни по «тиканию» собственного пульса, ни по другим приметам. Я уже не задаю себе вопроса, сколько я здесь пробыл, не фиксирую минуты, не считаю их неосознанно... Понятие о времени из меня просто улетучилось... совсем...

Только приходят на ум воспоминания грека Гермидия, который занимал должность биографа правителя Иудеи. До самого распятия он считал Христа обманщиком. Поэтому по собственной инициативе отправился в ночь под Воскресение ко гробу, надеясь убедиться в том, что Христос не воскреснет и тело Его навсегда останется в земле.

Но вышло иначе. *«Мы увидели свет от движущегося сверху сияющего облака. Затем раздался удар грома, от которого находившаяся стража в ужасе вскочила, а потом упала. В тот же миг огромный камень, лежащий на гробе, как бы сам собой поднялся и открыл вход. Мы очень испугались. Через некоторое время свет над гробом исчез, стало тихо, как обыкновенно. Когда мы приблизились, оказалось, что там уже нет тела погребенного человека»*.

Все, кто видел могильный камень сразу после Воскресения, отмечают, что эта глыба весом две тонны была не просто отодвинута от входа в гробницу, но находилась в таком положении, будто её подняли и перенесли вверх по склону, поодаль от массивного сооружения гробницы.

Документальных свидетельств воскресения Христа было немало. Грек Гермидий видел только облако и слышал гром. Ученик Иисуса, Иоанн, взглянул на то место, где лежало тело Иисуса, и увидел гробовые пелены, ещё сохранившие форму тела и слегка опавшие, наподобие пустой куколки, из которой уже вылетела бабочка. Одного этого было достаточно, чтобы обратить в веру любого.

Были свидетели, которые видели спускающийся к плите широкий яркий луч света. Через несколько мгновений по этому лучу вверх поднялась и исчезла в небе светящаяся человеческая фигура.

Воскресшего Иисуса Христа затем видело более пятисот очевидцев. Первосвященник Каиафа послал своего помощника разведать подробности о распятии Иисуса. И ему доложили всё в деталях: чудесное Воскресение состоялось!

Путь к Царствию Небесному, к схождению Благодатного огня был проложен!

Борьба с великим и могучим...

ЭССЕ

Когда-то сатирик Аркадий Райкин в миниатюре о школьном родительском собрании спрашивал: «Как избежать влияния улицы (на детей. — В.С.), когда кругом сплошные улицы?» Используя эту остроумную находку сатирика, зададим

аналогичный вопрос: как избежать слишком частого упоминания слова «русский» в стране, где русская речь звучит везде и всюду? А есть много желающих не упоминать его. Причём по самым разным причинам. Ведь за этим словом — целая нация с её историей и культурой. И творческий человек всегда стоит перед выбором следовать народным традициям в своём творчестве или использовать русский язык только как средство самовыражения художника-индивидуалиста.

В первом случае литератор понимает, что массовому читателю он будет по-настоящему интересен только в том случае, если «непосредственно причастен к внутренней жизни русского народа и разделяет его надежды, страхи и мечты», как говорил об одном советском поэте английский писатель Исайя Берлин.

Поэтому прозаик или поэт, литературовед или публицист с головой «зарывается» в словари, сказания и летописи. Он, как ребёнок, радуется каждому новому для себя слову и выражению, он ищет в уже известных словах неизвестные ранее оттенки смысла. Он чувствует себя Колумбом, который впервые отправился в плавание по огромному океану русского языка. Он открывает новые возможности языка. Он слышит в интонации старинных словосочетаний дополнительную информацию о том, как воспринимали его предки те или иные явления. В его прозе или поэзии, очищенные от наслоений столетий, старинные слова начинают новую жизнь. И, в итоге, его читатель лучше понимает, среди какого народа он живёт! Такое творчество становится частью народной жизни.

Во втором случае автора интересует человечество в целом, а конкретная страна, где он проживает, — только предмет для наблюдений. Меняется предмет — меняется язык! Писал Владимир Набоков на «великом и могучем», уехал за границу — перешёл на английский.

Душа такого литератора автономна. Он всегда занят только собой. Он проповедует только те духовные ценности, которые сам выбрал из наследства предков по крови, или от учителей — по воспитанию. Ему всё равно, совпадают или нет эти ценности с тем, что ценит большинство. Ему всё равно, куда стремится большинство. Недавний пример из прошлого: народонаселение пытается строить новые общественные отношения, а писатель Андрей Синявский «сидит в норе советского безвременья» вместе со всеми «здоровыми силами» и противостоит «демагогии большинства» (*А. Синявский, роман «Спокойной ночи»*). При этом обитатели «нор» придумывают множество уловок и теорий о праве на свою независимость от нации, которая наверху, над их убогими «норами», гремит великими стройками, запускает ракеты и пашет землю!

После краха СССР каких только «сказочек» не приходилось слышать по поводу той общности, которая с большим трудом складывается в нашей стране! Одна из таких популярных «легенд», которую рассказывают уже несколько десятилетий, гласит, что все, кто говорит на одном языке, принадлежат к одной нации. Критик Наталья Иванова в небольшой рецензии, опубликованной в журнале «Знамя» (*№ 5, 2017*), обмолвилась такой фразой: «Василий Гроссман, Фридрих Горенштейн... О евреях, на еврейскую тему, — но это русские писатели: по крайней мере, Горенштейн абсолютно ясно высказался на этот счёт: вопрос о принадлежности решается языком, а не кровью».

Писатель Горенштейн писал на русском языке, но принадлежал ли он духовно к народу, среди которого он жил и работал? Большой вопрос! Его самого уже об этом не спросишь. Талантливый, противоречивый прозаик и сценариста не стало. Но вот что пишет о нём, казалось бы, «свой» человек — «большой либерал» —

писатель Виктор Ерофеев. Горенштейн, по его мнению, «просто сопротивляется огромному количеству установок, которые мы приняли ещё в школе, или приняли просто с нашим образованием, с нашей верой в нашу литературную традицию». И почему-то «свой» по языку Горенштейн сопротивлялся русским литературным традициям? Ведь именно они превратили наш язык в то, чем он стал — великим и могучим. А потому сопротивлялся, что этот русскоговорящий писатель, оказывается, антигуманист. Виктор Ерофеев обвинял его чуть ли не в патологическом отвращении к людям, в «брезгливом чувстве к жизни». И этого чужака либеральная интеллигенция объявила «продолжателем традиций великой русской классической литературы», чьё творчество ещё завоюет души читающих масс?

С 90-х годов многие либеральные литераторы ведут мучительный поиск замены слова «русский» во всех определениях и понятиях литературоведения. Бедные, они чувствует себя очень неудобно, когда вынуждены употреблять это слово. Если писатель старшего поколения Фридрих Горенштейн определял принадлежность нации по языку, то писатель дней нынешних Александр Мелихов отнимает у поклонников Горенштейна и эту последнюю возможность для самоидентификации национальной принадлежности литератора. Мелихов яро критикует национализм, который «тщится осуществить экзистенциальную защиту народа». Ишь, чего выдумал! «Ниоткуда не следует, что для достижения этой необходимейшей цели непременно требуется независимое государство, в котором безраздельно царит одна нация и один язык» (*Новый мир*, №2, 2017).

Вот уже и один язык не нужен! И вопрос о «принадлежности» к какой-то нации вообще можно закрыть, как и сам вопрос о нации.

Но это еще не предел поисков. Остаётся один досадный рудимент из прошлого — это название «великая русская литература». Оно режет слух. Борис Куприянов придумал, как избавиться от последнего прибежища русских националистов, символа национального величия, то есть от волшебного сочетания «русская литература». Он пишет: «Я считаю некорректным деление литературы на русскую и не русскую... литература не имеет национальности» (*Новый мир*, № 9, 2017).

Всё! Круг замкнулся! Всё размыто и размазано. И твори, что хочешь!

* * *

В нынешних телевизионных шоу иногда приходится слышать, что единый язык — основной признак нации. Правда, многие (через запятую) добавляют к числу основных признаков ещё и «общую культуру». Если задуматься, для полноты определения нации к таким признакам можно отнести и общие представления о добре и зле, о красоте и стиле, общие правила морали и нравственности, уважение к чувствам верующих.

Поэтому определить, принадлежит ли к данной нации конкретный автор только на том основании, что он пишет на русском языке, невозможно! Важнее всего знать: разделяет или нет автор основные духовные ценности этой нации? Если нет, то и его язык только формально — русский. Чаще всего в этом случае он будет использован как оружие против этих ценностей. Будут использованы такие возможности языка, которые разрушают святость идеалов и общих символов, цинично осмеивают их. Знаменитое пушкинское: «глаголом жечь сердца людей», можно дополнить строкой: «но... не сжигать их злым глаголом». Не разделяющий основных духовных ценностей данного народа, автор подбирает такие глаголы и

существительные, такие суффиксы и приставки к ним, что любой рассказ становится безрадостно унылым. Делается всё, чтобы «переформатировать» взгляды читателя.

Вот вам свежий пример. Почитаем вместе первую публикацию прозаика Давида Шахназарова в журнале «Новый мир» (№ 8, 2017). Автор — москвич, студент Литературного института, дебютант — человек наблюдательный. По качеству русского языка претензий тоже нет. Но... язык, он ведь как выражение глаз, которые часто называют зеркалом души. Бывает, человек говорит весёлые вещи, а глаза полны грусти. Говорит вежливо, а в голосе гнев и презрение. Таков и литературный русский язык. Коварен он в этом смысле. Глаза можно опустить вниз, а вот писаное слово не спрячешь, и даже, говорят, не вырубешь топором.

В рассказе Шахназарова «Метро» описаны короткие наблюдения автора. Каждая из зарисовок имеет своё название. Зарисовки интересные, живые. Но вот мы доходим до зарисовки под названием «Церковь». Меняется тон, стиль, фонетика, морфология и синтаксис.

Мы знаем уважительное отношение большинства нашей нации к православной церкви. Вспомните бессмертные описания церковных праздников в прозе Ивана Шмелёва, Николая Лескова. Огромный духовный мир встаёт со страниц их прозы.

Но как пишет современный русскоязычный автор Давид Шахназаров? «Церковь гордо выпячивает оштукатуренные бока». При трепетном отношении к нашим святыням такое не напишешь... Да, язык вроде бы один по звучанию, но совсем другой — по содержанию, по смыслу, по назначению. Автор рассказов мог бы писать о церкви хотя бы повежливей! Мог бы спросить себя, а сколько у нас в России православных людей? «Новый мир» есть во многих библиотеках страны. Как рассказ воспримут верующие православные люди? Я почему-то уверен, что про синагогу он бы так не написал, и про мечеть тоже! А тут чего себя стесняться? Христиане — народ очень добрый, не ответят злом на зло!

Как автор чувствует, так и пишет! Духовный символ большинства — Церковь — вызывает у него отрицательные эмоции. «В неотопливаемом нутре пахнет плесенью. Пьяный казак на входе каждый раз встаёт со стула и кричит: «Стой, кто идёт!» — и хватается за саблю».

Уродливые образы множатся, насаиваются друг на друга. Казак пьяный «каждый раз», и саблей грозит «каждый раз». Ни одного приличного лица не мелькнёт в сооружении, которое почему-то «гордо выпячивает бока»!

Прочитав следующий абзац рассказа, где повествуется о Васе, сыне местного батюшки, стараюсь успокоить нервы, разгулявшиеся от прочитанного... Чувствую, дальше будет ещё мрачнее... Так оно и есть. Сын батюшки смотрит «грозно-мышинным взглядом из-под толстых очков...», это «подслеповатый, малохольный детина». Перо автора бойко бежит впереди логики. Какое-то чудище со взаимоисключающими характеристиками предстаёт перед нами в рассказе. Вы видели когда-нибудь грозный взгляд у несчастной мышки, которая всегда и всего боится? И какую «грозность» может напустить на себя пусть и «детина», но «малохольный» с малюсенькими, как у мышки, глазками, да ещё «подслеповатый»? Вот как чужое видится чужому и лишает его чувства меры и вкуса.

Вскоре перед читателем появляется и сам батюшка. Ещё не прочитав его описание в рассказе, можете спорить с любым хоть на миллион долларов, что дальше про батюшку будет сказана какая-нибудь гадость. Вы обязательно выиграете этот

миллион, потому что герой рассказа... батюшка «пыхтит и пучит маленькие глазки из-под толстых очков». Как к такому обращаться с исповедью, непонятно.

Вот вам и «принадлежность по языку»! В нём с древности было множество слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами и окончаниями. Например, как писали в летописях об Илье Муромце: «тут наелись, накушались и стали все веселёшеньки». Этими суффиксами и окончаниями наши предки пользовались очень часто. За ними стоял совсем иной взгляд на жизнь, на её ценности.

Только «принадлежащий к языку» автор может, сам того не сознавая, выбирать совсем другие формы: пренебрежительно-ругательные! Эпитеты летят в нас из его текстов, как ядовитые стрелы.

Писатель старшего поколения либералов Андрей Синявский когда-то подал пример такого литературного «письма». В романе «Спокойной ночи» слышен «скрежет зубов», как при описании преисподней: «Блаженный Павлик Морозов ходил среди нас живцом, подобно бесплотному отроку с юродской картины Нестерова. Блудливая улыбочка святости плачет, ская, на страдальческих губах».

И за такое отношение к славянским святыням, «вместо того, чтобы бить, его обнимают, жмут руки, кто-то орёт: качать Синявского» (*Исайя Берлин, «История свободы. Россия»*). Правда, это орёт толпа заключённых, которые так же, как «политический узник», ненавидят Церковь, советскую власть и друг друга... Но это детали...

О своём, «заветном», самый отпетый циник пишет совсем иначе. На глазах он превращается в романтика и преданного в дружбе товарища. Откуда-то появляются теплота и человечность... Любую мерзость, которую совершают «товарищи по духу», такой литератор подаёт в своём произведении как подвиг.

Вот, например, как трепетно описывает в своих воспоминаниях Семён Ласкин любимых «шестидесятников», в числе которых был его отец и писатель Василий Аксёнов. (Шестидесятниками называли субкультуру советской интеллигенции, которая боролась с «тоталитарным» советским режимом.)

Однажды они устроили маленький «бунт», оказавшись на строительных лесах дома напротив. «Сперва они ходили по шатким мосткам, затем доски стали сбрасывать вниз. Это вышло громко и эффектно. А главное, это было о том же, о чём втайне мечтало их поколение — о свободе, об упоении в бою, о борьбе и обретении» (*Знамя, № 5, 2017*).

Это пишется на полном серьёзе. Должно быть, противоправное деяние, граничащее с хулиганством, происходило в воскресенье или обеденный перерыв, после которого строители дома (наверно, несчастные «совки») обнаружили на земле сброшенные доски. «Это — от упоения в бою! — видимо, подумали обнаружившие. — Борьба с режимом у них такая! Их, блин, «целое поколение», а мы тогда кто и сколько нас? И зачем строим, если они доски всё равно сбрасывают?»

В воспоминаниях Семёна Ласкина своё, родное подаётся с благостной, сочувственной интонацией. Свои по взглядам, а чаще всего и по крови, предстают как самые лучшие, самые великие. Какие восторженные эпитеты рассыпаны по воспоминаниям и рецензиям! Давно замечено, что охваченный гордыней человек часто бывает слеп и наивен, как ребёнок, в проявлении эмоций. Он отказывается понимать, среди кого живёт, как надо бы вести себя среди большинства. В этой «детской» непосредственности — он часто очень жесток и непоследователен!

«Шестидесятники», как пишет Василий Аксёнов в своих воспоминаниях, стали «людьми одной толпы, или по правилам московского жаргона тех времен,

«одной шараги»!»! Ещё одну «шарагу» образовали художники-неформалы. И так далее и тому подобное... Не захотели творческие «граждане» быть членами единого общества на базе общенародной собственности.

Вот эти «шараги» у нас до сих пор делают погоду. Одни — на поприще развлекательной литературы, другие — на «экспериментальных театральных подмостках, третьи — в кино!

* * *

А ведь были у нас другие времена! Вот что пишет наш английский гость Исайя Берлин: «В 20-е годы в России шло настоящее художественное возрождение, отличное, по своей сути, от всего, что было в художественной жизни других стран. Происходил интенсивный духовный обмен между прозаиками, поэтами, художниками, литературоведами, историками, учеными. В результате, была создана необыкновенно живая и плодотворная культура — необычайный взлёт в европейской цивилизации» (*Исайя Берлин, «История свободы. Россия»*).

В беседе с Берлиным наш кинорежиссёр Сергей Эйзенштейн заметил: «Мы были молоды, дерзки, полны идей. Неважно было кто ты — марксист, формалист, писатель, живописец... Мы сходились, расходились, но... стимулировали друг друга, забавлялись, но... кое-что создали». Наш гость из Англии «забыл» тут сделать вывод, что только так и создаётся «необычайный взлёт культуры», а именно, общей атмосферой творчества.

Когда мы поймём это и начнём вместе строить наше будущее?

ВАСИЛИЙ ШЕЛЕХОВ

Русский крест

Грозовые раскаты российского апокалипсиса прогрехотали хрестоматийным залпом Авроры в октябре 1917 года, и главная беда свершившейся революции в том, что её творцы были агрессивными атеистами. Вирус революций, их богоборческий характер изначально присущ роду людскому. Первым революционером был Каин, убивший брата родного и на вопрос Бога «Где твой брат Авель?» нагло ответивший: «А я что, сторож, что ли, ему?»

Наша Октябрьская, фактически начавшаяся ещё в феврале того же года, длилась пять лет и официально закончилась в 1922 году разгромом белых армий на Дальнем Востоке. Но вот весьма популярной в советское время песней утверждается, что не совсем так, вернее, совсем иначе.

*Всё горит, горит заря над Смольным,
Это с нами, это на века!..
Залп «Авроры» никогда не смолкнет!
Вдаль простёрта Ленина рука!..*

Ох уж эта ленинская простёртая рука, зовущая в коммунизм! С детства отпечаталась на сетчатке глаз!.. Припев же такой:

*Бьёт набат над Интернационалом,
пламя революции в глазах бойца.
Есть у революции начало,
нет у революции конца!..*

По свидетельству кинорежиссёра Эльдара Рязанова в одном из телеинтервью, в его родной Костроме из 47 действовавших храмов доблестная Красная Армия в годы Гражданской войны уничтожила 40. Храмы взрывали динамитом, расстреливали из артиллерийских орудий! Сами здания православных храмов были враждебней, опасней белых армий?! Мельгунов в книге «Красный террор в России» также приводит примеры борьбы Красной Армии с религией: науськанные комиссарами, расположившиеся на отдых красноармейцы возле храма превратили его в

уборную!.. Или: не только разгромили монастырь, всех 17 монахинь посадили на кол! Мучительнейшая казнь! Запредельная, сатанинская жестокость!..

Религия против революций, за «мирное и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте», как это провозглашается на Божественной литургии в православных храмах, ибо революция всегда трагедия народа. И действительно, пламя Октябрьской революции на рубеже 20–30 годов ярко полыхнуло насильственной коллективизацией, закрытием храмов, уничтожением духовенства. Факты разгромов и расправ над верующими ужасающие: вооружённые нелюди, ворвавшись в храм, крушили всё подряд, священников рубили шашками на куски или вешали тут же, выжигали сигаретами глаза Богородицы на иконах, отрубали руки-ноги у скульптурных изображений Распятия Христа! Есть свидетельство, что во время штурма города в годы Великой Отечественной у красноармейца, свершившего такое злодеяние, оторвало взрывом мины руки и ноги, и он в госпитале, лежа несчастным обрубком, вспомнил и понял, за что ему такое наказание свыше. Бог поругаем не бывает. Он простит кающимся все грехи, кроме святотатственных. Сказано же: «Веруй не веруй, а Бога не гневи!»

В 30-х годах революционная мясорубка продолжилась массовыми репрессиями неповинных людей, хотя все негодные властям классы и сословия были уже ликвидированы. Об этом хорошо известно из солженицынского «Архипелаг ГУЛАГ».

Лишь после 1991 года, когда из Конституции убрали 6-ю статью о руководящей роли КПСС, стало известно, что во время Октябрьской революции и Гражданской войны страна потеряла где-то в пределах 17–18 миллионов человек, фактически целое государство! Коллективизация и репрессии 30-х годов убавили народонаселение ещё на многие миллионы!.. Стоило ли затевать и разжигать пожар такой катастрофы?!

Грянула Великая Отечественная война. Официальная пропаганда словами песни утверждала, что «как один человек, весь советский народ за свободную родину встанет». На деле не только чеченцы и крымские татары, но и 90 тысяч казаков верноподданно служили гитлеровскому рейху! А всего на стороне фашистов сражались против Красной Армии 800 тысяч россиян!.. Страшные цифры!.. Слишком много было обиженных неистовыми большевиками. В селе Петропавловском Киренского района Иркутской области, где протекало моё отрочество, провожая сыновей на фронт, иные отцы говорили им: «Гитлер освободит нас от коммунистов-лиходеев! Сдавайтесь в плен и вместе с немцами идите на Москву! Главный наш враг в Кремле!» Не могли забыть, простить насильственную коллективизацию вольные землепашцы, поселившиеся на Лене ещё во времена Алексея Михайловича Тишайшего. Одновременно с отражением иноземного нашествия продолжилась временно затухшая революционная гражданская война.

Совсем уж было заглохшая церковная жизнь (из 70 тысяч православных приходов к началу ВОВ уцелело около сотни!) волею Сталина оживилась, некоторые храмы открылись, в том числе Крестовоздвиженская церковь в Иркутске в 1943 году. Однако политика воинствующего атеизма и подавление инакомыслия продолжилось, и это было явным, знаковым, значимым признаком революции без конца. Все СМИ, художественная и публицистическая литература, кино, театр, живопись, телевидение страны победившего атеизма неумоимо, целенаправленно били и били, доколачивали не до конца ещё уничтоженную ненавистную религию. Открытые в грозные годы Великой Отечественной войны храмы, где-то 1% от числа дореволюционного, действовали, закрыть их нагло, демонстративно, беспричин-

но власти не осмеливались, тешили себя надеждой, что смиренная, безропотная, медленно затухающая, умирающая жизнь Церкви естественным путём закончится со смертью немногочисленных верующих, почти исключительно пожилых женщин, и злокозненная проблема будет решена. Хрущёв, ставший после смерти Сталина у руля государства, изрёк, как заклинание, что доживёт до того дня, когда последний поп останется без паствы, и можно будет с чистой совестью заколотить опустевшие храмы. Не дождался...

Между тем нажим на умы молодёжи не ослабевал, даже в первом классе, где, казалось бы, рано и некстати внушать невинным крохам безбожие, на уроках пения малышня хором вслед за педагогом долдонила: «Наша Пасха — выдуманная сказка, наше Рождество снегом занесло». Во всех вузах и техникумах марксизм-ленинизм — самый главный предмет, за посещение храма студент мог быть отчислен, а преподаватель снят с работы. Писатели, журналисты, поэты без устали упражнялись по этой популярной, кормной теме в духе знаменитого стихотворения Лебедева-Кумача «Советский простой человек»: «Отбросивши сказки о чуде, отняв у богов небеса, простые советские люди повсюду творят чудеса». Вот образчик антирелигиозной литературы того времени: случайно встретились за одним столом священник и советский интеллигент.

— Слушай, ведь ты образованный современный человек и прекрасно понимаешь, конечно, что нет никого Бога, — говорит интеллигент.

— Да, разумеется, нет, — охотно соглашается тот.

— Зачем же ты обманываешь старушенций, служишь эти самые литургии, бормочешь им о Христе, о непорочном зачатии? Не стыдно?

— Нет, не стыдно, — отвечает священник, — потому что им скоро на кладбище, а умирать страшно, хочется верить, что за гробом жизнь продолжается. Зачем же я буду лишать их такой красивой последней надежды?

В рассказах по типу скабрёзных анекдотов писали, повествовали о развратном поведении духовенства, о монахах, насилующих в лесу идущих на богомолье молодых женщин, о разочаровавшихся в монашестве и возвращающихся к мирской жизни. Когда запустили в космос спутник, раструбили о каком-то священнике, отрёкшемся от сана, потому что, видите ли, Бог не воспрепятствовал людям вторгнуться в его пределы, следовательно, Его там вообще нет!... Детский лепет, но для глупцов вроде бы доказательство в пользу атеизма.

За антирелигиозную пропаганду в обкомах и райкомах партии отвечали определённые работники. В школах регулярно проводились заседания педагогов по углублённому изучению марксизма-ленинизма. В поселковых и сельских клубах читались лекции на эту тему. То есть не только учащимся и студентам, но и всей массе трудового народа твердили, внушали, вдальблывали в мозги: «Нет Его, нет Его, не существует Он!» И порой беспристрастному и логически мыслящему могло показаться, что власть явно перестраховывается, перебарщивает, что нет смысла так уж рьяно изничтожать религию, и без того забитую, находящуюся на последнем издыхании.

Глазастый, ехидный «Крокодил» заметил чрезмерную и вроде бы ненужную антирелигиозную вакханалию и в без того безбожном советском обществе, остановить которую способен только чрезвычайнейшее обстоятельство, а именно, вмешательство самого Господа Бога. Вот что поместил журнал на своих страницах: в поселковом клубе, стоя за кафедрой, лектор хотел было читать лекцию «Есть ли Бог?», название которой значилось на плакате, но замер в недоумении:

на первой скамье, как раз напротив, сидит в халате и банных тапочках на босу ногу собственной персоной Бог в царской короне, в ореоле чудесного сияния. Зал полон, люди изумлённо взирают на происходящее, а лектор размышляет: «И надо же было Ему явиться на мою лекцию?! Что теперь? За срыв лекции нагоняй от начальства и никакого гонорара!»

Поскольку Московская патриархия не имела издательских прав, голод на религиозную литературу утолял самиздат. Неподальёку от Крестовской церкви жила в частном доме Татьяна Павловна Евграфова, имевшая изрядную библиотеку религиозной литературы. Все книги дореволюционного издания, но в основном самиздатские материалы, выполненные на ротапринтере или на пишмашинке и переплетённые, но качество текстов низкое, иные страницы прочитывались с трудом. Была там и информации об антирелигиозных бесчинствах в хрущёвские времена, например, где-то на Украине в храм во время литургии ворвались комсомольцы, стали крушить всё подряд, избивать прихожан и выгонять их вон из храма.

На областных педагогических конференциях филологи поднимали вопрос о печатании хотя бы малыми тиражами Библии для служебного пользования. Библия — это, дескать, памятник мировой культуры, десятки пословиц в языке взяты оттуда, а потому нельзя считать эту великую книгу рассадником мракобесия, это своеобразная литературная энциклопедия. Неужели, мол, в ЦК нашей мудрой партии боятся, что педагоги, окончившие вузы, усвоившие всепобеждающее учение Маркса–Энгельса–Ленина и Сталина, познакомившись с этой книгой, ринутся в доживающие свой век храмы, попадают на колени и примутся колотиться лбами об пол?! Сидевшие в президиуме представители обкома партии (без них ведь подобные мероприятия не проводились) понимающе кивали головами и в заключительном слове обещали эту проблему обдумать, обмозговать, «проветилировать» и в самом ближайшем будущем решить. Однако же проходили месяцы, годы, десятилетия, но обещания эти не выполнялись. Зато доклады генеральных секретарей ЦК КПСС на очередных партсъездах и очередных годовщинах Октября мало того что публиковались в центральных газетах, миллионными тиражами печатались отдельными изданиями и рассылались по библиотекам и книжным магазинам от Москвы до самых до окраин, а потом, никем не прочитанные, списывались в утиль, отправлялись на толевые фабрики на переработку в рубероид, весьма востребованный для крыш сараев и гаражей.

Благотворно ли влияло на умы и души (несуществующие по марксистской идеологии) юных строителей социализма и коммунизма пламя бесконечно длящейся красной богоборческой революции? Увы-увы, влияло скверно, да иначе и быть на могло. Вряд ли стоит приводить цитаты мыслителей разных стран и эпох, что если Бога нет, то все позволено. Даже ярый враг христианства и вроде бы заклятый атеист Вольтер говорил, что если бы Бога не было, его следовало бы выдумать ради сохранения общественной морали.

Вопреки жёсткой цензуре на печатное слово ближе к концу тоталитарного режима стала прорываться информация, что каждое следующее поколение всё более жестокое и агрессивное. Да это и без СМИ всем было известно. Вот сцены городских буден, вопиющие о бездушии общества: толпа в ожидании автобуса, словно стадо баранов, бесстрастно лупоглазила на троих, долго и упорно избивавших четвёртого, уже лежачего. Нашлась, наконец, одна сердобольная дряхленькая старушка, подковыляла к ним: «Ребятки, может, хватит?» Волками на овечку глянули, подумали и поволокли полуметрового в ближний двор добивать. Во дворе боль-

ничного комплекса трое попросили у встречного закурить. «Нет с собой курева», — ответил тот. «Убьём!» — вознегодовали куряки и так жестоко избили его, что несчастный через два дня умер, расшибли ему печень. Школьники поехали весной на маёвку в лес, но вместо того чтоб общением с природой облагородить свои души и ещё крепче полюбить родину, связали одноклассника, бросили в костёр, заживо сожгли. Двое подростков в автобусе курят, матерятся, пристают к девушке, та взывает о помощи, но все словно слепоглухонемые. Вечером, затаившись в тамбуре дома в полной темноте, ждут жертву, истыкав вошедшего ножами, словно мешок с опилками, уходят, оставляют его умирать в луже крови.

Спрашивается, это кто, строители волшебного-прекрасного коммунизма или краснокожие индейцы, охотники за головами, для которых убить человека соседнего недружественного племени и снять с него скальп — дело чести, доблести и героизма?! Но тех не удерживал от жестокости закон, ибо не было у них ещё Уголовного кодекса, не было ещё государственности!

И где все эти ужасы происходили, не в кошмарном ли сне больного тропической лихорадкой? Нет, они происходили в благословенном Втором Иркутске, в посёлке авиастроителей, славного патриотическими традициями со времён первых сталинских пятилеток, всё население которого — работники завода, кующие обороноспособность страны, где есть школы, библиотеки, ДК культуры с кружками по интересам, спорткомплекс с бассейном, со спортсекциями, где воспитание молодёжи по многим категориям было на весьма высоком уровне! И в то же время...

По расположенному в самом центре авиазаводского посёлка Комсомольскому парку днём пешеходы спрямляли путь, но вечером ходить по нему опасались. Я же героически игнорировал эти страхи — после утомительных бдений за письменным столом подолгу, ажно до полуночи, гулял там. Друзья говорили, что добром эта бравада не кончится. И однажды столкнулся там с потенциальным убийцей.

— Ты почему не боишься тут гулять? — удивился он.

— Чепуха, — сказал я, — нечего бояться.

— А это видел? — он вынул из рукава двадцатисантиметровой длины шило, тонкое, как велосипедная спица, загнутое в кольцо с тупого конца.

Испытывать далее судьбу я не стал и пустился наутёк со всех ног.

Вот милицкий репортаж тех лет в заводской многотиражке: «В результате вечернего рейда по улицам Ленинского микрорайона было задержано 20 человек и доставлено в отделение. На столе груды изъятого холодного оружия, ножи и кастеты».

Ещё один чудовищный инцидент того времени: хулиганы напали на парочку влюблённых, девушку не тронули, а парня, держа за руки и ноги, стали поджаривать на Вечном огне героям ВОВ, совершили, следовательно, не только тягчайшее уголовное, но и тягчайшее политическое преступление. Парень, к счастью, остался жив, на его вопли прибежали студенты из ближайшего общежития и спасли его.

Так откуда же это одичание, это пещерное озверение у представителей цивилизованного, более того, вроде бы самого передового, лучшего, прославленного социалистического общества?! Материалист Чернышевский был уверен, что так называемого «разумного эгоизма» достаточно для построения высоконравственного общества, для человека, мол, естественно быть добрым, но оказалось, что без привитых с детства заповедей любви к Богу и людям ни логические доводы разумного эгоизма, ни вдалбливаемый Кодекс строителя коммунизма, ни угрозы Уголовного кодекса не препятствуют инстинктам погружать юношу, формирую-

щего мировоззрение, в каменный век, когда убить, а то и съесть иноплеменника было делом обыденным.

Возразят, что в первое десятилетие дикого капитализма, так называемые лихие 90-е, убийств в России было значительно больше. Возможно, но они совершались ради наживы, имели хотя и не оправдание, но объяснение. Страшней бессмысленные убийства ради убийств. В «Литературке» тех лет (ей разрешались острокрытые статьи) прошёл материал о подобном инциденте: не подросток опасного возраста, а тридцатилетний добропорядочный мужчина пригласил знакомую прокатиться на мотоцикле за город на природу. Молодые люди сидели на берегу озера. Напрашивалась любовная интрижка. Но он вдруг убил её, тело утопил в озере. Судьи долго бились, выясняли мотивы преступления и, наконец, согласились с первоначальным признанием убийцы: «вдруг захотелось кого-нибудь убить». И убийца, и судьи остались в великом недоумении и непонимании, почему это произошло. Мрак безбожия порождает чудовищ. Народ, потерявший Бога, исчезнет с лица земли. Это аксиома.

Но, пожалуй, самое убедительное доказательство провальности коммунистического эксперимента я наблюдал десятилетиями в городском транспорте: молодёжь сидит, а бабки с тяжелеными сумками стоят! Они везут с рынка провизию для своих внуков, таких же жестокосердных. Стоят, не ропщут, сами виноваты, что Бога забыли и ни детей, ни внуков не просветили светом евангельских истин.

Когда я возвращаюсь из храма с воскресной службы, по улицам неторопливо куда-то бредут редкие прохожие, а обитатели сотен квартир многоэтажных домов, мимо которых я иду, лениво пробуждаются, лениво втягиваются в новый досужий и скорее всего пустопорожний день, мне становится грустно от мысли, что это те самые 96,7% невоцерковлённых, а также и тех моих сограждан, для которых религия, Бог, грех — пустые звуки.

Великие потрясения лихих 90-х вполне сопоставимы со Смутой XVII века, когда остро и грозно стоял вопрос о самом существовании русского народа и государства. Да, Великая Смута. Как и тогда, государства как такового долгое время не было, была просто территория с открытыми границами, с перепуганным, униженным, оскорблённым и обнищавшим населением. Поскольку чисто символической, почти равной нулю пенсии ни на что не хватало, пенсионеры пытались хоть что-нибудь продать из имущества и купить съестное, лишь бы не умереть от голода. Не легче было и работающим, зарплату не получали месяцами или получали частично, или натурой, то есть ширпотребом, который не продашь. В землю вгрызлись, огородничали, горожане пытались держать живность в ванной комнате, на балконе!

В астрономических масштабах развелось мошенничество, которое, впрочем, не сократилось и доныне. Свиристествовал разбой. Нападает, например, банда на совхозную скотоферму, подпирают сторожей в сторожке, скот грузят в машины и уезжают. Между Тайшетом и Алзатаем бандиты долгое время убивали дальнотбойщиков, трупы тщательно сжигали на костре, грузовики угоняли в Братск. Приватизированные заводы и фабрики олигархи массово злоумышленно банкротили, работников массово увольняли. Совхозы и колхозы распустились, селяне с горя спивались и вешались. Число убийств и самоубийств превышало западноевропейские цифры в десять раз. Кривая линия смертности рванула вверх, линия рождаемости — вниз. Это явление получило название «русский крест», могильный крест народу и государству. Маргарет Тэтчер по этому поводу сказала, что для обслужи-

вания газовых и нефтяных труб достаточно десяти миллионов, остальные пусть вымрут. Вековые враги России торжествовали. В Москве печатались и келейно распространялись среди посвященных журналы, в которых планировалось, на сколько частей будет в ближайшее время разделена Россия. Путин предотвратил осуществление этого наихудшего сценария.

С исчезновением двадцатимиллионной могущественной КПСС, с уходом от руля государства богоборцев, во власть пришли демонстрирующие свою набожность: в пасхальную ночь президент страны и премьер-министр стоят в православном храме со свечками в руках, обнимаются и целуются с Патриархом Московским и всея Руси... Но, увы, русские не восприняли это как пример для подражания. А вот в 20-х годах XX столетия мужики массово перестали ходить в храмы, поверив Ленину и иже с ним, что Бога нет. Начальству, мол, виднее... Не зря же сказано, что человек ленив и грешен, склонен уменьшать житейские нагрузки. Богу молиться — это ведь труд. Труд разума, души, тела. Простоять три часа на литургии нелегко.

Не сработала подстраховка в канун Великой Смуты. В 1988 году, в юбилей тысячелетия Крещения Руси, когда земля заколебалась под ногами, в страхе перед надвигающейся катастрофой люди толпами ринулись в храмы и единовременно, то есть в течение того года, приняло крещение 70 миллионов россиян. Крестились семьями, дети, их родители, их бабушки и дедушки. В Крестовоздвиженском храме в том году я наблюдал однажды, как после литургии крестилось сразу человек восемьдесят. Но никто из новообращённых в православную веру по окончании длительного ритуала не подошёл к стойке купить свечей или икон. Да и не удивительно, за 70 лет тоталитарного режима родилось и выросло четыре поколения в глаза не видевших священника, не читавших Библии и Евангелия, не умеющих перекрестить свой безбожный лоб! Не просто, ох, непросто блудному сыну вернуться к Отцу Небесному. Это легко тому, кто с младенчества частенько бывал с мамой или бабушкой в храме Божьем и ещё не умом, а слухом и обонянием впитывал аромат воска и ладана, музыку церковного хора, благостную атмосферу умиротворения и умиления.

В дореволюционном Иркутске действовало 47 храмов и 9 часовен. С 1943–1945 годов до перестройки три: Знаменский собор, Крестовоздвиженский храм и Михаило-Архангельский. Сейчас 27, но иные и по воскресным дням не переполнены, хотя народу в городе в десять раз больше, чем до революции.

Михаило-Архангельский храм десятилетиями наполнялся пожилыми женщинами, мужчин можно было сосчитать на пальцах одной руки. Приходишь как в дом родной, видишь вокруг знакомые лица, кланяешься, с кем лично знаком. Прихожане стояли плотной массой, рядами, едва протискиваешься на своё привычное, словно застолблённое место и стоишь до конца, вернее, до пения «Отче наш». Переходить куда-то уже неудобно, да и затруднительно. Приход большой, службы две, ранняя с 7, поздняя с 9 часов. Батюшек трое: о. Каллиник, о. Александр, о. Герман, и они не формально, а истинно для прихожан отцы, родные люди. Но вот к концу XX столетия резко уменьшилось число старух, вымерли, и начали было переходить на одну позднюю службу, но подвалила молодёжь, и число прихожан стабилизировалось на прежнем уровне. Кто ищет, тот всегда найдёт. И при тоталитаризме ищущий, выросший в стандартной советской семье непостижимым для окружающих образом обрел веру. У моей хорошей знакомой Зинаиды С., всю жизнь отдавшей школе, бывшей секретарём первичной парторганизации,

отвечавшей за воспитание сотен детей в духе марксизма, в духе атеизма, один из двух сыновей стал священником.

Тем горше, тем прискорбнее приходится констатировать на примере своих ближайших родственников, а также многочисленной родовой жены: весьма далеки они от православной веры, религия для них просто не существует. Дорога в храм им неведома. В лучшем случае наведаются раз в году 19 января за святой водой. С 1930 года, когда под угрозой репрессий изъяли у народа и уничтожили религиозные книги, невозможно было не то что купить, а хотя б достать для прочтения что-то церковное, ныне же в библиотеках и магазинах при храмах стеллажи с книгами от пола до потолка, и даже на вокзалах в киоске можно и душеполезное приобрести, и сорокоуст на родственника заказать!.. Но нет желания у обывателя хотя б из любопытства взять и почитать то, что было под запретом столько лет, за что во времена безбожного безумства могли убить! И убивали!..

Деятельность нашей Церкви многогранна, из СМИ об этом известно. Слухом, как говорится, земля полнится. Сам Геннадий Зюганов как-то сказал, что только армия и Церковь по-настоящему стоят на страже государства. И тем не менее хорошо образованные, продвинутые люди как-то ухитряются заткнуть свои уши для такой информации. Вот пример, Николай А., мой друг, одновременно со мной окончивший Иркутский пединститут, участник ВОВ, издавший 15 книг о ветеранах войны и труда, не знал, что с незапамятных времён в Иерусалиме у Гроба Господня на Пасху сходит с неба благодатный огонь. Да и вообще ничто, касающееся религии, ему неведомо. На мои попытки просветить его, вызвать на дискуссию отвечает молчанием.

Ещё более странная позиция у моего брата Георгия, участника ВОВ, авиатора, окончившего физмат пединститута. Щепетильный, замкнутый, независимый, вынужденный ответить на мой вопрос о Боге, брат изрёк: «Да, он есть». — «Почему же ты не поклонись ему?» — удивился я. «А зачем?» — возразил он. — У меня с Ним нейтралитет. Я сам по себе, Он сам по себе. Но вообще-то религия нужна. Я за то, чтоб люди были верующими».

Вот так. Пусть другие молятся. Никакой благодарности за то, что Творец создал такой прекрасный мир: солнце, землю, моря, горы, реки, животных, птиц, рыб, самого человека и послал своего сына Христа для вразумления и истинной веры!

Гордыня. А гордыня — тяжкий грех, из-за гордыни Денница возроптал на Бога и стал врагом, вместилищем зла.

Драматичны, трагичны судьбы человечества на богоданной ему Господом прекрасной планете именно по его же вине. Грузинский классик Шота Руставели сказал об этом так:

*О, зачем ты, мир неверный, нас ввергаешь в смерч тревог?
Все твое, как я, рыдает, преступая твой порог.
Кто узрит твои печали и узор твоих дорог?
Но ярмо твоих предательств с человека снимет Бог!*

Со времён Шота Руставели много воды утекло, «ярмо предательств» «неверного мира» многократно увеличилось, «смерч тревог», вовлекая в свою гибельную орбиту всё больше стран и континентов, народов и государств, убыстрился, разросся, глобально расширился и грозит апокалипсисом. Только вера во всемогущество Всевышнего умиротворяет, врачует душу мятущегося человека, питает надеждой, что и жизнь всего живого и само существование нашей маленькой уютной планеты находится под Его неусыпным контролем и попечением.

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

«Душа грустит о небесах...»

ТРАГЕДИЯ ПОЭТА СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать...

Сергей Есенин

«Помолись перед ликом Спасителя За погибшую душу мою»

Господь даровал ему душу нежную, а рязанская деревня — с рекой Окой, белесыми осенними лугами и желтоватыми берёзовыми гривами — влилась в душу полевой славянской песней, похожей на птичий пересвист-перезвон, когда рассветная синева ласково и тихо коснётся неба, и в тающем сумраке холодно и прозрачно оживут косматые ивы у реки, копны сена, косые прясла поскотины, огородные тыны, амбары, избы, когда петух, расплескивая ночь, оглашенно пропоёт зарю и ответно промычит корова, и уж озорной пастух зазывно постучит в калитку...

* * *

Славили Есенина все, кому не лень и кому было выгодно. Лишь теперь немного приутихли, когда инославные вновь соблазнили народ, полонили и на русское песенное слово вышел запрет. А ещё недавно вопили славушку поэту: и порочный малый, стихоплёт, с крылом волос, как с чёлкой конской, укрывшей бесноватый глаз; и женственный певец с косичкой и серьгой в ухе; и раздобревший и лукавый пустобай; и хулиган-жиган из подворотни; и с жирными перстнями душегубец-вор; а с ними и барыги, и правители, иноверцам продавшие Русь. Все они славили рязанского поэта и, размазывая по лицу мутные хмельные слёзы, мусолили «хулиганские» стихи. Но славушка от них, что ославушка, будто и не славили, — изгалялись над бедной деревенщиной, заблудшей в каменной чашобе. От таких похвала, что хула.

И сквозь блудливую хвалу слышно: ветер гудит на одичавшем русском поле, и деревенская старушка в «старомодном ветхом шушуне» — страдальца Россия — христарадничает, просит милостыню на церковной паперти. А в деревне гиблой воем древний пёс, и сквозь вой, сквозь гул и посвист ветра слышно — вроде, с могилки сельских, заросших дурнопьяною травой, — Есенин плачет, слёзно молит:

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать...*

«Мне осталась одна забава...»

* * *

Замшелая, глухая деревенская изба; в красном углу тепло, неярко, потаённо светятся иконы, и перед ликом Спасителя лампадка, огонёк вяло мерцающий, заоражающий взгляд, влекущий в сон, как будто в вечный; а под иконами в рубахе русской, по вороту и рукавам расшитой рябиновыми обережными крестами, лежит поэт Сергей Есенин — исповедался и причастился, уготовился предстать пред Богом.

Но не было избы и широкой лавки в красном углу, не было русской рубахи и святых икон, под которыми сам Бог велит умирать. Было иное, страшное — убила нерусь русского поэта.

* * *

Есенинскую песню возлюбила Русь, берестяная и соломенная, с верой, надеждой, любовью глядевшая в небесную синь. Под есенинскую песню и плакала, и веселилась. Но всё же не славу б только, суетно-земную, возносить рязанскому поэту, а всем миром русским помолиться Богу, чтоб даровал спасение душе, заблудшей в яростном миру, и поныне неприкаянно и необласканно молитвой витающей над нами и средь нас.

И сам поэт, словно предвидя весь распад, какой вместе с Россией и в его душе случится, в двадцать один год от роду уже просил в слезах:

*Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.*

«За горами, за долами...»

Сманил суетный город избяного парня, отринул от благовестных звонов колокольных, от ангельского пения и молитвы, искусил славой мирской, но в обмен душу испросил вместе с любовью к Богу. И взял он, демон города, ту душу и оставил пустоту и одиночество, и тоску, какую в вине не утопить, в диком зрелище не разживить. Душа поэта спохватилась, всполошилась, заплакала сама по себе, но было уже поздно.

*Я понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая трава.*

*На кой мне чёрт,
Что я поэт!..
И без меня в достатке дряни.*

Мой путь

Так и помолимся, люди русские, чтобы милостивый Боже упокоил душу раба Божия Сергея и простил ему прегрешения, вольные и невольные, и даровал душе его спасительный покой. Уже за то, что столько было в его пении и нежной, и душевраздирающей любви ко Святой нашей Руси — последнему Господнему приюту на земле.

«Народ проявит своего Пушкина...»

Мать Россия вынашивала деревенского поэта Сергея Есенина весь Золотой век поэзии, потом выпаивала из ключей устного песенного слова. Его и вместе с ним иных даровитых сельских стихотворцев, а потом и нынешних писателей деревни, прославленных всесветно, предрёк Фёдор Достоевский ещё в 1871 году. В то лето Фёдор Достоевский пишет Николаю Страхову:

«А знаете — ведь это всё помещичья литература. Она сказала всё, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого), — но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье, ещё не было...»

Помещичье слово заменилось, но чем?! После глубокомысленной или изнеженной, игривой или студёно-томной барской литературы выползла из дешёвеньких квартир и мансард ещё и ворчливая, болезная интеллигентская литература, а потом яростно замахала кулаками и пролетарско-бичевская — «безумству храбрых поём мы песню...»; и все эти литературы, уводя народ от Христовой Истины, столько посеяли в умах нелюби и смуты, что породили братоубийственную сечу и обrekli Русь на гибельные муки.

Насмешивший западников «куфельным» (кухонным) мужиком — спасителем России, славянофил-почвенник Фёдор Достоевский, поразмыслив, добавляет:

«Когда народ, как он твердо станет, он проявит своего Пушкина...»

И народ явил своего Пушкина — в рязанском селе родился поэт Сергей Есенин...

Это предвиденье великого народного поэта было у Достоевского, конечно, не случайным. Слушая крестьянскую песню, он — в отличие от иных дворянских писателей вернее разглядевший русскую душу, хотя и живший вне народно-обрядовой жизни, вне народной языковой стихии, — вдруг удивлённо, озарённо промолвил:

«Ах вы, сени мои, сени... Поэт не ниже Пушкина...»

И это сказал Достоевский, в Пушкине души не чаявший, и в речи, произнесённой в заседании Общества любителей российской словесности, вдруг воскликнувший:

«Никогда ещё ни один русской писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так душевно и родственно с народом своим, как Пушкин».

И вот на тебе: «Поэт не ниже Пушкина...» А может, выше Пушкина?.. Если припомнить, что и «Сени...» — песня не самая великая в необозримой народной поэзии... Впрочем, о том, что явится поэт «не ниже Пушкина», Фёдор Достоевский говорил и раньше, ещё в 1861 году:

«Мы готовы признать, что может явиться народный поэт и в среде самого простонародья, — не Кольцов, например, который был неизмеримо выше среды своей по своему развитию, но настоящий простонародный (деревенский. — А.Б.) поэт. Такой поэт, во-первых, может выражать свою среду, но не возносясь над ней отнюдь, а приняв всю окружающую действительность за норму, за идеал. Его

поэзия почти совпадала бы тогда с народными песнями. (Как и вышло со многими стихами Есенина. — А.Б.) <...> Такой поэт мог бы быть очень силен, мог бы выразить неподдельно народ».

Но тогда Достоевский, будучи славянофилом особого почвенного толка, ещё спорил со славянофилами аксаковского согласия, которые видели великую духовную и культурную ценность народа в его нетронутой *книжным* просвещением национальной самобытности. (В нынешнем научно-техническом веке новоявленные славянофилы полярно изменили взгляды на книжную просвещённость нашего народа, настаивая лишь на *русскости* народного просвещения.) Споря же с аксаковским согласием, Достоевский тогда, возможно, был ещё сам в плену своей дворянской *книжной* образованности, в плену критериев поэзии, выработанных той же помещичьей литературой, в плену, наконец, и своего происхождения — как и всё почти дворянство — духовно, культурно настолько был далёк от простонародья, то есть крестьянства, что оно было для него неведомым, прекрасным миром, который он всю жизнь с мучительной любовью постигал, на который — ни на какое другое сословие — он возлагал великие духовные надежды в будущей истории России. Итак, расходясь с хомяковско-аксаковскими славянофилами, напуганными *развратным западным просвещением*, Достоевский тут же и добавляет:

«Но во всяком случае он (поэт из простонародья, не искушенный книжной грамотностью. — А.Б.) был бы неглубок и кругозор его был бы очень узок. Во всяком случае Пушкин был бы неизмеримо выше его».

И всё же через десять лет Фёдор Достоевский воскликнет: *«Ах вы, сени мои, сени... Поэт не ниже Пушкина»* и *«народ проявит своего Пушкина»*.

Таким образом Фёдор Достоевский как бы и предрёк приход Есенина...

* * *

Почти в ту же пору начинает омужичиваться Лев Толстой (как сказали бы нынче, *косит* под мужика): потешая хитроватых мужичков, берётся за соху, пашет, сеет хлебушек, а потом, лёжа на диване, читает Марка Аврелия. Вечерами учит крестьянских детей грамоте, хотя тех *азы, буки, веди* страшат, что медведи, хотя помнит, что Гоголь боялся книжной грамотности, которая заразит простонародье порочным французским чтивом и замутит православный дух. (Впрочем, надо отдать должное Льву Николаевичу, чтиво, которое одолевали сельские ребяташки, было ясным, нравственно-назидательным и предельно близким обыденной и праздничной жизни крестьян. Он и сам написал дивную, добрую, народную книжку рассказов для крестьянских детей. Один «Филиппок» чего стоит...) Тогда же, отвлекаясь от еретических умственных блужданий в Христовом Учении, от поисков истины в Талмуде, Коране, буддизме, в восточных и западных философиях, отдыхая от нападков на Русскую Православную Церковь, величавый писатель неожиданно затевает серию книг, где печатались сельские писатели.

И в крестьянской прозе конца девятнадцатого века были добротные мастера народного слова, выразители народного духа, но писатели нынешнего века, прозванные деревенскими, — Борис Шергин, Василий Шукшин, Фёдор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Личутин — и духом, и словом вознеслись над ними. Похоже, те вышли слишком *социальны*, а посему и не смогли с тихим и певучим восторгом напоить своё письменное слово боголюбивым, чело-веколюбивым, природолюбивым крестьянским духом, как не смогли и украсить

этот дух словесным волшебством, кое жило тогда в устном поэтическом народном слове и которое даже и Пушкину было не по плечу. Для доказательства можно вспомнить хотя бы неграмотную, нищую и великую северную сказительницу Ирину Андреевну Федосову (1831–1899), от которой Барсов записал два тома поэм-плачей (30 тысяч стихов). А поэмы Федосовой — это не «*Ах вы сени мои, сени...*», это непостижимый для книжного сочинителя божественный взлёт творческого духа. Но об этом мы поговорим чуть позже...

И вот пришёл Сергей Есенин.

И не сказать, что именно в нём русский простой народ и явил своего Пушкина, — народный дух и народное слово намного шире, — но, кажется, именно в нём он и попытался явить его. А вероятнее всего, народу и не нужно было своего Пушкина — в народе, как уже было сказано, ещё жило песенное, былинное и сказовое слово, о котором — как и о небе и земных красотах — даже и не скажешь: талантливо или гениально, ибо оно, народное творчество (тем паче иконопись, духовная поэзия, житийная проза), выше эти суетных понятий.

«Не вернусь я в отчий дом, Вечно странствующий странник...»

Где же источные ключи есенинской поэзии?.. Они в поэзии народной. Поэт вместили в свой творческий дух и деревенского юродивого, и деревенского сказителя, которые сплошь да рядом были никудышными крестьянами, а посему и отношение сельского мира было к ним порой сложным.

Русские — чую и вижу крестьян православных, ибо и Русь была крестьянской, и слово-то само *крестьянин* родилось от слова *христианин*, — так вот, русские во всякой деревушке, не говоря уж о селе с церквями, имели своих юродивых во Христе, *убогих* (*у Бога* душой обитающих уже и в бременной земной жизни), кои молились за крестьян, которые, что греха таить, в страдную пору дорогу к церкви забывали.

Славились в деревнях и селах наравне с юродивыми во Христе и доморощенные балагуры, баешники, бодяжники (мастера бодяги заливать), словом, устные поэты. И тускнеет книжная поэзия, даже пушкинская, пред их мудрым словом, кружевным, резным, молвленным ли на завалинке, у русской ли печи при лучинушке, вопленным ли на свадьбе и похоронах, на проводах рекрутов, спетым ли в застолье, в хороводе. Не все они — сказители, певни, плакальщицы-вопленицы — были ровни по духовной силе и красе слова, но и великих рожала земля Русская. Вспомним и Киршу Данилова, и сказителей Рябининых, и уже помянутую добрым словом вопленицу Арину Федосову, и сказочницу-былинщицу Марью Кривополенову, за малый рост прозванную Махоней, и даже нашего присаянского земляка Сороковикова-Магая. Их поэзию не вместить в книги, сколько бы их ни издавалось на Руси, как сроду не вместить в альбомы все красоты русские.

Но вот, скажем, «Причитания северного края» Ирины Федосовой, напечатанные в трёх томах (1872–1875), получили всесветную славу. Об этой книге писали статьи знаменитые учёные-академики Л.Н. Майков и А.Н. Веселовский. Её поэмы-плачи звучали на больших заседаниях в Российской академии наук, в Русском географическом обществе, в Археологическом институте, на вечерах у графа Шереметьева и Победоносцева. Арину Андреевну слушали, читали, с восторжен-

ным удивлением писали о её поэмах-плачах и Некрасов, и Римский-Корсаков, и Балакирев, и Шалапин, и Пришвин, и Твардовский, и даже Горький, не привычавший русского крестьянства; мало того, они и в своём творчестве вдохновлялись поэзией деревенской бабы, которая... не знала книжной грамоты и долго бродила по родимой земле с нищенской котомкой и певучей причетью. Некрасов один из плачей Ирины Федосовой ввёл в поэму «Кому на Руси жить хорошо». Близки её поэтические причитания были, конечно, и Есенину. Это она, Арина Федосова, деревенщина простая и вещая, провидела ещё задолго до кровавого переворота:

*Хоть повыстанем по утрышку ранешенько, // Не о добрых делах мы думу
думаем, // Мы на сонмище бесовско собираемся, // Мы во тяжких грехах да не
прощаемся! // Знать, за наше за велико беззаконие // Допустил Господь ловцов
да на киян-море; // Изловили они рыбоньку незнамую, // Повыняли ключи да под-
земельные, // Повыпустили горюшко великое! // Зло несносное велико это горюшко
// По Россиюшке летает ясным соколом, // Над крестьянами, злодийно, чёрным
вороном. <...> Послушайте словеса наши старинные, // Заприметьте того, малы
недоросточки! // Уж как это сине морюшко сбущуется, // **Все изменятся пусты-
ни богомольные, // Разорятся вси часовенки спасенные** (выделено мною. — А.Б.).*

Устное поэтическое слово — вот семенное зерно, из коего возшла, заколосилась есенинская лирика и не увяла даже при духовной засухе.

* * *

Русская деревня являла и книжных поэтов — в мудрости и украсности первородного слова они уступали сказителям-былинщикам; но их поэзия, ещё такая родная устной, и в классической литературе не только живёт наравне с поэзией дворян и разночинцев, но она, эта крестьянская поэзия, в духоту и смуту помещичьего, интеллигентского искусства предвнесла живой и здоровый дух народной жизни и народного слова. Вспомним Кольцова, Никитина, Дрожжина, Сурикова — многие стихи их стали русскими песнями.

Но если деревенский мир мистически любил своих юродивых во Христе — они молились Богу во спасение крестьянских душ, — то к сказителям относился сложно: любили деревенские послушать их былины и побаски, особенно после страды в дни роздыха долгими и тёмными зимними вечерами, но самих баешников, а после и поэтов, случалось, откровенно недолюбливали и отторгали из своей среды. И всё по той причине, что сказители и книжные поэты от своей мечтательной и созерцательной словоохотливой натуры частенько выходили никудышными, нерасторопными, ленивыми крестьянами, частенько бывали и непутными, отступившими от Бога, нередко к тому же подверженными пагубному пристрастию к вину и шалому веселию. А уж глубоко православные, воцерковлённые, крепкие крестьяне, не признающие никаких книг, кроме Священного Писания, и строящие свою и домашнюю жизнь по суровому Домострою, где главное — страх Господень, послушание, почитание старших, натужный, но радостный труд, укрощающий плоть, — такие и вовсе на дух не переносили этих непутных баешников и поэтов: дескать, все это *блядословие* — беса тешат и в *искус* народ вводят. Так они и всё светское *искусство* понимали: мол, от демонского *искуса*.

Привечало русское простонародье лишь рукодельное художественное ремесло, мистически-обережно, благолепно украшающее храмы, усадьбы, наряды, домашний скарб, хотя и тут предпочитало скромность и умеренность.

С любовью относились к своим сказителям-старинарям лишь северные помо-
ры, не так, как пахотные крестьяне, глубоко воцерковлённые и вольные, которые
брали их на рыбный промысел — а он, бывало, тянулся месяцами, — и даже вы-
краивали им рыбный пай. Тоскливыми вечерами и бессонными ночами, где-ни-
будь на диких островах, когда студёное море бушевало, слушали святые жития,
богатырские былины, житейские бывальщины и потешные байки. От долгого,
беспроклого и скучного сидения на каменном и голом берегу в сердца поморов
остудными ветерками-сквозняками кралась взаимная неприязнь, и кинулись бы
мужики друг на друга с кривыми рыбацкими ножами, распластали друг другу
груди, словно рыбе-сёмге, если бы не сказители, кои и размягчали, утешали, рас-
тепливали их сердца добрыми, поучительными сказами.

А в крестьянском житье сказители, а потом и стихотворцы, если напрочь не
отшатывались от деревни, то и мужичью работу не тянули, а любили пастушество,
рыбалку; любили бродить по лесу с лукошком, собирали то, что не сеяли, — ягоды,
грибы и прочие таёжные дары. Это не землю пахать да хлебушек сеять, не живо-
тину обихаживать; тут уж вдосталь времечка для тихого созерцания, сладостного
мечтания, для азартного складывания в сердце и уме святых напевов и сказов,
побасок, быличек и стихов.

Не ведаю про Есенина, но Николая Рубцова, поэта близкого ему по духу и сло-
ву, говорят, бывало, хлебом не корми, а дай побродить по березнякам с грибным
кузовком. Тенистые, потаённые перелески и нашептали ему своей листвою:

...И под каждой берёзой — гриб,

Подберёзовик.

И под каждой осиной — гриб,

Подосиновик!

.....
И закружат твои глаза

Тучи плавные,

Да брусничных глухих трясин

Лапы, лапушки...

«Сапоги мои — скрип да скрип...»

* * *

В какой-то мере житейскую судьбу народных сказителей разделил и Сергей
Есенин... Поэт до жгучей и сладостной боли любил рязанскую деревню, и в позд-
них стихах звенит печаль о том, что убрёл его жизненный просёлок от родимых
нив. Но из числа никудышных крестьян и деревенских отверж, отбившихся от
пашни, был уже и отец Есенина Александр Никитич. Маломощный, малоземель-
ный, ушёл он из Константинова аж в стольный град Москву, где изловчился и
прибился к купцу Крылову приказчиком. Но если константиновские мужики ухо-
дили из деревни в отхожий промысел, чтобы приработать деньжат и, вернувшись
к родному подворью, купить лошадь, коровёнку, инвентарь, леса на новую избу, то
Александр Никитич напрочь отшатнулся от земли, от хозяйства, стал «москвичом».

С приходом к власти большевиков лавку прикрыли, и Александр Никитич воз-
вратился несолоно хлебавши в родное село, но был уже тут отрезанным ломтём.
Дочь его — сестра Сергея Есенина — Шура вспоминала:

*«Приезжая домой только в отпуск, он не знал крестьянской работы, а приви-
кать к ней в этом возрасте было уже нелегко. Он не умел ни косить, ни пахать,*

ни молотить, даже лошадь запрячь не умел. Да и сил у него не было... Сознавая свою неприспособленность и слабосилие, отец чувствовал себя не на своём месте и ходил всегда грустный. Целыми часами сидел он у окна, опершись на руку, и смотрел вдаль».

Так и кажется, что от такого светло-печального, обморочного и в то же время наслаждающего гляденье вдаль должны были народиться такие вот певучие стихи:

*Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.*

«Гой ты, Русь, моя родная...»

Но это пропел уже сын его — Сергей. Впрочем, похоже, и Александр Никитич был поэтом, но лишь в душе, и воплотился в своём сыне, который был ему близок по натуре и характеру (разве что живость и напористость взял Сергей от материной родовой). Но, чудно то или не чудно, любви не вышло между сыном и отцом. Как Россию-матушку, как родимый край, как отраду своей измученной душе, Сергей любил лишь свою мать Татьяну Фёдоровну, по молодости крепкую, на крестьянскую колодку скроенную, домовитую деревенскую бабу. Ей самые чистые, нежные и грустные стихи:

*Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.*

.....

*Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.*

Письмо матери

И любовь к матери, как и к России, Есенин не утопил в хмельном угаре, не раструсил на лихой и ухабистой жизненной дороге; наоборот, любовь его сыновья обретает до сердечной боли печальную, до мучительного звона пронзительную силу, когда мать — «помощь и отрада» — стареет, когда и сам до срока постаревший, уставший от непутной жизни, тянется измученной душой к родной избышке, над которой для него вечно струится «тот вечерний несказанный свет».

*Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.*

.....

*Много я видел, и много я странствовал,
Много любил я и много страдал,
И оттого хулиганил и пьянствовал,
Что лучше тебя никого не видал.*

«Снежная замать дробится и колется...»

*Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!*

.....

*Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.*

«Разбуди меня завтра рано...»

Татьяна Фёдоровна (в девушках Титова) выросла, как на доброй опаре, в работливой семье: братья ухватистые, ничего из рук не выпадет, умелые мужики, отец (дед Сергея Есенина) слыл знаменитым лошаадником, у которого водились лучшие кони в селе и отменная, дивная упряжь. Со своим мужем, который то пропадал в Москве, то потом скучал в деревне, Татьяна Фёдоровна жила, как поминают, в полуразводе — такой муж, у коего руки не из плеч растут, а мысли витают в печальной дали, раздражал её. А уж дом и семья только и держались на материнском горбу.

Хотя, опять же, судьбу своим чадушкам выбирала и ладила не мать, а отец, и на свой «*московский*» лад, и, может быть, даже поперёк материной воли, без одобрения её крепких, приземлённых братьев. Жадных до книжной грамотности детей отдал в учение: Сергея — в трёхгодичную церковно-учительскую школу в селе Спас-Клепики, а дочь Катерину — в частную московскую гимназию.

* * *

Сергей мог бы стать и сельским учителем, о чём и помышляли родители, но бесконвойный паренёк не просто раскрестьянился, как отец, но уже и боялся пропасть в константиновской глуши. А посему и убегает в Москву, где становится конторщиком у отцовского благодетеля, купца Крылова.

Молодой поэт — а он, сызмала писавший стихи, лишь поэтом себя и сознаёт и кое-что уже печатает — на первую же получку покупает себе добротный городской костюм, и не только потому, что любил форсить нарядами, а чтобы как можно быстрее распрощаться со своей деревенской обличкой, чтобы уж больше ничего не напоминало о его сельском происхождении, чтобы он уже ничем не отличался от коренного горожанина, от важного москвича. Чуть позже, дабы своеобразно войти в столичные литературные круги и завлечь читателя, издателя, Есенин ещё поиграет в сельского избяного, лапотного парня, подпустит рязанской натуры, но всё это будет хитроватое скоморошество и дерзкий вызов деревенского парня заносчивым барам и чопорной гнилой интеллигенции.

Хотя в стихах, истекающих из самой души, всегда будет зорево играть, словно в сенокосных лугах и желтеющих березняках, и выстилаться сизоватым речным туманом нежная и тихая, как вечерний шёпот кленовых листьев, опечаленная тоска по любимому окраешку земли, по отчему дому, по родимой матушке.

Поэт для сельского домовитого мира стал чуждым, а посему и покинул родимый дом, чтобы потом до самой смертушки воспевать его и плакать по «*стране березового ситца*», зная, что обратного пути нет, все пути отрезаны в душе и судьбе. Вот она, трагедия раздвоенного бытия и сознания:

*Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник...*

«Не вернусь я в отчий дом...»

Хотя

*Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда...*

«Низкий дом с голубыми ставнями...»

«Край любимый...»

Блеклое небо, голые поля и лысые холмы, а подле сонной речки избы, риги, овины, частоколы и тыны — всё уже ветхое, морщинистое, тёмное, в старческих пятнах зеленоватого мха. Это есенинское Константиново, где поэт увидел дивные красоты:

*Выткался на озере алый свет зари,
На бору со стонами плачут глухари...*

«Выткался на озере алый свет зари...»

Или:

*Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленах твоих стозвонных.*

«Край любимый! Сердцу снятся...»

Александр Солженицын в живописном этюде (насколько он красивее и мудрее иных его долгих и путаных романов!) пишет невзрачное село Константиново: ко- сые избы, лужа посреди улицы, пыльные и чахлые кусты, а в сельповском магазине ржавые селетки, каменные пряники и зелёные мухи, словно звери. Скука и тоска... Это не юг черноморский, не волошинский Коктебель, утопающий в неге и пышных красотах... И писатель восклицает: но какой талант метнул Всевышний на эту чёрствую и скудную, безрадостную землю!..

Талант талантом, но всё же где Есенин увидел на этой скучной земле, под сероватым небом столько природной красоты? Думать надо, лишь от переполнявшей и щемящей душу любви к этому невзрачному селу, к избе и землякам, к матери и сёстрам, к сиротливым полям и реденьким берёзовым колкам, только от неё, этой любви, Есенин и приукрашивает Константиново и всё окрест него стихами, что как утренние зори и как песни деревенские. Мало того, Есенин даже небесную райскую обитель не может иначе и вообразить, как только с картинами родной земли:

*Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край.*

Октоих

Ясно, что Константиново с невзрачными окрестными полями и чахлыми перелесками украшено любовью... Это как в чистом юношеском чувстве к своей избраннице. Кто-то сморщится: чего ты нашёл в ней?! — ни кожи ни рожи... Но для любящего она, его избранница, что ромашка в поле, свет в окошке. Она любовью рождена, любовью же украшена, — сотворена. Так и Константиново...

Даже прохладный, спрятанный в самом себе, вроде бы и далёкий от деревенской природы, Александр Блок в приступах любви к своему *странному* Отечеству вдруг восклицает в лад Есенину:

«Здесь от края и до края — чахлый кустарник. Пропадёшь в нём, а любишь его смертной любовью. Выйдешь в кусты, станешь на болоте, и ничего-то больше не надо».

И любишь отчего-то вдруг пронзительней, нежней, когда теряешь. Помните, как высоко и трогательно пишет Есенин о своей земле, о селе, о матери и об избе, когда вдруг чует с болью, что теряет их из своей души.

*Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.*

«Гори, звезда моя, не падай...»

Россия — с плавным и мягким, девьим станом рязанского села, будто накинувшего яркий полушалок, — была единственной любовью Есенина, которой он не изменил, даже богохульствуя, даже и заживо пропадая в Москве кабацкой. Он уберёг эту любовь, как тёплый огонёк лампадки во мраке душевного раздора. Есенин писал:

«Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к Родине. Чувство Родины — основное в моем творчестве».

И тут же с вызовом — зубодробильному Маяковскому:

«Россия моя, ты понимаешь, моя, а ты... ты американец. Моя Россия... Ляжет в литературе бревном, и все об него спотыкаются...»

«Ждали хама, глупца непотребного...»

Есенин явился в смуту и разгул интеллигентской поэзии, прозванной *серебряной*. Интеллигенция тогда и оседлала общественную мысль, и мысль эта, обезбоженная, неслась, как библейские свиньи, в коих бес вошёл, летела в пропасть, увлекая за собой народ. Впрочем, те из народа, кто был в трезвом уме и ещё от Церкви не отбился, звали это опасное сословие *гнилой интеллигенцией*, а самые рьяные из простонародья и вовсе били тех, кто носил очки. Их и прозвали черносотенцами, охотнорядцами.

Святой Иоанн Кронштадтский в грозных и пророческих словах интеллигенцию предал анафеме: «Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать её инородцам, как Иуда предал Христа злым книжникам и фарисеям, уже не говорю о том, что не стало у неё веры в Церковь, возродившей нас для Бога и Небесного Отечества».

Итак, Есенин влетел прямо в *Серебряный* век интеллигентского искусства — в гнусавый и слюнявый декаданс, в железный скрежет футуризма, в безродный, пахнущий могильной плесенью, слащавый романтизм, изощрённый разврат поэтических салонов, в прокуренную и пропитую, брехливую, хвастливую богему. Но были там, конечно, и несомненные таланты: и студёный Блок, которому надоели эти обезьяны — чернь простонародная; и мелкопоместный, но высокомерный дворянин и честолюбивый писатель Бунин; и Андреев, душу и разум которого стремительно пожирал князь тьмы и который, впадая в безумие, пугал рассказами великого Толстого, а тому было не страшно; и презиравший крестьян, бродяга, материалист-социалист Алеша Пешков; и пропахший древнелатинской книжной пылью академик Брюсов; и истомлённая воспетыми грехами Ахматова; и утонувшая в демоническом искусстве — зауми и прелести — больная Цветаева; и скрежещущий железными пролетарскими зубами Маяковский; и Мандельштам, что говорил про себя «изолгался на корню», развращённый и беспомощный, не случайно утопленный лагерными сидельцами в нужнике, и другие, менее талантливые, но не менее больные. Прости, Господи, всем: и автору, и героям, не ведали, что творили; впрочем, были, конечно, сложнее коротких характеристик, что звучали выше.

И они его, Есенина, поэта деревенского, поначалу и не высоко оценят, потому что не смогут и понять, как и народ свой не смогли понять, да и не утруждали себя этим, утонувшие в своих больных мирах. Усмехаются Зинаида Гippiус и Дмитрий Мережковский — гой еси, Лель златокудрый в жёлтых лапоточках... — просят сплясать «Камаринского мужика». Но парень деревенский тоже был не промах, тоже себе на уме, и пока терпел, потому что чуял, знал: завтра многие почтут за счастье пожать его мужичью руку, будут заискивать и величать. Но по первости они ещё куражились над парнем и шептали: дескать, оно, конечно, самородок и прочее такое, но... тёмный, неотёсанный, без приличного образования. Понимает Есенина лишь его учитель Николай Клюев (это потом придёт мучительный разрыв, в причинах которого, как в ворохе поношенного белья, может быть, и не стоит копаться); поймут Есенина и крестьянские поэты из «Красы» — их будущего братства, как, может быть, понимали, жалели и переживали за него писатели здорового (по сути своей, славянофильского) русского крыла: Шмелёв, Зайцев, Куприн... Но, как в жизни и бывает, молодого поэта, словно белокрылого лесного метляка, несёт в пожирающий демонический костёр...

Клюев пытался спасти Есенина от тяги в поэтические салоны, но, увы... Кста-ти сказать, до клюевского любомудрого слога салонным поэтам было как из ущелья до небес: волшебник древнерусского словесного узора, Клюев в поэтическую пряжу искусно вплёл великие миры — языческую Русь и Святую Русь, Святое Писание и Священное Предание по-церковнославянски, старообрядческую мифологию, северное сказовое, былинное и воплненное слово; и, сплетя в образах сии миры с их дольней и горней мудростью, по русскому образному слову превзошёл всех поэтов, допрежь прославленных и при жизни его, и по нынешнее время, да и грядущему не осилить. Клюев был воистину гений; но уже закодированный, уже как исследователь Русского мира; а Есенин превзошёл Клюева по ясной, истовой любви к Руси, к русскому простолудину. Скажем, Астафьев далеко обошёл Шукшина по художественному слову, но до шукшинской совести, до шукшинской сострадательной и восхитительной любви к русскому народу не возшёл. Лишь Шукшина, в некой мере и Белова, можно повеличать совестью народной.

Хотя и порой духовно невнятный, перемешавший северное скитское старообрядчество со славянским язычеством, но всё же чародей словесного орнамента, Клюев, словно вызов, бросит в холёное барское лицо и в унылую, порочную маску декадентствующей неруси:

*Ждали хама, глупца непотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз,
Даль повыслала отрока вербного,
С голоском слаще девичьих бус.
Он поведал про сумерки карие,
Про стога, про отжиночный сноп.
Защипели газеты: «Татария!
И Есенин—поэт-юдофоб!»*

«В поучение дали мне Игоря...»

Если вначале Есенин подыгрывает салонной литературной богеме, изображая сельского паренька, то, вскоре оперившись, бросает с грубым вызовом:

*Посмотрим —
Кто кого возьмет!*

*И вот в стихах моих забила
В салонный выхолощенный сброд
Мочой рязанская кобыла.*

*Не нравится?
Да, вы правы —
Привычка к Лориган
И к розам...
Но этот хлеб, что жрете вы, —
Ведь мы его того-с...
Навозом...*

Мой путь

Нынче болтают... глупость или подлая хитрость?.. болтают, что поэты Серебряного века были кумирами молодёжи, а спросим: какой? Какой молодёжи, если о ту пору ещё девяносто процентов составляло крестьянство, и деревенские парни и девки, не имея книжной грамоты, не слыхали про «серебряных» поэтов, но, вместили в творческий дух тысячелетнюю устную поэзию, ещё пели: «Ах вы, сени мои, сени, сени новые, кленовые...», а вечерами при лучине слушали жития святых, мифы, легенды, охоничьи, рыбацьи, житейские бывальщины и былички про избяную, овинную, банную, лесную, болотную и речную нежить...

* * *

Итак, дворянско-интеллигентский салон счёл Есенина хотя и народно и природно даровитым, но поэтом без должного образования, одно слово, лаптем щи хлебает, рязань кособрюхая. Но так ли это было?.. О ту пору жили, хотя и с трудом уживались, и помянутое нами просвещение, условно называемое книжным (от него народу выпало немало лиха), и просвещение народное — мудрость, где могло и не быть книжной грамотности, но где, как небо и земля, сливались в сердце и уме простолюдина православное и народно-обрядовое, природное знание, суть, домострой. У Есенина изначально и была эта народная просвещённость или, скажем, крестьянская мудрость. (Другое дело, что он не уберёг её в себе в полноте и чистоте, палимый честолюбием, закрутившись в хмельной и суетной столичной жизни.) Ранний и яркий, певучий талант — и всё от *золотой* избы, полей и перелесков, от алых зорь, пылающих закатов, от пения и говора народного, которые по тем летам были ещё щедры и величавы.

Уже в пятнадцать лет Есенин сочинит:

*Выткался на озере алый свет зари,
На бору со стонами плачут глухари..
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.*

«Выткался на озере алый свет зари...»

Иной бы нынешний поэт вздохнул: такое стихотворение написать и помирать не страшно — не зарыл в землю талант.

А в шестнадцать Есенин напишет: «Хороша была Танюша, краше не было в селе...»

Потом будет вспоминать:

«*Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16–17 годам...*»

А что до книжного образования, то читать Есенин начал лет с пяти, а потом много добирал самоуком. Первыми книгами поэта, конечно же, были Священное Писание, «Жития святых и преподобных отец наших», то есть «Четьи-Минеи святителя Димитрия Ростовского» и духовные стихи. Потом уже появились былины, бывальщины, сказы и сказки. Среди его любимых произведений, по воспоминаниям родных, были «Слово о полку Игореве», «Поэтические воззрения славян на природу» Александра Афанасьева и, конечно, русская классическая проза и поэзия, опять же близкая к народной жизни, в духе Гоголя, Лескова, раннего Толстого, Кольцова, Сурикова, Дрожжина.

Словом, Есенин по тем временам для крестьянского сына был достаточно образован. Только начитанность и глубокие философские раздумья о судьбе русской культуры могли породить «Ключи Марии» — научный труд (не станем пугаться эдакого величания), где есть, конечно, мировоззренческая, а для христианина даже и еретическая путаница в толковании мира, в слиянии неслиянного (язычества и христианства), где есть, конечно, и лихая, часто искусственная, имажинистская метафоричность (недаром «Ключи...» и посвящены «*никотинному другу*» Мариенгофу, который цинично баловался со словами и чувствами). Немало там ребячества, пустого мудрствования, но и немало интуитивных открытий из истории развития русского духа и слова. А главное, в «Ключах Марии» Есенин выразил предвиденье лихой поры, когда штемпелеванная или, как нынче говорят, массовая поп-культура, словно бесы, войдёт в народ и погонит в пропасть.

*Стыдно мне, что я в Бога верил,
Горько мне, что не верю теперь.*

«Мне осталась одна забава...»

Однажды некий иркутский поэт, мастер лёгкого, иронического стиха, раздражённо доказывал, что христианин не может быть поэтом, и наоборот, пишущий стихи перестанет быть христианином. То есть христианское начало в душе несовместимо с художническим, ибо, как мы уже говорили вначале, *искусство — искус* демонский. И тут поминались наши православные святые, старцы, неодобрительно относящиеся к искусству.

Есть тут доля правды (но не вся правда): многие русские писатели, как мне представляется, так и прожили с мукой раздвоенного сознания, несовместимости в себе христианского и художнического начал.

Священное Писание учит любви к Богу и даёт человеку нравственные правила жизни на земле ради бесплотной и вечной, истинно счастливой жизни души за гробом. Искусство толкает человека в смуту, блуждания, нравственный тупик, и наконец, — в вечные муки души за гробом.

Но есть и тут исключения: иконопись, духовная поэзия и проза, где совершенно гармонично уживаются христианское чувство и художническое. Есть подобные примеры и в светском искусстве. Вспомним хотя бы художников Иванова с его «Явлением Христа народу», Нестерова с его «Явлением отроку Варфоломею»; перечтём у Ивана Шмелёва (кстати, современника Есенина) «Лето Господне» и «Богомолье»: перед нами, читателями, русский, глубоко православный человек и художник, в красоте слова не уступающий ни Куприну, ни Бунину. В конце концов, при всех искренних и страстных душевных муках своего несовершенства христианского, жил и творил с идеалом Христа Фёдор Достоевский, с этим идеалом завершил свой век и Николай Гоголь. Да и у многих других именитых русских писателей прошлого века (и прежде всего у Пушкина, и даже у Лермонтова,

порой и страдавшего демонизмом) мы найдём немало произведений, про которые можно сказать, что здесь талант от любви к Богу и ближнему, к Руси, слышащей Глас Божий.

Николай Гоголь — и сам великий поэт даже и в прозе — писал поэту Языкову о русском лиризме, где печаль светла, без грешного унынья:

«Вновь повторяю то же самое: в лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно — что-то близкое к библейскому — то высшее состояние лиризма, которое чуждо увлечений страстных и есть твердый взлет в свете разума, верховное торжество духовной трезвости. <...> Наши поэты видели всякий высокий предмет в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма — Богом, одни сознательно, другие бессознательно, потому что русская душа вследствие своей русской природы, уже слышит это как-то сама собой, неизвестно почему».

Чтобы уж окончательно доказать, что искусство может служить и высшей божественной любви, — порой и не прямо, как молитва, а уже и проповедью любви к «други своя», обращением к земной совести, — возьмём, опять же, устное народное творчество, в котором бесчисленное множество произведений, где, как сказал Достоевский, *«поэт не ниже Пушкина»*. Оно, народное творчество, уже через век после крещения Руси было одухотворено верой во Спасителя.

Обратимся к былинам, где высший взлёт народной поэзии, — везде там верховенствует идея святой, православной Руси; за неё перво-наперво и готовы сложить буйны головы богатыри святорусские.

Илья Муромец (его прототип — знаменитый на Руси ратник-дружинник, а потом инок Киево-Печерского монастыря, святой преподобный Илия Муромец, по прозвищу Чоботок) — истинный христианин, проскакавший по бранным полям, будто под крылом Михаила Архангела, небесного покровителя земли Русской.

*— Ох ты, гой еси, родимый батюшка!
Дай ты мне свое благословеньце,*

— просит Илья своего отца, карачаровского крестьянина Ивана Тимофеевича,

*— Я поеду в славный стольный Киев-град
Помолиться чудотворцам Киевским...
Постоять за веру христианскую...*

Все былины указывают на глубокое христианское чувство Ильи:

*Взмолился стар казак Илия Муромец
Тому угоднику Божьему Николаю:
— Погибаю я за веру христианскую!
У Илейки силы вдвое прибыло...*

Подобное из народной поэзии, где в основе христианское мировоззрение можно приводить бесчисленное множество.

* * *

Но вернёмся к нашему любимому поэту Сергею Есенину... Несмотря на то, что Есенин стал для жиганов-воров, богохульников чуть ли не идиолом, начинал он всё же как поэт с православным мироощущением и мировоззрением, может быть, лишь слегка замутнённым народно-обрядовой стихией; и — странно это или не странно — в ранней юности даже имел мечтательную тягу к смиренному иноче-

ству, к духовному подвигу, к отречению от суетного мира ради служения Богу. Разумеется, тут больше от светлой мечтательности, не от готовности и жажды монашеского подвига, и, тем не менее, это жило в душе юного поэта.

*Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись Пречистому Спасу...*

Калики

*Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь...*

«За горами, за желтыми долами...»

Пойду в скуфье смиренным иноком...

Христианское начало в ранней есенинской поэзии обретало даже и грозную, духовно-оборонительную страсть, подобную той, которая укрепляла былинного богатыря Илью Муромца перед битвой с хазарско-иудейским богатырём, нахвальщиной Жидовином: «*Я за веру стоял да Христовую, // Я за церкви стоял да за соборные...*» Эта оборонительная мистически-православная страсть в Есенине была и сродни грозным поучениям праведного Иоанна Кронштадтского, которому о ту пору как раз и внимала вся православная Русь, как нация. У Есенина это выразилось в стихотворении «Певущий зов», посвященном Рождеству Христову и написанном, что символично, в семнадцатом году, в предреволюционном Петрограде:

*О Родина,
Мое русское поле,
И вы, сыновья, ее,
Остановившие
На частоколе
Луну и солнце, —
Хвалите Бога!*

.....
*Сгинь, ты, английское юдо,
Расплещися по морям!
Наше северное чудо
Не постичь твоим сынам!
Не познать тебе Фавора...*

Здесь поэт созвучен не только крестьянскому сыну, казачьему атаману, а потом смиренному иноку Илие Муромцу (в былинах Илья Муромец — собирательный образ русского народа), но и великому православному писателю, митрополиту Илариону, что в своём порывистом, но мудром «Слове о Законе и Благодати» показывает спасительность для души христианской Благодати и пагубность иудейского Закона. Митрополит Иларион утверждает: «...*Ибо иудеи о земном радели, а христиане же — о небесном...*»

Впрочем, у юного Есенина молитвенное настроение вдруг сменялось язычески разгульным — и это в русском характере искони, — что и выражалось в поэзии. Вспомним:

*Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.*

«Выткнулся на озере алый свет зари...»

Не обошла Есенина стороной и бывшая тогда в большом ходу идея христианского социализма. Если у Александра Блока при описании революционной дружины «...В белом венчике из роз // Впереди Иисус Христос...», то у Есенина в стихотворении о мальчике Мартине (сыне бедного рабочего) Христос — товарищ угнетённых, бьётся против буржуев «за волю, // За равенство и труд!», за республику, и гибнет в революционной схватке:

*Но вдруг огни сверкнули...
Залаял медный груз.
И пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус.*

Товарищ

* * *

Есенин вырос в русской патриархальной, воцерковлённой семье. О чём и вспоминал:

«Бабка была религиозная, таскала меня по монастырям. Дома собирала всех увечных, которые поют по русским селам духовные стихи от «Лазаря» до «Миколы».

Но уже в детстве талантливого, охочего до чтения и учения отрока искушал демон сомнения. С одной стороны, богомольная бабка водила его по монастырям и по церквям, а дедушка «по субботам и воскресным дням рассказывал Библию и священную историю», с другой стороны, отрок «рос озорным и непослушным; был драчун; в Бога верил мало. В церковь ходить не любил».

К этому надо прибавить и то, что в Есенине бродили, так — чего греха таить — и неугасшие за десять веков после Святого Крещения природно-языческие страсти:

*Матушка в Купальницу по лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.*

.....
*Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.*

Словом, боголюбие в Есенине была замутнено. В семнадцать лет он пишет из Москвы своему другу Грише Панфилову:

«Гриша, в настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос для меня совершенство».

Но тут же в его размышления проникает богопротивная ересь, неведомо откуда подхваченная, похожая на ересь и ренановскую, и толстовскую, когда мистически непостижимый, растворённый в мире и в наших душах Бог понимается как человек. Есенин приписывает:

«Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха, что будет после смерти. А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою, как образец в последовании любви к ближнему».

Мучительный распад и разлад в есенинской душе, порождённый ещё в отрочестве и усиленный чтением светских книжек, нарастает, чему сопутствует и время богоборчества в России; а порой, случается, демоническая ночь и вовсе затмевает в его душе божественный небесный свет. День сменяет долгая, злая, отчаянная ночь... И рождается в самый разгар большевистской атеистической одури поэма «Инония», где поэт надсадно кричит:

*Тело, Христово тело,
Выплываю из рта.*

Не упомяну, как в мировом искусстве, но в русском такого богоборчества — демонически-гениального, народно выраженного — до Есенина, кажется, не было, если не брать в расчёт пошлую и богохульную «Гаврилиаду», от которой, божесть, открестился Пушкин. Ибо, как писал великий наш философ Иван Ильин, русское искусство и вся многовековая русская культура «*слагалась и крепла и расцветала в духе Православия. Русское искусство всё целиком выросло из свободного сердечного созерцания. Надо увидеть сердцем ту глубокую связь, которая соединяет рускоправославных Святых и Старцев с укладом русской простонародной и образованной души. Весь русский быт — иной и особенный, потому что славянская душа укрепила свое сердце в заветах Православия. И самые русские инословные исповедания (за исключением католицизма) восприняли в себя лучи этой свободы, простоты, сердечности и искренности*».

Где-то искренне, где-то из попыток приспособиться к богоборческим властям, захватившим Россию, Есенин чуть ли не до самой смерти кается в своей ранней религиозности — «...и молиться не учи, не надо, к старому возврата больше нет...» — и доходит тут до того, что уже почти готов отречься от своей крестьянской православной среды. Незадолго до смерти признаётся:

«Самый щекотливый этап — это моя религиозность, которая отчётливо отразилась на моих ранних произведениях. Этот этап я не считаю творчески мне принадлежащим. Он есть условие моего воспитания и той среды, где я вращался в первую пору моей литературной деятельности. Он (дед. — А.Б.) с трёх лет вдалбливал мне в голову старую патриархальную церковную культуру. Отроком меня таскала по всем российским монастырям бабка (подчёркнуто мною. — А.Б.)».

Вот такие отмашистые выражения — «вдалбливал», «таскала», — словно всё творилось силком, против воли малого.

И ещё одно признание:

«Рано посетили меня религиозные сомнения. В детстве у меня были очень резкие переходы: то полоса молитвенная, то необычайного озорства, вплоть до богохульства. И потом в творчестве моём были такие полосы».

Да всё случалось: была и «грусть по небесам», были и росписи стен Страстного монастыря похабными частушками и сочинение богоборческой «Инонии», что, как сказал некий снисходительный критик, вполне объяснимо «*в атмосфере безбожного бесовского шабаша*», «*когда повсеместно разрушались храмы, осквернялись иконы, преследовалось православное духовенство*».

* * *

Искренне приняв революцию, поскольку так же искренно не принимал господствующих сословий, позже, уже не понимая происходящего в России, растерявшись и отчаявшись, забываясь во хмелю и скандаля, Есенин ещё так-сяк старался быть или казаться своим для тогдашнего ленинского правительства, сплошь инославного, люто ненавидящего Православие. Клял царский *прижим* и клялся в своей верности большевистскому режиму.

*Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.*

Иорданская голубица

И, понося монархию, даже Ленина воспел в поэме «Гуляй-поле» (впрочем, величие вождя невольно обрело потешные, карикатурные черты, может и оттого, что было тут некое насилие над своим творческим духом; и вообще, здесь языковое, поэтическое чутьё Есенину заметно изменило и, похоже, неслучайно):

Монархия! Зловещий смрад!

.....
*Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...
И он пришёл.*

.....
*И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных,
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.*

.....
*Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.*

Но клятвы верности не помогли, в гостинице «Англетер» Есенина убили. Но если бы убийства не случилось, то, Бог весть, как бы он завершил свой век, яркий, как вспышка зарницы над рязанскими полями, короткий, путанный, скачущий, бешено закусив удила. Может быть, и где-то на Соловецких островах...

Дорога была цена его художества, его попыток сблизиться с инославными комиссарами; дорога была цена дозволенной до поры до времени шумной славы в стране, где правят негодяи (вспомним его же поэму «Страна негодяев»); ценою славы стала душа, а потом жизнь.

Критик Александр Воронский, писавший о том, как русский народ любит народную, почти сказовую, искреннюю, страстную поэзию Есенина, тем не менее, вспоминает:

«На загородной даче, опившийся, он (Есенин. — А.Б.) сначала долго скандалил и ругался. Его удалили в отдельную комнату. Я вошел и увидел: он сидел на кровати и рыдал. Всё лицо его было залито слезами. Он комкал мокрый платок.

— У меня ничего не осталось. Мне страшно. Нет ни друзей, ни близких. Я никого и ничего не люблю. Остались одни лишь стихи. Я все отдал им, понимаешь, все. Вон церковь, село, даль, поля, лес. И это отступилось от меня».

Душевное омертвление Есенина выражено и в стихах:

*Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет,
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет.*

«Ты прохладой меня не мучай...»

Падучую болезнь русские понимали только так: *бесы вошли к корежат несчастного.*

Есенинская душа, прежде чем спалилась в костровых языческих страстях, в грехах и пороках (в демонском искусе), как бы прошла через несколько ступеней духовного прельщения, и они ясно выражены в его же четверостишии: «Грубым дается радость» — это жизнерадостная, язычески плотская, певучая ступень Есенина. «Нежным дается печаль» — это романтическая, платоническая ступень. «Мне ничего не надо, / Мне никого не жаль» — это уже тупик; и хотя стихотворение и дальше продолжается, но уже не выводит читателя из холодного угла.

После таких строк обезбоженному мученику белого света самое время пойти и застрелиться или повеситься — жизнь бессмысленна. Хотя, кажется, всё же на самоубийство Есенин мог бы и не пойти: не дало бы совершить это так и не вытравленное до конца христианское чувство в душе, ибо самоубийство — великий грех: человек не в воле распоряжаться жизнью, дарованной Свыше. Но это лишь предположение.

«Россия! Сердцу милый край, Душа сжимается от боли...»

Величие есенинской поэзии не только даже в её гениальности, с точки зрения народности и художественности, а в том, что он, как никто иной в нынешнем веке, так ярко и мощно показал русскую душу в её божественных взлётах и хмельных отчаянных падениях в смердящую пропасть духа, в её омерзительных грехах и сотрясающих душу раскаяньях.

Самые пронзительные стихи Есенина — уже позднего, смертельно уставшего — душераздирающий стон по своей душе, а значит, и по душе русской, теряющей божественный свет; это и плач по *крестьянской* (суть *христианской*) жизни.

*Россия! Сердцу милый край,
Душа сжимается от боли...*

Ленин (отрывок из поэмы «Гуляй-поле»)

Читаешь воспоминания о Есенине его друзей, а также прихлебателей, искусителей и просто собутыльников, читаешь письма его родных и возлюбленных — и аж мороз по коже! Не тихая, как речная заводь, светлая, берёзовая, лунная печаль охватывает, а мертвящий ужас! И начинаешь понимать, что всё написанное о нём доброхотами, приукрашенное любовью к нему, — всё это лишь чудное щебетанье воробьиное, воркованье голубиное. (Хотя и взбалмошной была Айседора Дункан, но, налюбившись и намаявшись с Есениным, как горько и верно, указывая на грудь Есенина, воскликнула: «Здесь у него Бог», а показав на голову, вздохнула: «Здесь у него дьявол».) Похоже, душу Есенина, где не на живот, а на смерть билось божественное с демоническим, где часто демон властвовал, — душу эту мог постичь и описать один лишь Фёдор Достоевский. Сам Есенин не был поклонником писателя Достоевского, да и Толстым не увлекался (будучи женатым на Софье Андреевне Толстой, угнетался портретами «великого старца», нравоучителя, сурово глядящего со стен); поэт любил Николая Гоголя (да и то раннего, без его духовно-православной прозы); но тем не менее по душевному борению ближе всех к нему стоял Достоевский. Они переживали похожие внутренние муки — муки раздвоения, но если Фёдор Михайлович никогда не терял из души идеал Христа и маялся больше своим духовным несовершенством, слабостью веры, то Есенин шагнул дальше — к ереси, потом к богохульству и богоборчеству.

Но, думаю, в душе раскаялся, а посему и будем, молясь за него, повторять и повторять, что никогда свет божественный полностью не покидал душу поэта.

*Душа грустит о небесах,
Она нездеиных нив жилища...*

«Душа грустит о небесах...»

И в своём завещании Есенин просит тех, кто будет с ним при последней минуте:

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать*

*Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

«Мне осталась одна забава...»

Есенин: Америка, «она — страна негодяев»

Сознание Есенина разорвано в клочья, которые не собрать воедино, ибо во всём у него противоречия. Виной тому вино, срифмовал бы поэт и прибавил, да к тому же дурное окружение — чуждые люди лезут в его душу, копошатся в ней, как в своей. Но и время было такое: Россия на дыбах, и всё в ней поставлено с ног на голову, и душу уберечь, что духовный подвиг свершить.

*...Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.
Напылили кругом. Накопытили
И пропали под дьявольский свист.*

«Несказанное, синее, нежное...»

Оголтелое время сбilo поэта с ног. Противоречивым становится даже само отношение Есенина к русской деревне. Его уже раздражает она, староукладная, о чём он и пишет, вспоминая путешествие в Европу и Америку:

«Вспомнил про «дым отечества», про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за «Русь», как за грязь и вишювость. С этого момента я разлюбил нищую Россию».

Нет, разлюбить её и убогую Есенин уже не сможет; и до самого последнего часа будет печалиться и плакать по избяной, ржаной и конской, сермяжной Руси, и трогательно до слёз вспоминать мокрогубого телёнка, лежащего в углу на жёлтой соломе, потом шатко расхаживающего по избе, как будет вспоминать и «смешного дуралея» жеребёнка, бегущего за паровозом, пытаясь обогнать стальную машину.

И будет он ещё воспевать деревню, исконно-русскую, конно-гужевую; и будет в нём и страх за неё, тихую и мирную, перед жестоким и холодным, стальным напором грядущей технической цивилизации. Лев Николаевич Толстой, крестьянствующий, помнится, как увидел «чугунку» (железную дорогу), так в страхе и воскликнул, что это начало конца России, да и всего человечества. Толстой, как и Есенин позже, как бы предвидел, что техническая цивилизация принесёт много горя всему живому на земле и душе человеческой: *искусственный воздух, вода, одежда, еда, искусственные люди, искусственные отношения* — опять кругом всё тот же *демонский искус*, и ничего здорового, природного и натурального. А за весь этот *искус* — омертвевшая душа и короткий и маетный век.

Но Есенин понимает и неизбежность технического прогресса, как и чуёт крестьянской душой, что не сможет он, этот прогресс, жить в согласии с природой и душой человека, он их погубит. Моторную цивилизацию, превращающую человека в рабское колёсико адской машины, в бездушного робота, зарабатывающего деньги, жрущего, пьющего, тонущего в смраде пороков, такую цивилизацию Есенин увидел в Соединённых Штатах Америки. «Железный Миргород» — так он назвал Штаты в своей статье.

На чудовищно огромном пароходе «Париж», где «*корабельный ресторан <...> площадью немного побольше нашего Большого театра*», — в его железной туше Есенин с танцовщицей Дункан приплывает в Америку...

«Через час глазам моим предстал Нью-Йорк.

Мать честная! До чего бездарны поэмы Маяковского об Америке! Разве можно выразить эту железную и гранитную мощь словами?!»

Есенин размышляет: а процветает ли в этой «железной и гранитной» империи хваленая свобода?.. — о ней американцы с пеной у рта вопят на весь мир, который подмяли под своё жирное пузо. Вот есенинское мнение после нью-йоркских впечатлений:

«Утром нас отправили на Элис-Аленд. Садясь на маленький пароход в сопровождении полицейских и журналистов, мы взглянули на статую свободы и прыснули со смеху: «Бедная, старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьеза!» — сказал я. Журналисты стали спрашивать нас, чему мы так громко смеемся. Спутник мой перевел им, и они тоже засмеялись».

Словом, торчит идол «свободы» ради горького смеха, а самой свободы и в помине нет; и если типичный американец и свободен, то... лишь от совести и чести. И тут невольно вспоминается смешное и грешное, как наш будущий президент Ельцин, возможно, во хмелю трижды облетел статую свободы в Америке и стал втрое свободнее. От чего душа его стала свободнее, нетрудно догадаться, если глянуть на преданную, проданную и разорённую Россию.

* * *

В нью-йоркской гостинице — «шик, блеск, тру-ля-ля» — сказителя из рязанской деревни встречает еврейский поэт Давид Бурлюк, некогда русскоязычный российский модернист и авангардист, некогда и убежавший из мятежной России. (Растопили кровавую баню в России, и — будто крысы с тонущего корабля, а русские отдувайся...)

Давид Бурлюк приходит к Есенину и Дункан вместе с Морисом Осиповичем Мендельсоном, критиком и литературоведом. (Господи, сколько их, иноверных, презирающих Россию, липло к Есенину, всех этих давидов бурлюков, мендельсонов, шнейдеров, райхов, лившицей, мейерхольдов, безыменных, лебединских, повицких, эрлихов, шершеневичей, берзиней! Они выклевали душу рязанского поэта, выпили его очи. Хотя Есенин не всегда был в этом деле овечкою невинной: принимая их в свою поэтическую судьбу и душу, думал перехитрить «давидов» своим мужицким умом; думал, они сотворят ему славу, но жестоко просчитался. Впрочем, опять же, иных он, похоже, искренно любил, а иногда одевал ласковую маску, натужно изображая широту взглядов и пугаясь юдофобии в себе, пряча её. А потом с «давидами» исправно вершились практические дела, с ними же было весело кутить и под их одобрительный гул богохульствовать и хулиганить.)

И вот Давид Бурлюк и Морис Мендельсон приходят в гостиничный номер, где и поселилась странная и трагически несовместимая чета Есенины — Дунканы. Мендельсон так описывает примечательную сцену:

«Разговор с Есениным, как и следовало ожидать, начал Бурлюк. И сразу беседа эта стала какой-то вымученной и явно нерадостной для обоих участников. В речи Давида Давидовича появились заискивающие нотки. И сидел он очень напряженно, на самом кончике стула. <...> Неужели Есенин увидел в Бурлюке подобие типичного американского коммивояжера? Нет, здесь было дело, вероятно, в чём-то другом...

<...>И, наконец, вопрос Бурлюка, повторенный Бог знает в который раз («Так что же желал бы Сергей Александрович увидеть в своеобразнейшем городе Нью-Йорке?»), вызвал у Есенина особенно резкую вспышку. Он <...> объявил:

никуда он здесь не хочет идти, ничего не намерен смотреть, вообще не интересуется в Америке решительно ничем».

Нет, Есенин не только оглядит Америку, но и осмыслит её и опишет в статье «Железный Миргород», напечатанной в двадцать третьем году в газете «Известия»:

...Американский фокстрот есть не что иное, как разжиженный национальный танец самба. В остальном негры — народ довольно примитивный, с весьма необузданными нравами. Сами американцы — народ тоже весьма примитивный со стороны внутренней культуры. Владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в бизнес и остального знать не желает. Искусство Америки на самой низшей степени развития. <...>

Для русского уха и глаза вообще Америка, а главным образом Нью-Йорк, — немного с кровью Одессы и западных областей. Нью-Йорк на 30 процентов еврейский город. Евреев главным образом загнала туда судьба скитальчества из-за погромов. <...>

Сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение.

Как это современно звучит. Вот что такое Америка, которая себя навязывает миру мечом и обманом...

Америка, как апокалипсис человечества, как омертвление живого мира, долго будет тревожить душу поэта. Он будет думать о ней даже тогда, когда будет писать свою поэму «Страна негодяев», хотя и посвященную благородному «разбойнику», крестьянскому заступнику батьке Махно. Софья Андреевна Толстая-Есенина вспоминала:

«Замысел пьесы «Страна негодяев» всё время менялся по ходу работы. <...> Расширение замысла... произошло после его поездки в США, о чём он мне не раз говорил... Есенин рассказывал мне, что он ходил в Нью-Йорке специально посмотреть знаменитую нью-йоркскую биржу, в огромном зале которой толпятся многие тысячи людей и совершают в обстановке шума и гама сотни тысяч сделок. «Это страшнее, чем быть окруженным стаей волков, — говорил Есенин. — Что значат наши маленькие воришки и бандюги в сравнении с ними? Вот где она — страна негодяев!»

И в этой поэме у Есенина слились в негодяйстве и американский буржуа-коммерсант, и большевик Чекистов (прообраз Лейбы Троцкого), «еврей из Лейпцига», циничный материалист, ненавидящий Православную Церковь; и оба они слуги «черного человека», князя тьмы и зла.

* * *

Поэта Есенина за бугром воспринимали лишь как мужа Айседоры Дункан, по впечатлению Горького, сумасбродной, стареющей, но молодящейся танцовщицы, имевшей к тому времени мировую славу. При всей суматошности своего характера и ненасытной чувственности, Дункан, по воспоминаниям знавших её, имела душу светлую и добрую. Она, годная поэту чуть ли не в матери, вянущая женщина, любила Есенина неистовой, закатной любовью; и она любила его не только за нежную красу и статью, и не только за талант, она любила его и матерински, видя в Есенине как бы и своего погибшего сына. Она, даже с трудом изъясняясь с Есениным по-русски, малознакомая с русским искусством, тем не менее, женским и материнским сердцем чуяла и его поэзию, и его большую душу.

Итак, американские буржуи породили в Есенине одну лишь брезгливость: у них вместо глаз доллары, голова — кассовый аппарат, считающий купюры, а сердце — кипящий котел с нечистотами, бурлящими из канализационной трубы рта. И одной из причин брезгливого отношения Есенина к американским обывателям стало их равнодушие к поэзии. И уж кровно обидело, оскорбило Есенина, болезненно самолюбивого и честолюбивого, полное безразличие американцев к его поэзии и к нему самому. (Толпы репортёров крутятся лишь возле Дуньки, так Есенин на деревенский лад дразнил свою жёнушку.) Ему было непостижимо, как же можно было не полюбить его, которого в России со слезами и ликованием слушали толпы читателей; его, которого носили на руках поклонники, а поклонницы-курсистки в любовном безумии готовы были целовать его следы; его, которому прощались скандалы в ресторанах и долги в гостиницах, стоило ему сказать магическое: «Я Есенин»; его, крестьянского поэта, которого даже вождь пролетарской литературы, косо глядевший на крестьянство, всё же назвал «великим русским поэтом»; его, которого вынуждены были принять и признать даже и правители-большевики; его, о котором наперебой писали газеты, издатели рвали рукописи из рук, — и как же можно было не полюбить такого поэта! Впрочем, чего было и ожидать от слуг жёлтого дьявола, для которых поэзия — бред сумасшедшего, а в лучшем случае, — блажь, баловство бездельника.

Ну, ладно, американцы, у которых души заплывли жиром и закаменели, но есенинскую поэзию за океаном не приняли и русскоязычные еврейские эмигранты. Морис Мендельсон вспоминает об этом:

«За год до приезда Есенина в Америку Ярмолинский совместно со своей женой, поэтессой и переводчицей Баббет Дейч, издал в переводе на английский язык сборник стихов русских поэтов. Эта антология включала и переводы нескольких есенинских произведений. Узнав об этом, поэт обратился к Ярмолинскому с просьбой издать отдельной книжкой его стихи на английском языке.

По признанию Ярмолинского, это предложение Есенина он «не принял всерьёз». <...> И переданные ему Есениным рукописи стихов остались лежать без движения. <...> Творчество поэта было чуждо супругам Ярмолинским».

Понятно, какую «русскую» поэзию издавала чета Ярмолинских, если в ней не нашлось место Есенину.

* * *

Вот так и покорил великий русский поэт Америку, но, побывав в «Железном Миргороде» — в «стране негодяев», он пуще прежнего возлюбил свою и убогую, и великую Русь.

*Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.*

Хулиган

Всеволод Рождественский вспоминает слова поэта, возвратившегося «из-за бугра»: — *Какого чёрта шатался я по заграницам? Что мне там было глядеть? Россия! — произнес он протяжно и грустно. — Россия! Какое хорошее слово... И «роса» и «синее» что-то. Эх! — ударил он вдруг кулаком по столу. — Неужели для меня всё это уже поздно?*

Поминая Америку, о Маяковском, с которым всю жизнь тягался, скажет, что он «американец, а я русский». Откровенничая с Эрлихом, прибавит:

— *Знаешь, почему я — поэт, а Маяковский так себе — непонятная профессия? У меня родина есть! У меня — Рязань! <...> А у него — шии. Вот он и бродит без дорог, и ткнуться некуда. <...> Нет поэта без родины.*

«Под чужую песню и пою, и плачу...»

Есенин принял в душу большевистский переворот — много в его душе было близкого революционному духу, дикого, бунтарского, разинского, и даже просто озорного, хулиганского.

*Мать моя — Родина,
Я — большевик.*

Иорданская голубица

Как и часть крестьян, из малосильных, с ленцой, и к тому же ослабших в вере православной, в полную душу поверил лукавым посулам революционеров-ленинцев; поверил по-мужичьи в благодатную страну Вырей, где и оглобля прорастёт и хлебным зерном заколосится, ежели эту оглобля в землю пихнуть. Посулы были сладкими, хотя, как в деревне говорят, сладко в рот, да горько в сглот. Но об этом по первости не думалось, коль в голове шало гудел октябрьский разбойный ветер. И какие призывы гремели в свисте кровавого ветра: крестьянам — земля, свобода, равенство и братство!

Земля — крестьянам!.. Про это русский мужик все века думал-гадал.

Равенство!.. Мужик, чего уж греха таить, страдал от социального неравенства, чувал, что для бар он — деревня битая, рабочая скотинка, чёрная кость. И крестьяне, в свою очередь, недолюбливали дворян (и заодно интеллигенцию), которые, по их разумению, задурили от праздности, погрязли, не каясь, в грехах и пороках, сами свихнулись от книжного учения и маловерия и народ пошли баламутить.

Хотя Есенин — натура предельно противоречивая, изображая из себя аристократа, щеголяя в английских костюмах, в то же время по-мужичьи презирал аристократов. (Все это в нём как-то уживалось.) Всеволод Рождественский пишет о том, как однажды крестьянские поэты Клюев и Есенин были приглашены в дом графини Клейнмихель, «представительницы одного из крайних монархических течений»:

«В великолепном особняке на Сергиевской собралось общество, близкое к придворным кругам. За парадным ужином, под гул разговоров, звон посуды и лязг ножей, Есенин читал свои стихи и чувствовал себя в положении ярмарочного фигляра, которого едва удостаивают высокомерным любопытством. Он сдерживал закипающую в нём злость и проклинал себя за то, что согласился сопутствовать Клюеву».

А будучи санитаром в госпитале Царского Села, имел честь читать патриотические стихи царице и царевнам, о чём, опять же, поминал с сословной неприязнью:

«Я читаю, а они вздыхают: «Ах, это всё о народе, о великом нашем мученике-страдальце...» И платочек из сумочки вынимают. Такое меня зло взяло. Думаю — что вы в этом народе понимаете?»

Если оцерковлённого христианина мало волновало социальное неравенство, — последний на земле, первый у Бога в Царствии Небесном, — то отпавших от веры, каким стал и Есенин, такое неравенство приводит в ярость, толкает на бунт, русский, кровавый и безумный.

Братство!.. Этим и не нужно было мужиков соблазнять, если братчиной (общинной, по сути, коллективным хозяйством) русские мужики жили все века. Недаром же Маркс, которого Есенин «ни при какой погоде не читал», в своё время говаривал, что, мол, в России и революции социалистической не нужно, коль там уже есть готовая, почти социалистическая форма труда и быта — русская община.

Свобода!.. Есенин, как и часть крестьян, потерявших страх Господень, *побежал* за большевиками, «*задрав штаны*». И брёл за ними даже в последние годы, когда уже терял в них веру. Дункан за границей, указывая на Есенина, говорила: «Он коммунист». На что поэт отзывался: дескать, он ещё *левее* коммунистов. И это он, обычный Есенин, полный противоречий и несовместимостей.

Есенин, как и опять же часть крестьян, пошёл за большевиками по причине того, что, как некогда бунтари Разин и Пугачев, *искусился* языческой свободой, то есть *внешней* волей — куда хочу, туда и ворочу, и Помазанник Божий мне не указ. Но духовно трезвенные крестьяне понимали лишь свободу во Христе, то есть внутреннюю, когда ты лишь раб Божий, когда стараешься быть свободным от бесчисленных злых *искусов*. Святейший Патриарх Тихон, за Христову Церковь принявший мученическую погибель от рук богоборческой ленинской власти, так писал об этом: «*А вот мы, к скорби и стыду нашему, дожили до того времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признаётся грехом. Но и оправдывается как законное*».

Но слишком много в рязанском поэте было от шалого славянского язычества, недаром же так любил «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьева. И не дёшево стоило Есенину и многим крестьянам это искушение языческой свободой, какая всегда выливается во вседозволенность, в оправдание убийства, насилия, греха и порока. Дорого стоил нашему народу этот *искус* — языческая воля, ибо тут и были дьявольские сети, которые расставили большевики, в которые крестьяне и угодили, куда попал и наш поэт. Забрыкались, зашумели, ан поздно — ярмо рабское, какого не знали и при крепостном праве, уже накинута на шею. А тех, кто взялся было за топоры и колья, подавили огнём и мечом.

Знакомясь с Александром Воронским. критиком, публицистом и издателем, Есенин сказал:

— *Имейте в виду, я знаю, вы — коммунист. Я — тоже за Советскую власть, но я люблю Русь. Я — по-своему* (как эсер с крестьянским уклоном. — А.Б.) *Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет.*

* * *

А позже, не шибко и тая свою приязнь, Есенин становится почитателем батшки Махно. Этот, ещё маловедомый нынешнему читателю мужичий предводитель, бил поначалу белых (угнетателей крестьян), а потом поднялся и на красных (тоже угнетателей крестьян). Когда поэт скорбит о том, что стальной конь (паровоз) победил «*смешного дураля*» жеребёнка, то есть обогнал коня живого, мужичьего, то видит батшку Махно, который сражался за Русь избяную и соломенную против демона «железной» цивилизации.

В августе двадцатого года Есенин пишет девятнадцатилетней девушке Жене Лившиц, размышляя о Махно:

«*Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребёнок был для меня наглядным, дорогим, вымирающим образом деревни и ликом Махно. Она и он в революции нашей страшно походят на этого жеребёнка, тягательством*

живой силы с железной... Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжёлую эпоху умерщвления личности как живого».

В поэме «Страна негодяев» Есенин в образе Номаха и выводит крестьянского верховода, народного бунтовщика батьку Махно (*Номах-Махно* — тут лишь слоги переставлены), который бьётся с негодьями вроде Чекистова (*Лейба Троцкий*).

«Дайте мне на Родине любимой, Все любя, спокойно умереть!»

В России мрачные позимки — ленинский террор, который похлеще сталинского, ибо в первом случае истребление русского национального, во втором — карающий меч опускается на инославную ленинскую гвардию... хотя, конечно... лес рубят — щепки летят. Не уследить было Сталину в неохватной империи, что творят его именем в российской глубинке. И хотя у Есенина всероссийская слава, но тучи над ним сгущаются. Поэт, как и прежде, то ли искренне, то ли из чувства самосохранения на всех углах кляётся в своей преданности большевикам. Александр Воронский вспоминал:

«Иногда он говаривал по поводу своих зарубежных скандалов: «Ну, да, скандалил, но ведь я скандалил хорошо, я за русскую революцию скандалил». И повторял рассказ о том, как в Берлине на вечере белых писателей он требовал «Интернационал», а в Париже стал издеваться над врангелевцами и деникинцами, в отставку ставшими ресторанными «шестерками». И там и здесь его били».

А ведь в числе этих белых писателей были и Куприн, и Бунин, и Шмелёв, и ещё много русских, которые не приняли противорусской власти, убивающей дух и плоть Святой Руси. И тут Есенин — само противоречие.

Но комиссарам было на руку, что поэт за большевиков и поносит белогвардейщину как оплот царизма. И они терпят его, то хулиганствующего, то крестьянствующего и *«тоскующего по небесам»*. Им нелегко терпеть лишь его частые антисемитские выходки, если учесть, что ленинский комиссариат, за ничтожным, еврейский. Приходит конец их долготерпению. Тем более, они понимают, что *«намордник»* на поэта не смогли надеть, что тот уже и не певец интернационала и Октября, а по смутным своим убеждениям скорее национал-социалист с крестьянским уклоном или национал-анархист махновского толка.

И, похоже, последней каплей их терпения становится легендарная и мужественная поэма Есенина «Страна негодяев», в которой большевиков приводит в ярость не столько даже «облагороженный» батька Махно, крестьянский заступник, сколько образ типичного ленинского комиссара Чекистова (*напомним, прообраз — Лейба Троцкий*). Разве могли троцкие, которыми кишел ленинский комиссариат, простить такие монологи...

«НОМАХ (МАХНО)

Ваше (большевистское) равенство — обман и ложь.// Старая гнусная шарманка // Этот мир идейных дел и слов.// Для глупцов — хорошая приманка,// Подлецам — поряточный улов (подчеркнуто мною. — А.Б.).

ЧЕКИСТОВ (Троцкий)

Нет бездарней и лицемерней,// Чем ваш русский равнинный мужик! <...> // То ли дело Европа? // Там тебе не вот эти хаты,// Которым, как глупым курам,// Головы нужно давно под топор...

ЗАМАРАШКИН (русский красноармеец)

Слушай, Чекистов!.. //С каких это пор //Ты стал иностранец?// Я знаю, что ты еврей,// Фамилия твоя Лейбман, //И чёрт с тобой, что ты жил //За границей... <...>

ЧЕКИСТОВ (Троцкий)

Ха-ха! //Нет, Замарашкин! //Я гражданин из Веймара //И приехал сюда не как еврей,// А как обладающий даром //Укрощать дураков и зверей.// Я ругаюсь и буду упорно //Проклинать вас хоть тысячи лет,// Потому что...// Потому что хочу в уборную,// А уборных я России нет. //Странный и смешной вы народ!// Жили весь век свой нищими //И строили храмы Божиим...// Да я б их давным-давно //Перестроил в места отхожие (подчёркнуто мною. — А.Б.).

И перестроили служители князя тьмы, начав разрушения Руси с церковью, поскольку и сама революция была актом религиозно-мистическим, богоборческим. Как сказал великий русский философ Иван Ильин, *«сущность катастрофы духовна. Это есть кризис русской религиозности. Кризис чести и совести. Кризис русского национального сознания. Кризис русской семьи. Великий и духовный кризис всей русской истории»*.

* * *

Уже будучи за границей с Дункан, Сергей Есенин чувствовал, что над ним в России готовится расправа и жизнь его на волоске. Он бы мог где-то «за бугром» и осесть, как сотни русских писателей, учёных, художников, деятелей, тем более, под крылом такой жёнушки, как Дункан, имевшей мировую славу и деньги, к тому же души в нём не чаявшей. Но слишком уж сильно поэт не любил за границу, особенно Америку, духовно и творчески убитую «прогрессом», слишком уж страстно, до слёз и сердечной боли любил свою берёзовую Русь. Даже понимая, что возвращается на верную погибель, но не вернуться в Россию не мог.

*Дайте мне на Родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!*

«Спит ковыль. Равнина дорогая...»

Начинается травля поэта. Пишутся ругательные статьи, которые тогда ничем не отличались от доносов в ЧК, после которых или пускали в распыл, или ссылали туда, где Макар телят не пас и откуда никто не возвращался.

Заодно с Есениным (в разное время) травят и всех крестьянских поэтов: Клюева, Клычкова, Орешина, Ганина, Наседкина, Приблудного, Корнилова, Васильева. Всех их потом троцкие сгубили.

Этот пёсий лай продолжится и после гибели Есенина. Уж они ему все обиды припомнят, всю свою злость и зависть выплеснут... Крученный-ссученный стихотворец Крученых даже напишет книжки против русского поэта: «Есенин и Москва кабацкая», «Лики Есенина — от херувима до хулигана», «Чёрная тайна Есенина»...

Крученых:

«До тех пор наша молодежь не будет окончательно вытрезвлена от Есенинского запоя, пока в тугие мозги «есенистов от критики» не проникнет сознание глубочайшей общественной вредности творимого ими «чествования» и «обожествления памяти» великого развратителя юных умов — я не могу сложить пера».

Луначарский:

«Что такое Есенинщина? Это олицетворение хулиганства, унынья, пессимизма и наркомании. Все эти качества были и у Есенина...»

Бухарин:

«Есенинщина» — самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания явление нашего литературного дня. По Есенинщине нужно дать хорошенький залп.

...Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще.

С мужицко-кулацким естеством прошел по полям революции Сергей Есенин.

Причудливая смесь из «кобелей», «икон», «сисястых баб», «жарких свечей», березок, луны, сук, Господа Бога, некрофилии и т. д. — все это под юродствующего квазинародного националиста — вот что такое Есенинщина».

Есенина травят, как волка, окружив ненавистными и пугающими красными флажками; а потом, ошалевшего от погони, от яростного шума и гама, измотанного, смертельно усталого, раненого добивают.

А для травли, к сожалению, жизнь поэта, путаная, противоречивая, давала, конечно, много поводов.

Есенина убили в петроградской гостинице «Англетер» и всунули в петлю — есть тому немало свидетельств. Случилось даже не просто заказное убийство, какие происходят нынче в мафиозных разборках, а убийство идеологическое. Этим оно похоже и на истребление царской семьи.

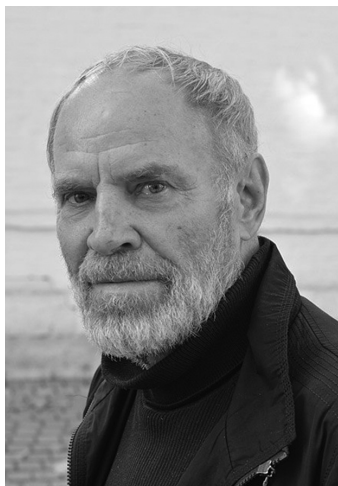
* * *

Художники, талантливо и страстно напоминающие русским, что они русские, что имели счастье родиться в великом народе, который ещё недавно был духовно-христианским светочем и спасительной надеждой человечества, который за десять крещённых веков создал самое высокое и самое живописное в мире искусство, художники, указывающие русским, что у них есть лишь одно счастливое предназначение в этой жизни — послужить нашему божественному Отечеству, такие художники, тем более, имеющие всероссийскую славу и особенно выход и влияние на молодёжь, всегда опасны слугам князя тьмы, разъедающим нации и государства, ныне добивающим нашу несчастную Россию. Таких художников, которых уже невозможно заставить замолчать, как невозможно искусить соблазнами мира сего, таких убивают. Василий Шукшин после таинственной смерти — неугасимая лампада русской совести, предтеча православного духа любви к Вышнему и ближнему Христа ради. Убиенный Николай Рубцов, лирика которого созвучна есенинской по нежной, восхитительной и сострадательной любви к малой родине, а лишь из сей любви зреет и любовь к Великой Родине, к России, даже при всех её бедах и скорбях.

Но если жизнь хрупка и недолговечна, то прекрасные стихи Есенина, как и лирика созвучных ему по душе русских писателей, могут жить вечно, пока жив русский человек с его духовными взлётами и падениями, с его неумирающей тоской по небесам.

1995, 1998 гг.

АНАТОЛИЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

Памяти Василия Белова

О ДЕРЕВЕНЩИКАХ, СОВЕСТИ, СЕМИТОМНИКЕ И ЮБИЛЕЯХ

С далёких уже дней прихода к власти Ельцина и по сей день в литературной среде от Москвы и до Сибири слышны — разной эмоциональной окраски — нападки на писателей, обозванных ещё «яковлевской» критикой «деревенщиками». Ряды «деревенщиков» поредели, оставались: Белов, Распутин, Куняев, Крупин. От сорокалетних слышу: «Вот-де, мол, они и школы не создали, и учеников не оставили, пробавлялись общественными проблемами. Какой из того толк? Зачем Белов сидел в Верховном Совете, а Распутин в горбачевском Президентском совете?!» Особенно рьяно на эту тему трезвонили либерально-публичные господа и граждане — полистайте подборки газет прошлых лет, их, правда, старательно изымают из библиотек. Я всегда, слыша нападки на «деревенщиков», подавлял в себе желание вступить в диалог, а прошлой осенью, ожидая на станции Харовская Вологодской области проходящий поезд, в местной газете «Призыв» прочёл статью, которая коротко и очень конкретно ответила на вопросы, во мне скопившиеся, по поводу «деревенщиков» и природы критики, чаще злобной. С разрешения автора статьи Веры Удаловой (заведующей библиотекой семейного чтения г. Харовска) привожу текст из газеты «Призыв».

Ответ Веллеру

Читаю Михаила Веллера, модного нынче питерского писателя. Процесс увлекает. Вдруг спотыкаюсь о фразу, пробегаю её глазами вторично.

Написано: «Распутин, Белов. Хотя ни как писатели, ни как личности они совершенно не изменились. Никогда там не было большой литературы». Вот такой вывод!

И дальше: «...Тот самый недостаток внутреннего потенциала, не дающий выйти за рамки общепринятой литературной традиции, не дает выйти за рам-

ки общепонятной литературной традиции, не дает выйти и за рамки горестной традиции политической». Это уже приговор. Становится обидно за нашего писателя-земляка. Конечно, Василий Иванович не захочет отвечать Веллеру, он всегда был выше какой-либо пустой трескотни, злобных выпадов, дрызг.

Ответят мои читатели. Летом нашу библиотеку посещают люди из разных регионов России. Вопрос к ним один: «Считаете ли вы книги писателя В. Белова большой литературой?»

Зоя Б. (Архангельск): Белов? Перечитываю «Час шестый». Наш архангелогородец Абрамов хорош, а ваш харовский самородок еще лучше.

Татьяна Д. (Шексна): Моя 86-летняя мама читает Белова всю жизнь, а книга «Целуются зори» — настольная. Ее герои дают маме жизненную энергию, продлевают ее дни на земле.

Марина Н. (Ярославль): Белов — душа русского народа. А любимая повесть — «Привычное дело». Когда читаю эпизод горестных раздумий Ивана Африкановича на могиле жены Катерины, вышибает слезы.

Аня О. (Оленегорск): А я люблю Василия Ивановича с детства, с его «Рассказов о всякой живности». В них доброта, искренность и нравственность. Все те качества, которые сегодня пытаются вытравить из нашего народа.

Ольга В. (Харовск): Большой писатель или нет? Для нас, харовчан, он самый большой, да и для всей России тоже. Он выразил в своих книгах наши мысли и чувства, он несет добро.

Сергей М. (Харовск): Заслуги его перед русской литературой признаны. Он лауреат Государственной премии. За глупости премии не дают. Люблю. Читаю, и детям своим советую купить его книги.

После этих высказываний стало легко на душе. К произведениям Василия Белова всегда был и есть сегодня живой читательский интерес. Они шагнули с нами в XXI век и жить им долго, до тех пор, пока общество не избавится от тяжелой болезни — дефицита совести.

А как думаешь ты, читатель?

Вера Удалова,
зав. библиотекой семейного чтения

Незаменимым пособием для русского читателя в отстаивании творчества В.И. Белова от оценок Веллеров, Д. Быковых, Радзинских, Познеров, Соловьёвых со всеми «Эхами Москвы» и «Правды комсомольской» будет вышедший семитомник, собравший его сочинения. Автор месяц жил, держа тома в руках, какую же ему радость доставляли семь «кирпичей», о которых он мечтал почти полвека!

Я был свидетелем, когда Василию Ивановичу супруга его Ольга Сергеевна зачитала письмо депутата Госдумы А.Н. Грешневику о том, что остановленное финансирование 6-го и 7-го томов возобновлено администрацией Вологодской области. Прикованный к постели, воздев руки к небу, молвил: «Слава Богу! Мы победили!», глаза его ангельски светились. Издание подготовлено силами вологжан, однако печать осуществлена издательством «Классика» (видимо, её издательская культура проявилась в академически красной обложке). Неужели в Вологде нет типографской мощности отпечатать пятитысячный тираж семитомника? Почему не Вологда получает возврат за вложенные деньги налогоплательщиков? Сегодня том собрания идет по цене 590 рублей в «Библио-Глобусе» на Мясницкой, и найти его не просто — на самом верхнем этаже и под самым потолком.

С волнением просматриваю издание. Охватывает радость: наконец-то впервые появилась полностью трилогия о гибели северной деревни. «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой», а ведь это главное произведение, с которым Белов рвался к читателю. Поэма о матери, пьеса «Семейные праздники», «Бухтины перестроечные», «Сказка про Ерша Ершовича», однажды напечатанная Твардовским в «Новом мире», «Невозвратные годы», повествование о Валерии Гаврилине и многие рассказы и публицистические заметки, печатавшиеся только в периодике.

Оппоненты Белова дружно истолкли и замолчали его роман «Всё впереди», написанный в стиле киноповести, он кинематографичен в основе своей, правда, попытка перевести его на экран «жёлтым витязем» Бурляевым, особенно бесформенно музыкальное сопровождение, склеена на руку гонителям писателя. Перечитайте в издании роман сегодня. Он — основа для душевного фильма, равного «Урокам французского» по В.Г. Распутину и «Калине красной» В.М. Шукшина, художественная и гражданская его ценность не увядает. Дай бог, чтобы фильм случился на нашем веку.

Радость от собрания отчасти снижает разнотильная пестрота иллюстративного сопровождения. К примеру, зачем изданию малярные цветы Корбакова или изображения Анфисы Ивановны — Воронова, когда существует карандашный портрет матери писателя Анфисы Ивановны работы её дочери Александры Ивановны? Никто не уловил точнее образ Анфисы Ивановны, не зря Василий Иванович долгие годы держал его в горнице в Тимонихе, а после «переселил» в Вологду. Очень хорош и живописный портрет Анфисы Ивановны кисти Евгения Игнатьева из Минска.

Особая благодарность за благополучное завершение издания при жизни автора экс-губернатору Вячеславу Евгеньевичу Позгалеву. Вводное предисловие к семитомнику пишет В.И. Ганичев, в своё время не позволивший выходу отдельной книгой трилогии Белова о гибели северной деревни в Ленинграде. Набор уничтожили и тиснули ганичевского «Ушакова».

(Мне звонил из Ленинграда профессор ЛГУ Р.А. Нелепин и просил сообщить Белову о разборке набора, ему отменили гонорар за рецензию. Белов в тот период вернулся из больницы после операции, махнул рукой и тихо произнёс: «Так было всегда. Я добился издания трилогии малым тиражом в Вологде. В нём будет и рецензия Нелепина».)

В предисловии Ганичев пишет: «В марте 2008 года в Зале Соборов Храма Христа Спасителя состоялся юбилейный вечер писателя Василия Белова. Он сидел на первом ряду и иронически улыбался, как бы отстранялся от обращенных в его адрес высоких слов его коллег. Зал дружно аплодировал. Василий Иванович укоризненно покачивал головой. В своем выступлении я рассказывал о том, что чувствовал, много лет зная Белова и его творчество, и внес предложение: «Давайте же обратимся к верховной власти учредить звание «Народный писатель России» и первым назовем Василия Ивановича Белова». Зал взорвался аплодисментами».

Уважаемый председатель Союза писателей России, давайте посмотрим правде в глаза. За год до вечера в вашем кабинете я лично предлагал вам обратиться к Святейшему Патриарху всея Руси Кириллу с просьбой о проведении вечера в зале Соборов. Вы замахали обеими руками: зал расписан на два года, нечего туда соваться. Больше года группа авторитетных деятелей работала по организации вечера. В итоге вопрос разрешился в Совете Федерации благодаря личной поддержке

С.М. Миронова. Как всякое русское мероприятие, оно совершалось не благодаря, а вопреки в самый последний момент с уймой недочётов, даже пригласительные не успели раздать. Безбилетную многочисленную публику не пустили в зал без билетов. Прессы и телевидения не было. Потому, слушая ваше лозунговое выступление, Белов и покачивал укоризненно головой. Валерий Иванович, мне 81 год, и вам не меньше, терять нечего. Давайте глаза в глаза начистоту. Вы же нигде кроме этого зала не похлопочете за Белова. Скажите хотя бы, почему 17 лет вы тормозили установку мемориальной доски Владимиру Солоухину? Все отказы ваши и Тандлевского целы. А на открытии доски вы главный ведущий и ценитель таланта Солоухина?! Вы главный при открытии, а настоящих организаторов, писавших письма в защиту доски, — А.Н. Грешневику и Л. Швецову, — даже не известили. Не есть ли это двоедушие — причина нашего униженного пребывания на своей земле?!

Без огрехов собрание сочинений, тем более первое, невозможно. Однако о некоторых редакторских вмешательствах, умолчаниях и даже «цензорской правке» адресуюсь к редактору Баранову и составителям примечаний В. Дементьеву, Кокшеновой, тем более, что в издательстве «Классика» Вадим Дементьев позиционирован «другом Белова». И вот несколько примеров. Почему публикаторы «окорачивают» авторскую хронологию, а ведь она основа смысла?!

*С лица земли почти что стертая,
Оскорблена, разорена
Моя родная полумертвая
Получужая сторона.
В угоду всем друзьям-приятелям,
С которыми поем и пьем,
Неужто в твоего предателя
Я превращался день за днем?*

У них оставлен «пустой» год — 1982. А у автора была указана дата — 10 октября 1982 г. (День колхозника в Тимонихе).

Поэзия Белова практически неизвестна широкому читателю. Она появилась в последнее десятилетие жизни писателя в малотиражных мини-книжках, да в «Антологии Харовской поэзии», изданной мизерным тиражом. А ведь Василий Иванович поступил в Литературный институт на семинар поэта Льва Ошанина, и на его поступлении настоял член приёмной комиссии поэт Ярослав Смеляков. Я не однажды слышал сыновнюю благодарность Белова Смелякову, сыгравшему заметную роль в становлении его гражданской позиции. Василий Иванович имел намерение собрать все опубликованные стихи и рядом напечатать авторские без правок, да руки не дошли. Какое поле для будущих исследователей поэзии Белова!

Четвёртый том издания начинается второй частью трилогии «Год великого перелома». Произведению автором предпослан эпиграф классика марксизма-ленинизма Фридриха Энгельса. Почему же эпиграф оставлен вами без комментария в примечаниях и почему не вспомнили о трилогии, «тиснутой» в одном томе в Вологде в 2002 году (952 страницы — 60 печатных листов — тысяча экземпляров мельчайшим шрифтом с немногословно-доступным анализом Р.А. Нелепина из Петербургского университета). Белову тогда было 70 лет и хватило сил пробить издание. Привожу фотографию обложки «кирпича», автограф Василия Ивановича на подаренном мне экземпляре с факсимиле страницы 374 с эпиграфом слов Фри-

дриха Энгельса, дабы читатели обратили внимание на отношение классика марксизма к славянству и России и догадались, случайно ли составители умолчали о происхождении эпитафия? Зато про «Сашку Поскребышева», путешественника Пржевальского и репрессированных марксистов сведения даны подробные. Из-за этого эпитафия издательство отказывалось печатать трилогию.

Эпитафия отчасти отвечает и на вопрос: «Зачем Белов сидел в Верховном Совете?» Пребывая в нём, он надеялся влиять на судьбу своего края. Не его вина, что многое из задуманного не осуществилось (дорога до лесопункта Межурки отсыпана его хлопотами). При всех душевных и физических затратах он имел доступ в партархивы... В итоге его «донкихотство» пригодится будущим поколениям.

Следующий эпизод. Белов с трудом добывается слова в Верховном Совете, когда идёт дискуссия об отречении Ельцина. Во время его речи к столу президиума выбегает Жириновский с возгласом: «Гоните с трибуны этого... (непотребное слово. — А.З.)». Василий Иванович вспоминал: «Я онемел, но откуда-то явилась энергия, и я сказалул ярче, чем было у меня в плане, правда, потом стенограмму для правки мне не дали, а главред «Известий» Лаптев (орган Верховного Совета), обязанный публиковать отчеты заседаний, на обращение: «Почему не публикуете моё выступление?» ответил: «Я подчиняюсь не Верховному Совету, а мнению редколлегии, она в полном составе против публикации Вашего выступления».

А вот что я видел в новостях Первого канала. Белов начинает фразу и вдруг резко поднимает голову, и в момент, когда он открывает рот, режиссёр передачи делает стоп-кадр — и на том остановленном изображении корреспондент Первого канала Лобков произносит примерно такой текст: «За отречение президента выступил малоизвестный писатель с Севера некто Белов».

Я смотрел этот репортаж, а по спине жар прошёл, и тут же слышу звон телефона, снимаю трубку. Раздражённый голос вдовы Шукшиной: «Ты хоть скажи Белову, чтобы больной не вылезал на трибуну». Я, не отвечая, повесил трубку.

Вот ведь как умельцы ведут прямой репортаж! Такие события ох как изнашивают душу! А вскоре в Вологде на стенах дома, где живёт семья Беловых, пишутся призывы выселиться из квартиры и отказаться от привилегий. Молодые люди бегают с плакатами на ту же тему. Правдолюб В. Бушин подключается к травле вологодских либералов.

Особая честь составителям семитомника за публикацию пьесы «Семейные праздники», верится, что у неё будет долгая сценическая жизнь. Действие пьесы развернуто на фоне расстрела Белого дома в 1993 году. Пьеса впервые опубликована в 1994 году в журнале «Москва», № 10. К 75-летию юбилею писателя в 2007 году, проходившему в Вологодском областном театре, артисты МХАТа имени Горького, возглавляемого Татьяной Дорониной, дали одноразовый спектакль по его пьесе на юбилейном вечере (главную роль прожил на сцене настоящий мастер Николай Пеньков). Зрители, затаив дыхание, следили за происходящим на сцене. В тишине, казалось, зал, как один организм, узнавал семейную и гражданскую участь юбиляра. Овация была нескончаема. Весь зал был на ногах, а когда из-за кулис на сцене появился Василий Иванович, стало тихо, никто не шевелился, и он произнёс: «Сегодня я почувствовал себя немножко драматургом». Гром аплодисментов. И эту единственную постановку пьесы проигнорировало вологодское телевидение, не записав её несколькими камерами. На наше обращение руководитель местного телевидения с кавказским акцентом отрезал: «Нет плёнки».

Удивительно тёплым на юбилее в Вологде было слово профессора Токийского университета Ясу-Сана. Он несколько раз приезжал к Белову в Тимонику, был и у меня в Гридинской. Он страшно хотел купить избёнку рядом с Беловым. С ним однажды случился такой курьёз. Парились в беловской бане по-чёрному (кстати, она изображена на обложке книги). Во второй или третий заход Вася плеснул на каменку несколько раз, профессор, сидящий наверху, вскрикнул «Цунами!» и хлынул бегом с полки, обжёг ноздри и уши. Бегать в бане нежелательно... Так вот, подойдя к микрофону, Ясу-Сан сказал: «У меня жизнь поделилась на две половинки — до Тимоники и после Тимоники». И он прочёл отрывок из «Привычного дела» на японском языке...

И было ещё одно поздравление, вышедшее за рамки протокола вечера.

Поздравить Василия Ивановича вышел главный редактор журнала «Наш современник» С.Ю. Куняев. С ним был вологжанин Анатолий Ехалов, он держал на вытянутой руке обёрнутую плёнкой крупную замороженную сёмгу килограммов на восемь. Куняев говорил пространно. Ехалов менял устающие от тяжести руки, рыбина все норовила «прижаться» к его телу, она уже оттаивала, капли с неё падали всё чаще. Зал, который наблюдал за происходящим, веселился. А Куняев всё вспоминал эпизод за эпизодом... Наконец Станислав Юрьевич объявил, что эту рыбину поймал он сам и дарит её Василию Ивановичу. Ехалов чуть не вскачь понёсся вручать рыбину и тут же убежал за кулисы... Жаль, что этот комичный эпизод никто не снимал хотя бы на видео.

Семитомник — настоящий памятник умершему в декабре 2012 года Василию Ивановичу Белову, похороненному на обезлюдевшей родине, в Сохте, укрытой непроходимым снегом с волчьими следами по февральскому насту зимой и наполненной ноющим звуком комарья, мошки и оводов летом. Василий Иванович и его мать Анфиса Ивановна достойны быть похороненными в Вологде рядом с поэтом Батюшковым.

Вечер в зале Соборов в храме Христа Спасителя

Юбилейный вечер В.И. Белова в драмтеатре Вологды в апреле 2007 года оставил протоколно-заорганизованное впечатление. Группа энтузиастов почти год искала возможность достойно провести вечер в Москве, пока не получила такую возможность в Совете Федерации РФ. В итоге 14 марта 2008 года впервые в истории России в зале Соборов в храме Христа Спасителя прошёл вечер писателя В.И. Белова. Он длился больше четырёх часов. С помощью нескольких видеокамер удалось запечатлеть хронику мероприятия. Фильм-свидетельство получился длительностью 1 час 40 минут. Привожу наиболее яркие выступления общественных деятелей, писателей, артистов, поэтов.

Пока заполнялся зал, в гостевой комнате был снят такой эпизод. Присутствуют Белов, Нарочницкая, Ганичев и ещё несколько человек. Входит Сергей Михайлович Миронов (партия «Справедливая Россия»).

В.И. Белов: Добрый день, я очень рад вашему присутствию.

С.М. Миронов: Вашими молитвами...

В.И. Белов: Ну молитвы... Какие у меня молитвы... Если что — пойду в попы.

С.М. Миронов: Да ты и так такой...

В.И. Белов: А что талант... Талант найдёт слой. Как говорят, как водичка течёт, найдёт, куда течь... Можно задать вопрос? Зачем был Крым Украине? Хрущёв продал Украине Крым, мы без Крыма остались — ну что говорить, я вон без зубов остался даже...

В.И. Ганичев: Да, это проблема...

В.И. Белов: Не могу никак простить Хрущёва за то, что он Крым продал. Крым продал — за так, отдал практически за так...

Н.А. Нарочницкая: Будем надеяться, что его вернут.

С.М. Миронов: Да, дождётсяся...

В.И. Белов: За так, именно за так...

Когда закончилась сборка снятого материала в студии «Остров», её хозяин, секретарь Союза кинематографистов Сергей Валентинович Мирошниченко, предложил изъять этот эпизод из фильма, заявив: «Ну зачем? Неубедительно. Пожилой нездоровый человек поднимает такие вопросы...» Я его спросил: «А ты, здоровый человек, когда-нибудь задавал такие вопросы?» Сергей налился краской и ушёл. Эпизод остался, но видеолента никогда нигде не демонстрировалась. Однажды мне позвонила Ольга Белова и сообщила, что на вторую годовщину смерти Василия Ивановича ленту показали по Вологодскому телевидению в 7 часов утра. Это уже победа. Ещё через четыре года Крым вернулся в Россию.

Ведущий вечера народный артист России Александр Яковлевич Михайлов, открывая торжественное мероприятие, предоставил слово С.М. Миронову.

— В основном я Василия Белова открыл для себя где-то в восьмидесятых, может, в начале девяностых, — отметил Сергей Михайлович. — Это и его повесть «Привычное дело», это и его повесть «Лад», которую я определил для себя как повесть народной крестьянской эстетики. Ну и, конечно, его роман «Все впереди», который в штывы был воспринят в начале перестройки, но по прошествии времени понимаешь, что это было пророчество... Это был роман-предупреждение совершенно очевидно... Я, к сожалению, с Василием Ивановичем не был знаком, а теперь смог подойти, пожать руку, сказать спасибо... Я бы хотел пожелать, чтобы всё у него было ладно — и здоровье, и новые творческие находки, и успехи. Спасибо за то, что вы есть.

— Земляки буквально час назад подарили мне эту брошюрку, — продолжал А.Я. Михайлов. — Это «Антология харовской поэзии». Я зачитаю вам одно из двух стихотворений Белова, опубликованных в этой книге:

*С дубовых трибун и с гнилых парпетов,
Блюдя митинговую вашу страду,
Не стыдно ли вам перед белым-то светом
Истошно орать: «Накормите страну!»
Хотите забыть грабежи и расправы,
И гибель детей в заполярном снегу,
Но даже в дыму алкогольной отравы
Я эти обиды забыть не могу.*

*Учили меня вы пером и наганом,
Стыдили, корили под красным гербом.
Когда бунтовал — нарекли хулиганом,
Когда я терпел — обзывали рабом.*

*Прощаю вам всё: отчужденье столицы
И светлого Севера черную ночь,
Но хлеб из чуждой, из заморской пшеницы,
Поверьте, жевать не хочу и невмочь.*

*Я всех накормлю, но оставьте в покое
На древней земле, у травы молодой!
Не трогайте избу мою над рекою
И белую церковь над синей водой.*

По-моему, это впечатляет.

— Когда нам надоела фальшь официальной идеологии, мы искали что-то альтернативное, — сказала *Наталья Алексеевна Нарочницкая*. — Я принадлежала к тем, кого не вдохновляла деятельность наших диссидентов, я сразу почувствовала, что, несмотря на наличие некоторой частной правды в их критике государства, что-то в их деятельности абсолютно безблагодатно для России. Теперь я могу это сформулировать, тогда не могла — они были нигилистами, им был ненавистен весь путь России — и дореволюционный, и после — они боролись даже не с идеологией, а с собственным отечеством и государством. И вот тогда уже обратили на себя внимание книги наших писателей, которых окрестили «деревенщиками», это был такой тоже протест против фальши, но он проявлялся не в деструктивизме, не в разрушительном пафосе, а в спокойном обращении к корням и истокам. И вот, как сейчас видно после наших разочарований в либералах-западниках, в этих постсоветских менторах и учителях, сколько потерь мы из-за них вновь понесли, не поняв, может быть, сразу, как понятна теперь правда Распутина, Белова, его книга «Лад», его персонажи — это настоящие живые русские люди, которые проходят сквозь все революционные проекты, сквозь все режимы и все государства, потому что они — люди Отечества.

Алексий, архиепископ (Орехово-Зуево): Дорогой Василий Иванович, мы знаем вас как патриота, любящего сына своего Отечества, радеющего о благе России. Вы один из известных писателей второй половины двадцатого и начавшегося двадцать первого века. Вы принадлежите к той выдающейся когорте известных деятелей отечественной словесности, которыми определяется единственно верное направление литературного творчества, отстаивающее приоритет духовных ценностей, напоминающих о подлинном предназначении человека и приводящих его к Богу. Мы остаёмся, Василий Иванович, подлинными читателями и почитателями, которыми Господь щедро вознаградил вас. Желаю вам мира, благоденствия, многих творческих трудов, которыми вы прославляете наше Отечество, Богом хранимую Россию. Благословление Господне пребывает с вами на всех путях вашей жизни.

Алексий, Патриарх Московский и всея Руси: Во внимание ко вкладу в развитие отечественной литературы, патриотической и общественной деятельности и в связи с 75-летием со дня рождения писатель-публицист Василий Иванович Белов награждается орденом русской православной церкви ордена Сергея Радонежского II степени.

— Я помню, когда он выступал по поводу поворота северных рек, — сказал *В.Н. Костров*. — Юлия Друнина в тот же вечер написала стихи про Василия Ивановича, где сказала, что вот эта потрясающая народная мудрость производит на

неё, фронтовичку, колоссальное впечатление. Все были тогда потрясены Василием Ивановичем и, слава Богу, наши северные реки текут туда, куда им указала природа.

Валентин Григорьевич Распутин едва стоял на ногах — у него была высокая температура, но он вышел на сцену и сказал слова в адрес В.И. Белова:

— Василий Иванович, он человек такой: если что-то прочитал, увидел, ему надо, чтобы это знали и другие тоже, он непременно или позвонит, или напишет, или по телефону скажет... И вот Василий Иванович говорит: «Пойдём к президенту». Я говорю: «А что к президенту?» Он говорит: «Надо. Я вот тут нашёл у Фридриха Энгельса высказывание о русском народе». Я говорю: «Ну зачем президента-то тревожить?» «Нет, нет, пойдём». Идём мы к президенту. Василий Иванович торкается, значит, двери открываются плохо, он говорит: «А что двери-то так туго открываются? Чтобы народ не заходил, что ли?»... В другой раз он принёс Ивана Ильина... Ну, конечно, ни первый президент, ни, наверное, второй не читали Ильина. А очень хотелось Василию Ивановичу, чтобы мудрость, вот это отношение к русскому человеку, вот это исправление его дошли до многих и многих... Великое спасибо, Василий Иванович, за те труды, которые ты сделал.

Осенью 2010 года, когда я уезжал в Вологду, Распутин передал мне записку для Василия Ивановича. Я попросил сфотографировать её, он, смеясь, спросил: «Зачем?» «Вася не всегда сохраняет переписку, а у меня останется». Вот текст этой записки:

Дорогой Василий Иванович!

Как был ты всю жизнь поперед нас, мальцов, так и не уступаешь дороги. А нам за тобою и хорошо, и когда книги писали, хорошо было по твоим пятам идти, и сейчас хорошо на тебя оглядываться и не падать духом. Не подведи нас — так впереди и иди, а мы уж как-нибудь будем держать за тобой ногу.

Обнимаю. В. Распутин. 03.11.2010 г.

Пожалуй, самый душевный приём зала заслужил народный артист РСФСР *Георгий Васильевич Сорокин*. Ученик великого исполнителя слова *Яхонтова*, он заставил зал слушать его, затаив дыхание. Зазвучали строки из новеллы В. Белова «Душа бессмертна»:

Итак, печи были протоплены, окна быстро просохли. В столетнем доме моем исчезла предосенняя свежесть... Телефон отключен... У меня все есть для усердной работы... И вдруг я обнаруживаю, что очки мои оставлены в городе. Нет очков, и ты уже ничего не можешь — ты беспомощен, как инвалид. Ни читать, ни писать... Неужели ничего не остается, как включить телефон, радио, телевизор?... Какая тишина, какая тоска. Но я все еще креплюсь и ничего не включаю... Бессмысленно сую вилку в розетку... Пластинка, оставленная с весны, начинает вращаться... Звуки заполняют пространство... «Времена года»... Конечно, это он, Чайковский, звучавший в моей избе еще весною... Музыка обволакивает, как обволакивает печное тепло: я закрываю глаза, прислонившись к печке... Я слушаю «Осеннюю песню». Глаза мои сухие, но я плачу... я вспоминаю детство и то, что было полвека назад. Ничего не исчезло и ничто не умерло, даже наша Березка — маленькая, со сломанным рогом корова, Березка, которую держали мы половина-наполовину с соседями. Когда вторая половина Березки стала нашей личной собственностью, налоги оказались совсем непосильными. Мама рассказывает, как вела Березку на мясозаготовку за сорок верст к Северной железной дороге.

Она вела ее по всей деревне, а у Березки катились по морде слезы. Я бы никогда не поверил этому, если бы это рассказывал кто-то другой, а не мать.

Я знаю, что мама скоро умрет, она тоже знает, пытается шутить. Я обрываю ее и говорю: «Мама, мои деревенские сверстники все в могилах. Мои друзья Рубцов и Шукишин тоже, Рубцов был моложе меня. Мы все одинаковы перед этим делом... Прошу, не говори больше о смерти...» — «Не буду, не буду». Но пройдет день, другой, и она снова: «Вот, слава Богу, ноги начинают пухнуть, долго не проживу»...

На стене над моим столом фотография художника Волкова: на снегу, превозможая боль, Пушкин целится в международного проходимца, напавшего русского мундир... Александр Сергеевич Пушкин умрет, ему осталось жить очень немного. Возница ждет, секунденты застыли в безмолвии, Пушкин целится во врага своей Родины! Я родился через девяносто пять лет после этого, после той петербургской зимы, но почему же я плачу, сжимая поределые зубы? Я плачу о Пушкине и о маме...

Я слушаю бессмертные гениальные звуки, они проникают, они вечны, они заставляют думать, что душа бессмертна, потому что она одна и ни на кого не похожа. Звучит «Осенняя песня». Разве не она, не душа Чайковского витает в моей избе? Может, это кощунство, но, когда я одинок, я не вижу разницы между моими умершими и здравствующими. Для меня они одинаково живы, как жива душа Петра Ильича Чайковского...

Сейчас натяну сапоги и выйду в осеннее поле... Нет, лучше послушаю все сначала... Но где же оно, это начало? Как я могу считать началом всего, например, собственное рождение? Ведь задолго до меня у камелька грелись отец и мать, две мои бабушки и два деда, четыре прабабушки и четыре прадеда. Четырнадцать. (Я пятнадцатый.) Но у них тоже свои деды и прадеды... И нет тут ни конца, ни начала, как нет их у черной небесной глубины, разверзнутой в промежутке между ночными созвездиями...

В моем доме звучит бессмертная «Осенняя песня»... Осознанное ощущение счастья. Откуда оно, счастье? Не надо спрашивать. Может, оно сквозит в лесной осенней свежести или источает его янтарь болотной морошки. Я собираю ягоды, сидя во мху как в цыганских перинах, набираю пригоршнями и поглощаю эту благодатную янтарную плоть. Говорят, умирающий Пушкин просил сбегать в лавочку за моченой морошкой. Вспомнил об этом, и уже ягоды словно не ягоды, а пригоршня оранжевых слез... А там, в деревне, стоит у ворот сарая с девичьей душой женищина, глядит в мою сторону, ждет, когда я подойду. Я знаю, чего она глядит и ждет. Ей до зарезу хочется знать, кто идет по дороге. Узнает, что это я, и сразу стыдливо исчезнет. Разве не счастье? Великое счастье иметь просто друзей, а у меня, кроме этой музыки и этой зеленой родины, есть мать, жена и дочь, сестры и братья. Пусть они далеко от меня, но они рядом, я слышу и вижу всех....

Стая перелетных птиц стремится на юг... Курлыкают журавли, ночующие в холодном поле, а в моем доме звучит бессмертная «Осенняя песнь»...

Писатель Виктор Иванович Лихоносов свою речь начал с чтения отрывка из романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»:

— «С матерью связана самая горькая любовь всей моей жизни. Всё и все, кого любим мы, есть наша мука, — чего стоит один этот вечный страх потери любимого! А я с младенчества нес великое бремя моей неизменной любви к ней, — к

той, которая, давши мне жизнь, поразила мою душу именно мукой, поразила тем более, что, в силу любви, из коей состояла вся ее душа, была она и воплощенной печалью: сколько слез видел я ребенком на ее глазах, сколько горестных песен слышал из её уст! В далекой родной земле, одинокая, на веки всем миром забытая, да покоится она в мире и да будет во веки благословенно её бесценное имя. Ужели та, чей безглазый череп, чьи серые кости лежат теперь где-то там, в кладбищенской роще захолустного русского города, на дне уже безымянной могилы, ужели это она, которая некогда качала меня на руках? «Пути Мои выше путей ваших, мысли Мои выше мыслей ваших».

Я не случайно прочёл мысли великого русского писателя Ивана Алексеевича Бунина. Я сейчас ехал на автобусе с группой Кубанского хора, которая поздравляла с 95-летием Сергея Владимировича Михалкова, и мы ночью проезжали Задонск... Потом мы проехали Елец, и мне стало навевать, что это бунинские места — я так люблю эти места, и жизнь уже прошла, и, наверное, никогда здесь не буду — и стал вспоминать тексты, и стал вспоминать, что я еду к Белову, а выезжаю я теперь редко... И эти строчки Бунина, думаю, прочту Василию Ивановичу, потому что с такой же нежностью и такой же болью он пишет о своей матери Анфисе Ивановне... Какие у него воспоминания! Как они с матушкой после войны пробирались по жуткой дороге в райцентр, в Вологду, или, как вспоминал Распутин там «Медовый месяц» — там конечно его матушка, по его рассказам, воспоминаниям, и она сама наверняка там. Если бы Лев Толстой прочитал «Медовый месяц», он пришёл бы в восторг от её простоты, народности и, конечно бы, поклонился Василию Ивановичу. Я хотел прочесть строки Белова о матери, но великий артист Сорокин сделал это лучше меня. Что я ещё хочу сказать? Что хороших писателей у нас много, но родных нет. Мы живём в такое время и переживаем такую трагедию, что нам нужны родные русские люди во всём — и в искусстве тоже. И вот таким писателем был Василий Иванович Белов с начала и остаётся по сей день. Спасибо, Василий Иванович, за то, что ты написал, за то, что ты стал и мне родным писателем русским (я не просто тебя читаю, я всегда находил там свои струны), за то, что твоя любовь к матери, о чём я уже сказал, так вольно переливается в любовь к матушке-России. Ты и Россию любишь так нежно, с горечью, с болью, и ты никогда ей не изменишь. Спасибо тебе.

Алексей Васильевич Петренко, народный артист России:

— *«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша — и грекам дала знать себя, и с Царьграда получала червонцы, и храмы, и князя русского рода, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Остались только мы, сырые, да, как вдовица после крепкого мужа сирая, так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь — и там люди! также Божий человек, и разговоришься с ним, как со своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем-ни-*

будь другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе... Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стога, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребках запечатанные мёды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой со своим не хочет говорить, свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чуждого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дорожке для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и поклонничестве, есть и у того, братцы, частица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело...

Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымется из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!.. Да разве найдутся на свете такие муки и такая сила, которая пересилила бы русскую силу!»

Сейчас мы хвалимся тем, что у нас есть богатство: якутские алмазы, которые являются всего лишь камнями, чёрное золото, которое является всего лишь способом наживы... Россияне, вместо того чтобы вкладывать деньги в Русскую землю, в русский быт, русских людей увозят их за кордон, забывают о том, что настоящие бриллианты пребывают в Русской земле — в Иркутске, в Волгограде, в Курске, в Орле или в Петербурге, в Москве, и такие самородки, великие русские самородки, немерено имеющие так называемые караты, караты русской души, караты русского ума, как Василий Иванович Белов... Он сказал «Привычным делом», что Россия будет процветать... интеллектом, посконным настоящим русским глубоким интеллектом и трудом. Храни Господь вас, Василий Иванович, любимый наш Василий Иванович!

Сергей Андреевич Небольсин, профессор, доктор филологических наук:

— Много звучало родных слов, много я видел дюже родных лиц. Я думал, лица Василия Ивановича не увижу — со вчерашнего дня было неверие в волю и силы устроителей и в возможности Белова столько часов провести в дороге... Приедем, а его не будет, но он сейчас здесь... Маялся я в этих чувствах целый день, думаю, что же делать, час остался, побегу в библиотеку имени Ленина. Дайте мне трёхтомник! В первом же томе... «Привычное дело» прочёл и, знаете, прочувствовал многое, и эти два часа многое перевернули... Прежде всего, какая разница между братским сходом людей и сытыми рожками лоснящихся от жира людей? Какая разница — мы их видим, такие юбилеи. Какая разница между художественным публицистическим и восторженным словом о деревне... Читаю тут — песни деревни...

Давно-давно шекспировский герой сказал: «За человека боюсь я, за человека!» Прошло много лет. Шолохов сказал: «Я хотел показать одно, без всякой пропаганды... очарование человека». После Шолохова — и тут я ничего уравнивать не буду — только Василий Иванович показал так и явил самим собой очарование человека, очарование русского человека, очарование коренного человека, очарование мужественного человека, очарование общего дела и очарование мужчины, обросшего многодетной семьёй. Других таких не назовёте. Русский человек и народ — два слова — тут расходятся мнения — по радио слышу чуть ли не каж-

дый день, и по телевидению тоже: летом люди едут в деревню. Летом люди едут в Крым. Значит, люди живут в деревне не только летом. Это не люди. Так надо понимать. Так и понимается. Слышу в учёном докладе: Россия, в которой было 85 процентов крестьянства и 15 — городского населения, была примером цивилизационной недоразвитости... Россия будет развита тогда, когда 15 процентов деревни будут обслуживать интересы города успешно и производительно, а в городе будет жить 85 процентов всего населения. Какой же этот город являет собой образец развитости, если для того, чтобы обслужить всю страну, ему нужно превратиться в 80-процентное чудовище! Деревне нужно 15 процентов населения, а городу нужно разрастись и поглотить всё родное... и природное. Да где же ваши общечеловеческие ценности, если деревне удел — только снабжать?! Какая несправедливость, какая ложь! Тут надо всё передумать и не только «Три товарища» Ремарка прочесть в оригинале нашим верхам, но прочитать Василия Ивановича. Василий Иванович, вы скажете: «Да не равняйте меня с Шолоховым!» Да, вам не дадут Нобелевскую премию, как и Шекспиру. Сейчас, в общеевропейском доме, который называет себя домом терпимости, во многом правильным — Шекспиру за «Отелло» не дали бы Нобелевскую премию, а за «Венецианского купца» тем более... Покидая эту сцену, я должен сказать: да, человек и его очарование есть, но не надо прикрывать этим огромную нашу беду (хотя градус выступлений — Русь не исчезнет), ненарождающийся народ не заслуживает имени народа.

В завершение вечера *народный артист России Валерий Золотухин*, едва успев после спектакля, прочитал стихотворение «Клеветникам России» А.С. Пушкина. Я впервые слышал его чтение 25 июля 2007 года, как он могуче разбередил людское море на горе Пикет перед памятником Шукшина в Сростках. Артист Иван Бортник помог мне уговорить Валеру повторить чтение на юбилее Белова... Текст Пушкина, произнесённый Золотухиным в зале Соборов, воспринимался так злободневно, словно вчера был написан. Зал единодушно аплодировал.

Когда гром аплодисментов стал затихать, Александр Михайлов объявил об окончании вечера. Зазвучала великая музыка Г.В. Свиридова. Уйма людей окружила Василия Ивановича. Он дрожащей рукой написал несколько автографов, был радостно взволнован. Музыка усиливала впечатление от услышанного со сцены. Многие не прятали слёз. На моём веку более глубокого по смыслу и духовности русского мероприятия не было никогда.

Последнее десятилетие Василий Иванович много сил отдал общественной работе, одна только борьба против поворота северных рек на юг стоила ему потери здоровья. Включался он и в другие вопиющие житейские проблемы. Характерный эпизод, случившийся в начале двухтысячных. Михаил Евдокимов ехал с выступлениями в Вологду, я попросил его зайти к Белову, он весело пообещал. Прошла неделя. Звонит Белов: «Ну, где твой Михаил?» Перезваниваю. Михаил: «Собрался к нему, а мне говорят, что он серьёзно болен, не тревожьте». Белов смеётся: «Последний раз специально пошёл к губернатору с одним вопросом: почему зима была не морозная, а температура в квартирах вологжан выше 16 градусов не поднималась? Я не буду за вас голосовать! Для Чубайса тепло хранишь? Детей гробишь! Я убежал из кабинета. Всё могут — и к психам поселить».

Противодействие властей сопровождало Белова всегда. Последним тому примером стало решение похоронить Белова на обезлюдившей родине, пообещав вдове возродить Тимонику. Никакого завещания Василий Иванович не оставлял. На

кладбище, когда он обустроивал могилу матери, ему было уже за семьдесят. Я спросил его, почему он мать не хоронил в Вологде? Здесь, в Тимонихе, доживает последнее поколение. На наших глазах вымирает Сохта. Он тогда в сердцах: «Я хотел перенести прах Рубцова в Прилуки к Батюшкову. Такое поднялось! Распозгался с властями и светскими, и церковными. Будь как будет. Буду с мамой рядом». Я этот разговор ясно помню. Когда я бывал у кровати Белова в последние его земные дни, меня так и подмывало спросить о желании Василия Ивановича, где лежать, но, глядя на его измождённый лик, я не решился, как не решаюсь сам себе задать вопрос, где бы хотел быть закопанным...

...Открываю тоненькую, зачитанную «Антологию харовской поэзии». Читаю вслух:

*О, Боже мой!
В тиши лесов,
В безлюдье дедовских угодий
Освободи от праздных слов
И... от назойливых мелодий.
От суеты и злобы дня, спаси меня.
Покуда в душах ералаш
И демократы жаром пышут,
Я обновлю колодезь наш
И починю родную крышу.
Не дай устать моим рукам,
Ещё — прости моим врагам.
От хитрых премий и наград
Убереги в лесу угрюмом!
Но вечевой Кремля набат
Не заслони еловым шумом,
Не попусти сгореть дотла,
Пока молчат колокола.*

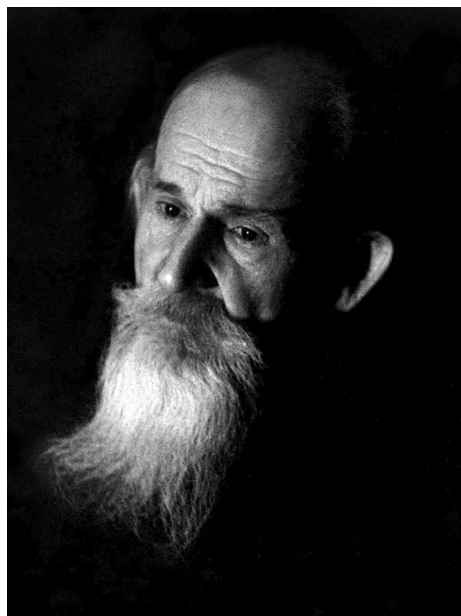
Это — Василий Белов. «Молитва».

К 125-летию со дня рождения писателя Бориса Шергина

ВЛАДИМИР ЛИЧУТИН

Последний в цепи

Борис Шергин

В юности отрезало трамваем ногу; потом любимая девушка покинула, и Шергин дал обет иночества; потом пятнадцать лет слепоты и пожизненное одиночество. Поэзия выбирает себе верных духовных певцов. Сладко ли было такую жизнь перейти и не ошибиться, не споткнуться, не зажалобиться? Казалось бы, выгореть должна душа, испепелиться, покрыться мраком, излиться желчью, всё вытравливая на своём пути, на доверчивых сердцах читателей выжигая язвы. А тут выработал человек свой нравственный урок и упорно следовал ему до края: «Лукавый ведь может подсунуть в сознание тебе: вот, де, мне что приходится выносить! Вот, де, что я терплю! Вот эта собственная бешенина и застит нам глаза, не даёт понять, что не мы терпим, не я терплю, а от меня и только от меня терпят».

«Невещественное прочнее осязаемого...» За окном шумела улица, но этот непокорный навязчивый накатный гуд и лай за заплесневелыми стёклами напоминали писателю бессонное Белое море со свинцово-чёрными валами, отороченными белыми воротниками, вскрики чаек, дремотное качание столетнего бора под навалистым ветром, скрип одинокой перестоялой лесины-хонги на взгорке. И, как бы сотканые из морской пены, из глубинной плоти, из слепящего простора, где в голомени вдруг выткется белый парус отцова суденка, — вдруг вживе приходят в камору давно усопшие родители и давние спутники жизни — корабелы, отчаянные зверовщики и большого художества мастера, и древние дедичи-скитники, и многомысленные келейные монахи, и монастырские трудники, и морской пашенки вечные страдники...

«Бывало Соломонидушка-то скажет: «Ты, Бориско, всё сидишь, как печь. Это

печи никуда не надо». А я-то ей: «Ивановна, я умом летаю, где мне любо. Везде на оконце посижу. Что было горестно прежде, то ныне сладость. Годы катятся, дни торопятся, глубокий ров скорби, которому, казалось, не было дна, уравнивается жизнью».

Но ничего нет труднее, как оборять свои страсти. Исповедуешься так-то на бумаге, ино легче станет. И после, уж по смерти Шергина, когда займется исповедальным сундуком писателя Юрий Шульман и Юрий Галкин, то из прямой глубины и выглянут на свет Божий те муки. И он, Шергин, тоже трудно устроил себя, ой трудно изживал брENNую плоть.

Вот клочок бумаги помечен военной датой. Сорок четвёртый год: «Я, блуждающий, претыкающий, недоумевающий, незнающий, несведущий, слепотствующий, из кривого и безумного своего опыта делаю самовольные выводы. Я, например, никогда не жду над собою чудес физических исцелений. Я не верю, что у меня может появиться ампутированная нога. Медленно, но неуклонно гаснет зрение, не устаёт отмирать зрительный нерв. Материя и должна отмирать. У одного раньше, у другого позже. С точки зрения «мира сего» я из тех людей, каких называют несчастными. Без ног, без глаз. Еле брожу, еле вижу. Профессор Маргулис как-то похлопал меня по плечу и, всегда холодный, всегда равнодушный, участливо сказал: «Не много ли для одного человека?»

Но я думаю, как много кругом несчастья, как много бедствующих, болящих, как много на свете несчастливых, особенно в последние смертоносные годы. В такову печаль упал и лежит род человеческий, особенно сынове российские, что в полку сих страдающих спокойнее быть для совести своей...

Совесть всегда подпирала Шергина, и устроил он её в течение всей жизни по Божьим заповедям. А натура, оказывается, не замирает, и, окованная знанием отеческим, она волнуется, и чувствует, и страждет до гробовой доски, но не коснеет, устало засыпая в старости.

Как бы хорошо в монастырской келеице уряжену, ухожену быть любимым братией. Отправился Шергин в Сергиев Посад проситься за стены. Поговорил со старцем, и тот, покачав головой, отказал в приюте: «Нельзя вам, Борис Викторович, в монашество. Ещё рано. Многочувственный вы человек...» А ведь смерть уже стояла у порога... Старец прочитал в просителе сокровенное, может, и тайное, в чём боялся признаться себе писатель.

Выросший в староверческой семье, Шергин, не будучи атеистом, безверным, однако невольно поменял Бога вышнего на живую природу, наделив её чувствами, страстями и разумом. Не такой ли была и Махонька-милостыньщица, великая сказительница с Пинежья, что жила в древних преданьях, как в родовой избе?

Над солдатской койкой фотография, где Шергин с былинщицей Марьей Кривополеновой. Марьюшка за два года до смерти: словно бы мать с запоздалым сыном-заскрёбшем. Да так оно и случилось. Оказался Шергин последним в цепи русских сказителей, кто ещё мог донести старину из давнего предания, не расплескав, во всём величии и звучности. Вот проговариваются: дескать, в темени лютой пропадал русский народишко, в пьянстве и самоедстве. Но ведь духовно ущербному народу какая была бы нужда хранить свои «преданья старины глубокой» и продлять на миру череду певцов; тут, дай бог, как бы озаботиться о своей утробушке. Да нет, вот в самом-то краю России, в Поморье, в её засторонке ровным светом горела свеча тысячелетней русской поэзии, эта неугасимая лампада, куда не забывал народ подливать маслица. И в семьдесят третьем году скончался

последний певец, и долгий род сказителей кончился, быть может, и навсегда. И разом приотдвинулась наша история и заглянцевила...

Ни Ключеву, ни Чапыгину не удалось понять мать-землю так верно и кровно, как Шергину. Он вернулся к природе, как младший растерянный сын, случайно отлучившийся, попросил себе прощения и уже не удалялся от неё в самые тяжкие минуты, не требуя за верность награды. Груз бытия, который почти отряхнул писатель, уже не пригнётал его, и Шергин мог наблюдать землю почти с горних вышин. Пятнадцать лет слепоты не замкнули певца во мраке.

«Лик природы — красота и богатство беспредельное, безграничное, радость и богатство всем дарованное и одному тебе принадлежащее. Венчаться, венчаться надобно человеку со временем года и жить вкупе и влюбё... Положена человеку жизнь с природой, с весною и осенью, с небом и солнцем, с ветрами и дождями, надо жить, чтобы в полночь слышать пение петуха, а на рассвете мык коровушки, чтобы у ворот лаял пёс, чтобы слышать, как осенью барабанит в крышу дождь и шумит ветер в трубе, а по весне поют птицы».

Шергин понимал природу неуничтожимой и неуничжижимой, наполненной живородящим духом. Ему хватало одной чёрной ветви на перламутровой створке неба, чтобы бесконечно долго наблюдать за нею, как за живым искренним существом. Лишь воспитай душу, изгони из неё лукавство и гордыню, наполни сердце любовью к каждой малой твари вокруг тебя, и тогда природа откроется, как волшебная книга. Только надобно всей сутью проникнуться, что «природа — радость и богатство, всем дарованное и одному тебе принадлежащее». Восприми душою характер земного единства, уверься, что спасение природы и живота твоего в твоих же руках, смири гордыню царствителя, покорно поклонись матери-сырой земле, как заблудший сын.

Шергин помнил памятью любви: это редкостный дар. Он воздвиг Белый скит в сердце своём, но не замолкнул в одиночестве, не затворился в гордыне от горюющего и ликующего люда, но с помощью ясного, доверчивого слова как бы всех позвал в свою обитель. Другое дело, что не все туда поспешили, и многие с беспокойным сердцем прошли мимо, не замедлив. Они пугались незамирающего русского словесного родника, искреннего русского чувства.

Во время «Ленинградского дела Ахматовой—Зощенко» больше всех пострадал Борис Шергин. За «осквернение русского языка» его предали общественной анафеме и, не печатая больше десяти лет, пытались изгнать из национальной памяти. Шергин прозябал, покинутый всеми, в такой непроходимой бедности, он, как милостынщик, протягивал горсть за скудным доброхотным подаянием, но бывшие друзья и знакомцы отворачивались, проходили мимо, как бы не узнавая. «Бобровые шубы» избегали «кошачьего воротника».

Да, жизнь-то писателю сделали немилостивой, но имя его не смогли истолочь в прах и муку. Почти всё, написанное Шергиным, вместились в два тома — «Океан-море русское» и «Запечатлённая слава», и посреди книжного моря как легко и безвозвратно можно было утонуть им и затеряться навсегда. И не странно ли, но с годами книги стали всплывать со дна, словно едва приметные каменные переборы, корожки, камни-одинцы, и со временем превратились в остров, который не миновать просто так, безразлично отведя взгляд. Невольно разведёт руками самый равнодушный и нелюбезный человек и воскликнет: «Ба, да откуда вы тут взялись на мою голову?» И, рассмотревши подробнее в бинокль, сойдёт на землю, чтобы поклониться ей и навсегда поместить в свою память.

Дневники, оставшиеся от писателя во множестве, — это удивительно поучительная искренняя исповедь. Такая чистосердечность перед белым листом, судьба которого и движение во времени непредсказуемы, свойственна лишь людям высокого полёта, отмеченным особым знаком. Слова наискось, спешат прочь с бумаги, в них трепет неверной руки, но ясный путь духа: «Есть, есть красота!.. До чего мне на тебя, Господи, обидно; у людей — руки, у меня — рачьи клешни; у художника «вещие зеницы», у меня пуговицы портошные. Умел бы я художество живописное, не стал бы я слов плодить, взял бы кисть и карандаш, показал бы разум, существо и мысль того, что видит око, да слово не имеет. Видимо изобразил бы невидимое, но присутствующее. Что такое красота? Необъятно понимание её... Моё упование в красоте Руси, и, живя в этих «бедных селеньях» посреди этой «скудной природы», я сердечными очами вижу и знаю заветную мою красоту».

Поэзия освящается землёю, в которой зародилась, поэтому Шергин не мог родиться среди теснин Алтая и кержацких распадков Сибири, где взгляд упирается в ближний камень, наглухо замётанный лесами; он не мог бы появиться и на Урале, где люди слишком смело врубались в гору и больше смотрели в глубины, в пещерные тайны, чем в небо. И там возник Бажов. Не только житей лепит певца, но и рождение; родина входит в твою кровь неслышно от предков твоих и навсегда. Ничего не пропадает втуне, всё копится в нашей долгой памяти, и порою достаточно лишь её одной, чтобы понять отчие пределы. Много ли Шергин пробыл в родном Поморье, но зато до самой смерти странствовал по своей памяти...

«Невещественное прочнее осязаемого...» Когда мы прощались, Шергину вдруг припомнилась песенка, видимо, всплыла из юности: «Раньше, как к Архангельску подъезжать, обязательно запою: «Скоро-скоро нет настанет тот денёчек ангельский? Скоро-скоро нет появится городок Архангельский?» Бывало, поезд от Москвы до Архангельска шёл тридцать шесть часов. И вот сначала грубоватое новгородское оканье слушаешь, потом ярославское — оно помягче, потом круглое вологодское и наконец степенное — архангельское. И говоры эти, как сложный музыкальный инструмент; всякая струна на свой лад выстроена».

И уже у двери вдруг поскучнел, потускнел, вздохнул протяжно: «Ну и слава богу, опять с земляком свиделся. Володюшка, веришь — нет, но Архангельск я представляю, как золотую заставку моей жизни. Только вот никого из родных там не осталось. Но, знаешь, есть поверие, что когда человек умирает, то душа его первые девять дней летает куда хочет. Вот тогда я уж обязательно слетаю в Архангельск. Ну, да и ты кланяйся ему от меня, кланяйся...» Дверь захлопнулась...

Но остались необыкновенные по слову и кроткому чувству книги Шергина. Но распахнут отцов сундучок с вещим знанием. Эти бумажные листы подвластны тлену, но исповедальная мысль, но сердечная любовь к матери-земле прободают временные заслоны, все переграды лет. Вслушайтесь в хрипловатый тёплый голос Шергина, мирянина-духовника, наставника к совестной жизни, подивитесь чуткости русского писателя:

«У меня часто теперь такие ощущения, что круг жизни завершается, начало моей жизни с концом сходится. И вот-вот спаяются края одного таинственно-го. Старость с детством радостным таинственно сольются. И оттого, что начало жизни и конец её уже близки к слиянию, оттого, что магнитная сила неизбежная стягивает конец и начало в бесконечное золотое кольцо, так как уже проскакивает искра от концов кольца, оттого я и чувствую сладко и радостно, как в детстве, та-

инстинктивную жизнь, силу, пребывание праздника на земле. А когда концы кольца одного дивного сведутся, тогда наступит вечность, бесконечность. Только достойно надо конец-то жизни-кольца из того же чистого золота, каким было младенчество, ковать. А то и не соединятся концы те для вечности-бесконечности...»

Что же такое народная память? Немного лет прошло со смерти Марфы Крюковой, как я приехал в те места, чтобы послушать о сказительнице, но уже мало кто мог поведать о ней откровенно и открыто. Была, как все, ушла и унесла с собою целый мир. Куда девается народная память? Сливаются ли она воедино многими родниками в одну громадную невидимую реку, не имеющую ни начала, ни конца, иль каждая память сама по себе живёт, идёт по векам своей родовой дорогой, отыскивая паломника, верного ей человека? Наверное, и так и эдак.

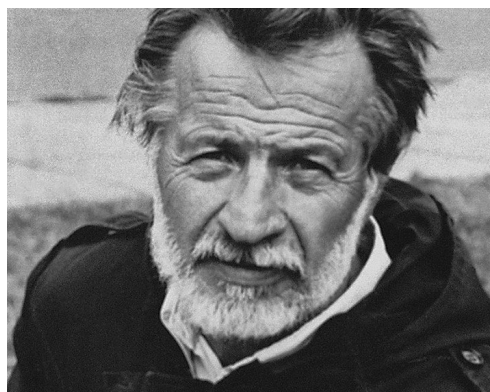
Ведь каждый писатель, насколько бы он ни был велик иль скромн, выпадает из народного знания. И не странно ли: родившись из одного лона и пугливо потоптавшись на росстани, вдруг пойдёт куда-то всё прочь и прочь, пока не перехватит его материнская рука национального сознания. И если спохватится поэт, поборов гордыню, оглянется назад и обоймёт взглядом всю родимую землю, — тут душа вдруг обретает крылья, воспаряет... Но даже в таком будто бы близком духовном родстве пути Клюева, Чапыгина и Рубцова, — но и они куда-то отшатнулись прочь от тропы Кривополеновой, Крюковой, Шергина. Отвернули они от росстани, вильнули с народного поэтического пути, но не скрылись в суземьях, а потянулись невдали, всё рядом, рядом, но неслиянно.

Но, как бы высоко ни взлетал поэт, тяга и сила к его крылам притекает именно оттуда, с земных истоков. Не миновать нам их, не миновать.

К 80-летию со дня рождения писателя Станислава Китайского

СВЕТЛАНА ТАРБЕЕВА

Великая и малая родина

Станислав Китайский

Тема Родины — одна из главных тем отечественной и мировой литературы. Трудно найти писателя или поэта, который не посвятил бы Родине свои самые искренние, идущие от самого сердца строки. Авторы сумели запечатлеть и сохранить неповторимый колорит времени и места всей огромной России и своего родного края. А.Т. Твардовский отмечал, что наши лучшие писатели «принесли с собой в литературу свои донские степные и лесостепные, уральские и сибирские родные места. Они утвердили в нашем читательском пред-

ставлении особый облик этих мест и краёв, цвета и запахи их лесов и полей, их вёсны и зимы, жары и метели, отголоски исторических судеб, отзвуки их песен, своеобразную прелесть иного местного словечка, звучащего отнюдь не в разладе с законами единого великого языка». Д.С. Лихачёв также всегда подчёркивал «тонкую и сложную взаимосвязь между художником, произведением и местом, вдохновившим писателя на его создание».

Малая родина обогащает писателя, оказывает влияние на формирование мировоззрения и художественного своеобразия его творчества. Не исключение и писатель-прозаик Станислав Борисович Китайский, в произведениях которого тема малой родины занимает центральное место.

Станислав Борисович родился 14 января 1938 года в селе Ордынцы Базалийского района Хмельницкой области, а рос в Сибири, в семье сосланных родственников. «...Как историк, он хорошо изучил судьбу сибирских скифов, которые когда-то покидали насиженные места ради тепла и солнца и возвращались восвояси. Так что Сибирь писатель считает исконной родиной», — пишет Н. Тендитник в статье «Поле сражения писателя Станислава Китайского», опубликованной в журнале «Сибирь» в 2008 году.

В библиографических источниках очень редко можно обнаружить сведения, что Станислав Борисович жил и учился в селе Тугутуй Эхирит-Булагатского района Иркутской области. Только в статье Елены Трифионовой (газета «Губерния» от 8 апреля 2014 года) можно встретить упоминание о селе: «Добравшись до Иркутской области, сначала остановились в Усть-Орде. Станислав сразу пошёл на работу на зернохранилище. Его задачей было подгрести в мешки зерно. В Тугу-

туйской школе, в которую вскоре поступил будущий писатель, было целых девять учителей-мужчин...» А ведь именно Тугутуй стал той малой родиной для будущего писателя, которая вдохновила его на создание таких шедевров художественной литературы, как роман «Поле сражения», повесть «В начале жатвы», рассказы «Утро этого дня», «Рупь делов» и др.

В биографии писателя очень много непрояснённых фактов. Как и когда семья учителя Бориса Петровича Китайского оказалась в Сибири, а именно в Иркутской области, теперь уже вряд ли кто объяснит. Однако то, что Китайские приехали в Тугутуй в 1952 году, — факт достоверный, о чём свидетельствует запись в Книге приказов Тугутуйской школы за № 40 от 30 сентября 1952 года «О зачислении Китайского Бориса Петровича учителем химии в Тугутуйскую школу». Станислав Китайский был зачислен в 8-й класс Тугутуйской школы с 1 октября 1952 года — приказ № 43 от 1 октября 1952 года.

О тугутуйских учителях автор вспоминает: *«Это был народ, который отлежался в иркутских госпиталях, ему, может быть, после госпиталя в Воронеж надо бы ехать, но нет больше такого города на земле. И Орла нет, и вообще нет России, одни развалины кругом. А самое главное, человека должен хоть кто-то ждать, а этого солдатики никто не ждёт. Вот и получается, что ехать ему некуда. А здесь подлечившегося парня чуть ли не в военном порядке направляют в деревню, чтобы там каждая Марья Ивановна имела своего Ивана Алексеевича. Это же была сталинская политика, всё продумано.*

Немецкий язык у нас преподавал молоденький офицерик Павел Григорьевич Кондратьев. Писать он не мог — правая рука после ранения не слушалась. Да и немецкого языка не знал совсем. Но мы вместе с ним учили этот язык и выучили так, что я потом Гёте читал немцам в Веймаре».

Станислав Китайский закончил Тугутуйскую среднюю школу в 1955 году. Самые яркие воспоминания любого человека всегда связаны с местом, где прошло детство и юность. Каждый из художников выбирает и использует свои пути и способы создания портрета «малой родины». Узнаваемые черты и детали села Тугутуй встречаем в романе «Поле сражения»: *«Село наше хоть и глухое, таёжное, а большое. От тракта оно отсекается двумя быстрыми речками, когда-то безмостыми и такими дурными, что незнакомцу с их нором перебраться с берега на берег не так-то просто. Даже подгулявших с продажи односельчан наших, всего на какой-то метр ошибавшихся бродом, бывало сносило вместе с телегами. И находили несчастных далеко на нижних шиверах, где и курица лап не замочит, — уже мёртвыми. <...> На северо-западных степных берегах реки рассыпанным горохом виднелись их (бурят. — С.Т.) улусы и летники. <...> Основатели села выбрали место хорошее: с трёх сторон леса, теперь уже сильно прореженные пашинами, посреди села течёт речушка... деля его на Заречную и Степную половины».* Очень точное картографическое описание деревни в рассказе «Утро этого дня»: *«...деревня — длинная, похожая на головастика с непомерно большой головой и тонким хвостом, с тёмными елями возле школы, с остатками зародов сена в утугах и диловатыми журавлями колодцев...»*

В произведениях автор использует действительно существующие, не вымышленные им топонимические единицы. С первых же страниц повести «В начале жатвы» встречаемся с описанием знакомого местечка за Тугутуем: *«...Колыхов с трудом повернул голову и осмотрел, будто измерял поле созревшей пшеницы от черёмухового куста до самого села: это была его земля. Имелось у него ещё пятюк десяти в Раскатах...»* Раскаты — падь, где преобладает глинистая почва. Даже

после небольшого дождика невозможно было проехать ни на тракторе, ни на лошади: по глине скользили, раскатывались — отсюда и название «Раскаты»: «...А ты вот поезжай в Раскаты, посмотри, какая там пшеничка уродилась: как чёрт колышков понатыкал, с одного краю глянь, в другом еврашку увидишь». На глинистой почве, какая преобладает в местности Раскаты за Тугутуем, пшеница никогда не урождалась. Или знакомый всем жителям Ручей, местоположение которого так точно указал Станислав Борисович: «...Темнота рассеялась, стало видно избы и громады деревьев, и лёгкий туман внизу, за огородами, — должно, ручей парил». За деревней и сейчас протекает мелководная речка Тугутуйчик. Старики редко называли её так, в основном говорили Ручей.

Любители грибов и ягод, охотники распознали таёжные топонимы: «...За падушкой, перейдя вброд речку, Владимир Антонович остановился и прислушался: справа на крутом взгорке, носившем странное название Корабль, слышались негромкие, приглушённые полуднем бабьи оклики. Ягоду берут, догадался он». Корабль (вершина Большой Мольки) — гора, по форме напоминающая корабль. Легче на Высокое забраться, чем на Корабль — говорят местные жители, и до сих пор ездят туда по ягоду. «...За ягодой приехали. Да они далеко от нас брали, на Корабле. <...> А мы в Шебарге, если от Заглубокого, то в вершине Мольки, на острове», — пишет Станислав Борисович. Заглубокое — урочище, левобережье реки Камой. Молька Большая, Молька Малая — падь, левобережье реки Мурын. Названа от бурятского «мойэлта» — «черемуховый». Местность расположена в низменности, до сих пор славится изобилием кустов черёмухи. Шебарга — падь, перед вершиной Большой Мольки.

И, конечно же, Станислав Борисович не мог не обойти вниманием местную достопримечательность села Тугутуй — Груздев сад! В рассказе «Утро этого дня» автор не просто даёт точное описание берёзовой рощи, но и рассказывает легенду возникновения: «...Роща почему-то называлась садом. И не просто садом, а Груздевым садом.

...Зачем насадил его этот самый Груздев, если в километре-двух вверх по ручью начинался настоящий бор, было непонятно. Но сад был на месте, и без него деревня была бы не деревней...» Название «Груздев сад» произошло от фамилии местного жителя Груздева. «...Он был, как рассказывал дедушка, простым крестьянином, жил вот на этом месте, слыл лучшим в округе косарем, имел восьмерых детей — сегодня полдеревни Груздевых, и дедушка тоже Груздев...» — пишет автор на страницах рассказа.

Сегодня в селе установилась традиция: вот уже много лет выпускники Тугутуйской школы встречают свой первый рассвет в Груздевом саду.

В некоторых случаях писатель использует приём замены букв в названиях: Морин — Мурын, Хамой — Камой, Харагут — Харанут, Хазаргай — Харазаргай и пр. «...Другие речки, хоть вон Морин, пустые совсем» — единственная мелководная река, близлежащая к селу, — это река Мурын. Китайский несколько изменил название нашей местной реки, заменив гласную У на О. Фрагменты из рассказа «Спешите строить дом»: «...Дорога вела только в Хамой, маленькую, изжившую себя деревушку, а оттуда уже в село...», «... До села было ещё восемь километров...» Действительно, в восьми километрах от села Тугутуй располагалась небольшая деревенька Камой.

Автор использует не только известные нам названия местностей, прилегающих к селу. Тугутуй можно «опознать» по характерным описаниям строений и пейзажей: «...Деревня же вдали темнеет почти чёрной зеленью тополей и высокими пирамидами нескольких елей, оставшихся на месте бывшей церкви». В

1760 году в селе Тугутуй была возведена Петропавловская церковь по благословению Иркутского епископа святителя Софрония. В 1850 году церковь сгорела. В 1853–1855 годах построена заново. Церковь была деревянная, одноэтажная, с колокольной, длиной 14 сажень и шириной 5 сажень. В марте 1936 года община верующих согласно договору приняла в пользование церковное здание. Но спустя всего полгода общине было объявлено о закрытии церкви на основании постановления президиума ВСКИК от 4 сентября 1936 года (пр. № 25, п. 9). Обращение церковно-приходского совета в культурную комиссию ВЦИК не принесло результатов, более того, общине так и не удалось установить причину закрытия храма. А в здании церкви был открыт сельский дом культуры. Здание быстро разрушилось и окончательно было снесено в 90-е годы.

С 2011 года строительство церкви Святых Апостолов Петра и Павла силами односельчан под руководством Т.И. Русиновой возобновилось, и уже в 2014 году церковь была восстановлена.

А ели.... Молчаливые хранители истории села до сих пор растут, устремив свои вершины в голубую даль неба.

А вот ещё одна литературная страничка, запечатлевшая здание школы в 60–70 годы в эпизоде повести «В начале жатвы»: «...Он (Колыхов) поднялся на школьный пригорок, проверил, все ли на месте тополя, что и при нём уже были старыми, и удивился, когда оказалось, что тополей больше.... Здание школы было всё то же — старинной рубки, с высокими большими окнами, крытое всё тем же крашенным в красный цвет железом — только оклад уже покоился на прочном каменном фундаменте. За ним Колыхов обнаружил новую постройку, немного ниже старой, но не в пример большую, широкую, даже слишком широкую, будто расплывшуюся под тяжёлой шиферной крышей. «Зря только из бруса сложили, — подумал Колыхов, — из бруса долго не простоит».

Впрочем, приметы родной деревни мы можем обнаружить и в том случае, когда в тексте нет прямого указания на принадлежность описываемого к нашему селу: разбуженные словом эмоции не дадут ошибиться при определении, о каком месте идёт речь. «...Несколько отступив от середины кладбища, где стояла и в прежние годы, росла всё та же густолапистая, корявая ель, тёмная, почти чёрная, и устрашающе дремучая...» — рисует Станислав Борисович картину сельского кладбища в повести «В начале жатвы».

Исследуя творчество Станислава Китайского, нельзя не сказать о персонажах произведений. Многие из них — реальные прототипы жителей села Тугутуй. «...Тешу себя сознанием, что я родом из деревни, что она формировала, лепила и делала из меня человека, и я в душе никогда не изменял ей. А то, что эта деревня складывается из многих деревень, может позволить мне взглянуть на неё шире: ведь не туристом же прошёл я через них, не путником — я жил в каждой из них, каждая из них дала мне часть души моей, каждая оставила в памяти милых мне жителей своих: самых красивых людей на Земле. Они являются героями всех моих писаний», — утверждает Китайский.

Одним из героев романа «Поле сражения» является Леонид Васильевич Шевардин — директор деревенской школы, «человек не местный, прибывшийся в Харагут в трудную военную пору после госпиталя. Он и тогда уже был не молодой, лет сорока, но его умудрилась женить на себе длинная белобрысая русачка, лет на двадцать младше его, дразнившая его на людях Горынычем». В фактах жизни этого персонажа можно отчётливо проследить факты биографии Леонида Васильевича Бородина (1905 года рождения), директора Тугутуйской школы в 1941–1959 годы, носившего прозвище *Горыныч*. Сохранились фотографии его

и его жены, Александры Ивановны Бородиной, которая была моложе супруга на 15 лет. Подробного описания персонажа в романе нет, но по мелким деталям всё-таки можно создать внешний образ Шевардина, который удивительным образом совпадает с образом Л.В. Бородина: высокий рост, широкие плечи, молотцеватая осанка, внимательные глаза, добрая улыбка, большие, длинные руки, спокойный, чуть глуховатый голос. *«Это был всегда ровный, улыбчивый человек с ласковым прищуром голубеньких глаз, таких неуместных на его старом мясистом лице»*, — читаем на страницах романа. Дочь и внуки Леонида Васильевича Бородина проживают в селе Тугутуй по сей день.

В романе «Поле сражения» можно найти ещё очень много примеров, которые говорят о том, что черты характера, привычки, манеру поведения героев автор списал со своих односельчан. Например, образы семейной пары, учителей Друговых — Надежды Феокистовны и Петра Ефимовича — воплотились в изображении героев Надежды Евгеньевны и Петра Семёновича Силиных. *«Надежда Евгеньевна, некрасивая коротышка с мелкими чертами лица и вставными золотыми зубами, учительница младших классов. Она была замужем за учителем, измождённым кудряшом, вернувшимся с фронта без желудка, вырезанного где-то под Кенигсбергом вместе с осколком предпоследней, как он говорил, фашистской мины»*. Как и персонаж романа, Надежда Феокистовна Другова (в девичестве Силина, 1928 года рождения) — учительница начальных классов, более сорока лет проработала в стенах Тугутуйской школы.

Станислав Китайский не даёт фамилии Петру Семёновичу. В романе автор пишет о нём следующее: *«Хоть мы и работаем вместе с Петром Семёновичем, зятем Силина, да и живём, почитай, рядом, а относимся друг к другу без особого тепла. Он видит во мне не товарища по работе, а вчерашнего ученика и на каждом шагу старается подчеркнуть это»*.

...Зато о карьере своей он пёкся. Закончил физмат, получил значок отличника народного образования, стал завучем, всюду выдвигался и избирался, говорил и делал только то, что от него требовали» — реальные сведения биографии Петра Ефимовича Другова.

Телефонистка Таня, персонаж повести «Спеши строить дом», — Татьяна Ивановна Никольская, действительно работала телефонисткой в отделении связи села Тугутуй.

Таким образом, автору удалось создать целую галерею интересных, самобытных, колоритных образов. Для большинства персонажей характерно употребление местных слов и выражений: *«Экак обкорнали пашиню-то, — сказал он (Колухов. — С.Т.), — сажень на закраек! Это пудов шестьдесят...»*; *«...Сам ты отродье: ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Своих-то зачем лаешь?»*; *«Как бы не клин да не мох, плотник с голоду бы сдох»*; *«да проснись ты, чёрт сухоребый! Чай, зазяб совсем? Вот, дохой укройся»*; *«пошто припёрся?»*; *«ну, пошёл чёрт по кочкам»*; *«он может и фулюганит, чтоб заметней сделаться»* и др.

Через обращение к местному фольклору автору удаётся показать особенности языкового наследия, речевые характеристики и передать своеобразие местного колорита.

Да, на творчество писателя Станислава Борисовича Китайского особое влияние оказали мотивы родной земли, с которой он никогда не терял связи. Все его повести и рассказы, публицистика пронизаны «чувством родины». Подтверждением этому является тот факт, что на протяжении всего своего творческого пути автор обращается к образам людей и природы, связанным со своей малой родиной — Тугутуем. *«Моя Родина — деревня. Деревня — превыше всего!»* — провозглашает Станислав Китайский.

ИРИНА ПРИЩЕПОВА

Дом у Байкала

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ ГЛЕБА ПАКУЛОВА

Глеб Пакулов

На свете Глеба больше нет,
Но он средь нас, пока и нас
Не уничтожит этот свет...
Но если кто-то вдруг задаст,
Вопрос о том, каким был Глеб,
Ответить можно лишь одно:
Необходимым, словно хлеб,
И животворным, как вино.

Анатолий Змиевский

Скалистые берега у Порта Байкал, мимо которых дважды проплывал протопоп Аввакум, стали пристанью для многих известных иркутских писателей и художников. Первым в 1969 году в Порту Байкал в Молчановской пади поселился писатель Глеб Пакулов. Ему очень повезло: дом купил большой, крепкий, сложенный из лиственничных брёвен. И по сей день стоит он на верху горы, обдуваемый свежими байкало-ангарскими ветрами, смотрит на исток Ангары широко распахнутыми окнами и выглядит красавцем рядом с соседними неказистыми избёнками. Восемь больших окон с белыми ставнями, украшенными искусной резьбой, и девятое очень большое в сенях, весь день наполняют дом светом. Из окон видны Ангара и невысокие дивной красоты горы на противоположном её берегу.

Горы вблизи дома богаты целебной черникой, лакомыми белыми грибами, нарядными цветочными полянами, зарослями душистых черёмух. Недалеко есть кедровничек, насаженный лесничим Виктором Носыревым и молодыми людьми, которые приезжали в посёлок жить и работать. Сейчас эти деревья в самом расцвете сил, летом на них много смолистых шишек, под ними, в прошлогодней рыжеватой хвое, прячутся маслята и рыжики, а вблизи кедров на открытых солнечных оконцах, не прячась, алеют ягодки земляники.

Очень полюбили Пакуловы свой дом. Глебу Иосифовичу, высокому, могучему человеку, многие родственники которого доживали почти до девяноста лет, было хорошо жить на берегах своенравного озера, любоваться неповторимыми пейзажами Байкала и Ангары. Он стал на Байкале страстным рыбаком, которого никому не удавалось

Дом Г.И. Пакулова на истоке Ангары

обловить. Много времени Пакулов проводил в лодке на истоке Ангары с удочкой в руках. И всех гостей писателя в хлебосольном доме Пакуловых угощали свежей ушницей. Двери дома Пакуловых всегда были открыты не только для друзей, а и для всех входящих сюда людей, знакомых и незнакомых. Гостевали здесь писатели Валентин Распутин, Александр Вампилов, Виктор Астафьев, Евгений Носов, Виктор Соколов, Николай Воронов, Станислав Китайский, Геннадий Машкин, Пётр Реутский, Евгений Суворов и многие-многие другие. Не смог бы, наверное, принять Глеб Иосифович столько гостей, если бы не выручала теща, Ольга Евстафьевна Бусаргина. Она хорошо готовила и большую часть лета проводила на кухне, а занятие было не из лёгких, часто приходилось готовить в ведёрных кастрюлях. Жила она здесь и зимой, и благодаря ей Глеб Иосифович мог работать на даче и в зимнее время. Ольга Евстафьевна очень любила общаться с молодёжью, и в доме часто жили студенты.

Писатели и художники, гостившие в доме, с наслаждением вдыхали ароматы Молчановской пади, неустанно любовались красками леса и моря, величественной кладкой Кругобайкальской железной дороги, и увозили в своих душах байкальское лето. У гостей оставались впечатления на всю жизнь, и немало строк в

Глеб Иосифович и Тамара Георгиевна на Байкале. 1975 г.

литературе и даже литературных произведений появилось благодаря тому, что дом на Ангаре был таким тёплым, уютным, а приём радушным.

В 1973 году к Пакуловым приехал из Москвы писатель Николай Павлович Воронов с женой Татьяной Петровной и сыном Антоном. Когда ехали, думали, что, погостив, уедут отсюда навсегда. Но не смогли. Возвращались снова и снова. С замиранием сердца взирал Николай Павлович на чистейшие небо и воду, голубые поляны незабудок.

Было радостно, что Татьяна Петровна, страдающая белокровием, дышит бодрящим целебным воздухом, который так ей необходим. Николай Павлович очень любил Татьяну Петровну и боготворил её. Природа Байкала влекла семью Вороновых, несла здоровье, усладу, умиротворение. О своих первых байкальских впечатлениях он рассказал в повести «Карл Нетерпеливый»: «На Ангару я только поглядываю. Меня приманивают косягоры, где прямо-таки гобеленовый расстил незабудок. На нашей с Антоном уральской родине незабудки жмутся к ручьям, озерам, болотам, тут они облюбовали гористое, местами с обрывами побережье.

Белота небес, туман, поднявшийся туда, ещё не рассеялся. Чуть позже небо выгнется эмалевой синевой, поэтому я невольно думаю, не отрываясь от незабудковых гобеленов: «Оно передалось горам». И вдруг печалюсь: долго жил среди металлургических дымов. Наверное, дымы сгасили лазоревость моих глаз?»

Для Вороновых дорогими, милыми сердцу, стали и Молчановская падь, и травы, и цветы, и люди. Поя-

Николай Павлович Воронов

вилась даже своя родная птица, воронёнок, ласково названный Карлушей, главный герой повести «Карл Нетерпеливый». Воронёнка, израненного драчливым петухом, Вороновы подобрали, вылечили, выкормили и отпустили на волю. Но птицы эти привязываются к человеку и преданы ему, как собаки. И Карлуша воли совсем не хотел, постоянно прилетал к своим любимцам, сопровождал их во время прогулок. Привязались к Карлуше и Вороновы. Татьяна Петровна, ласково называвшая Воронёнком своего мужа, как-то сказала: «Отныне у меня два воронёнка... а вы с Антоном обзавелись прямой роднёй». Много в повести трогательных строк, появившихся в результате общения с «пернатым дитятей», таких, как эти: «Карлуша повытягивал шею, поразминал крылья, явно поправлял в зобу неудобу съеденного, и порхнул Тане на плечо. Мы замечали днём, что Карл Нетерпеливый зарился на её локон над правым плечом. Он прихватил кончик локона и весело наматывал на клюв, желая сделать локон кудрявее. Наверняка он стремился принарядить её внешность, хотя она без того отличалась красотой. Но всем этим, оказалось, он приглушивал хитринку: изловчится и стащит Танин гребень, камушки которого поблескивали в сутеми. Так у воронёнка и получилось: выхватил гребень из причёски, скрылся на огороде. Потому как Таня назвала Карла Нетерпеливого поросянком, было ясно, что она не огорчилась».

Много интересного рассказал о своём любимце Николай Павлович на страницах «Карла Нетерпеливого». В повести Татьяна Петровна для Николая Павловича — божество, «священная Танаакин», воронёнок — «младенческое высочество», «Карл Нетерпеливый», три берёзы за ближними огородами — «Три Богини», «в центре Мокошь, мать-сыра земля, слева — Лада, богиня любви, красоты, семьи, справа — Берегиня, создательница всего сущего». И, разумеется, Карл Нетерпеливый не мог изладить своё неуклюжее гнездо на обычном дереве, он выбрал для этой цели центральную берёзу-Богиню, с которой он быстро слетал, как только показывались его любимые люди.

Летело сибирское лето, росла птица, внимательно следил Воронов за ростом своего воспитанника, подмечал каждую деталь: «Декоративно приятный сложился ворон. Я уж не говорю о глазах: они утратили младенческую пуганую наивность: умная зоркость, прохватывающая таким наблюдением, от которого становится беспокойно и щемяще скудно, как бывает на росстанях». Хотя к тому времени Карлуша успел обзавестись подругой, привязанность к людям осталась прежней. Но подходило время прощания. Карл, вещая птица, всё видел и понимал. Однажды, когда Вороновы перед отъездом вынесли сумки на солнце для просушки, он залез в школьный рюкзак Антона, сына Николая Павловича, и никак не хотел оттуда выбираться. Его с трудом вытряхнули, и он горестно распластался на земле...

Грустно было Вороновым расставаться с посёлком, с Байкалом и Ангарой, с друзьями, с Карлушей. Они думали, что уезжают отсюда совсем. О том, как их провожали, сказано в повести: «Проводы были двойными: людские, полные местной щедрости, не уступающие характером величию Байкала, и природные, олицетворённые полётом Карла Нетерпеливого и его подруги».

Как переживал отъезд Вороновых Карлуша, было известно только ему одному, но несмотря на тяжёлую разлуку, он частенько прилетал к Пакуловым, вёл себя во дворе по-хозяйски и, разумеется, получал съестное. Но на зиму хозяева уехали, вернулись только весной, ворон уже не прилетал. А летом снова приехали Вороновы. Николай Павлович нагрыз для любимого ворона орехов и пошёл его угощать. Долго звал Карлушу, наконец, прилетел ворон, сел поодаль на берёзу,

несколько раз каркнул и улетел прочь. И больше не прилетал. Орехи склевали синички. Скорее всего, это был другой ворон, Карлуша очень обрадовался бы встрече с другом и, без сомнения, прилетел к нему. Известно, что вороны, привязавшиеся к человеку, в его отсутствие могут умереть с тоски. Но всё же хочется верить, что умный обаятельный ворон, ставший главным героем повести, ещё живёт в поселковых лесах.

Вороновы, покорённые величественными картинами Байкала, не хотели смириться с тем, что такая неземная земная красота может быть уничтожена деятельностью, которую трудно назвать человеческой. Заболев страданиями Байкала, Николай Воронов обещал своим байкальским знакомым статьями отстаивать этот диковинный сибирский уголок. С большой горечью говорит он в повести о варварском отношении к первозданной и данной человеку на века красоте: «...ей (Татьяне) навевали скорбь целлюлозные заводы, кадящие за студёным морем. И вынесла она оттуда, поражённая технотронностью, думу, которая до сих пор болит во мне и делается неотступней, безотраднее: временность довлеет над вечностью и способна загубить её на Земле, если не во всей солнечной системе. Увы, временность по-прежнему довлеет над вечностью. Но и она стала ненадёжней, потому что вконец ненадёжно всё то, на чём наживается человек, а ещё ненадёжней сделался он сам с его убийственным природопагубным существованием».

К сожалению, ни статьи, ни книги, ни фильмы об умирающем Байкале не слышат стоящие у власти «рационализаторы», думающие в первую очередь о прибыли, об экономии, а за счёт чего произойдёт прибыль и экономия (пусть за счёт самого дорогого, что есть на Земле), неважно. И по-прежнему сильна угроза чистоте и даже жизни озера, которое миллионы лет было самым большим украшением планеты, главным родником её. И как прежде люди, трепетно относящиеся к чудесам, которые им в бесконечном многообразии дарит Байкал, не могут мириться с тем, что это великое чудо так варварски уничтожается...

Байкальские шири, сибирская земля, расстилающаяся безбрежным цветочным ковром несказанной красоты, всецело завладели поэтом Владимиром Соколовым, гостившим у Пакуловых. Уезжая из посёлка, он вышел из дома, опустился на колени и поцеловал землю, которая так щедро одарила его буйством красок и ласковым теплом.

*С. Иоффе, В. Распутин, В. Соколов
в Порту Байкал. 1974 г.*

Летом 1974 года после иркутского писательского семинара на несколько дней приехала к Пакуловым группа писателей, среди которых были друзья, бывшие фронтовики Виктор Астафьев и Евгений Носов. Они приехали в самую благодатную пору цветущего юного лета: Байкал и Ангара блестели солнечной позолотой, догорал багульник, полыхали жарки, поражали чистотой белянки, голубели озёра незабудок, синели колокольчики. Всю жизнь вспоминалась им эта поездка, сколько вдохновенных писем было написано, которые можно перечитывать бесконечно! Евгений Носов, писатель из Курска, был удивлён, очарован, растроган красотой байкальской природы. Впервые он увидел багульник в цвету, жарки, которые он

назвал огоньками, увидел синюю от незабудок землю. Он не устал восхищаться: «Вовеки не забыть. Райские кущи! И вот в такой благодати людишки живут, твари божии, а от скверны избавиться не могут». А Виктор Петрович, который его еле уговорил приехать на Байкал, удовлетворённо говорил: «Специально тебя, топтыгина, из твоей курской берлоги вытащил, чтобы показать, какая она есть, земля Сибиря!» А когда убеждал Носова съездить на Байкал, сказал: «Грех сидеть в Иркутске и не побывать на Байкале! Июнь — пора в Сибири особая, поляны в это время не зелёные — голубые... И соловьи заливаются ночь напролёт, даже ваши, курские, прилетают к байкальским на стажировку». Когда кто-то из писателей, впервые увидевших этот земной рай, хотел сорвать цветы, чтобы привезти домой частичку Сибири, Евгений Носов приложил руку к сердцу и сказал: «А у меня она здесь останется, Сибирь!»

Виктор Петрович, также как и Глеб Иосифович, имел страсть к рыбалке и много времени проводил в лодке. Он поднимался с рассветом, и часто ранним утром можно было видеть Астафьева на Ангаре с удочкой и слышать народные песни в его исполнении (а пел он замечательно), которые разносились по всему ангарскому истоку. Астафьев не только ловил рыбу, он мастерски её готовил, при этом старался никого больше к плите не подпускать. Уха у Виктора Петровича получалась божественная.

Астафьев, выросший среди тайги, любил бродить по байкальским лесам, любил собирать грибы. Очень хорошо знал птиц, легко узнавал, какой птице принадлежит голос. Замечательно знал лекарственные травы. Как-то Пакуловы собирались лечить свою собаку, красавца Дика, от расстройства желудка. Астафьев их остановил и сказал, что пёс вылечится сам и ещё хозяев при случае вылечит, нужно только его отпустить в лес и понаблюдать, какую траву он станет есть, а потом этим лекарством лечиться от того же самого. Так и поступили. Дик пошёл по направлению к лесу, перешёл через ручеёк, вышел на поляну и начал просто без остановки хватать бордовые шишечки кровохлёбки. Совет Астафьева не пропал даром: собака выздоровел, помогла лесная аптека, а точнее, трава кровохлёбка, и Глеб Пакулов потом тоже неоднократно прибегал к помощи этой травы.

Уехав с Байкала, Виктор Астафьев написал прекрасное письмо Глебу Пакулову, большую часть которого хочется привести, так как строки его очень поэтичны: «Кланяюсь тебе из далекой милой Вологды, где ныне стоит прекрасная погода и, после двух лет бедствий, все очень хорошо растёт и не может нарадоваться себе каждая травинка, каждый листик и цветок. Природа здесь бедная, по сравнению с Сибирью даже убогая, и оттого всякая Божья кара особенно обнажает ее,

делает совсем нищенкой и неприкрытой. Нищеты-то, в годы бедствий, и на Байкале не меньше, но там ее прикрывает буйноцветье, громады гор и девственно-чистая вода, в которой, наверное, Создатель омывал новорожденных ангелов, прежде чем пустить их в небо, и оттого у них такие белые, нежные, лебединые крылья... У меня в глазах все еще колышутся склоны гор в голубых проблесках и волнах от незабудок с жарко полыхающими полями жарков, с кострами багульника и белой пеной таво-

Е. Носов, В. Астафьев, Г. Пакулов, Б. Лапин, П. Реутский у дома Пакуловых. 1974 г.

ложника, и все еще ощущаю вкус воды, которую я хлебал из ладоней и, наверное, после меня Ангара убыла маленько».

Виктор Петрович неоднократно возвращался в Порт Байкал, приезжал и с женой, Марьей Семёновной, своим другом и «боевым товарищем». Ей тоже очень понравилась природа, она с удовольствием ходила по молчановским распадкам и приносила полные корзинки грибов. А вечерами, сидя в тёплой компании, любила слушать рассказы о жизни гостей и хозяев дома и задушевно, незабываемо рассказывала сама, часто говорила о том, что пришлось пережить на войне...

Многие из иркутских писателей, бывавших в гостях у Пакуловых, тоже приобрели дома в посёлке. Валентин Распутин, любивший гостить у Глеба и Тамары, сроднился духом с Байкалом и понял, что его место тут. Здесь ему жить и работать. Уже потом, в своём любимом домике на берегу, он напишет повести и рассказы: «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», «Век живи — век люби», «Что передать вороне?», «Наташа». Кто читал рассказ «Наташа», конечно, помнит полёт героев на крыльях любви над Байкалом. Полёт этот принёс столько восторга и счастья герою и никогда, как всё лучшее в жизни, не повторился. Начинается этот полёт (по словам автора) от дома Пакуловых. «Я несусь огромными скачками, мне кажется, что я продолжаю бежать, когда замечаю проплывающую внизу четырехскатную железную крышу дома, в котором живет мой товарищ. Я что-то кричу то ли ему, то ли всем, кто остался на земле, и прибавляю ходу... Мы проплываем над Ангарой, делаем и круг, и второй над ее истоком и уходим далеко от берегов в Байкал...»

Душа писателя ликует от вида горной поляны над его домиком, полной жарков, колокольчиков, ромашек, Байкала, уходящего вдаль и поднимающегося в небо, пышущей голубизны воды, чистого и глубокого неба, влажного ветерка — всего того, что было ему так знакомо и в то же время ново, потому что здесь нет однообразия: каждую минуту новые краски, новые звуки, новые впечатления.

Известно, как Валентин Григорьевич был привязан к Байкалу, как он его боготворил, как вдохновенно ему работалось на берегу озера. И строки, написанные здесь, глубоки и неисчерпаемы, они накатывают на читателя, как холодные чистейшие волны, и омывают, чистят от скверны душу. Книги Распутина всегда будут современны и станут откровением для читателя, который будет жить на Земле через столетия. И, может быть, не было бы у писателя такого близкого общения с Байкалом, не было бы дорогого сердцу писателя домика, если бы не дом в Молчановке.

В доме Глеба Пакулова любил бывать его друг, Александр Вампилов, которого, как и многих, завораживал и манил Байкал. Ему всё труднее было работать в городе, и он хотел работать непременно у воды. Мечтал о какой-нибудь развалюхе на байкальском берегу. Выбор пал на Порт Байкал, так как здесь был и желанный Байкал, и располагающая к работе тишина, и друзья-коллеги, которые пытались всячески пособить Сане в покупке дома. Посмотрели несколько домов в разных местах посёлка, но постоянно что-то не клеилось: то ему отказывали, то просили подождать. И Вампилов последнее лето работал у Пакулова. Он облюбовал себе самое спокойное и просторное место в доме — огромный чердак, на который из сеней вела удобная лестница. На чердаке было единственное окно, оно выходило на цветочные поляны, и можно было не выходя вдыхать ароматы леса. Это был «дом окнами в поле» Вампилова. Глеб, искусный плотник, сделал ему столешницу, соорудил сиденье. Здесь Александр мог спокойно писать, и именно

здесь осталась незавершённая рукопись «Несравненного Наконечникова». Работа подвигалась тихо, порой за день прибавлялось не более двух реплик. Вампилов никогда не писал наспех. Он говорил: «Я пишу страшно медленно. И это неизбежность. Стоит только поднажать — и всё идёт в брак». Александр гулял в лесу, катался на лодке, общался с друзьями, но и о пьесе не забывал. Пьеса должна была стать сатирой на проходимцев, далёких от литературы, но стремящихся ей заняться ради дохода. Парикмахер Наконечников, решивший стать драматургом, по замыслу Вампилова, сначала будет незаслуженно вознесён на литературные высоты, а потом низвергнут с них. К сожалению, этому замыслу не суждено было осуществиться.

А. Вампилов, Г. Пакулов. 1969 г.

Лето 1972 года Александр Вампилов проводил с женой Ольгой и дочерью Леной в доме Пакуловых. Два раза в это лето они с Глебом и Тamarой были на самом большом и сказочно красивом байкальском острове — Ольхоне, овеянном ветрами и легендами, любимом солнцем. В первый раз летали на самолёте из Иркутска, в другой добирались из Порты Байкал на своей моторной лодке, хотя путь до острова неблизкий. Жили в палатке на берегу моря, ловили рыбу, варили уху. Рыбачили

и женщины. Тамара Георгиевна вспоминает, как однажды обловила мужа-рыбака. Как-то, сидя на берегу, увидели в байкальской воде необычное зрелище: целый город, похожий на средневековый, с замками, с высокими башнями. Удивлённые, рассказали об этом местной жительнице, которая сказала: «Бывают такое. То ли к худу, то ли к добру, но бывают...» Город на водной глади впоследствии открылся и Валентину Распутину, о том, как он был потрясён, увидев это чудо, рассказал в эссе «Байкал предо мною»:

«Я перевёл взгляд на Байкал... и вдруг увидел нечто такое, что заставило меня приподняться и в изумлении уставиться туда, где качающейся золотистой лесенкой спускалась в бездну лунная дорожка. Там, переливаясь огнями, волнуясь сквозь призму воды, сиял сказочный город. Сначала мне показалось, что это фейерверк, огромный радужный сноп, рассыпающий искры, но, взглядевшись, я стал различать разбегающиеся на все четыре стороны улицы, исходящие из центра, и поясные круги по ним — совсем как на чертежах старинных посадок... Контуры уличной постройки в искрении были плохо различимы, причудливые белораморные своды их то ли мерещились, то ли промелькивали во вспышках, но гирлянды огней по обочинам улиц, удаляясь от центра, понижались правильными ступенями, значит, был в этом городе, как и полагается, кремлёвский холм, и было понизу что-то вроде ремесленных слобод. Кто в них обитал и обитал ли кто-нибудь — ни одной фигурой или даже намёком мне не сказалось, хотя, как заворожённый, долго смотрел я круглыми глазами на это сияющее видение...»

Вампиловы и Пакуловы часто плавали на лодке вдоль острова и однажды, возвратившись, не закрепили лодку, и её отнесло далеко от берега. Вампилов бросился в воду, доплыл до лодки, немного задержался возле неё, затем неспешно забрался в лодку и приплыл на вёслах. Потом сообразил, что у него большое сердце, в холодной воде находиться ему нельзя, и в этот раз сердце чуть не отказало. Пришлось, держась за борт лодки, пережить приступ.

Свои последние дни молодой драматург провёл в Порту Байкал, у Пакуловых, где 19 августа 1972 года собирался отметить тридцатипятилетие и всё-таки осуществить мечту о покупке в посёлке собственного дома. Александр наконец нашел старенький домик в пади Щелка недалеко от озера, уже посмотрел на него хозяйским взглядом, решил, что выкопает в огороде колодец, а в комнатухе, выходящей единственным окошком на лоскуток Байкала, соорудит себе кабинет, но хозяйка дома согласилась продать только в сентябре, после того как выкопает картошку. Но до сентября Александру Вампилову дожить было не суждено, его часы остановились вечером 17 августа. В этот ветреный день они с Глебом Пакуловым на моторной лодке рыбачили на Ангаре, ближе к листвянской стороне, затем побывали в Листвянке и взяли курс на порт, где их ждали жёны. Когда Александр с Глебом подплывали к санаторию «Байкал», их лодка на полном ходу врезалась в топляк, то есть отяжелевшее от воды, тонущее бревно. От сильного удара лодка перевернулась, затем встала вертикально. Корма ушла под воду, а нос остался торчать над водой. Мотор страшно скрежетал, задевая каменистое дно. (Всю жизнь потом Пакулов не мог переносить скрежет мотора о дно.) На беду ветер и волны в тот день перемешали воду, и она стала очень холодной. Глеб Пакулов служил в морфлоте, плавал хорошо, но вынужден был схватиться за лодку: доплыть до берега у него не было возможности, мешали болотные сапоги. Александр Вампилов в синей тёплой куртке и ботинках поплыл в ледяной воде к берегу в надежде спастись и позвать на помощь. Глеб Пакулов сразу понял всю опасность положения друга и с надеждой и мольбой смотрел на берег. Картина на берегу, увиденная Глебом Иосифовичем в тот вечер, запомнилась на всю жизнь, отпечаталась в мозгу, словно фотография. Она его преследовала, не давала покоя, он не раз её рисовал.

Рисунок Глеба Пакулова

На дороге стояла машина, возле неё были люди, но помогать не спешили, за происходящим наблюдали с дороги. И Глеб Пакулов что есть мочи стал кричать на весь ангарский исток: «Спасите Саню! Спасите Вампилова! Это иркутский драматург! Это замечательный человек! Спасите его!» Глеб умолял стоящих спуститься на берег и бросить верёвку или что-нибудь другое имеющееся в машине, за что мог бы схватиться подплывающий к берегу Саня, и это помогло бы ему сэкономить силы и выбраться из воды. Но люди стояли, ничего не предпринимая. Оставалось уповать только на молодые силы и выносливость Александра. Но сердце не выдержало, и Вампилов остался неподвижно лежать на воде, удерживаемый, как поплавком, раздувшейся курткой. Наблюдающие за происходящим сели в машину и уехали.

На помощь Пакулову спешили на лодке двоюродные братья, шестнадцатилетний Сергей Давыдов и четырнадцатилетний Игорь Шипунов, которых позвал художник Гутерзон, видевший, как перевернулась лодка с его приятелями. Юноши подплыли к Глебу, с большим трудом отцепили от лодки его онемевшие пальцы и с помощью набежавшей волны втащили его в лодку. А потом вместе с Глебом

вытащили Вампилова, которого немного отнесло в глубину. А на берегу уже были люди. Они встретили лодку и стали делать Александру искусственное дыхание. Но привести его в чувство не удалось...

Сергей Давыдов. 1973 г.

Глеб Иосифович смертельной опасности избежал не впервые. Он, бывший геолог, много уже испытал и повидал на своем ещё тогда небольшом веку. Нередко выходило так, что жизнь его висела на волоске: падал в реку в вертолёт; тонул; чуть не завалила ледяная многотонная глыба; упал в яму на медвежьей тропе так, что голова застряла между двумя пиками (ими оказались сучья, торчавшие, как острые кости). Было много и других случаев, когда Глеб Пакулов чудом избегал смертельной опасности. Выжил он и на этот раз. А Ольга и Тамара узнали о случившемся только на следующий день от приехавшего в порт Валентина Распутина. Хотя были у них нехорошие предчувствия и ночью снились тревожные сны.

В воде навсегда замерли стрелки часов Александра Вампилова. Писатель навеки остался 34-летним, не дойдя до «середины земной жизни» совсем немного, всего два дня.

«...Знаю, я старым не буду», — пророчески написал Вампилов. И ещё как-то он сказал о творческих планах: «У меня замыслов — дал бы Бог хоть половину реализовать». После трагедии 17 августа 1972 года, о которой знает теперь каждый русский человек и которая разделила жизнь Пакулова на «до» и «после», долго в Молчановской пади стояла на импровизированном постаменте, словно памятник, лодка с погнутым днищем... И до конца жизни не зажила рана в сердце писателя, и до смертного часа он носил в душе своей вину за то, что не он «не вернулся из боя».

Игорь Шитунев. 2015 г.

Вот вспомнились слова Владимира Высоцкого, и хочется сказать, что Владимир Семёнович тоже очень переживал, узнав о гибели Вампилова. А приехав в Иркутск, прямо из аэропорта уехал на Байкал. Спросил, где утонул Саша Вампилов, и сидел на берегу часов пять, глядя на волны, тихий и отрешённый. Поднявшись с коряги, сказал: «Байкал — святыня России. И Вампилов святой водой перед смертью омылся. Повезло...»

Писатели-друзья старались поддержать Пакулова. Виктор Астафьев в письмах называл его ласково: «Глебушек», Евгений Носов — «Дорогой Глеб», а Владимир Крупин написал в письме: «Глеб, милый, обнимаю тебя, помню все время. Твой душевно Володя». А гораздо раньше получил он поддержку от матери Вампилова: «Приходи в себя, жить надо. Работай. Саша считал тебя одаренным».

Байкал продолжал испытывать Глеба на прочность. На озере часто господствуют мощнейшие байкальские ветры. Они налетают молниеносно, внезапным рёвом нарушая стоящую тишину. Беда тем, кто оказался у них на пути. Летом

1976 года Глеб Иосифович Пакулов и писатель Владимир Николаевич Крупин, который не раз приезжал погостить к Пакуловым из Москвы, поплыли в лодке из Порты Байкал в Листвянку, как вдруг налетел-сорвался бешеный юго-западный ветер, называемый култуком, а в народе — низовкой. Владимир Крупин к этому времени уже был знаком с байкальскими штормами, но не думал о роковом исходе, ему казалось, что ничего плохого в Сибири с ним случиться не должно. Вот как сам он рассказывает об этом в статье «Полюбил Иркутск навсегда»:

«Помню могучие ветры над стеклянной ширью Байкала. Много я видел стихий — северные штормы Баренцева моря, ураганы Средиземноморья, песчаные бури Аравийского полуострова, — в них было ощущение собственной малости, беспомощности, а сибирские стихии наполняли меня восторгом. Хотелось петь, читать молитвы, которые тут же обрывало у губ и уносило за дальние пределы. Помню бурю на Байкале, когда мы, молодые, сели в моторную лодку и понеслись то по гребням волн, то по ущельям между ними. Это только потом мне объяснили, что мы подвергались огромному риску, а тогда думалось, что все так и должно быть, вот так и будем нестись по долинам и по взгорьям пенистых громад, дышать мокрым резким ветром, выскакивая из-под разлохмаченных зарослей брызг как из кустов».

На этот раз риск был очевиден. Полный штиль молниеносно сменился жесточайшим штормом. Байкал напомнил о том, что он родной брат океану и волны его не уступают океанским по высоте и мощи. В такие минуты страшного байкальского гнева торопятся схорониться в бухты суда, которые волею случая оказались в море. И много их, не успевших спрятаться, лежит на глубоком недоступном дне. А какой детской игрушкой казалась лодка, на которой среди разгулявшейся стихии оказались Пакулов и Крупин! Они были не так далеко от берега, но попасть туда не было никакой возможности. Свинцовые волны, казалось, обрушивались на лодку с неба, плескали через борт, играли и забавлялись лодкой, которая её пассажирам казалась теперь совсем ненадёжной. Если бы они взяли курс на берег, боковые волны враз бы их перевернули. Лодку несло вдоль берега, она была почти неуправляемая, и её пассажиров ветер мог унести куда угодно и потопить в любой момент. Они плыли обречённо, мысленно молили Бога об одном: дать возможность ступить на землю. Им всё же удалось пристать, и когда сошли они на листвянский берег, заговорили о своём спасении как о чуде, о божьем даре. Глеб Пакулов тут же в Листвянке решил покреститься. Церковь не работала, но это обстоятельство не остановило, нашли священника, он откликнулся на порыв души Глеба Иосифовича и покрестил его, а Владимир Николаевич стал его крёстным отцом. Вот так в серьёзном испытании Байкал духовно породнил писателей Пакулова и Крупина.

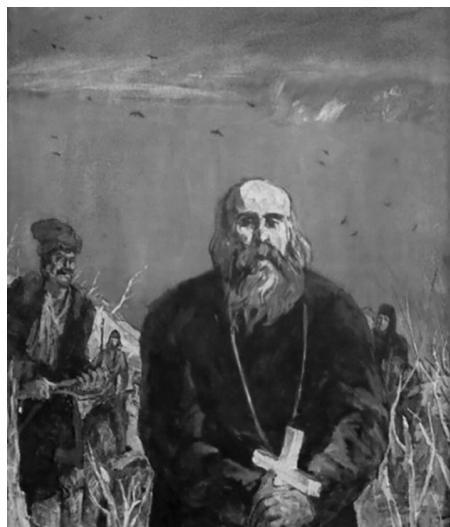

Глеб Пакулов и Владимир Крупин на причале

В Порту Байкал Глеб Иосифович вдохновенно рыбачил, вдохновенно писал книги «Глубинка», «Изба», а известный исторический роман «Варвары» написан на Байкале полностью. Повесть «Останцы» — слепок с Молчановской пади: герои, пейзажи, колорит — всё здесь портовское. Всем известный роман «Гарь» начинался тоже

на берегу Ангары. Неудивительно, что именно на Байкале пришла к нему и увлекла мысль написать роман о бессмертном протопопе Аввакуме. Несколько лет Пакулов вынашивал замысел романа. И вдруг однажды во время рыбалки понял, как нужно писать о протопопе. Вот что рассказала о том памятном дне Тамара Георгиевна: «Лето было непогожим. Целую неделю непрерывно шли дожди, которые совпали со временем, когда птенцы стрижей вылетают из гнезда. Кормятся они только на лету. Но ни мух, ни мошки в тот день не было. Обессиленные птенцы тучами падали в воду, рядом с лодкой Глеба. Дома, расстроенный, Глеб сказал мне: «Я знаю, как писать Аввакума. Как эти птицы, протопоп мог жить и дышать только в полёте». И, подумав, добавил: «В духовном полёте. В духовном рвении».

Протопоп был необычайно силен духом, вкусил байкальских штормов, первым дал литературное описание Байкала. Фигура Аввакума одна из самых выдающихся, непостижимых в русской истории, неистовых и бурных, как сам Байкал.

Протопоп Аввакум. Художник Лев Гимов

Тема настолько завладела Пакуловым, что он собрал материал на несколько романов, а когда создавал роман «Гарь», тщательно отбирал самое необходимое, и многие из его находок остались «за кадром». Его герой протопоп Аввакум твёрд в своих убеждениях, непоколебим в вере, при этом он удивительно добрый, отзывчивый на чужую боль и страдание человек. В романе много незабываемых потрясающих строк. Он выкапывает из земли девушку Ксению, вкопанную по шею за то, что по неосторожности убила боярского сына, одаривает стража полтиной и просит его купить свечу «во спасение Ксенушкино». Сочувствует вдове, идущей с больным ребёнком к Преподобному Сергию, чтобы просить о здоровье сына. Но в дороге ребёнку стало

совсем плохо. Он окрестил умирающего мальчика и долго и неистово читал молитвы. И произошло чудо: ребёнок возвращается к жизни и может продолжить путь с матерью. С молитвой протопоп хоронит нищенку и оставляет её маленького сына в церкви, как просит мать. Народ любит и почитает Аввакума. На царя же это имя наводит страх. Даже когда протопоп сидит в «гробоподобной тундряной» пустозёрской яме, Фёдору Алексеевичу кажется, что Аввакум соцарствует с ним. И царь решается на крайнюю меру. Апрельской ночью Протопопа привели в сруб, который подожгли. Когда совершалась эта лютая казнь, «над неоглядной ширью земной расцветила высь, и не стало видно ничего, кроме сполохов, будто пламя от сруба достигло неба и подожгло его. И ходуном заходили небеса, свесив ярко-бирюзовые занавеси: они перекатывались волнами, всплескивали изумрудными блёстками и, то взмывая ввысь, то опадая, мели зигзагами серебристых кистей по ослепшей от светопреставления тундре».

Когда 14 марта 2011 года звонили колокола по Глебу Пакулову, небо расцветила небывалая в этих местах ранней весной радуга...

Много на русской земле есть домов, история которых связана с историей русской литературы. Но, наверное, дом Пакуловых один из немногих, под крышей

которого собиралось столько писательской братии, получившей возможность восхититься и вдохновиться Сибирью, Байкалом и просто встретиться друг с другом,

*В гостях у Глеба Пакулова в
Иркутске 22 января 2011 года*

пообщаться, поговорить о литературе. Дом на истоке Ангары по-прежнему крепок, красив, только давно сменил хозяев, и о бурной жизни в нём напоминает лишь стенд с фотографиями тех лет. А на участке по-прежнему зеленеют и цветут растения, посаженные Глебом Иосифовичем. Незадолго до смерти он говорил о желании побывать в своём доме, посмотреть на исток, но особенно хотелось ему увидеть свои насаждения... А Тамара Георгиевна живёт в Иркутске, не забывает о любимом доме, изредка его навещает, и в её иркутской квартире над кроватью висят две больших фотографии дома, с которым так много в жизни связано.

МАРИНА БОРОДИНА

«На золотом крыльце сидели...»

ОЧЕРК О ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ¹

«Детский фольклор, область устных словесных произведений, исполняемых исключительно детьми и не входящих в репертуар взрослых», — писал знаменитый сибирский фольклорист Г.С. Виноградов. Возможно поэтому детский фольклор не пользуется особым вниманием собирателей и исследователей. Но всё-таки есть труды, на которые можно опереться фольклористам, педагогам, студентам.

В 1987 году вышел сборник М.Н. Мельникова «Русский детский фольклор» как хорошее учебное пособие для студентов — будущих филологов. В этом издании рассматриваются виды и жанры детского фольклора в непосредственной связи с народной педагогикой, рассказывается об истории его изучения и бытования, а также предлагаются тексты из разных жанров детского фольклора. Это пособие даёт общее представление о содержании и объёме понятия «детский фольклор», о его основных жанрах, классификации и т. д. Много известных учёных — А.Ф. Можаровский, К.С. Рябинский, О.И. Капица, К.И. Чуковский и др. занимались детским

БОРОДИНА Марина Витальевна родилась в 1962 г. в г. Иркутске. Окончила филологический факультет Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Работала в школе учителем русского языка и литературы. 20 лет работает в Тулунском краеведческом музее им. П.Ф.Гушина, с 2007 г. на должности заведующей отделом детской этнографии и фольклора. С 1998 г. занимается сбором современного детского фольклора. Написала доклад «Сравнительный анализ детского фольклора начала XX века — конца XX века» для областной научной конференции «Виноградовские чтения» «Традиционная народная культура и современность», проходившей в г. Иркутске в 1999 г. По результатам этой конференции вышел сборник «Краеведческие записки», в котором были опубликованы доклады участников конференции. В данное время продолжает заниматься детским фольклором. Завершила исследовательский труд «Детский фольклор».

¹Сокращённый журнальный вариант исследовательской работы «Детский фольклор».

фольклором в той или иной степени. Но крупнейшим исследователем детского фольклора стал Г.С. Виноградов. Каждая из его работ — научное открытие той или иной области детского творчества, хотя М.Н. Мельников оспаривает в своей работе некоторые выводы Г.С. Виноградова, признаёт его классификацию считая неудачной. Будем учитывать то, что у каждого учёного есть свои доказательства, доводы, аргументы и факты в одной и той же области исследований.

Г.С. Виноградов в начале XX века очень серьёзно подошёл к детскому фольклору. Он собирал и анализировал все жанры детского фольклора: скороговорки, потешки, считалки, жеребёвки, молчанки, сечки, дразнилки, игры и т. д.

Может быть, кто-то задастся вопросом, для чего собирать детский фольклор, да и как его передашь другим детям. Если общий фольклор пропагандируют по телевидению, радио, на праздниках, издаются сборники, то детский фольклор передаётся только из уст в уста и поэтому с течением времени многое из детского фольклора утеряно безвозвратно, т. к. в стране произошли большие исторические изменения — многие жизненные явления и понятия исчезли, заменились на другие. Ответ на этот вопрос можно найти у Георгия Семёновича. Он пишет: «Изучение детского фольклора имеет, кроме теоретического, прикладное значение, — в частности значение первостепенного источника, дающего материал для исследования детской психологии. Первостепенность его определяется тем, что в словесном творчестве детей исследователь имеет непринужденное самораскрытие их психики, непринужденное высказывание детей о самих себе».

Именно по этой причине, а также по причине психофизического и педагогического аспекта игры занимался изучением игр, их влиянием на психофизическое воспитание, собиранием детских прелюдий ещё задолго до рождения Г.С. Виноградова известный московский врач-педиатр и педагог Егор Арсеньевич Покровский (1838–1895). Именно его называют одним из основоположников отечественной этнографии детства, т. к. он изучал ребёнка и его детский мир глобально, начиная от рождения. Собирал атрибутику детства, изучал воспитание детей в крестьянских семьях, уход за детьми от самого рождения, физическое воспитание, собирал игры, фольклор и т. д. Круг его интересов безграничен. Именно Покровский впервые предложил научно-просветительскую методику изучения игр. Но на многие годы его труды были забыты.

Таким же самозабвенным любителем и ценителем детской этнографии стал Георгий Семёнович Виноградов, который очень глубоко изучил детский фольклор. Вот что писал учёный Д.К. Зеленин о Виноградове: «В настоящее время Г.С. Виноградов является наиболее крупным специалистом по изучению детского фольклора среди всех европейских исследователей...» Из писем и воспоминаний историка С.Н. Дурылина можно сделать вывод о Г.С. Виноградове именно как исследователе детской души, детского языка. «У него единственный талант... постижение детства в самых алмазных его тайниках: в мысли, сердце, в поэзии. Его работы по детской поэзии драгоценны...

Он проник в труднейший отдел народной лаборатории, — в лабораторию детской мысли, детской воли, детского искусства, поэзии, слова — здесь он не знает себе равных, здесь у него приходится учиться всем, кто пытается сюда заглянуть. Его работы этого рода остаются навсегда первоисточником нашего знания о чудесном мире русских детей».

Тулун — родина Г.С. Виноградова. Здесь зародилась в нём любовь к устному народному творчеству, которому впоследствии он посвятил свою жизнь. Виногра-

дов стал большим учёным в области народной культуры, профессором этнографии. По этим причинам Тулунский краеведческий музей им. П.Ф. Гущина попытался продолжить дело Виноградова: изучение детского фольклора. С 1998 года сотрудники стали собирать современный детский фольклор и анализировать его. На основе тех сборов был написан доклад «Сравнительный анализ детского фольклора начала XX века — конца XX века» для областной научной конференции «Виноградовские чтения» «Традиционная народная культура и современность», проходившей в Иркутске в 1999 году.

Работа по сбору детского фольклора продолжается. В данной статье рассматривается детский фольклор конца первого десятилетия и начала второго десятилетия XXI века. Информаторами бывают не только дети, но иногда и взрослые, которые вспоминают фольклор своего детства. И, конечно, для сравнения в этой работе рассматривается и фольклор из детства взрослых, т. е. второй половины XX века.

Исследователи фольклора просто гордятся, если вдруг найдут вариант игры (не новую игру, а её вариант), не указанный Покровским. Многие игры, записанные Покровским в 90-е годы XIX столетия, сохранились до наших дней. Некоторые — видоизменённые, некоторые имеют варианты. То же самое можно сказать и о считалках, т. е. прелюдиях к играм. Прелюдии к играм (Покровский называет их прибаутками для жребия) Виноградов собрал в большом количестве. Но что интересно и приятно, это то, что кое-какие прелюдии (считалки) дошли и до наших дней. Об этом явлении ещё в XIX веке писал Е.А. Покровский: «Своеобразные законы и правила, формулы речи, отсчитывания под рифму, поговорки и песни, употребляемые до сих пор в наших детских играх, были без сомнения уже за несколько сот лет в употреблении и в устах весьма многих детей, а может быть даже иных уже вымерших народов, от которых до нас дошли только некоторые части их (детских произведений. — *Прим. авт.*), и, тем не менее, через детей последующих поколений детские игры снова повторяются, снова освежаются в памяти живущих поколений и снова молодеют, потому что большие дети беспрерывно научают им меньших».

Чтобы понять, для чего работает этнограф, необходимо прочесть работы Г.С. Виноградова по детскому фольклору, и в частности работу «Русский детский фольклор». Его труд помогает понять душу ребёнка, мотивацию его творчества. Эта работа будет хорошим помощником воспитателям, психологам, учителям, всем, кто работает с детьми. «Русский детский фольклор» — это огромный научный труд, который написан Виноградовым на основе многолетних наблюдений и исследований. В этой работе дан полный анализ детскому творчеству, а в особенности считалкам, психолого-педагогическим, лингвистическим, фольклорно-этнографическим проблемам мира детства. Для наглядности приведу в пример названия нескольких глав, чтобы читатель смог сам убедиться, насколько глубока и многогранна работа Г.С. Виноградова «Русский детский фольклор»: *Происхождение считалок; Знатоки и исполнители считалок; Бытование и исполнение считалок; Классификация считалок; Словообразование в считалках; Рифмы в считалках.*

И это не полный перечень всех глав научной работы «Русский детский фольклор». Написана она интересно, понятно, с множеством примеров и, разумеется, приложением, где собрано молчанок, жеребьёвок, считалок более 500 штук.

Г.С. Виноградов внёс значительный вклад в изучение мира детства как сложного социокультурного феномена. Георгий Семёнович намного облегчил труд

продолжателей его дела — он уже дал полный анализ детскому фольклору, а его последователям приходится только дополнять и сравнивать детский фольклор его времени с фольклором нашего времени. Г.С. Виноградов в своей работе «Русский детский фольклор», в главе «Описание. Детские игровые прелюдии» писал: «В основу объяснительной части этой работы положены главным образом личные наблюдения и впечатления...» Хочется повторить вслед за Виноградовым, что в основу данной работы легли также личные наблюдения и сборы. Правда географический охват очень небольшой: город Тулун, Тулунский район и некоторые города и районы Сибири.

Самый распространённый вид детского фольклора — это считалка. Как было сказано выше, многие считалки дошли до наших дней со времён Е.А. Покровского и Г.С. Виноградова, некоторые немного изменились, но очень узнаваемы. Вот очень известная считалка, которая пришла почти без изменения в XXI век из XIX века, записана была в Вятской губернии.

*Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф! Паф! Ой-ой-ой!
И мой зайчик умирает.*

Так считалка звучала в XIX веке... У Виноградова собрано много вариантов этой считалки. Первые строки почти во всех вариантах одинаковые, а вот концовки разные. В считалках часто отражается эпоха, события, происходящие в эту эпоху, настроения, с героями считалок происходит то, что ребёнок считает, может произойти с ним, и т. д., именно это прослеживается в данной считалке при переходе её из века в век. Первые пять строк от Владивостока до Ленинграда читаются одинаково (считалки из сборов Г.С. Виноградова):

*Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет:
Пиф! Паф! Ой-ой-ой!
Умирает (пропадает) зайчик мой.*

А вот некоторые концовки:

*...И везут его домой
На машине паровой,
А машина не довозит,
Машинист за ручку возит.*

(Иркутск)

В этой считалке отразилось время первых паровых машин. А вот считалка, где произошло смешение двух считалок:

<i>Раз, два, три, четыре, пять, Вышел зайчик погулять. Вдруг охотник выбегает, Прямо в зайчика стреляет: Пиф, паф, пиф, паф,</i>	<i>Едет баба на волах. Постой, баба, погоди, Почем пироги В Москве на лотке, На железном листке?</i>
--	--

(Тулун)

Вот вариант, который почти без изменения дошел до наших дней:

<i>Раз, два, три, четыре, пять,</i>	<i>Принесли его домой,</i>
<i>Вышел зайчик погулять,</i>	<i>Оказался он живой.</i>
<i>Вдруг охотник выбегает,</i>	<i>Принесли его домой,</i>
<i>Прямо в зайчика стреляет:</i>	<i>Прямо в печку головой,</i>
<i>Пиф, паф, ой-ой-ой,</i>	<i>Пиф, паф, ой, ой, ой,</i>
<i>Пропадает зайчик мой,</i>	<i>Умирает зайчик мой.</i>

(Лихославль)

А вот как она звучала в 70-х годах XX века:

<i>Раз, два, три, четыре, пять,</i>	<i>Умирает зайчик мой.</i>
<i>Вышел зайчик погулять.</i>	<i>Повезли его в больницу,</i>
<i>Вдруг охотник выбегает,</i>	<i>Он украл там рукавицу.</i>
<i>Прямо в зайчика стреляет:</i>	<i>Привезли его домой,</i>
<i>Пиф, паф, ой, ой, ой,</i>	<i>Оказался он живой.</i>

(Тулун)

И вот как окончание считалки звучит сейчас, в XXI веке (вступление написано в сокращении):

<i>...Привезли его домой</i>	<i>...Пих, пах, ой-ё-ёй,</i>
<i>Прямо в печку головой,</i>	<i>Заяцдохлый под горой.</i>
<i>А из печки на кровать</i>	
<i>И давай его пинать.</i>	

(Тулун, шк. № 1)

(Тулун, шк. № 2)

Чувствуется жестокость и цинизм нашего времени. А вот иные мотивы считалки:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Получил оценку «пять».

(Тулун, шк. № 1)

В этой считалке отражается мечта маленького школьника. Вот ещё несколько вариантов одной и той же считалки: из сбора Покровского, из сбора Виноградова и из сбора Тулунского краеведческого музея:

Катилося яблочко
Мимо огорода.
Кто его подымет,
Тот вон выйдет.

(Владимирская губерния. Вторая половина XIX в. Из сбора Е.А. Покровского)

<i>Катилось яблоко</i>	<i>Катился яблоч</i>
<i>Мимо сада,</i>	<i>Мимо саду-</i>
<i>Мимо сада,</i>	<i>винограду.</i>
<i>Мимо града.</i>	<i>Кто поднимет,</i>
<i>Кто поднимет,</i>	<i>Тот и выйдет.</i>
<i>Тот и выйдет.</i>	

(Ленинград. Начало XX в.
Из сбора Г.С. Виноградова)

(Минусинский уезд
Начало XX в.
Из сбора Г.С. Виноградова)

*Катилось яблоко
Мимо сада,
Мимо града.
Кто поднимет,
Тот и выйдет.*
(Тулун. Начало XXI в.
Из сбора Тулунского
краеведческого музея)

Е.А. Покровский говорил о сходстве, о передаваемости из поколения в поколение во времени и пространстве игр и считалок: «Многие игры, песни и своеобразные отсчитывания (считалки) детей иногда до поразительного сходства повторяются у разных народов, или же изменяются лишь отчасти в подробностях, смотря по местности и столетиям».

В сборнике Г.С. Виноградова присутствует много считалок, которые, в свою очередь, имеют множество вариантов. В данное время дети также в разных населенных пунктах или в разных районах одного города варьируют одну и ту же считалку. Множество вариантов говорит о том, что в детской среде происходит непрерывная работа, творчество над словесными произведениями, через которые проходят основные линии, в которых идёт изменение, то в сторону улучшения текстов, то в сторону ухудшения, «захирения», как писал Виноградов. Это видно на примере считалки об апельсинке по имени Малинка или Маринка. В детской среде эта считалка всё время видоизменяется, тем не менее, линия прослеживается одна и та же: апельсинка превращается в мандаринку по имени Иринка.

Также дети переделывают старые считалки на современный лад с использованием в своём лексиконе новых слов. Например, считалка про немца была такая:

*Вышел немец из тумана,
Вынул ножик из кармана.
Буду резать, буду бить,
Все равно тебе голить.*
(Вторая половина XX в.)

А позже считалка приобрела такой вид:

*Вышел Децл из тумана,
Вынул пейджер из кармана.
Пейджер пикнул, Децл сдох,
Потому что Децл — лох.*
(Начало XXI в.)

Очень нравится детям считалка «На золотом крыльце сидели...». Во второй половине XX века она звучала довольно мило:

*На золотом крыльце сидели
Царь, царевич,
Король, королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты будешь такой?
Выходи поскорей,
Не задерживай добрых
И честных людей.*

До сих пор эта считалка в ходу, её любят, но она претерпела значительные изменения. В конце 90-х годов XX века — начале XXI века очень часто в считалке присутствовали герои популярного тогда телесериала «Санта Барбара». В 10-х годах XXI века чаще встречаются герои любимых мультфильмов, но американских: Мишки Гамми, Скрудж МакДак, американский киногерой Бэтмен, певец Децл. Дети хотят видеть героями считалок персонажей уже более им знакомых, близких по времени, по духу. Также в современных считалках появляются новые слова, например: лох, Лунтик, жвачка и др., в одной молчанке — бомжи. О таком явлении Виноградов сказал очень метко: «Время делает новые посевы слов...» Ведь это уже их, современных детей, считалки, а не их бабушек, дедушек и родителей. Век эпохи, интересы, пристрастия — всё это является обязательным критерием для изменения устаревшей для современных детей считалки. Перечитывая работу Г.С. Виноградова «Русский детский фольклор», не перестаю удивляться схожести наших мыслей. По поводу изменений текстов считалок детьми и в силу чего они меняются, Виноградов пишет: «...храня старые традиции и накопления прежних поколений, детвора отзывается и на современность: мир новых впечатлений проникает каким-то образом и сюда. В последнее десятилетие в старые тексты нашли путь новые слова и новые образования; например, вместо Карла Ивановича старой считалки в некоторых местах стал известен Карла Маркыч...». (Карла Маркыч, вероятно, Карл Маркс. — *Прим. авт.*). Подобное происходит постоянно, и в том числе в настоящее время.

Дети любой эпохи переделывали и переделывают считалки и другие произведения своего фольклора соответственно своему времени, — иначе быть не может. Ведь многие слова и понятия ушедших лет (например, городской) непонятны современным детям или не интересны, и они начинают творить, переделывать «под себя» или сочинять новые считалки, им понятные. Многие понятия, слова и выражения хоть и понятны, но уходят из обихода или несовременны для нынешних детей. Вот слова и выражения, которые ушли из новых считалок: *клюка, фрак, поп, дьячок, монашка, торба, кафтан, нюхать табак, поедом в маскарад, кочерга, ухват и т.д.*

Вот пример считалок, совершенно современных:

*Ехал Лунтик на тележке,
Раздавал он всем орешки.
Кому раз, кому два,
Кому три, кому голя.*

.....
*На золотом крыльце сидели
Бэтмен, Децл, Скрудж и Джерри.
Бэтмен всё летал по крышам,
Децл рэп читал и слышал,
Как старик же Скрудж ворчал
Да всё денежки считал.
Помоги же разобраться,
Раз, два, три, водишь ты.*

Дети совсем маленькие — дошкольного, младшего школьного возраста — менее агрессивны в своём творчестве, чем ребята постарше. В их считалках всё по-детски мило:

*Сидел король (или петух) на лавочке,
Считал свои булавочки:
Раз, два, три,
А голить-то будешь ты.*

В считалках, придуманных детьми постарше, уже присутствуют неблагозвучные слова, агрессия:

*Вышел месяц из тумана,
а за месяцем — луна,
черт повесил колдуна.
А колдун висел, висел
и в помойку улетел.
А в помойке жил Борис,
председатель чёрных крыс.
Он жену не полюбил,
взял топор и зарубил.
А жена не умерла,
взяла туфли и ушла.*

Вероятно, появление таких считалок объясняется возрастом, когда у детей постарше в поведении появляется жестокость, агрессия, они не стесняются в выражениях. Считалки с нецензурной лексикой и вульгаризмами, а также с элементами жестокости ходили в быту и у детей начала XX века. Например:

*Карл Иванович с длинным носом
Раз пришёл ко мне с вопросом:
Как убавить этот нос,
Чтобы больше он не рос?
Вы купите купоросу,
Привяжите его к носу,
А потом, потом, потом
Отрубите топором.
Придёт наш Барбос
И съест ваш нос.*

Но таких считалок тогда было очень мало. И в наше время их не так уж и много.

Очень мало считалок, построенных в диалоговой форме. Но простой диалог без каких-либо многократных, ритмичных повторов считалкой стать не может. Повтором служит, как говорил Виноградов, заумь, т. е. слова, не несущие смысловую нагрузку, казалось бы совершенно бессмысленные, но являющиеся цепью, соединяющей части произведения в единое целое, задающие ритм, что является одним из основных составляющих считалки, например, чики-брики, аты-баты, синти-бринти и т. п. Иногда из таких бессмысленных слов состоят целые считалки. Виноградов называл такие считалки заумными. Но о них позже, вернёмся к диалоговой считалке.

*Чики-брики ты куда?
Чики-брики на базар...*

Заумью служат слова чики-брики... Характерно, что в сборах Виноградова есть эта же самая считалка. Современная девочка, живущая в XXI веке, рассказала её совершенно без всяких изменений. В работе Виноградова есть ещё одна, такая же, считалка, только повтором служит другая заумь — синти-бринти:

*Синти-бринти ты куда?
Синти-бринти на базар.
Синти-бринти по кого?
Синти-бринти по овёс.
Синти-бринти ты кому?
Синти-бринти я коню.
Синти-бринти ты какому?
Синти-бринти вороному.
Синти-бринти где ты взял?
Синти-бринти я украл. (...)*

Также дошла до наших дней без изменений с начала XX века подобная считалка-диалог, но с другой связкой, с другой заумью, по смыслу связанной с солдатской жизнью, напоминающей счёт в марше — ать, два, ать, два:

*Аты-баты шли солдаты,
Аты-баты на базар.
Аты-баты что купили?
Аты-баты самовар.
Аты-баты сколько стоит?
Аты-баты три рубля.*

В начале XX века были распространены заумные считалки. В работе Виноградова я нашла таких считалок больше 100 вместе с вариантами. Конечно, география сбора этих считалок обширная — от Риги до Владивостока. В наше время тоже в ходу заумные считалки.

Как образуются заумные считалки? Виноградов писал: «Стремление уйти от общепринятой формы слов наблюдалось... в области имен прилагательных. Еще больше — в числительных. Разрастаясь, эта тенденция ведет в отдельных случаях к полному отрешению от слов общего языка к образованию особой категории слов — слов заумных». Но полный подробный анализ заумных считалок дан в работе «Русский детский фольклор». Заумному языку, заумным считалкам посвящена целая глава (XV), где Г.С. Виноградов пытался понять природу возникновения зауми, разделил заумные слова на группы, привёл множество примеров заумных слов и считалок, соответствующих каждой группе, им была рассмотрена лексика, фонетика, морфология заумной речи, т. е. дан полный анализ заумных слов.

Процесс образования заумных считалок очень сложный; и один из приёмов — наличие слов какого-нибудь языка (бурятского, польского, цыганского, французского, еврейского и др.) и осмысление непонятных детям слов. Виноградов пишет: «При длительном взаимном общении иноплеменных детских сообществ происходит непрерывный обмен языковым богатством, играми. Однако не только постоянное соседство и общение иноязычных детских групп, но кратковременное и случайное соприкосновение их не остается бесплодным в отношении обмена формами, темами, текстами, словами и, в частности, в смысле обогащения детского заумного языка новыми включениями». Влияли на детское творчество и школьные (или, как говорил Виноградов, школярные) считалки. В учебных заведениях изучали иностранные языки, в том числе латинский, поэтому для школьников и гимназистов латинские или другие иноязычные считалки не были заумными. А вот проникновение в детскую среду, не знакомую с латынью и другими иностранными языками, школьных считалок не осталось бесследным, беспочвенным. Сре-

ди таких неграмотных детей привилась «детская «вульгарная» латынь в качестве зауми» (Виноградов). Приведу один очень интересный пример современной считалки:

*Эни-бэни, раба, .
Квинтер-финтер, жаба,
Эни-бэни, рэс,
Квинтер-финтер, жэс.*

В рукописном сборнике считалок, доставшемся Виноградову от А.В. Гуревича, фольклориста, корреспондента Виноградова по детскому фольклору, есть такая же считалка, только строчки переставлены местами, и в современной считалке слово мэнтэр заменено на слово финтер:

*Энэ бэнэ рэс,
Квэнтэр мэнтэр жэс.
Энэ бэнэ рабо,
Квэнтэр мэнтэр жаба.*

И высказано соображение о толковании этого текста. Г.С. Виноградов пишет об этом: «Слова этой считалки автор рукописи склонен интерпретировать таким образом: энэ (из ано, ани) — я; бэнэ — сын; рэс (ойрайсо) — тора; квэнтэр (к вэн тойр) — сын своего времени; мэнтэр (минтар) — пощади; жэс (эс) — меня; рабо — бога; жаба (або) — отец. Если такая интерпретация может считаться оправданной, то перевод текста (вольный перевод) будет таков: «Я — сын закона, сын своей эпохи; пощади меня, сына бога и сына своего времени, помилуй, отец».

Г.С. Виноградов считал, что трудно оспаривать такую интерпретацию, возможно, она верна. Но интересно то, что эта считалка дошла почти без изменений (каким-то чудесным образом) до наших дней, только пары строк 1-я, 2-я и 3-я, 4-я переставлены местами.

Ещё одна считалка из моих сборов также пришла из начала XX века, а возможно, и из более ранних времен.

*Эники, бэники,
Чука та мэ,
Абель, фабель
Флюс.*

Эта считалка в работе Виноградова «Русский детский фольклор» имеет 12 вариантов.

В предыдущей моей работе по детскому фольклору, написанной в 1999 году, был ещё один вариант этой же считалки:

*Эката пэката
чуката мэ
абуль фабуль
дэмэнэ
экс пэкс
пуля пук
наур.*

Как видим, этот вид считалок (заумных) достаточно устойчив во времени. Надеюсь, что и дальше этот вид, а также другие виды считалок будут жить и дополняться новыми считалками.

Часто случается, что один жанр детского фольклора переходит в другой, на-

пример, потешки, дразнилки становятся считалками, и наоборот. Например, дразнилка про Катю в данное время стала считалкой.

*Катя, Катя, Катерина,
Нарисована картина.
А картина порвалась,
Катя с мужем подралась.*

Для примера: песенка про чижику-пыжика, бытовавшая в Тулуне в 1970-е годы XX столетия, в конце 70-х — начале 80-х стала считалкой, немного видоизменённой. Пели её так:

*Чижик-пыжик, где ты был?
На Фонтанке водку пил.
Выпил рюмку, выпил две,
Закружилось в голове.*

Считалка же звучит так:

*Чижик — пыжик,
Где ты был?
На фонтане хвостик мыл.
Мылил, мылил и упал,
Хвостик замарал.*

Есть потешка, которая во времена Виноградова была считалкой у детей Твери. Дошла она до наших дней без изменений. Её рассказала бывший работник музея Г.Н. Кулинич:

<i>Огуречик, огуречик,</i>	<i>Я — не папин сын,</i>
<i>Не ходи на тот кончик,</i>	<i>Не на ёлке рос,</i>
<i>Там мышка живёт,</i>	<i>Меня ветер снёс,</i>
<i>Тебе хвостик отгрызёт.</i>	<i>Я упал на пенёк.</i>
<i>Я — не мамин сын,</i>	<i>Стал кудрявый паренёк.</i>

Виноградов отмечал, что некоторые песни, частушки общего фольклора в детской среде преобразовались в считалки.

Очень распространены в детской среде считалки со счётом, т. е. с именами числительными от 1 до 5 и от 1 до 10. Самая популярная считалка со счётом про царя. Современные дети видят много жестокости и насилия в компьютерных играх, в фильмах. Может быть, поэтому, переделывая эту старую считалку, они вносят в неё элементы жестокости.

Также не забываются считалки, бытовавшие во второй половине XX века:

<i>Вышел немец из тумана,</i>	<i>Ехала машина тёмным лесом</i>
<i>Вынул ножик из кармана.</i>	<i>За каким-то интересом.</i>
и т. д.	и т. д.

*Шёл крокодил,
Трубку курил.*
и т. д.

А также к этим считалкам придуманы новые продолжения, например,

*Ехала машина тёмным лесом
За каким-то интересом.
Инте-инте-интерес,*

*Выходи на букву С.
Буква С нам не нужна,
А нужна нам буква А.
Буква А пошла в кино,
Выходи на букву О.*

Виноградов писал: «Среди исполнителей и исполнительниц разного рода словесных произведений надо различать рядовых участников игр, забав... и мастеров, артистов. Рядовые члены детских групп знают, например, 3–4 текста считалок; репертуар мастера содержит 10 и более текстов». Надо сказать, что ничего не изменилось со времён Виноградова, разве что запас считалок у каждого исполнителя уменьшился. При сборе детского фольклора мне встречались группы детей, водящих между собой дружбу, но среди которых один знает и помнит множество игр, считалок, жеребьёвок, а другие знают 2–3 считалки, да и то вспоминают их с трудом.

Ни один вид детского фольклора не привлёк к себе такого большого внимания собирателей, как считалка. Видимо, потому, что в детской среде их великое множество, и дети больше любят и сочиняют считалки нежели другие виды фольклора. А вот молчанок гораздо меньше, чем считалок, но, тем не менее, молчанки также привлекают внимание собирателей.

По классификации Г.С. Виноградова одна из групп детского фольклора называется игровые прелюдии, которые, в свою очередь, делятся ещё на две группы. В одних излагаются условия ведения игры — и тогда прелюдия состоит только из словесного произведения. Таковы молчанки и голоса́нки. В других смысл прелюдии в приготовлениях к игре — в распределении ролей или очередей. Это жеребьёвки и считалки. Молчанка — это прелюдия-уговор, где договаривающиеся стороны уговариваются, определяют последствия нарушения молчания, т. е. кто нарушит молчание, тот выполняет условие.

В наших сборах есть молчанки, которые живут со времён Виноградова. Вот вариант одной молчанки начала XX века:

*Шёл молчан по всем городам.
Кто стукнет-брякнет —
За волосы драть,
До слёз добивать.
Последнее слово: тпру,
Аминь!
(Вологодская губерния)*

И ещё две молчанки начала XX века:

*Кошка сдохла, хвост облез,
Кто промолвит, тот и съест
40 амбаров сухих тараканов,
40 кадушек солёных лягушек,
40 ковшей зелёных с...ей. .
Молчанка началась —
Чок, чок! Двери на крючок.*

Варианты этой молчанки начала XXI века:

*Кошка сдохла, хвост облез,
Кто промолвит, тот и съест.*

*Кто засмеётся,
Тот кошачьей крови напьётся.*

.....
*Ехали цыгане, потеряли кошку.
Кошка сдохла, хвост облез.
Кто проиграет, тот и съест.*

*Ехали цыгане, кошку потеряли,
Кошка сдохла, хвост облез.
Кто промолвит, тот и съест.*

.....
*Ехал китаец, потерял кошку,
Кто промолвит слово,
Тот её и съест.
Рыба — карась, игра началась.*

Конечно, появились и новые молчанки. Это связано с новыми понятиями нашего времени или знаниями, которыми обладают современные дети в отличие от крестьянских неграмотных детей. Вот эволюция молчанки в наше время: слово *бомж* нашло отражение в детском фольклоре.

*Солнце вышло из-за тучки,
Все бомжи собрались в кучку.
Самый главный бомж сказал:
Рыба — карась, игра началась.*

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что такой жанр детского фольклора, как молчанка, живёт в детской среде. В начале XXI века в наших сборниках было три молчанки, теперь (в 2016 году) их тринадцать. Хотя не очень меняется содержание молчанок, однако новые слова и понятия, появившиеся в наше время, естественно, появляются и в молчанках, преобразовывая их.

Молчанка учит детей терпению, сосредоточенности. Интересно, что в противовес ей, молчанке, детьми были когда-то придуманы голосянки, которые, к сожалению, в данное время не бытуют в детской среде, или не встретились нам.

Но помимо игрового фольклора, дети не забывают и потешный фольклор. В наше время они всё реже соприкасаются с природой, и когда слышишь от них некоторые жанры фольклора, то радуешься, что эти жанры ещё живут. Кажется, что дети стали настолько прагматичными и прогрессивными, что уже не могут петь заклички, закликать дождик, солнышко, радугу. Но нет. Ещё не потеряли они своей детской непосредственности. Так же, как и сто лет назад, дети XXI века с радостью закликают солнце, дождь, радугу. Заклички мало изменились со времён Виноградова. Вот пример закличек, которые встречаются в разных источниках, изданных в начале XX века, и которые дошли до наших дней:

*Радуга-дуга,
Не давай дождя,
Давай солнышка —
Колоколнышка!*

.....
Дождик, дождик, пуще,

*Дам тебе гущи,
Будет травка гуще!*
.....
*Дождик, дождик, поливай!
Будет хлеба каравай.*

Вот закличка, в которой присутствует сказочный персонаж Баба-яга:

*Дождик, лей, лей, лей
На меня и на людей!
На меня по крошке,
А на Бабу-ягу
Лей по целому ведру.*
(Записана в начале XXI в.)

Закличку к самолёту или вертолёту, которая бытовала в середине XX века, сейчас дети проговаривают в сокращённом виде из двух первых строк.

*Самолёт-вертолёт, посади меня в полёт.
А в полёте пусто, выросла капуста.
Прокатился бы я, да очередь не моя.
А мой дедушка-капустник
Меня и без очереди пустит.*

Чтобы подтвердить вышесказанное, приведу цитату из книги Е.А. Покровского «Детские игры», изданной ещё в XIX веке: «Жизнь детей гораздо ближе прикасается к природе, чем жизнь взрослого человека, мысли и чувства которого слишком много вращаются среди общественных отношений. Как в древней Греции, так и теперешние дети наши с одинаковою радостью приветствуют первый дождь весной, первую ласточку, первую букашку, первый цветок, такими же шумными криками и оживлёнными песнями выражают несказанное удовольствие при этом. Как это опять-таки делалось в старину и до поразительного сходства повторяется у многих народов».

Взрослые умеют сопереживать, сочувствовать, дети же часто бывают жестоки: поддевают друг друга, дразнят и даже обзывают. Такие жанры детского фольклора, как поддёвки, дразнилки, издёвки Виноградов назвал ёмким термином *детская сатирическая лирика*. В конце XX — начале XXI века такие жанры в детском творчестве встречаются всё реже. Скорее дети, если хотят отомстить за что-то или обидеть, то просто обзывают друг друга. Но всё-таки нам удалось собрать немного экземпляров из детской сатирической лирики.

Вот пример поддёвок:

— Ты куда?
— На кудыкину гору собирать помидоры.
— Зачем?
— Мышей ловить, тебя кормить.
.....
— Скажи: верёвка.
— Верёвка.
— Твоя мать — воровка.
.....
— Скажи: подвал.
— Подвал.
— Тебя скелет поцеловал.

В дразнилках современных детей появились новые обидные слова, например, *лох*. Дразнят чаще ребята беззлобно, ради забавы. Также придумывают смешные рифмы к именам или фамилиям. Например, Светлана Анатольевна Говорина, преподаватель Вершининской основной школы Нижнеудинского района и руководитель краеведческого кружка, рассказывала, что в детстве её обзывали *Ермак*, т. к. в девичестве её фамилия Ермоленко, и придумали ей дразнилку:

*Ермак — башмак
С печки — бряк!
Растянулся как червяк.*

.....
*А возле магазина
Летала тётя Зина,
А возле шифоньера
Летала тётя Вера.*

<i>Андрей — лох</i>	<i>Андрей — лох</i>
<i>Объелся блох</i>	<i>Объелся блох,</i>
<i>И на лавочке подох.</i>	<i>Сел на лавочку</i>
(Тулун, shk. № 1)	<i>И сдох.</i>
	(Тулун, shk. № 2)

А вот и прозвища:

<i>Юлька-пулька.</i>	<i>Денис-в компьютере завис.</i>
<i>Сашок-порошок.</i>	<i>Ярик-фонарик.</i>

Одним из распространённых жанров детского творчества у современных детей являются песенки-приговорки и стишки, приговариваемые во время игр, особенно в играх, где занята большая группа детей. Г.С. Виноградов эти произведения наряду со считалками, жеребьёвками, молчанками и голосанками относил к одной большой группе произведений, которой дал термин *детский игровой фольклор*. В настоящее время наиболее любимые детьми игры, где есть игровые песни и стихи, это «Царь-картошка», «Арам шим-шим», «Красочки», «В вороного коня» (например, такая приговорка «Расколдуйте меня, вороного коня!»), «Карапуз» и другие. (Условия и правила в вышеперечисленных и других играх, собранных среди школьников, описаны в работе «Детские игры».)

У опрошенных нами детей нет в репертуаре произведений календарного фольклора (святочные колядки, рацейки рождественских поздравлений) и произведений такого жанра потешного фольклора, как сечки. Святочные колядки и рацейки вышли из обихода детей, так как рождественские и святочные праздники проходят уже не в традиционном русле.

Хранителями и исполнителями произведений детского фольклора (особенно считалок) являются дети младшего и среднего школьного возраста, преимущественно девочки, возможно, в связи с тем, что у мальчиков появилась замена прежним забавам, — это новые игры и забавы (со временем они меняются, например, игры, запрограммированные в сотовых телефонах, компьютерные игры и т. п.). Но и Г.С. Виноградов в своё время отметил, что «лучшими знатоками и исполнителями считалок везде слывут по справедливости девочки. В то время как произведения сатирической лирики исполняются преимущественно мальчишками, главными

хранительницами словесных произведений рассматриваемого жанра (считалок) являются девочки». Другие произведения детского фольклора, кроме сатирической лирики, тоже хранят и исполняют в основном девочки.

Подводя итог, можно сказать, что и в начале XX века, и в начале XXI детская жизнь также протекает внутри народной массы, но дети живут своим обособленным миром, наследуя фольклор от таких же детей, как и они, только постарше. Многие жанры детского фольклора сохранились детьми до наших дней, но жаль, что всё-таки некоторые жанры утрачиваются или уже утрачены, такие, например, как сечки, рождественские рацейки. Жизнь взрослых, конечно, отражается в быту и фольклоре детей, но некоторые стороны детской жизни и творчества живут независимо от взрослых.

Какие бы ни были перемены в жизни страны, дети будут продолжать жить своим собственным мирком, всегда талантливые дети будут творить, и их произведения будут украшать «ту или иную сторону детского житья-бытья» (Г.С. Виноградов).

Приложение²

Считалки

1. *Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять, десять.
Выплывает белый месяц.
Кто до месяца дойдёт,
Тот и прятаться пойдёт.*
(Наленч Наталья)

2. *Раз, два, три (...) десять
Выплывает белый месяц,
А за месяцем луна —
Мальчик девочке — слуга.
Ты, слуга, подай карету,
А я сяду и поеду.
Я поеду в Ленинград
Покупать себе наряд:
Синий, красный, голубой —
Выбирай себе любой.*

3. *Катя, Катя, Катерина,
Нарисована картина.
А картина порвалась,
Катя с мужем подралась.*
(Большенко Оля, шк. № 8)

4. *Сидел король на лавочке,
Считал свои булабочки.
Раз, два, три,
Королевой будешь ты.*
(Шк. № 2)

²Приложение печатается в сокращении.

5. *Шёл котик по скамеечке,
Раздавал копеечки.
Кому — 10, кому — 5,
Выходи — тебе играть.*
(Полухина Вика, Нижнеудинск)
6. *Сидел петух на лавочке,
Считал свои булавочки:
Раз, два, три,
А голить-то будешь ты.*
(Ларченко Ксюша, 6 лет, с. Умыган)
(Трусова Ксения, п. Целинный)
7. *Шла машина тёмным лесом
За каким-то интересом.
Инте-инте-интерес,
Выходи на букву С.*
(Считалка 1960–70-х гг.)
8. *Шла машина тёмным лесом
За каким-то интересом.
Инте-инте-интерес,
Выходи на букву С.
Буква С не нравится,
Выходи, красавица.*
(Гудель Елена Анатоевна,
смотритель Тулунского музея. 2015 г.
Из детских воспоминаний —
1970-е — начало 1980-х гг.)
9. *Раз, два, три, четыре, пять,
шесть, семь, восемь, девять, десять.
Царь велел меня повесить,
А царица не дала
И повесила царя.
Царь висел, висел, висел
И в помойку улетел.
А в помойке жил Борис —
Председатель дохлых крыс,
И жена его — Лариса —
Замечательная крыса.*
10. *Катилось яблочко по огороду
И упало прямо в воду,
Бульк!
А в воде жила змея,
Она сына родила.
Не успела пятого,
Родила десятого.
А десятый говорит:
«Ты не мама, а бандит».
А бандиты говорят:
«У тебя трусы горят».*
(Жигачева Ира, 6 лет,
Ангарск. 2006 г.)

11. Катилась апельсинка
По городу Малинка.
Уроки не учила —
«Двойку» получила.
А когда пошла гулять,
Получила цифру «пять».
А «пятерка» не её (не моя),
А чужого короля.
А король на фабрике
Делает кораблики.

(Левенкова Карина, шк. № 2)

12. Катилась мандаринка
По городу Малинка.
В школе не училась —
«Двойку» получила.
А потом пошла гулять
И кораблики пускать.

(Таня Беляйкина, Тулун,
шк. № 25. 2014 г.)

13. Катилась мандаринка
По имени Иринка.
В школу не ходила —
«Двойку» получила.
А потом пошла гулять,
Получила цифру «пять».
А потом пришла домой,
Получила цифру «ноль».

(Мингалева Маша, 10 лет.
Ангарск. 2014 г.)

14. На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты будешь такой?
Выбирай поскорей,
Не задерживай добрых
И честных людей.

(Рыбалко)

15. На золотом крыльце сидели
Скрудж МакДак и три утёнка.
Выходи, ты будешь Понка.
А у Понки есть друзья:
Лошадь, крыса и свинья.
А я Понкой не хочу,
На ракете улечу.
А король меня простит
И жевачкой наградит.

(Ангарск)

16. *На золотом крыльце сидели
Бэтмен, Децл, Скрудж и Джерри.
Бэтмен всё летал по крышам,
Децл рэп читал и слышал,
Как старик же Скрудж ворчал
Да всё денежки считал.
Помоги же разобраться,
Раз, два, три, водишь ты.*
(Ангарск)
17. *Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пих-пах! Ой-ё-ёй!
Умирает зайчик мой.
Привезли его в больницу,
Там украл он рукавицы.
Привезли его домой-ой-ой-ой,
Он поссорился с женой.
А жена его набила-била-била
И в кадушку посадила-дила-дила.
А в кадушке две лягушки,
Закрывайте, детки, ушики.*
(Елена Анатольевна Гудель,
смотритель музея. 2015 г.
Из детских воспоминаний — 1970-е гг.)
18. *Шла кукушка мимо леса,
А за нею два балбеса.
Кук-мак, кук-мак,
Убирай один кулак.*
(Картавенко Юра,
3 «б» кл., шк. № 20)
19. *Жил карась —
Вот и сказка началась.
Жили-были два налива —
Вот и сказки половина.
Жили-были два гуся —
Вот и сказка вся.*
(Шк. № 2)
20. *Вышел Децл из тумана,
Вынул пейджер из кармана,
Пейджер пикнул, Децл сдох,
Потому что Децл — лох.*
(Бородин Иван, Тулун)
21. *Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана.
Буду резать, буду бить,
Всё равно тебе голить.*

*А за месяцем — луна,
 Чёрт повесил колдуна.
 А колдун висел, висел
 И в помойку улетел.
 А в помойке жили Борис,
 Председатель дохлых крыс,
 И жена его, Лариса,
 Председательная крыса.
 Муж жёну не полюбил,
 Взял топор и зарубил.
 Но жена была жива,
 Взяла шмутки и ушла.*
 (Пастушок Таня, пос. Вершина,
 Вершининская основная
 школа, 9 кл.)

22. *Из-за острова Буяна
 вылетали три банана:
 Красный, жёлтый, голубой —
 Выбирай себе любой.*
 (Гаврилова Юля, 9 лет, с. Килим)

23. *На столе стояла ваза,
 В ней лежало три алмаза:
 Синий, красный, голубой —
 Выбирай себе любой.*
 (Титовец Настя, Тулун,
 шк. № 20. 2014 г.)

24. *Шёл баран по крутым горам,
 Сорвал травку, положил под лавку.
 Кто её найдёт, тот вон пойдёт.*
 (Середина XX в.)

25. *Чижик-пыжик,
 Где ты был?
 На фонтане хвостик мыл.
 Мылил, мылил и упал,
 Хвостик замарал.*
 (Елена Анатольевна Гудель,
 смотритель музея. 2015 г.
 Из детских воспоминаний —
 1970-е — начало 1980-х гг.)

26. *Плыл по морю чемодан,
 В чемодане был диван,
 На диване ехал слон,
 Кто не верит — выйди вон.*
 (Черепанова Вика, 6 лет,
 д/сад «Улыбка». 2014 г.)

27. *Эники бэники
 Ели вареники.*

*Эники бэники флос
Вышел пузатый матрос.
(Выпускники Тулунского
педучилища 1969 г.)*

28. Считалка называется «Кулачки». Ведущий сидит, а игроки ставят ему на ногу кулаки. Ведущий своим кулаком тихонько ударяет кулак каждого игрока и считает:

<i>Туки-туки точки,</i>	<i>Баба ябедой была</i>
<i>Ехал дед на бочке.</i>	<i>Городского позвала.</i>
<i>Дед с бочки упал,</i>	<i>Городской сказал: «Дурак» —</i>
<i>Бабе по носу попал.</i>	<i>Убирай один кулак.</i>

При словах *убирай один кулак* один из игроков убирает кулак. Он будет голить.

<i>29. Туки-туки точки,</i>	<i>Ведьме по уху попал.</i>
<i>Ехал чёрт на бочке.</i>	<i>Ведьма ябеда была,</i>
<i>Ведьма на тележке</i>	<i>Домового позвала.</i>
<i>Щёлкала орешки.</i>	<i>Домовой сказал: «Не так» —</i>
<i>Чёрт с бочки упал,</i>	<i>Убирай один кулак.</i>

Игроки стоят в кругу, каждый вытянув по два кулака. Ведущий тоже стоит, сжав кулаки, и ударяет во время считалки по кулакам игроков, а также ударяет и по своим кулакам: сначала правой рукой по левому кулаку, потом левой рукой по правому кулаку. Все убирают кулаки и постепенно выбывают. Последний игрок становится голящим.

Молчанки

- 1. Шёл молчан
По всем городам.
Кто стукнет,брякнет —
За волосы драть.*
- 2. Кошка сдохла, хвост облез.
Кто промолвит, тот и съест
40 амбаров сухих тараканов,
40 кадушек солёных лягушек,
(...)
Молчанка началась.
Чок, чок! Двери на крючок.*
- 3. Ехал китаец, потерял кошку.
Кто промолвит слово,
Тот её и съест.
Рыба — карась, игра началась.
(Савельева Вера)*
- 4. Солнце вышло из-за тучки,
Все бомжи собрались в кучку.
Самый главный бомж сказал:
«Рыба — карась, игра началась».
(Савельева Вера)*

5. Начало игры:

Рыба — крась, игра началась.

Рыба — налим, игра на чилим.

Заклички

Дождик, дождик, перестань!

Мы поедем на росстань

Богу молиться,

Христу поклониться.

(Выпускники Тулунского
педучилища 1969 г.)

Дождик, лей, лей, лей

На меня и на людей.

На людей по ложке,

На меня по крошке,

А на Бабу-ягу

Лей по целому ведру.

(Трусова Ксения, пос. Целинный)

Дождик, дождик, пуще.

Дам тебе гущи.

Дождик, дождик, пуще,

Дам тебе гущи,

Будет травка гуще.

Дождик, дождик, поливай,

Будет хлеба каравай.

Радуга-дуга, не давай дождя,

Давай солнышка-колоколнышка.

(Марина Антонова, с.Ниргит)

Солнышко, солнышко,

Выгляни в окошко,

Дам тебе горошка.

Божья коровка, лети на небко,

Там твои детки кушают котлетки (вариант: конфетки),

Всем по одной, а тебе — ни одной.

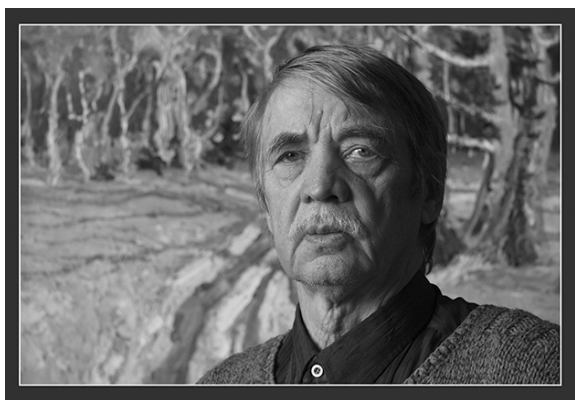
Вернисаж

К 90-летию со дня рождения живописца Анатолия Костовского

ГРИГОРИЙ ЛАЗАРЕВ

Русский народный художник

Костовский Анатолий Георгиевич родился 18 февраля 1928 г. в Иркутске. В 1943 г. окончил ФЗО по профессии «токарь». Во время войны работал на заводе. С 1948 по 1951 г. и с 1954 по 1956 г. учился в Иркутском художественном училище у Дмитрия Баркалова. С 1964 г. — член Союза художников СССР. С 1971 по 1972 г. и с 1973 по 1974 г. преподавал на педагогическом отделении Иркутского училища искусств. В

1985 г. живописцу присвоено звание заслуженного художника РСФСР. Произведения Анатолия Костовского были представлены на многих областных, зональных, республиканских выставках, а также персональных (Иркутск, Новосибирск, Тобольск, Чита, Норильск, Новокузнецк) и наконец на зарубежных выставках: Япония (Канадзава, 1973), Монголия (Улан-Батор, Сухэ-Батор, 1973, 1979), Германия (Карл-Маркс-Штадт, Цвикау, 1978, 1979), Афганистан (Кабул, 1983), Финляндия (1990), США (Нью Порт, 2004, Кэри, 2007, Вашингтон, 2008). В 1996 г. Анатолий Костовский стал лауреатом областной премии имени А.И. Вычугжанина в области русского реалистического искусства; за многолетний добросовестный труд и активную общественную деятельность награждён Почётной грамотой Губернатора Иркутской области. В 2005 г. картина Анатолия Костовского «Иркутск. Весенний дворик» была подарена президенту Владимиру Путину. В 2007 г. художник стал лауреатом премии Губернатора Иркутской области. Неоднократно был отмечен правительственными наградами, грамотами, дипломами и медалями.

Невзирая на строгий домострой, с кнутом и пряником стерегущий народную нравственность, — моральный кодекс строителя земного рая, списанный без Бога с Христовых заповедей, — несмотря на суровую цензуру, заради трудового вселенского побратимства нещадно карающую буржуйский индивидуализм, космополитизм, демонический декаданс, несмотря на «холодную войну» с лукавым Западом, исподволь засеявшим грядущее предательство в прозападной властной элите и смуту в художьих творческих душах, несмотря на послевоенную стужу и нужу, — шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы минувшего века оказались благословенными для российского искусства XX века. Эпоха Леонида Брежнева — не годы застоя, но время великих свершений в искусстве и науке; и не трепать бы имя Леонида Ильича в поганных байках, а поклониться быломu правителю, запечатлев его имя в улицах, площадях и скульптурах.

И в эти счастливые для искусства времена на небосклоне мировой литературы, живописи, музыки засияли русские таланты. Послевоенный всплеск не миновал и творческий мир *избранных* иркутских художников трех поколений — четвёртое поколение ходило пешком под стол... и секрет художественного всплеска немудрен: сыновнее, дочернее слияние художников с русской жизнью, русской культурой и русской совестью. В числе избранных — народный художник Анатолий Костовский; народный — не по гербовой бумаге, лукаво добытой, а по русскому духу и русскому дару.

Случалось, блуждали иные даровитые послевоенные художники в смыслах земного бытия; вкрадчиво всходил и пустоцвет, чтобы, окрепнув в смутном поколении, буйным, ядовитым чертополохом взойти в блуждающем; но ...истинные романтики... *избранные* художники послевоенного поколения в верховном, судьбоносном — любовь к родной земле и земляку, обострённое чувство совести, — в сём были едины с художниками предшествующих поколений и, свято чтя традиции и каноны русского реализма, живописно близки. Хотя и ненавидели чиновное приспособленчество и хладнодушную, серую конъюнктуру в живописи, хотя и по-свойски добродушно бранились с иными, увы, и даровитыми, ярыми соцреалистами фронтового поколения.

Анатолий Костовский в творчестве не насильственно, натурально сочетал и ликующую романтику *детей солнца*, и светлую печаль памятливых сынов русского народа. Художник взошёл к *русскости, народности*, когда храм на холстах не столь памятник зодчества, не столь и живописный образ, сколь обитель Божия, где в очистительном страдании, в покаянной молитве спасается грешная душа на пороге Вечности; когда деревенские избы, старгородские ветхие усадьбы не столь милый сердцу живописный вид, сколь русская судьба, величаяя и печальная, о которой Анатолий Костовский мог бы воскликнуть: «Люблю навек, до вечного покоя...»

Слабеющим отзвуком советской *героической народности* в искусстве и нарастающим мотивом исконной *православной народности*, порой и притаенной, исподвольной, стало творчество Анатолий Костовского, чьё детство и отрочество опалила священная война. В пятнадцать лет будущий художник завершил фабрично-заводское обучение (ФЗО) и работал токарем на Иркутском патронном заводе.

Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим размышлял о творчестве Анатолия Костовского:

— Я почувствовал, что в этом человеке заложена мощная добролюбивая энергия... Даже вот движение его рук, его осанка говорят о том, что он полон энер-

гии... В работах Анатолия Костовского поражает многое... Прежде всего палитра красок; казалось бы, как можно их уложить в одном полотне и создать такие цельные произведения? Вглядитесь в лица на портретах, насколько они выражают человеческий дух! Но самое главное — работы Анатолия Костовского светоносны, нравственны и моральны. Они заставляют человека стремиться быть лучше, оптимистичнее, светлее, видеть во всём, прежде всего, прекрасное».

* * *

Беда нынешнего российского «искусства» ...грешно величать *русским*, глупо писать «искусство» без кавычек... в том, что на его резном престоле четверть века княжит либо *продвинутая халтура* — дурят нашего брата зрителя, либо *розовый реализм* — опять дурят, либо многолика, сладко искусительная *дьявольщина постмодерна* — ко греху и пороку влекут нашего брата; но истинная трагедия российского «искусства» в том, что выброшено с корабля подлой современности понятие *народности*, согласно которой двадцать веков оценивалось народное творчество и три века светское искусство, в том числе и живописное¹.

Живопись иркутских художников, любимая мною, не грешит демоническим сюрреализмом, чужда мертвому «авангардному» абстракционизму, от избитого и лукавого ума, а в духовной сути — от хитромудрости князя тьмы. Впрочем, истинное реалистическое искусство — не натурализм, что тоже от лукавого формотворчества, но — любовное осмысление человека, природы и образное символическое воплощение осмысленного на холсте. Отчего в реалистическом поле и мистический символизм живописи Андрея Рубцова, и предельно вольное, образно-стихийное обращение с натурой Анатолия Костовского.

Избранные реалисты Байкальской Сибири, мечущие громы и молнии в дьявольский авангардизм, смехом величаемый в богеме ивангардизмом и абрамгардизмом, горой стоящие за реализм в живописи, порушили привычное и порочное понимание реализма, на горе и беду авангарда изошённо владея несметными формальными приёмами живописи, с которыми авангардисты носились как с писаной торбой, возглашая их очередными *авангардными направлениями* в изобразительном искусстве.

Вот и Анатолий Костовский — художник выдающегося живописного дарования, стихийно-смелого и неожиданного в образе, отчего порой оторопь берёт: в портрете ли, пейзаже, жанровой картине живописец не утопает в подробностях видимой всем реальности, но с отмашистой и вольной силой пишет характер, состояние, идею, что от привычно зримой реальности остаётся эхом лишь отзвук и отсвет. Хотя при сём не рушится человек — подобие Божие, не корёжится природа — творение Божие, но воспеваются либо с внешним ликованием либо осенней грустью.

* * *

Однажды в мастерскую к Анатолию Костовскому вместе с моей дочерью Алёной наведались студенты художественного училища, затаённо дерзкие, одержимые бесом крушения реализма, мечтающие на порушенном реализме нагромоздить Содом и Гоморру. А коль лохматых пареньков и стриженных девиц Алёна

¹Эти размышления более подробно представлены в очерке А. Байбородина «Царица искусств».

загодя упредила, что гостить им у художника-реалиста, то их уже томила заведомая скука, раздирая рот зевотой. Но... посмотрели и оторопели: да реалист ли Костовский при столь образной, символической живописи?!

Может, у иных слепых котят разлепились веки, отпахнулись глаза на реализм, который у художников, подобных Анатолию Костовскому, не убогий натурализм, но поэтическое, символическое, образное воплощение на холсте земной реальности, непостижимо таинственной, причудливой, парадоксально сочетающей в себе горний свет и дольний сумрак.

Живопись Анатолия Костовского, коллористически многоликая, в самых, на мой взгляд, выдающихся произведениях — вольно-образная, яркая, зорево и закатно пылающая, в неожиданных сочетаниях цветов. Вспоминаю более спокойные, лирические пейзажи, два из которых («Весна», «Сороки») запечатлели даже не времена года, а таинственное межсезонье, когда весна исподволь вкрадывается в снежную зиму. Ещё укрывают землю глубокие снега, но... уже синевато-тёплые, но... уже и сороки в предчувствии весны повеселели, но... уже и хозяйка выпустила на волю кур, истомлённых в тёмных и душных курятниках.

Вглядываясь в этюды...или уж картины... помянул я своё природное детство, запечатлённое в сказах... «Кажется, лишь дети, и чаще деревенские да редкие взрослые, милостью Божией в утаенных заводях души уберёгшие детство, могут сладостно и нетерпимо, с щемящим и певучим счастьем ощущать, потом запальчиво или пронзительно грустно переживать времена года, их сказочные межи. Вот межа по-сентябрьски жёлтая, с небесной просинью, когда уморенная, огрузло зелёная листва жухнет и облетает, когда душа человечья, уже не сдавленная суетной летней плотью, полегчавшая, по-осеннему сквозна и проглядна, и готова, кажется, вот-вот повеяться к небу; а вот ядрёно хрустящая от мороза, синевато печальная, снежная межа, где сугробы, словно чистые и вымороженные холсты твоей души, где рябиново засияют святые письма; а вот межа, обрызганная мелким вешним листом, похожим на ангельский смех малого чада, в ожидании счастья отпахнувшего ясные глаза к Божьему свету. И за всякой межой, чудилось в детстве, нас что-то благостное поджидает, и перемены в небе, в лесу, на озере, в поле и нам сулят дивные, похожие на чудо перемены».

Вот таким пристальным, по-детски восторженным или опечаленным, видением и примечательны *времена года* Анатолия Костовского, поэтически живущие на холсте. Если бы художник не назвал картину «Весна», то мы, зрители, скользнув взглядом, приняли бы картину и за тёплый зимний пейзаж. Столь ещё едва приметны веянья весны.

Суетливые сороки, слетевшие с крученых-верченых древних рябин, клюющие ягоду на голубоватом снегу; куры-пеструшки на выпасе возле причудливо изогнутых матёрых берёз; чайки, кружащие над корявым деревом, что упало с подмытого речного берега и вверх сучьями, с неопавшей желтоватой листвой, вынеслось из реки в Байкал, — сюжеты эти, по-деревенски песенно запечатлённые на картинах, вольно ли, невольно напоминают природные и народные деревенские стихи Михаила Трофимова. Не случайно, а по творческому созвучию Анатолий Костовский и написал серию портретов иркутского поэта.

Анатолий Костовский — мастер пейзажа, о чём писала Татьяна Ли² в большой и вдохновенной статье «Теплый зимний пейзаж»: «Большое видится на расстоянии. И чем протяжённое это расстояние в пространстве и во времени, тем яснее и чётче проступает великая значимость окружавшего нас с детства мира — людей, вещей, запахов и звуков, среди которых вырос и которые в итоге составляют такое грандиозное понятие, как Родина. Берёзки и подмосковные вечера для нас, сибиряков, образы скорее картинные, «киношные». Наша родина — мощные сосны и кедры, от багульника сиреневые горы и прозрачные студёные реки, яркая синь неба, ослепительная белизна снегов, сказочная пышность осени и робкая зелень весны. <...> Образы родной сибирской природы, старых городских улочек, близких сердцу земляков, в произведениях иркутского художника Анатолия Костовского вызывают смешанное чувство грусти и восторга, — настолько они правдоподобны и так эмоционально созвучны нашему восприятию. Его пейзажи, натюрморты и портреты — протяжённое во времени живописание любимых образов. <...> Зимние пейзажи Костовского пахнут снегом и дымом из печных труб; искрящийся снег скрипит под ногами прохожих; развешанные во дворе простыни застыли, их края глухо стучат на ветру; гуси переминаются на снегу, поджимая лапки, и их гортанный гогот разносится в морозном воздухе по всей деревне (*«Зимний день»*, 1989; *«Крещенские морозы»*, 1993; *«Морозное утро»*, 1991; *«Гуси зимой»*, 2000). Воздух чист и прозрачен, чёткие контуры домов и деревьев уходят вглубь и вверх к высокому небу. Пространство картин объёмно и насыщено. Приземистые дома, придавленные белыми шапками, мощные стволы раскидистых деревьев, часто выступающих на первый план, написаны энергичной, сильной кистью. Живопись плотная, пастозная. Но палитра богата тончайшими оттенками, ветви деревьев легки и сплетаются в тонкое кружево, силуэты церковей удлинены и устремляются вверх. Оттого картины не кажутся тяжёлыми, они свежи и наполнены воздухом. <...> Удивительно хороши осенние пейзажи Анатолия Георгиевича. Богатые, сочные краски пышной сибирской осени созвучны живописному таланту художника с его ярко выраженной эмоциональностью письма, пристрастием к цветовой насыщенности и столкновению контрастных тонов. Такую осень, как на полотнах Костовского, можно увидеть только в Сибири — звучные чистые краски, прозрачный прохладный воздух, яркое холодное небо. <...> Как человек страстный и равнодушный, Анатолий Костовский никогда не оставался и не остаётся сторонним наблюдателем, художник в полную душу живёт трудную русскую жизнь и искренне выражает своё отношение к происходящему. В картинах Анатолия Георгиевича — печаль о разрушенных храмах, где гуляет ветер и пасутся лошади (*«Разрушенный храм»*, 1979), боль за родной город, затянутый чёрным дымом от уродливых заводских труб, в котором понуро бредут рабочие (*«Церковь и завод»*, 1966), ностальгия по исчезающим деревянным теремам (*«Дом, которого нет»*, 1975; *«Иркутский дворик»*, 1970) и любовь к уходящим старикам — ветеранам и жертвам войн, перестроек и революций (*«Чапаевец»*, 1970; *«День Победы»*, 1996; *«Старик со старухой»*, 1995; *«Дед с подсолнухами»*, 1995). <...> Сохраняя традиции русской школы живописи, Анатолий Георгиевич Костовский, коренной иркутянин, — певец суровой, но яркой сибирской природы с её бескрайней тайгой, подпирающими небо горами и вели-

²Татьяна Ли (псевдоним Татьяны Шитиковой) — журналист, искусствовед, в прошлом сотрудница Иркутского художественного музея, ныне — жительница Лондона.

чавым Байкалом; певец сибирского деревянного зодчества с витиеватой резьбой и самобытной сибирской культуры. Художник путешествовал по стране, гостил в Монголии, что нашло отражение в его самобытных работах (*серия картин «По Монголии», Тобольская, Тунгусская и Енисейская серии»*).

Искусствовед Тамара Драница полагает, что Анатолий Костовский, выдающийся представитель реалистической живописи, по дарованию близок классической живописи Пластова, братьев Ткачевых, Андропова, Салахова; а как портретист созвучен Аркадию Вычугжанину, своему земляку, талантливому русскому художнику.

— Анатолий Костовский был удивительным мастером колорита... — говорила Тамара Драница. — На первых порах его живопись — дерзкая, глубокая, насыщенная — у начальства вызвала неприятие... Художник остро ощущал всё, что происходило в России. Он был патриотом, и в этом мироощущении был похож на Валентина Распутина. Не случайно, что портрет Распутина кисти Анатолия Костовского — сильный трагический образ. Анатолий Георгиевич по мироощущению был близок Павлу Корину, автору картины «Русь уходящая». Как Павел Корин, как Валентин Распутин, и Анатолий Костовский талантливо воспел Русь сибирскую уходящую на высокой трагической ноте

Анатолия Георгиевича, равно и друга его, живописца Владимира Кузьмина, можно повеличать певцом града Иркутского, в чём художник и признался:

— Всем, что есть во мне от художника, я обязан Иркутску. Его старые бревенчатые домишки научили меня видеть цвет во всём богатстве и сложности взаимоотношений. Они подсказали мне и живопись, и колорит — тот сибирский и неповторим колорит, который я не встречал нигде больше. Когда смотришь на старые дома, на ворота и представляешь, сколько веков прошумело над ними. Прошлое всегда помогает понять настоящее. Без него нельзя.

Анатолий Костовский любил русское народное искусство, воплощённое в иконе и Божественной литургии, в крестьянских обычаях и обрядах, в народной песне, былине и сказке, в стихотворном и прозаическом слове, в лаптях и сарафане, в древодельном и живописном искусстве, в деревянном и каменном зодчестве. О том и писал Сергей Селезнёв, прибайкальский уроженец, певец, известный в России и за рубежом:

«...В мастерской было прохладно, художник был в теплом свитере и фартуке. Сразу чувствовалось, что этот физически крепкий человек занимается только делом, но был рад принять в своей мастерской меня и мою жену. Мы сидели за небольшим столиком и пили чай с вкуснейшим вареньем. «Это варенье приготовила моя жена Зоя. Она у меня чудесная хозяйка, мастерица на все руки» (Зоя Костовская также художница и, мы думаем, его муза и модель). Окинув взглядом мастерскую, высоко в центре я увидел небольшой святой уголок.

Во время общения Анатолий Георгиевич шутил, и когда я многожды пытался говорить о нем, художник уклонялся, что было явным проявлением его скромности, при этом в художнике иногда загоралось нечто мальчишеское. И это всегда поражает. Да, лишь высокоодарённые натуры способны сочетать детскую непосредственность и зрелую мудрость. Анатолий Георгиевич сделал с меня два наброска, пока я читал свои стихи. Он рисовал, шутил и улыбался...

Неожиданно он предложил мне надеть русский национальный костюм. Я смотрел на себя в зеркало, и мне хотелось петь русские народные песни. Было такое ощущение, что в мастерской существует машина времени, и художник перенёс

меня в прекрасное крестьянское прошлое. Хочу подчеркнуть, народность творчества Анатолия Георгиевича выражается в любви ко всему русскому. Когда мы уходили, он сделал нам чудеснейший подарок — небольшая, но очень светлая работа «Первые лучи солнца», написанная в 1989 году...

И когда мы расстались, я смотрел ему вслед и видел, как художник спокойно и уверенно идет вперед... И было ощущение, что художник Костовский и город Иркутск нечто целое, и нельзя представить город без такого человека, как он. Совершенно не желая польстить художнику, у меня возникла мысль-желание назвать одну из улиц Иркутска улицей Костовского...»

* * *

Анатолий Костовский не зарывал живописный дар в землю, но и ради *чистого искусства* не чурался народной жизни; иные же художники либо по-мышья таились от мира в норах *чистого искусства*, либо гибли в хмельном богемном чаду, либо, махнув рукой на родной народ и *страну дураков*, палили души и дарования в дьявольской погоне за славой смрадной и богатством тленным. Но рече Господь: «...Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19: 24); «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6: 19–20).

Русский реалист Анатолий Костовский, в отличие от иных собратьев по кисти, не страдал иссушающим душу честолюбием, не гнался за благом земным, — не послужить разом Христу и мамоне, живя тем, что уж Бог пошлёт, не слыл и *чистым художником* — с юных лет жил единой судьбой с родным народом, с единой любовью к родному русскому народу. И, по натуре человек справедливый и прямой... хлеб ешь, а правду-матку режь... не избегал народных волнений и народных движений, а посему трудно представить иного художника, кто бы столь хлопотливо радел о сбережении памяти, воплощённой в каменном и деревянном зодчестве города Иркутска, о спасении Байкала, да и всей прибайкальской природы, которую он вдохновенно, то с ликующей, то опечаленной любовью воплощал в живописных произведениях.

Сии заметки создавались при жизни художника, а в середине января нынешнего года Анатолия Костовского схоронили; и мы, сродники, братья, сестры во Христе, будучи в храмах, пишем поминальные записки в алтарь, теплим свечи на поминальном кануне и молимся Богу: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Анатолия и прости ему вся согрешения вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное».

Поэтическая энциклопедия

О двухтомнике В. Скифа «Древо с листьями имён»

Две книги, выпущенные совсем недавно В. Скифом. Учёные бы сказали, что это фундаментальнейший труд, литературоведы добавили бы: огромный по объёму, охвату материала и глубине содержания труд литературный, поэтический, в силу этого — тройне ценный.

И всё равно, на мой взгляд, ценность упомянутых книг этим бы не исчерпывалась. Настоящая поэтическая энциклопедия, заключающая в себе стихи о великих людях, деятелях мировой и русской истории и искусства, о наших известных и менее известных, но оттого не менее интересных наших современниках и людях, творивших совсем недавно.

Труд, не имеющий аналогов, — 350 персоналий на семистах страницах текста! Настоящий творческий подвиг — без всякого преувеличения. Не просто поэтическая энциклопедия, но энциклопедия самой жизни, Большой жизни. Невероятно трудно кратко написать о том, что требует только для внимательного прочтения не один и не два дня. Отмечу лишь то, что сразу овладевает вниманием, безусловно притягивает к себе. Конечно, глубина культуры самого поэта. Поразительная культура стихов, поэтическая и нравственная высота и ответственность, с которой они выполнены, точное узнавание личностей, запечатлённых в них, и — добавлением — часто то новое, что исходит от восприятия этих личностей самим поэтом. Стихи прекрасного творческого замысла, такого же усилия творческой воли и воплощения этого в поэтических строках. Судя по тому, что эти книги, составляющие единое целое, создавались на протяжении пятидесяти лет, они были для поэта непрямым условием его творчества, непрерывного творчества. По-особому подкупает явственно ощутимое, живое чувство поэта через стихи о людях проверить вечные, нетленные истины и правду мира в самом себе, в своей душе, все-

Поэт Владимир Скиф, 1-й секретарь Правления СП России Г.В. Иванов, Председатель СП России Н.Ф. Иванов

стихи приобретают при этом словно бы свою жизнь, становятся настоящим поэтическим деянием.

Огромное достоинство этих книг — внутренняя структура их общей композиции, прекрасно продуманная и выверенная, колоссальный труд, едва ли не равный написанию самих стихов. Зачастую поэтическую книгу даже талантливого поэта порой трудно осиливать далее 70-й страницы из-за плохо составленной композиции. Книги В. Скифа читаются на одном дыхании.

Хочется сказать ещё вот о чём. Читая иные пухлые тома «воспоминаний», посвящённых очень ярким представителям мира искусства, очень часто испытываешь чувство недоумения — настолько сухо и однообразно содержание этих воспоминаний, скуден их язык. Словно авторы и не жили с ушедшим по тридцать лет в одном подъезде, не встречались с ним чуть ли не ежедневно и не имели возможности для столь же частых бесед. В литературе века минувшего это, к примеру, воспоминания о Зощенко, Асееве, Сельвинском, о многих других. Больше повезло Ахматовой, Булгакову, Заболоцкому.

Непосредственно же в поэзии не так и мало прекрасных умных и ровных стихов, за которые, кроме благодарности, ничего другого к авторам, написавшим их в память о замечательных людях, своих собратьях по перу, о своих близких друзьях, не испытываешь. И всё же у Скифа — иное, его память словно кровоточит потерями близких друзей, поэтов, прозаиков. Так писать о них после их ухода, так вкладываться в эти стихи может только поэт, по-прежнему чувствующий с ними нерасторжимую связь, как словно бы с бывшими членами своей семьи. Стихи о них столь же высоки, как и стихи о самых великих творцах.

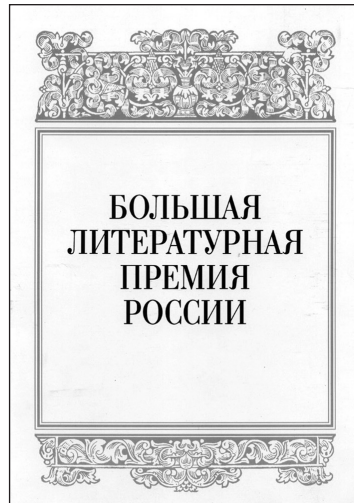
мерно и напряжённо направленной в этот мир, стремящейся всеобъемлюще отразить все его великое многообразие, мирочувствование, бесконечность. И вовсе не случайно поэта — и в личностях, о которых написаны стихи, — его интересует, в первую очередь, не только «археология» духа того или иного лица, но и его одушевлённое движение во времени и пространстве исторического бытия. Многие

Лауреаты Большой литературной премии России 2018 года: Н. Беседин, С. Куняев, А. Омелчук, В. Скиф, Л. Сычёва, Х. Тхазеплов, В. Щепоткин с гостями в Центральном доме литераторов

* * *

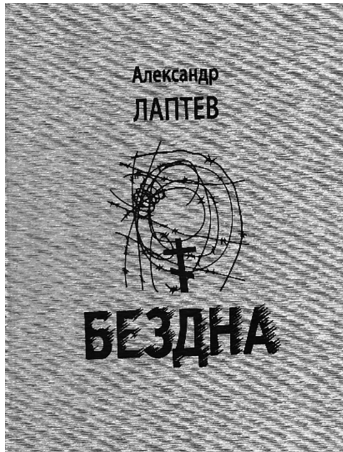
От редакции: *Иркутское региональное отделение Союза писателей России и редакция журнала «Сибирь» поздравляют поэта Владимира Скифа, ставшего лауреатом Большой литературной премии России за поэтический двухтомник «Древо с листьями имён» и желают дальнейших творческих побед!*

ЛЮДМИЛА МИРМАНОВА

Человек у края бездны

К выходу в свет романа А. Лаптева «Бездна»

Каждый раз 9 мая, когда по центральным улицам Иркутска торжественно-строгой колонной проходят нескончаемые ряды «Бессмертного полка», мне в голову невольно закрадывается одна и та же мысль. Как быть тем, чьи деды-прадеды погибли не на полях Великой Отечественной, а были замучены-расстреляны в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа? В какой колонне, на какой площади они могут так же гордо-грустно поднять и пронести портреты близких и дорогих им людей? И сказать своим внукам, что деды были честными людьми и погибли не зря? И поймут ли их внуки?

Наша память не должна быть избирательной. Помнить надо всё: и хорошее, и плохое. И надписи на Рейхстаге, и записки, тайком переданные из подвалов НКВД. В одной только Иркутской области к началу 1940-х годов было репрессировано около 30 тысяч человек. Разве есть у нас право этого не помнить? Забвение истории — штука коварная. Вчера мы серьёзно обсуждали возможность строительства на месте иркутского «Мемориала» в Пивоварихе нового аэропорта. Да-да, как раз на костях расстрелянных. Сегодня в рейтинге выдающихся исторических личностей у нас лидирует «вождь всех времён и народов». А завтра в награду за верность идеалам диктаторского режима получим снова — «кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз...» (О. Мандельштам).

И ещё хорошо, если всё это случится не на фоне кровавых декораций новой мировой бойни.

Вы этого хотите? Я — нет. Поэтому и считаю, что издание в Иркутске книги «антисталинской» — не просто замечательное событие, но и акт настоящего гражданского мужества.

Роман «Бездна» Александра Лаптева — изображение глобальной гуманистической катастрофы, постигшей Россию в XX веке, но не изжитой до сих пор.

Книга вышла в свет осенью 2017 года. Как раз к 100-летию Октябрьской революции и к 125-летию со дня рождения прототипа главного героя книги — писателя Петра Поликарповича Петрова. В романе он выведен под фамилией *Пеплов*.

Коренной сибиряк, обычный крестьянский парнишка, оторванный от земли в годы Первой мировой, Пётр становится на фронте убеждённым революционером. В декабре 1917 года участвует в уличных боях в Иркутске. Вместе с Постышевым и Лазо отстреливается от юнкеров во время знаменитой осады Белого дома (резиденции иркутского генерал-губернатора). Уходит потом в партизаны и возглавляет целую партизанскую республику (Степно-Баджейскую). После окончания Гражданской войны учится в Красноярском институте народного образования и вскоре становится профессиональным литератором. Пишет в основном о том,

что видел и пережил сам: о партизанском движении, о новом социалистическом строительстве в Сибири. С конца 1920-х выходят в свет друг за другом его повести и романы: «Половодье», «Борель», «Кровь на мостовых», «Крутые перевалы», «Золото», «Шайтан-поле». Его знал и ценил Горький. Его уважали и любили в Иркутске, где он был одним из создателей региональной писательской организации. В хлебосольном доме Петровых на улице Марата любой начинающий писатель и поэт всегда мог получить помощь и поддержку.

Всё оборвалось разом апрельской ночью 1937 года. По ложному доносу Петра Поликарповича арестовали и увезли на иркутскую «Лубянку» — в печально знаменитое здание на Литвинова, 13. Так началась его Голгофа. Именно с этого трагического момента и начинается «Бездна».

Стоит отметить, что для восстановления правдивой «гулаговской эпопеи» Петра Петрова Александру Лаптеву понадобилось несколько лет упорных поисков, работа в архивах, поездка на Колыму. Он прошёл десятки километров буквально «по следам» своего героя. Благодаря этому не только сам Пеплов (Петров), но и целый ряд второстепенных персонажей воспринимаются нами как абсолютно живые, а та фантастически-чудовищная действительность, что их окружала, — совершенно реальной, и от этого ещё более страшной.

Трагедия, свидетелями которой мы становимся, разворачивается на страницах книги в трёх, условно говоря, направлениях:

- трагедия расколотой страны, в которой бок о бок сосуществуют жертвы и палачи, а массовые убийства узаконены государством;

- трагедия человека, внезапно осознающего крушение всех своих жизненных идеалов;

- трагедия извращения естественных человеческих чувств и отношений, когда нормой становятся не преданность, а предательство, не благородство, а подлость, не мужество, а трусость и животное стремление выжить любой ценой.

И, как обычно бывает в нашей классической литературе, все трагические коллизии традиционно упираются в два «вечных» вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Абсолютно чётких и однозначных ответов вы здесь не найдёте. Но зато есть повод задуматься об этом нам, читателям.

Задуматься прежде всего вот о чём. Как получилось, что ради светлых идеалов всеобщего равенства и счастья стало возможным убивать и преследовать невинных?

Пожалуй, будет к месту сейчас вспомнить о так называемом «милгремском эксперименте». Начиная с 1960-х годов его проводили в разных странах и с разными группами людей. Психологи-экспериментаторы пытались понять: как, при каких условиях обычные нормальные граждане превращаются в садистов-палачей. Первый эксперимент планировали провести в послевоенной Германии. Думали, что ужасы Освенцима и Бухенвальда могли учинить только жители страны, насквозь пропитанной идеологией нацизма.

Однако после целой серии схожих экспериментов убедились, что география здесь никакой роли не играет. Положительный (или, вернее, отрицательный) эффект появляется, если есть совпадение нескольких ключевых факторов.

Изобразив эти факторы в виде углов равнобедренного треугольника, на вершине мы увидим «руководящую и направляющую» руку представителя законной власти. А у подножия будут «подкрепляющие» углы (факторы): одобрение окружающей группы и отсутствие у человека эмоционального контакта со своей «жертвой».

Вот, допустим, вы — вполне законопослушный гражданин с университетским дипломом в кармане и любимой собачкой на диване. И вдруг оказываетесь под началом местного «генерального царька», приказывающего вам из неких соображений государственно-корпоративной важности попытать током невинную юную девушку или, наоборот, какую-нибудь старую бабу-ёжку.

Думаете, откажетесь? Ан нет! Согласно данным милгремского эксперимента, в шести-семи случаях из десяти вы послушно нажмёте «пыточную» кнопку. А если при этом ваши закадычные друзья или корпоративные прихлебатели будут дружно скандировать: «Давай, Вася, жми сильнее!» — число «пыточных» попыток увеличится аж до девяти. Ну, а на такую мелочь, как чувство жалости или личной симпатии к «жертве» (вдруг она — ваша троюродная сестрёнка или любимая тёща?) и вовсе почти никто не обращает внимания.

Как видите, человеку не слишком много надо, чтобы из милого Маленького принца превратиться в маньяка Чикатило.

Но давайте не будем забывать о главном условии такого превращения — наличии авторитарной злобной воли, освященной легитимностью власти.

Если с этой точки зрения мы взглянем на всю историю России, картина предстанет очень даже печальная. Тяготение к грубой силе, к власти, основанной не на праве, а на насилии, — эта черта присуща нам ещё со времён монголо-татарского ига.

И до тех пор, пока мы этого тяготения не преодолеем, чикатил у нас в обществе будет в десять раз больше, чем Маленьких принцев, а тюрем и исправительных лагерей в десять раз больше, чем театров и библиотек.

Как раз об этом писал в своё время Лев Толстой: *«Люди, обладающие властью, уверены в том, что движет и руководит людьми только насилие, и потому для поддержания существующего порядка смело употребляют насилие. Существующий же порядок держится не насилием, а общественным мнением, действие которого нарушается насилием. И потому деятельность насилия ослабляет, нарушает то самое, что она хочет поддерживать»*¹.

Так что же делать? — спросите вы. — Где та путь-дорожка, выйдя на которую мы вырвемся наконец из порочного круга сторонников «культы насилия»? Дорожка-то есть, да нелёгкая, быстрых результатов не дающая:

«Самый долгий, самый трудный, но и самый верный путь прогресса — это изменение во нравах» (А.С. Пушкин).

Эти пушкинские слова не слишком часто упоминаются и цитируются. А напрасно. В них заложен глубокий общественно-исторический смысл и прямое руководство к действию для каждого из нас. Взять хотя бы тот же милгремский эксперимент. Ведь чтобы НЕ нажать «пыточную» кнопку, от человека необходимы прежде всего НРАВСТВЕННЫЕ усилия. И один-то из десяти смог это сделать. Скорее всего потому, что нравственные требования к самому себе у него были выше, чем у остальных.

Вот и Пётр Поликарпович Пеплов — НЕ подчинился своим тюремщикам, НЕ подписал ложных бумаг, НЕ стал оговаривать невиновных. В отличие от своего «друга» Волохова, трусливо поджавшего хвост при первом же окрике начальствующего самодура.

¹Здесь и далее цит. по: Постнов Г. Плеханов и Ленин. Неоконченный спор // Знание — сила. 2017. № 4. С. 37–47.

Судьба Пеплова-Петрова трагична. Но в этом трагизме нет чувства безнадёжности. Мы видим, что у человека всегда есть возможность выбора: двигаться ли ему вверх или разрешить себе скатиться вниз. Пётр Петров сделал свой выбор, приведший его в итоге к гибели. И, несмотря ни на что, он — победитель. Потому что одержал самую трудную в жизни победу — победу над собой. Над своей слабостью, малодушием, страхами. Он боролся до конца. И до конца остался ЧЕЛОВЕКОМ.

НИКОЛАЙ СТАРОДЫМОВ

Над пропастью

О книге Александра Витковского «За пять минут до ядерной полуночи»

В конференц-зале «Дома Ростовых» Международного сообщества писательских союзов прошёл творческий вечер профессионального журналиста, кандидата психологических наук, в прошлом полковника российских спецслужб Александра Витковского — моего стародавнего доброго товарища, который родом из Иркутска. Он представил коллегам и друзьям свой новый бестселлер «За пять минут до ядерной полуночи».

Книга, действительно, необычная и уже вызывающая споры. Сам автор определил её жанр как современный политический детектив, но в издательстве «Вече» посчитали, что лучше её назвать романом. Может быть, они и правы, поскольку подкупает глубина и самобытность литературных героев, яркий и образный язык, захватывающий сюжет.

Но и без экспрессивного детективного начала, напряжённой и острой интриги здесь не обошлось. Судите сами: в основе драматичного и напряженного повествования — сотрудничество(!) российских и американских спецслужб по предотвращению ядерной угрозы со стороны Ирана. Согласитесь, уже необычный сюжет. Замечу в скобках — острота этих политических событий, происходивших всего пару-тройку лет назад, действительно зашкаливала. Израиль и США были готовы нанести упреждающий удар по персидским ядерным объектам. Такого же накала достигли и сегодняшние страсти вокруг ядерных арсеналов Северной Кореи. Так что современность и актуальность этой книги несомненна. Автор не побоялся взяться за весьма щекотливую тему, где тесно переплетены закулисная международная политика на самом высоком уровне, оперативная работа спецслужб, которая всегда ведётся под грифом «совершенно секретно», торговля оружием, исламский терроризм и судьбы конкретных людей, волею случая оказавшихся в водовороте этих событий. Важными составляющими повествования стали тайниковые операции, вербовочная работа спецслужб, диверсии на ядерных объектах, кибершпионаж, погони и убийства. Без этого набора немыслим современный политический детектив. При этом не могу не отметить скрытый внутренний конфликт между спецслужбами России и США. При декларации общей цели по недопущению распространения ядерного оружия, у каждого тайного ведомства свои пути и методы её достижения, да и конечный результат не всегда очевиден. Не буду рассказывать, кто и как победил в этой схватке, пусть читатель узнает сам.

Поскольку Александр Дмитриевич всю жизнь служил в силовых структурах, да не просто в силовых — а в органах КГБ-ФСБ, и гости собрались в основном ветераны разведки и контрразведки, а также представители АО «Рособоронэкспорт», московских издательств, журналисты и писатели.

Многие из гостей впервые оказались в «Доме Ростовых», и я, как сотрудник Международного сообщества писательских союзов (МСПС), рассказал об этом знаменитом московском особняке и событиях романа «Война и мир», которые происходили именно в этом здании и вокруг него; о том, как обосновался здесь Союз писателей СССР и как эта творческая организация преобразовалась в Международное сообщество писательских союзов. Ну а потом передал слово автору — собрались всё же по его приглашению.

Выступление Александра Дмитриевича было интересным, познавательным, с юмором, любопытными историями и интересными фактами. Он рассказал о том, как работал над книгой, её героями, реальными и вымышленными эпизодами. Книга с писательским автографом была у меня ещё до начала встречи, и я успел полистать её, пробежаться взглядом не только по оглавлению, но и по некоторым страницам. Скажу сразу: меня подкупила достоверность описываемых эпизодов работы спецслужб. Это и не удивительно, ведь автор не только занимался конкретной оперативной работой в контрразведке, но и несколько лет преподавал в Академии ФСБ такую увлекательную дисциплину, как оперативная психология, во время второй войны год провёл в Чечне. А ещё за его плечами работа в должности главного редактора открытого журнала ФСБ РФ «Служба безопасности — новости разведки и контрразведки», «Парламентской газете», публикации в ведущих газетах и журналах нашей страны и специализированных мировых изданиях по современной военной технике, поскольку в качестве сотрудника госкомпании «Рособоронэкспорт» — главного спецэкспортёра российского оружия, он неоднократно бывал в различных странах. Так что ему можно доверять — автор прекрасно владеет материалом, о котором пишет.

Своё мнение о книге высказали и участники встречи, которые уже успели её прочесть.

Кандидат юридических наук, в прошлом оперативный работник российских спецслужб, Юрий Владимирович Голов отметил работу спецслужб, профессионально и со знанием дела изложенную в детективе, подчеркнул важность книги в патриотическом воспитании молодого поколения.

Ирина Иннокентьевна Плеханова, доктор филологических наук, профессор, специалист в области современной литературы, буквально по полочкам разложила текст романа, художественные особенности повествования, язык и стиль, отметила его злободневность и глубину, остановилась на колоритных характеристиках литературных героев.

Сценарист, креативный продюсер Алексей Борисович Боровик один из немногих, кто ещё в рукописи читал полный текст детектива. В своём выступлении он сравнил его с сокращённым вариантом, который опубликовало издательство «Вече»; посетовал, что массовый читатель не сможет прочесть полный текст, и особо подчеркнул, что по книге можно сделать замечательный теле- или кинофильм.

Хочу отметить, что все выступления были глубокие, аргументированные, интересные. И хотя не обошлось без некоторых замечаний и предложений, все выступавшие отметили книгу как большую удачу автора.

В творческом вечере принял участие писатель, автор и исполнитель бардовских песен Валерий Ипполитович Монастырёв. Они с Александром Дмитриевичем подготовили небольшую литературно-музыкальную композицию по одному из эпизодов книги. А затем гость исполнил несколько своих песен.

Сейчас книжный рынок, теле- и киноэкраны основательно заполнены произведениями о работе спецслужб. Скажу честно: в их основе весьма примитивные и поверхностные тексты. Погоня за умопомрачительными спецэффектами затмила смысл, глубокий психологизм и, если хотите, аналитическую составляющую тайного противодействия спецслужб. Поэтому вряд ли стоит тратить время на ширпотреб, где нет ничего, кроме внешних эффектов и надуманных коллизий. Поверьте, всё это очень далеко от истины. Лично я доверяю тем книгам, авторы которых не понаслышке знают то, о чём пишут, и могут красиво и грамотно изложить сюжет, заинтриговать зрителя и читателя, увлечь не только навороченным действием, но и глубиной своих произведений. Политический детектив Александра Витковского «За пять минут до ядерной полуночи» именно из этой категории интересных, умных и хороших книг. Жаль только, что опубликован сокращённый вариант детектива. Те из гостей, кто читал полный текст, отметили, что он ещё более интересен и насыщен.

АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ

Зёрна и плевелы

ЗАМЕТКИ О ПОЭТИЧЕСКИХ КНИЖКАХ

Звёздочка поэзии

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СБОРНИКОМ СТИХОВ ВЛАДИСЛАВА СЕЛИВАНОВА

Не существует звёздного неба только из ярких созвездий. Даже самая маленькая звёздочка излучает свет.

В России, кроме великих поэтов, имеющих огромное литературное значение, много талантливых авторов, известных широкому кругу. Но разговор сейчас не о них, а о тех, чьи творения знают только по месту жительства. Причин тому немало. Провинциальная литература существует независимо от её качества, а уровень её не влияет на публикации книг. Есть деньги — издавай. Редко кто из самостоятельных авторов пользуется услугами профессиональных редакторов, а иногда и корректоров. Поток этот ширится, оттесняя и подменяя серьёзные публикации, и изданная книга самодеятельного автора, не имеющего никакого отношения к литературе, становится на полки библиотек рядом с классиками по алфавиту. Неумение и нежелание работать над черновиками искажает саму суть поэтического творчества. Мало быть талантливым, чтобы издать полноценное произведение. Для этого крайне необходима предпечатная подготовка рукописи. Проще — редактура. Когда автор сам не видит своих недостатков, необходим взгляд со стороны. Зачастую, не имея достаточного опыта, автор пытается сам проделать такую сложную работу. Либо отвергает замечания редактора, пользуясь авторским правом. Результаты и в первом, и во втором случае, плачевны.

Даже при первом беглом чтении сборника напрашивается печальный вывод: необходимой редактуры не было. Невольно спотыкаешься о неточность метафоры в стихотворении «Зимний сад»: «...Подранком горит алый куст...» *Вероятно, автор никогда не видел подранка.* В том же стихотворении грубая ошибка: «Проржавевшая медь». *Медь не ржавеет.* Далее — берёзок в сборнике не счесть — роща. Да и рифма чаще всего не рифма: «...пожаром//канавам», «берегам//туман», «дождя//бытия». *Созвучие висит на единственной гласной букве.* Не редко автор никак не может точно завершить мысль, не может остановиться. Яркий пример тому, стихотворение «Осень». Главная мысль, похоже, закончилась уже на первой строфе в развёрнутой метафоре:

*В жизни всем уготовано место.
Только осень забылась, увя.
Нарядилась богатой невестой,
Позабыв свою долю вдовы.*

Всё! Во второй строфе пошла несурaziца, хоть и оформленная аллитерацией и внутренней рифмой:

СтаЛи даЛи проЗрачны и Звонки.

Не стесняясь байкальских седин — Байкала нет, седины появились...

Ветер ЖАДНО срывает КОФТЁНКИ — Где вы увидели жадный ветер?

Со смущённых ДЕВЧОНОК-РЯБИН. — Если девчонки, то — рябинки.

Третья строфа ни к селу ни к городу — всё смешал автор:

*Эти бабьего лета денёчки
Душу греют и ныне, как встарь.
Мотыльками порхают листочки —
Похудел отрывной календарь.*

Последняя, четвёртая строфа явно пришита белыми нитками. Ведь в начале стихотворения была вдова. Но произошла метаморфоза, вдова исчезла, появился автор:

*Ночь темней, холоднее рассветы.
Не хочу уступать зимней мгле.
Сохраняю дыхание лета.
Мне покойно на грешной земле.*

В итоге, не сумев остановиться, автор размазал мысль «кашей по столу». При таких серьёзных нарушениях, а таковых не мало, есть ли смысл глубже анализировать сборник?..

Но, довольно о грустном. Попытаемся отметить положительные стороны в поэтических исканиях Владислава Селиванова. Их не мало; как правило, ритм строки выдержан: «...Укрывая меня, дед с улыбкой шептал: // ты, внучок, мужичок настоящий...» Местами, встречается насыщенная рифма: толпа //слепа, отец //кузнец, носик //носит. Вдобавок, несмотря на неточности, во многих стихотворениях есть главный признак поэзии, метафоричность: «...Даже ветром гонимый листочек//грезит тайно о новой весне». В другом стихотворении «Деревенька моя»: «...Сквозь ресницы из рыжей осоки//сонно щурится старенький пруд». Там же:

*...Я спешил к огоньку обогреться,
Деревенька была маяком,
А вернулся из милого детства
Обожжённым в костре мотыльком...*

Нежной любовью к окружающей природе наполнены строчки стихотворений: «Здравствуй, милая реченька Снежная!», «...Хорошо у берёз задержать...», «...Вечер тихо над миром луну поднимал...».

Немаловажным является то, что сборник Владислава Селиванова патриотичен начиная с названия: «Душу лечит Байкал». Да и стихов на эту тему достаточно: «Мой Ангарск», «Встречай, Москва, сибиряка», «Как давно я на родине не был». Высокой гражданственностью наполнено стихотворение «Фестиваль на Байкале». Не оставит читателя равнодушным человеческая драма в поэтическом повествовании «Рыбак и чайка».

В итоге даже сквозь туман ошибок и неточностей, всё же светится звёздочка поэзии Владислава Селиванова. Пожелаем ему научиться критически, анализировать своё творчество до публикации.

«Душу лечит Байкал», 2015 г., редактор В.В. Сазонов.

Перлы «Белой Радуги»

Оговорюсь сразу, вопросы, поставленные в данной публикации, ни в коей мере не посягают на существование альманаха «Белая Радуга». Он крайне необходим для выхода в печать работ пишущей братии города Ангарска.

Смущает литературно-художественный уровень некоторых произведений, опубликованных в нём. Чтобы не расплыться, оставим на этот раз в стороне публицистику и прозу. Сосредоточимся на поэтическом разделе альманаха 2015 года.

Внимательно читая опубликованные в нём попытки стихосложения, приходим к печальному выводу: редакции, увы, не было. Несколько ярких примеров:

Иван Головачанский, стр. 36: «...На рассвете рождаются дети». // *Рождение ребёнка может случиться в любое время суток. «На закате цикады поют...» Иногда всю ночь поют.*

Ирина Апарченко, стр. 38: «Прильнуло бабье лето // к продрогшему костру». *Уму непостижимо, представить продрогший костёр. «Главенствует мир-господин // И мир-вертихвостка». Во-первых: мир — существительное мужского рода. Во-вторых: за что Вы прищипандорили миру хвост? «...Мазурки играют войска...» Можно сломать голову, размышляя над этой строкой.* Далее: «Неверие, мудрость, тоска // на калейдоскопе». *Калейдоскоп — оптический прибор, состоящий из трубки. Следовательно, в калейдоскоп — смотрят.*

Ольга Шарипова. Стр. 44: «...Время тянется очень медленно, // словно мёдом из ложки капает». *Мёд тянется, течёт, но не капает. Либо это не мёд.*

Леонид Давыдов, стр. 48: «...С прелым запахом воздух чист...» *С прелым запахом воздух не может быть чистым.*

В общем, при таких промахах нет смысла анализировать ещё и рифму, ритм. Не говоря о мелкотемье. Да и та раскрыта как попало.

Откровенно говоря, к непрофессиональным авторам какие могут быть претензии? Другое дело, предпечатная подготовка альманаха. Как указано на первой странице, готовили к печати, кроме главного редактора, Людмилы Беляковой, ещё четверо помощников: Владимир Сазонов, Елена Попова, Людмила Хасина и Наталья Ожогина. Кроме Хасиной и Ожогин, остальные три редактора — члены Союза писателей России...

Спрашивается, в чём же заключалась работа всех пяти редакторов? Невольно создаётся впечатление, что представленные авторами рукописи для публикации никто из редакторов даже бегло не прочёл. Иначе как объяснить приведённые выше примеры ляпов? Ведь они заметны даже невооружённым взглядом. В результате получилось по русской народной пословице: у семи нянек дитё без глазу. Печально. Весьма печально.

Читая настоящие стихи

По всей России старые и молодые самодеятельные литераторы (не берёмся назвать их графоманами) трудятся не покладая рук. Многие из них успешно печатаются за свои деньги. Заполняют полки библиотек, обесценивая истинную поэзию. И несть им числа... К счастью, талантливые авторы есть и в нашей губернии.

Благодаря иркутскому фонду А. Вампилова в серии «Начало, азбука дебюта» в 2004 году вышел в свет небольшим тиражом тоненький сборник стихов «Со всеми и... одна» поэта Анны Рандиной.

Из предисловия Ивана Козлова «Поэзия вне времени, всегда...» становится понятно, почему автор сборника до недавнего времени был не известен читателям. К тому же и содержание книги становится более понятным для тех, кто прочёл предисловие.

Стихи Анны Рандини прежде всего привлекают своей краткостью, ничуть не ограничивающую её мысли:

*Как-то вышло всё
само собою
без обидных и без резких слов,
молча дверь закрыл ты за спиною.
Вот и всё —
ни звуков, ни шагов.
Зимний вечер,
тихий и морозный.
Кто-то время второпях спросил...
Промолчала строго и серьёзно —
мне ответить не хватило сил.*

Скупость строк, подчёркивает внутреннее состояние автора. И эпитет, и метафора в данном случае вряд ли нужны. Автологичность стиха сказала всё.

В таком же стиле, но уже нежно, с чувством сострадания, которого так часто не хватает людям, выписано стихотворение о заблудившемся щенке:

*Летний дождь.
Я шлёпаю по лужам —
Прохудился неба потолок,
А за мной озябший и к тому же
Чей-то заблудившийся щенок.
Никого. А он душа живая.
Словно божжик, суется вслед...
И, конечно, двери открывая,
Чертыхнётся мысленно сосед.*

*Из авоськи вытащу сосиски
И на кухню — оба голодны!
Пусть поест
И пусть уснёт у миски.
Пусть увидит радостные сны.*

Это нежное пусть, трижды сказанное, но по-разному, приоткрывает настойчивый характер поэта. Стремление оказать помощь ближнему, попавшему в беду.

В другом стихотворении «В комнате, где женской нет руки», подобно талантливому живописцу, смелыми и точными мазками выписано не только жилище собрата по перу, но и размышления о нём и о себе:

*В комнате, где женской нет руки,
пыль, газеты, с книгами тюки.
На столе посуды тарарам.
Солнце перестало по утрам
в пыльное окно нести свой свет.*

*В гости пригласил меня поэт.
Может, беспорядок вдохновляет?
Но моё внимание отвлекает.*

*Слушаю не слушаю стихи
про его... и про свои грехи.*

В последней строке автор честно и беспощадно отзывается о своей личности. Не у каждого человека такое мужество. Точно такое же, строгое отношение к себе в стихотворении «Войду в твой сон...», в котором описаны глубокие переживания любящей женщины:

*Войду в твой сон
Поговорить с тобою.
Быть может,
Ты тогда меня услышишь?
Красивый мой!
Ты даже спишь красиво...
Мне нравится,
Как ты спокойно дышишь.*

*И мне самой становится спокойно,
И нет обид от суетного дня.
И я прощаю всё тебе невольно.
Сквозь тихий сон
Простишь ли ты меня?*

Чувством вины блестяще заканчивается последняя строка стихотворения: *Простишь ли ты меня?*

В большинстве работ характерной чертой Анны является умение талантливо завершить мысль. Хватает двух, а то и одной строки. В её стихах не часто встретишь метафору. Ею она не сорит. Если же таковая есть в строке, полнокровностью её восхищаешься: *В душе моей провинция живёт, Прохудился неба потолок, Взметнулась пыль в притихшем сквере // и сразу рухнула гроза, И солнце пышет, словно блин // над улицей моей и домом, В вагоне общем у окна // Я здесь со всеми и... одна.*

Кстати, эта метафора, поставленная в название сборника, полностью раскрывает авторский взгляд на окружающую действительность.

Безусловно, при тщательном анализе строк можно найти шероховатость. Совершенство в большинстве случаев недосягаемо. Главное, весь сборник дышит поэзией.

Иван Козлов в предисловии к сборнику стихов утверждает: «Анна Рандина как поэт состоялась». К сказанному остаётся только добавить — несомненно!

Распутин, В.Г.

Деньги для Марии. Последний срок: повести / В.Г. Распутин. — [б.и.], 2017 (Тип. «Принт Лайн»). — 303 с.: (Народная библиотека).

Вниманию широкого круга читателей предлагается первая книга Валентина Распутина из серии «Народная библиотека». В книгу включены повести, составляющие золотой фонд русской литературы 20-го века. Дебютная повесть молодого писателя «Деньги для Марии» была впервые опубликована в Иркутском альманахе «Ангара» в 1967 году. Через три года увидела свет повесть «Последний срок». Оба произведения отличает самобытный образный язык, глубина и сложность затрагиваемых вопросов, искреннее сочувствие своим героям.

Распутин, В.Г.

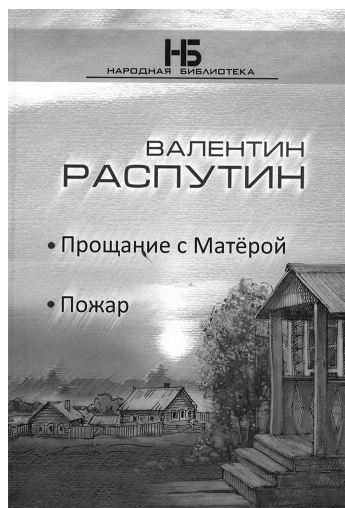
Живи и помни: повесть / В.Г. Распутин. — [б.и.], 2017 (Тип. «Принт Лайн»). — 238 с.: (Народная библиотека).

Во вторую книгу серии «Народная библиотека» вошла повесть Валентина Распутина «Живи и помни» (1974). Многие считают это произведение одним из лучших в творчестве писателя, называя его «недостижимой вершиной».

Распутин, В.Г.

Прощание с Матёрой. Пожар: повести / В.Г. Распутин. — [б.и.], 2017 (Тип. «Принт Лайн»). — 287 с.: (Народная библиотека).

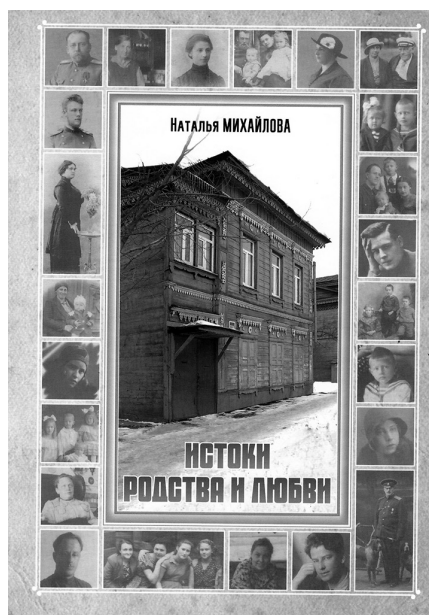

В третью книгу Валентина Распутина из серии «Народная библиотека» включены повести «Прощание с Матёрой» (1976) и «Пожар» (1985). Повесть «Прощание с Матёрой» — это совершенное по форме и непостижимое по своей глубине произведение. Споры о нём продолжаются по сей день. Каждое поколение находит в нём свои смыслы и

ответы. Повесть «Пожар», написанная в год начала перестройки в СССР, словно бы предсказала всё то, что случится с огромной страной в ближайшие годы. Это горькая исповедь человека, прозревающего страшные истины и не боящегося говорить о них всему миру.

Михайлова, Н.Н.

Истоки родства и любви: воспоминания / Н.Н. Михайлова. — Иркутск: [б. и.], 2017 (Тип. «Форвард»). — 240 с.

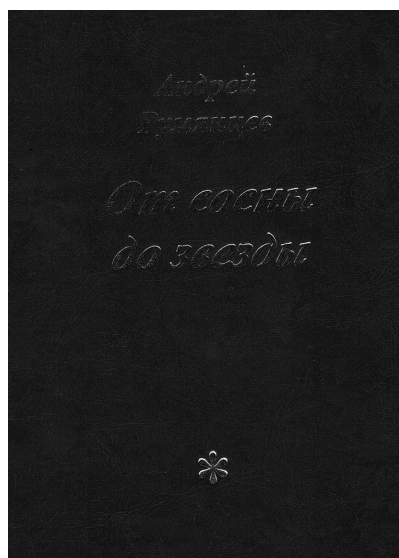

Книга Н.Н. Михайловой «Истоки родства и любви» — воспоминания о семье деда Н.Н. Бессонова, доктора медицины, о старом доме на бывшей Арсенальской улице. В памяти автора оживают образы родных и близких: бабушки А.В. Бессоновой — воспитательницы детей и внуков, отца Н.Н. Михайлова — строителя Ангарского моста, дяди — писателя Юрия Бессонова, его брата — художника Сергея, а также исследователя-полярника Ф.А. Матисена, художника В.П. Томиловского и многих других. Запечатлены картины иркутского быта первой половины XX века, портреты друзей и соседей, с кем делили горе и радость трудных лет. Живой язык повествования позволяет рекомендовать эту книгу не только историкам и краоведам, но и широкому кругу читателей.

Румянцев, А.Г.

От сосны до звезды : стихотворения. Венок сонетов. Поэма / А. Г. Румянцев ; предисл. К. Балкова. — Иркутск : [б. и.], 2017 («Вост-Сиб. тип.»). — 266 с. : ил.

В новую книгу Андрея Румянцева вошли стихи, написанные в самое последнее время. В них ярко отразились главные черты творчества известного русского поэта: выстраданность убеждений, жизненная и образная сила каждой строки, неустанный поиск смысла и красоты бытия.

Манданов, Т.

Бремя выбора: сборник стихов и поэм /Т. Манданов. — Иркутск: [б.и.], 2016 (Тип. «Мегапринт»). — 107 с.

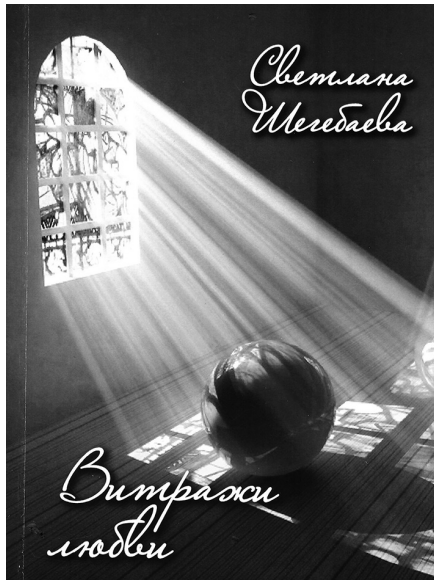

Книга стихов бурятского поэта Тараса Манданова посвящена теме семьи, родственных отношений, преемственности поколений. Тарас Манданов пишет стихи как на русском, так и на бурятском языках.

Шегебаева, С. В.

Витражи любви: стихи / С. В. Шегебаева. — Иркутск : Оттиск, 2017. — 135 с.

В своей новой книге Светлана Шегебаева предстаёт перед читателем ярким, равнодушным автором, зрелым профессионалом, которому доступны самые разнообразные темы. Поэтесса представляет свой сложный внутренний мир и втягивает в ширь огромного русского пространства, где есть место для самых дерзких поэтических размышлений и самых пронзительных чувств.

О пародии

Существует целая литература, посвященная пародии. Необходимо, прежде всего, вспомнить труды Н.Ф. Остолопова (первого теоретика литературной пародии в России), Ю.Н. Тынянова (крупнейшего специалиста жанра, введшего в своих знаменитых статьях «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» и «О пародии» такие общепринятые ныне термины, как «пародичность», «второй план», М.М. Бахтина (см., в частности, его знаменитую книгу «Из предистории романного слова» (М., 1975), М.Л. Гаспарова (см. его статью в БСЭ), главного современного популяризатора жанра В.И. Новикова (его учебно-методическое пособие «Литературная пародия» (М., 2009) стало путеводителем для многих литературоведов, в том числе и для автора этих заметок).

Однако пародия пародии рознь. Справедливо писал В.И. Новиков: «На первый взгляд, каждый знает, что такое пародия. Но только на первый. На самом деле по поводу веселого и популярного жанра существует множество предрассудков — как в массовом сознании, так и в сознании культурном. Отнюдь не все отличают пародию как литературный жанр от эстрадно-развлекательных имитаций и знают, что «пародисты» — это не только блистающие на телеэкране Борис Грушевский или Максим Галкин, но и многочисленные литераторы, создающие письменные тексты, предназначенные для чтения». Ёмко и лаконично о пародии написал в БСЭ М.Л. Гаспаров: «Пародия — (греч. *parodia*, буквально — *пение наизнанку*), в литературе и (реже) в музыкальном и изобразительном искусстве комическое подражание художественному произведению или группе произведений. Обычно П. строится на нарочитом несоответствии стилистических и тематических планов художественной формы; два классических типа П. (иногда выделяемые в особые жанры) — бурлеска, низкий предмет, излагаемый высоким стилем, и травестия, высокий предмет, излагаемый низким стилем. Осмеяние может сосредоточиться как на стиле, так и на тематике — высмеиваются как заштампованные, отставшие от жизни приемы поэзии, так и пошлые, недостойные поэзии явления действительности; разделить то и другое иногда очень трудно (например, в русской юмористической поэзии 1850–1860-х гг., обличавшей действительность с помощью «перепевов» из А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова). Пародироваться может поэтика конкретного произведения автора, жанра, целого литературного направления, целого идейного мирозерцания (все примеры можно найти в произведениях Козьмы Пруtkова). По характеру комизма П. может быть юмористической и сатирической, со многими переходными ступенями».

Пародия имеет давние традиции в отечественной литературе; изначально она воспринималась как форма критики — на это впервые обратил внимание в XIX веке Н.Ф. Остолопов, в двадцатом столетии его мысль развивал Л.П. Гроссман.

Пародии писали Александр Сумароков, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Фёдор Достоевский, Николай Некрасов, Козьма Прутков, Дмитрий Минаев,

Александр Блок, Александр Куприн и многие другие классики русской литературы. Перечисленные авторы рассматривали пародию преимущественно как сатирический литературный жанр, а иногда и как средство в литературной борьбе. В советское время как пародисты прославились Александр Архангельский, Абрам Арго, Александр Безыменский, Александр Иванов, Юрий Левитанский (он, конечно, прежде всего, был замечательным поэтом, однако выпустил в 1978 году сборник пародий «Сюжет с вариантами»), Виктор Ардов, Зиновий Паперный, Александр Веселовский, Евгений Вербин, Феликс Ефимов, Владлен Бахнов, Борис Брайнин, Лазарь Лазарев, Станислав Рассадин, Бенедикт Сарнов, Владимир Волин...

Пародисты советской эпохи также рассматривали пародию как форму литературной критики — они гротескно высмеивали ту или иную несуразную строчку поэта, обыгрывали не стиль, но шероховатости литературного языка автора. В.И. Новиков писал: «Пародия — это по преимуществу форма литературной критики, что в советских условиях не раз оборачивалось догматической «проработкой» вольнодумных и «неуправляемых» писателей».

Это относится далеко не ко всем перечисленным авторам. Особый разговор — творчество Александра Архангельского. Этот выдающийся мастер жанра делал блестящие авторские пародии и на прозаиков (Михаил Зощенко, Исаак Бабель, Александр Фадеев), и на поэтов (Владимир Маяковский, Николай Асеев, Василий Каменский, Демьян Бедный, Иосиф Уткин, Павел Антокольский, Николай Заболоцкий и многие другие).

Архангельский пародировал стиль поэта, гротескно показывал неповторимость этого стиля. В основе любой пародии Архангельского (а, собственно, и пародии любого другого пародиста) лежит гипербола, гиперболический сдвиг (термин В.И. Новикова), посредством которых выявляется второй план произведения (термин Ю.Н. Тынянова), подчеркиваются особенности фигурно-тропеических приёмов автора.

Сравним две пародии Александра Архангельского — на Владимира Маяковского и Василия Каменского.

В этих двух пародиях видны творческие манеры Маяковского и Каменского, которые показаны гиперболически. Любопытно, что пародии не несут в себе элемента литературной критики (что традиционно свойственно жанру), фактически перед нами стилизация литературных индивидуальностей со знаком плюс. Говоря современным языком, это пародии для поэтов.

Подобные пародии особенно ценны и крайне редки.

В более позднее советское время в подобном стиле работали известные литературоведы Лазарь Лазарев, Станислав Рассадин, Бенедикт Сарнов (вспомним, например, написанные ими в соавторстве пародии на стихи Булата Окуджавы).

Несомненно, выдающимся поэтом-пародистом эпохи «застоя» был актер «Театра на Таганке» Леонид Филатов, который не только писал пародии, но и мастерски исполнял их, передавая голоса и интонации Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной, Евгения Евтушенко, Расула Гамзатова, Сергея Михалкова и других известных авторов (многим, конечно, памятна пластинка «Таганка-75»).

Сравним две пародии Леонида Филатова.

Андрей Вознесенский

Таганка, девочка,
Пижонка, дрянь!..
Что ты наделала,
Ты только глянь!..
О, Апокалипсис
Всея Москвы...
Толпа, оскалившись,
Крушит замки!..
Даешь билетики!..
А им в ответ:
Билетов нетути!
Физкульт-привет!..

Профессор с Запада,
Заморский гость,
Где ваши запонки,
А также трость?..
Знаменитости стояли в очереди
особняком. Банионис
кричал: «Я — Гойя!» Ему не верили.
Все знали, что Гойя — Я.
Кассирша в ботиках
И в бигуди
Вопит: о Господи,
Не погуби!..
Ату, лабазники,
Ату, рвачи!
Как ваши блайзеры
Трещат в ночи!..
Пусть мир за стеночкой
Ревет в бреду!..
Сижу, застенчивый,
В шестом ряду.

Такое скопление людей я видел
только трижды в жизни:
во время студенческих волнений в
Гринвич-Виллидж, на
фресках Сикейроса и в фильмах
Бондарчука.
Лоллобриджидочка,
Чернявый бес,
Вы были в джинсиках,
А стали — без!..
Очкарик и свитере,
Второй Кювье,
О как вам свистнули
По голове!..

Роберт Рождественский

Может, это прозвучит резко,
Может, это прозвучит дерзко.
Но в театры я хожу редко,
А Таганку не люблю с детства.
Вспоминается такой казус,
Вспоминается такой случай:
Подхожу я как-то раз к кассе,
Эдак скромно, как простой Слуцкий.
Говорю, преодолев робость, —
А народищу кругом — пропасть! —
Мол, поскольку это я, Роберт,
То нельзя ли получить пропуск?..
А кассир у них точь-в-точь робот,
Смотрит так, что прямо дрожь сводит:
«Ну и что с того, что ты — Роберт?
Тут до черта вас таких ходит!»
Вот же, думаю себе, дурни! —
А в толпе уже глухой ропот! —
Да сейчас любой олень в тундре
Объяснит вам, кто такой Роберт!
В мире нет еще такой стройки,
В мире нет еще такой плавки,
Чтоб я ей не посвятил строчки,
Чтоб я ей не уделил главки!
Можно Лермонтова знать плохо,
Можно Фета пролистать вкратце,
Можно вовсе не читать Блока,
Но... всему же есть предел, братцы!
...Но меня, чтоб я не стал драться,
Проводили до дверей группой...
Я Таганку не люблю, братцы.
Нехороший там народ, грубый.

Пародист показывает — в гротесковой, ироничной манере! — особенности идиостилей двух поэтов. Если в пародии на Андрея Вознесенского обыгрываются некоторые его стихотворения, в частности, «Гойя», то в пародии на Роберта Рождественского показана общая манера письма поэта, увлекавшегося, как мы помним, прославлением строек социалистического строительства. В любом случае обе эти пародии не злы, толерантны и, что довольно большая редкость, смешны. Это, разумеется, тоже пародии для поэтов.

Как развивается поэтическая пародия в наши дни? К сожалению, жанр развивается не так динамично, как современная поэзия в целом. Для этого есть ряд объективных и субъективных причин. Альманах «Поэзия» (который редактировали Николай Старшинов и Геннадий Красников) не выходит, а в нём всегда публиковались пародии, основной телевизионный популяризатор жанра Александр Иванов умер в 1996 году.

Толстые журналы печатают нынешних пародистов крайне неохотно. Исключение составляет, пожалуй, только журнал «Дети Ра». Тем не менее, цех пародистов живёт. Работают такие признанные мастера жанра, как Павел Хмара, Алек-

сандр Хорт, Ирина Акс, Алексей Пьянов, Феликс Ефимов, Владимир Масс, Георгий Фрумкер, Владимир Скиф, Виктор Завадский, Сергей Сатин, Андрей Мурай, Владимир Туровский, Евгений Лесин, Виктор Фет, Вадим Гройсман, Александр Матюшкин-Герке, Евгений Минин, Светлана Супрунова.

В настоящее время распространён, прежде всего, фельетонно-эпиграмматический стиль пародии, когда пародист, найдя смешную и несуразную строчку у поэта, высмеивает её. И тогда пародия — литературная критика. Таких пародий — большинство. Однако лучшие поэты-пародисты не просто высмеивают стилистические огрехи стихотворцев, но показывают особенности их версификационной манеры.

Характерны в этом смысле пародии современного поэта-пародиста, живущего в Израиле, Евгения Минина. Это один из самых активных на сегодняшний день пародистов. Он постоянный автор «Литературной газеты», «Литературных известий», «Литературной России», журналов «Дети Ра», «Слово / Word». Евгений Минин высмеял множество графоманов, живущих по обе стороны океана (не будем их сейчас перечислять). При этом пародист умеет улавливать стиль подлинного поэта. Показательна подборка пародий на членов редколлегии журнала «Дети Ра», в которых показаны особенности идиостилей таких разноплановых и ярких поэтов, как Сергей Бирюков, Андрей Коровин, Сергей Попов и др.

Здесь обыгрывается не конкретная фраза (или слово), показан творческий метод поэта, его манера варьировать одни и те же слова в строфе. Итак, пародия в современном литературном сообществе выполняет не только функцию литературной критики, она также выполняет роль, собственно, самой пародии как жанра. Вспоминаю свое давнее интервью с Александром Ивановым. На мой вопрос, не обижаются ли на него поэты, он ответил: «Пока вроде нет... Пародия — очень хорошая реклама для стихотворца».

Слова классика жанра актуальны до сих пор.

«Им ворона в лого подпевает...»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

СТЕПАН ПРАВДОРУБСКИЙ

Две эпохи

*Когда-то были гонорары.
И был пленительный совок.*

*Теперь мы немощны и стары.
Выращиваем лук севок.*

*Теперь иные дивиденды.
Теперь мы смотрим на закат.*

*Теперь добраться до фазенды —
Уже хороший результат.*

Евгений Степанов

Результат

Когда то были гонорары.
Но жизнь пленительно мудра.
Сегодня гении все стары.
Облезла славы мишура.
Чудная наступила эра.
Мне всё равно: рассвет — закат.
Халат, на антресолях лира —
Вот главный в жизни результат.

*В руки взял, как поэта награду,
Я замерзший кленовый листок...
И не скрыться теперь за ограду —
Одиночества кончился срок.*

.....
*И ворона в лого подпоет,
А за нею синиц, снегирей хоровод...
И под валенком скрип ветерок разнесет —
Песню Родины в зимнее небо взметет...*

*Но не холоден ей высоченный сугроб,
Под сугробом — наш дом!
Где по нотам кленовых листов мы поем —
И вдвоем, и втроем... вчетвером.*

Вячеслав Ар-Серги

Всемером

И не скрыться теперь за забором,
Не прикроет кленовый листок.
Трепещу пред синичкиным хором,
Прилетающим осенью в срок.

Им ворона в логоу подпевает,
Пьяных вишен попробовав всласть.
Вот сосед самогон предлагает.
Только им самогонка «не в масть».

Полюбился им я — дядя Слава.
И в сугробе мой маленький дом.
Пусть звучит наша песня коряво,
Мы споём вчетвером, всемером...

*Бесконечный дротик.
Будничный хомут.
Базовый наркотик.
Жизнь его зовут...
Сергей Белорусец*

Путь

Бесконечно скачем.
Будничный хомут.
Пахота на даче,
Шеф, вокзал, батут.
Водка, ночь, девчонки.
Как меня зовут?
Женщина, пеленки.
И последний путь.

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

г. Калининград

<i>Ночью к стенке я поставлен, Словно белый офицер. Приговор читает Сталин, Взявший душу на прицел.</i>	<i>У него товарищ Ленин Отбирает пистолет. И кричит: «Поэт он крупный, Недоступный палачам, Мы его с Надеждой Крупской Изучаем по ночам».</i>
<i>Говорит, что я бесценен, Хоть и вражеский поэт...</i>	

Владимир Скиф

«Капитал» в шкафу пылится.
На столе горит свеча.
Крупской по ночам не спится,
Нет у сна у Ильича.

Томик мой любовно глядя,
Вождь зовёт её в кровать:
«Ну, ложись, товарищ Надя,
Будем Скифа изучать».

«Я в литературе дока, —
Надя говорит в ответ, —
Знаю Пушкина и Блока,
Фета помню, Скифа — нет».

Надя сердится, похоже,
На издательский товар

И на всякий случай всё же
Надевает пеньюар —

До колен, полупрозрачный,
Тонкий, словно из дождя,
Взгляд бросает многозначный
На раздетого вождя.

Шевелит губами Ленин, —
Вроде как стихи зубрит,
Говорит, что я бесценен,
«Вот так глыба!» — говорит.

Да, у баб свои запросы.
Крупская лежит, ворча.
Ну, какие тут вопросы
О потомстве Ильича!

ЕВГЕНИЙ МИНИН

Израиль

Божественная комедия

*Поэтов мало, стихотворцев рать,
И это очень грустная примета.
Ведь только Бог способен выбирать
В своей Господней милости — Поэта.*

Владимир Скиф

Услышал как-то я Господний глас,
От перепуга чуть не стал заикой:
Владимир, выбрать я способен вас
Для миссии почётной и великой.

Литинститут не нужен больше тут,
Ведь уровень его стал ерундовский.
Возглавите вы новый институт,
Он будет называться — Скифосовский.

Личный выбор

*Чем старше я, тем достоверней
Мысль, что спасёмся красотой.
И мне всё ближе Достоевский,
Чем Короленко и Толстой.*

Владимир Скиф

Пускай гуляют кривотолки,
Но понимаю в жизни толк —
Враги кругом, как будто волки,
И я для них — такой же волк.

Но разберусь я очень строго
С врагами — остальным в пример.
Скажу — Раскольников намного
Мне ближе, чем Безухов Пьер.

ФИЛИПП ПИРАЕВ

г. КАЗАНЬ

Приметное

*Поэтов мало, стихотворцев рать,
И это очень грустная примета.
Ведь только Бог способен выбирать
В своей Господней милости — Поэта.*

Владимир Скиф

Примет так много — как их все понять?
Но милостивый Бог раскрыл мне эту:
коль пишется про стихотворцев рать,
то, значит, выбрал сам себя в Поэты.

* * *

Дорогие друзья, сотоварищи!

Редакционный совет и отцы-основатели рубрики «Сумочка к ребру» по зрелым размышлениям приняли поистине архиважное решение: в первом номере года производить виртуальное награждение «Сумочкой к ребру» книгу года прошедшего, победившую в конкурсе «Антикнига». А посему «Сумочкой к ребру» награждается в 2017 году сборник стихов «Любовная лирика сибирских поэтов». Братск 2017.

Сложно было обойти вниманием книгу со столь «замечательным» оформлением. А уж строки иных авторов могли украсить пантеон Графа Омана, если бы таковой имелся в нашей стране. За примерами ходить далеко не будем:

*...Ночь на улице мечты,
Где сверкают фонари,
Где фонтан под крышу бьёт —
Там любимая живёт
И ФОНТАН ЖЕЛАНЬЯ ЛЬЁТ!*

Или вот такой «шедевр»:

*Ты прости меня любимый.
Ты прости меня, родной,
ЗА ПРЕКРАСНЫЕ ТЕ ЛИРЫ
И за то, чтоб быть с тобой.*

А вот ещё один образчик метафоры:

*...БУДУ МЫСЛИ ГОНЯТЬ ПО ВЕНАМ.
И опять обнимая стену,
Понимать, как ты мне нужна.*

Жаль профессиональных литераторов, опубликовавших свои работы в сборнике, ибо добротная поэзия была просто погребена под ворохом макулатуры. Остаётся лишь вздрогнуть от предчувствия всплеска эмоций у награждаемых и подумать о необходимости награждать и авторов, поразивших наше воображение «оригинальностью стихосложения».

Ваш Степан Правдорубский

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА

Нельзя проиграть бой за культуру

Минувшая осень была перенасыщенной событиями из-за плотности знаменательных дат, пришедшихся на 2017 год, каждая из которых заслуживала внимания. И хотя некоторые уже были отмечены — 80-летие со дня рождения Валентина Распутина в марте и Александра Вампилова в августе, их отзвуки продолжали звучать в новых мероприятиях. Не последнюю роль сыграл Байкал — место приятия гостей, по-особенному красивый в это время года.

Как обычно, работа шла по двум программам — областной и городской, совпадавшим по отдельным, наиболее значительным пунктам.

Совершенно ясно, что наш обзор не может быть сколько-нибудь полным. Хроника будет чередоваться с небольшими репортажами, попутными замечаниями и краткими комментариями. Материалы собраны по свидетельствам участников событий и (частично) СМИ.

* * *

Центр имени святителя Иннокентия, село Анга

Четыре года назад на заседании круглого стола «Сияние России» настоятель Князе-Владимирского храма о. Алексей (Середин) выступил с инициативой создания в Иркутске на базе бывшего Князе-Владимирского монастыря Духовно-просветительского центра имени выдающегося деятеля православной церкви и государства Российского святителя Иннокентия (Вениаминова). Вскоре губернатору Иркутской области (в то время Сергею Ерошенко) было направлено соответствующее письмо за подписями участников «Сияния», известных писателей России. В середине октября после рабочей поездки губернатора в Ангу появился документ, предписывающий сформировать рабочую группу по строительству и созданию такого центра, но в с. Анга — там уже давно шли работы по восстановлению родного гнезда митрополита Московского и Коломенского.

И вот центр (он назван культурно-просветительским) — открыт руководством области 8 сентября 2017 года.

Уходящие вверх высокого холма выставочные павильоны, символизирующие этапы жизни святителя, новая уютная Свято-Иннокентьевская церковь на месте старинной Ильинской преобразили округ. Домик детства Иннокентия, сохранивший исторический облик, соседствует с некоторой глянцево-новыми объектами и плиточных площадных покрытий, что, впрочем, не исключает возможности в будущем внести поправки в сторону естественности и простоты сельского уклада.

Торжества были приурочены к 220-летию со дня рождения святителя и 40-летию его канонизации Русской православной церковью. Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим освятил новую церковь; на церемонии открытия был зачитан приветственный адрес от министра культуры России Владимира Мединского,

выступили председатель Законодательного Собрания Иркутской области Сергей Брилка, губернатор Иркутской области Сергей Левченко, министр культуры и архивов Ольга Стасюлевич, представители духовенства Якутии, Дальнего Востока, где проходила просветительская деятельность апостола Сибири и Аляски, а также из других регионов России.

Праздник завершился этнокультурным фестивалем «Агинский хоровод».

* * *

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОРУМ, возглавляемый президентом Славянского форума искусств «Золотой Витязь» народным артистом России Николаем Бурляевым, проходил в Иркутске с 11 по 16 сентября. Организаторы — администрация города Иркутска во главе с мэром Дмитрием Бердниковым, управление культуры (руководитель Виталий Барышников) и городской Театр народной драмы (директор и режиссёр — заслуженный деятель культуры РФ Михаил Корнев). В числе участников — известные российские литературоведы, писатели, историки, кинематографисты: В. Орлов, А. Казинцев, В. Крупин, В. Потанин, М. Тарковский, З. Прилепин, В. Бахревский, И. Тюленев, Е. Гуськова, сербский поэт и переводчик З. Костич, Й. Маркович, С. Маховиков.

Форум начался 12 сентября в 10.00 утра с молебна в Знаменском храме, возложения венка и цветов к надгробию В.Г. Распутина; возложения цветов к памятнику А.В. Вампилова.

В тот же день на основной сцене Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова прошла торжественная церемония открытия. Далее — выступления в вузах, культурных центрах, библиотеках, Театре народной драмы, Байкальском ПСО МЧС России.

Удалось побывать на двух встречах с участниками форума.

12 сентября в 14.00 гости провели пресс-конференцию в пресс-центре драмтеатра. Николай Бурляев рассказал о том, как родилась идея раздвинуть рамки кинофорума «Золотой Витязь» и создать форумы всех искусств: театрального, музыкального, изобразительного и др. Литературный проходит в восьмой раз. И это верный путь, считает Бурляев, позволивший «Золотому Витязю» влиять на культурную жизнь страны, о чём свидетельствует появление такого документа, как «Основы культурной политики России».

Писатель Владимир Крупин, председатель жюри литературного конкурса, отметил: «Золотой Витязь» пришёл к первоисточнику искусства — к слову. Книгу не убьёт ни кино, ни Интернет. Распутин сказал: «Мы живём в оккупированной стране». Но почему мы живы? Потому что русское слово обеспечено золотом переживаний...»

Владимир Орлов, литературовед, директор МСЛФ «Золотой Витязь», выразил суть форума: «Наш форум — открытость. Нынче на конкурс поступило 430 произведений, итоговый длинный лист — 200 произведений, короткий — 136. Экспертный совет не пренебрегает эквилибристики словом, важно чтобы произведения были о самом главном».

Писатель Захар Прилепин признался, что чувствует большую ответственность: «Я очень уважал Валентина Распутина. Его приветы, которые он передавал, для меня как привет от всей русской литературы». Автор романа «Обитель» считает, что произошла либеральная приватизация культуры: «Перед нами задача деприватизации. Донбасс разделил на тех, кто за Россию, и тех, кто против. События на Донбассе дали литературу. Теперь ясно: Россия не погибнет».

Зоран Костич, поэт и переводчик из Республики Сербской, в Иркутске уже в четвёртый раз. «Я как на родине, — сказал он. — Моя страна разделена на не-

сколько стран. В Донбассе повторяется то, что было в Югославии. Фашизм не убит до конца. Это духовное состояние западной цивилизации, которое повторяется каждые пятьдесят лет».

Михаил Корнев заметил, что не случайно «Золотой Витязь» появился в Иркутске с 1998 года: «Здесь почва была подготовлена Днями русской духовности и культуры «Сияние России», которые начались с 1994 года, и это вылилось в кинофестиваль славянских фильмов в Иркутске в 2004 году».

В Институте филологии, иностранных языков и медиакommunikации ИГУ участники Литературного форума встретились со студентами и преподавателями филфака. Тема разговора — «Духовные традиции литературы Славянского мира».

Н. Бурляев, будучи первым заместителем председателя Общественного совета Министерства культуры РФ, открывая встречу, поделился с молодёжью своей тревогой за состояние отечественной культуры. Он не скрывал негодования по поводу расходования бюджетных средств на безнравственные театральные постановки типа проектов К. Серебренникова, недоумевал, почему Министерство культуры РФ не откликается на предложения Общественного совета, который постоянно подаёт свои предложения, стремясь повлиять на обстановку. Одно из последних — о выведении сферы культуры из рыночных отношений.

«Мы не должны проиграть бой за культуру. В разных странах говорят: спасение России — это спасение мира... Наши оппоненты очень боятся слов «идеология», «идея», цензура». Я первый против цензуры — мои фильмы лежали на полках десятилетиями. Но вот что писал Пушкин: «Нравственность (как и религия) должна быть уважаема писателем», «Я убеждён в необходимости цензуры в образованном нравственно и христианском обществе».

В. Крупин выразил своё видение культуры через идеалы православия: «Почему русская литература — ведущая в мире? Она православная, основана на камне веры. Творчество Распутина имеет глубокие православные корни. Запад начал искать спасение. В чём оно? После Дарвина надо идти дальше, от обезьяны — к сверхчеловеку. На Западе энциклопедисты, они — безбожники. Руссо, Вольтер — огромное самомнение. Мы же — с Христом. Потому и свет идёт от русской литературы...»

Иркутяне давно ждали встречи с другом Валентина Распутина известным писателем Виктором Потаниным из Кургана. С сердечной теплотой обратился Виктор Фёдорович к залу:

«Тема разговора настолько высока, что напоминает Фудзияму. Многие не дойдут, но мы взбирались. В моей душе дрожит одна клеточка: если будет возможность, обязательно поздравить госуниверситет и писательскую организацию Иркутска с нынешним праздником, передать привет от нашего университета.

Мы ведь с вами братья-сибиряки, Курган — первый город Сибири, её начало. Мы должны дружить, я хотел бы взять у вас адреса, визитки. Надо обмениваться мнениями. Я думаю, великая тема должна привлечь к университету иркутских писателей. Дорогие писатели! Идите в народ, идите в студенческий народ. У меня есть творческая радость, я веду литературную студию. Есть уже среди студийцев писатели. Это первое. Второе. Все презентации книг проводите в этом зале. Третье. У ведущих писателей должны быть духовные дети. На меня когда-то повлиял критик Юрий Селезнёв. Он рано ушёл из жизни. Был бы он жив, у меня была бы другая судьба. Будьте и вы такими наставниками».

Владислав Бахревский, прозаик и поэт, детский писатель, говорил о том, что в литературу надо вернуть сказку. Но надо вернуть и русский язык. В пединститутах из учебных планов исключают такие дисциплины, как старославянский язык, историческую грамматику, фольклор, и это тревожит.

В ходе встречи Бурляев прочитал студентам свой проект Кодекса деятелей культуры союзного славянского государства (России и Белоруссии). Его направленность — против безнравственности: не допускать в литературе, на сцене и экране изображения сцен насилия, секса, смакования разного рода извращений и т. д. Проект вызвал короткую дискуссию: двое студентов выразили опасение, что может пострадать правдивость в отражении жизни, возникнет «однообразная жвачка» на темы морали. Бурляев на это ответил, что молодым трудно оценить реальные угрозы провозглашённой свободы, пока не придётся делать самостоятельный выбор в жизни.

Литературный форум завершил свою работу 15 сентября в Иркутском областном ТЮЗе им. А. Вампилова. Были оглашены итоги творческого конкурса. Высшую награду — золотую медаль им. А.С. Пушкина — «За выдающийся вклад в литературу» получили писатели В. Потанин и З. Прилепин. Среди награждённых — иркутяне из регионального отделения СП России: прозаик А. Гурулёв — за книгу воспоминаний о В. Распутине «Остановиться... и оглянуться» (серебряная медаль), поэт В. Козлов (бронзовая медаль), дипломы в разных номинациях — А. Донских, Ю. Баранов и др. (подробнее см.: «Сибирь». 2017. № 5. С. 269).

* * *

17-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ России, стран СНГ и зарубежья, посвящённый 80-летию со дня рождения Валентина Распутина, состоялся 11–17 сентября в Иркутске.

В церемонии открытия приняли участие губернатор Иркутской области Сергей Левченко, президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ Сергей Филатов и начальник управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Юрий Пуля. В числе руководителей круглых столов и мастер-классов — известные учёные-литературоведы, писатели, редакторы толстых литературных журналов Владимир Новиков, Ольга Новикова, Игорь Шайтанов, Роман Сенчин, Сергей Чупринин, Ольга Ермолаева, Александр Казинцев, Сергей Куняев, Евгений Попов, Михаил Щукин, Владимир Скиф и др.

В конкурсе рассмотрено около 400 произведений всех жанров. Всего в форуме приняли участие 120 молодых авторов из разных регионов России и зарубежья, десять — из Приангарья. Были отмечены: Василий Попов (поэзия) — включением стихов в коллективный итоговый сборник «Новые имена» и стипендией Министерства культуры России, Юрий Харлашкин (проза) — публикацией в сборнике, Лидия Шаркунова (поэзия) — публикацией в сборнике и стипендией министерства, Вероника Шастина (Лузгина) (поэзия) — стипендией министерства. Максим Живетьев (проза) получил благодарности от журналов «Октябрь» и «Наш современник». Четверо из участников форума — авторы иркутского журнала «Первоцвет».

Форум молодых ещё раз укрепил иркутян в мысли о необходимости восстановления областной конференции «Молодость. Творчество. Современность».

* * *

МАСШТАБНЫЙ ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ 80-ЛЕТИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ прошёл в Москве в мае и октябре 2017 года. 19 мая с 12 часов дня до 22-х вечера на нескольких площадках Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького были развёрнуты стенды с экономическими показателями жизни региона, мо-

сквичи могли побывать на презентации ключевых проектов области, планшетной выставке, посвящённой Приангарью, выставке самобытных произведений сибирского народного искусства. С приветственным словом выступили: губернатор Иркутской области Сергей Левченко, руководитель департамента национальной политики и межнациональных связей города Москвы Виталий Сучков, руководитель фракции КПРФ Геннадий Зюганов, заместитель председателя Законодательного Собрания Иркутской области Кузьма Алтаров, заместитель председателя правления Иркутского землячества «Байкал» писатель Валерий Хайрюзов. Кульминацией стал праздничный концерт, в котором приняли участие около трёхсот пятидесяти иркутских артистов вокальных и хореографических коллективов, иркутских театров.

Осенью (9–17 октября) главным итогом деловой программы стало подписание соглашения между правительством Иркутской области и правительством Москвы о сотрудничестве в экономической, научно-технической и культурной сферах.

В эту же неделю в Союзе художников России открылась выставка художников-иркутян «Земля у Байкала», в Московском международном центре музыки прошёл концерт Губернского симфонического оркестра Иркутской филармонии с народным артистом России Денисом Мацуевым, в музее-заповеднике — планшетная выставка, посвящённая святителю Иннокентию (Вениаминову), на основной сцене Малого театра — спектакль ИАДТ им. Н.П. Охлопкова по повести Распутина «Прощание с Матёрой».

В иркутскую делегацию вошли три представителя регионального отделения Союза писателей России. Они выступили в Иркутском землячестве «Байкал», в Центре «Международная школа управления «Интенсив», состоялись презентации их новых книг: Ю. Баранов представил детскую повесть «В поисках тайны Ремеза», А. Лаптев — роман «Бездна», В. Скиф — двухтомник «Древо с листьями имён». Ю. Баранов встретился с учениками кадетских классов и их родителями в школе № 1986.

* * *

«Сияние России» — 2017

Гости праздника:

Иванов Геннадий Викторович (Москва) — поэт, первый секретарь правления Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Ф.И. Тютчева (2002), Большой литературной премии России (2006) и др., автор многих поэтических книг (Москва)

Дорошенко Николай Иванович — прозаик, автор многих книг и лауреат многих литературных премий, в т. ч. Большой литературной премии (2006), секретарь правления Союза писателей России. С 2000 г. — главный редактор газеты СП России «Российский писатель» и директор одноимённого издательства (Москва)

Озорнина Алла Георгиевна — детская писательница, автор нескольких книг для подростков. В 2009 г. заняла 1-е место в одной из номинаций литературного конкурса «Золотой листопад» им. Геннадия Михасенко. Член СП России (Чита)

Смолькин Игорь Александрович, псевдоним Игорь Изборцев — прозаик, публицист, лауреат нескольких литературных премий, в т. ч. Всероссийской право-славной литературной премии им. Св. Благоверного Великого князя Александра

Невского (2006), член Всемирного Русского Народного Собора. Автор около двадцати книг прозы и публицистики, председатель Псковского регионального отделения Союза писателей России (Псков)

Хатюшин Валерий Васильевич — поэт, прозаик, литературный критик, переводчик и публицист. Лауреат Литературной премии им. Сергея Есенина (2001), двух Международных литературных премий им. М.А. Шолохова, им. А.П. Платонова (2007). Автор более тридцати книг в разных жанрах. Главный редактор журнала «Молодая гвардия» (Москва)

Шахматов Александр Васильевич — оперный певец, общественный деятель, инициатор и организатор Дней русской духовности и культуры в России: «Душа России», «Казачий Покров», «Сияние России», «Зов Руси» (Москва)

Антипин Андрей Александрович — прозаик, публицист, лауреат премии им. Леонида Леонова журнала «Наш современник» (2010), премии «НС» за лучшую публикацию 2013 г. Автор двух книг повестей и рассказов, публикаций в журналах «Сибирь», «Наш современник», «Москва», «Юность» (с. Казарки Усть-Удинского района Иркутской области)

Никифоров Александр Георгиевич — поэт, прозаик, автор книг стихов «Подснежные ягоды»; «Крылатый пахарь»; «Путевой лист»; сборника прозы «Таёжный хлеб» и др. (с. Верховленск Качугского района).

* * *

Праздник открылся традиционно — богослужением в соборе Богоявления, крестным ходом и молебном «Во славу земли Иркутской» на Соборной площади у Спасской церкви 24 сентября в 8.00.

Губернатор Сергей Левченко поздравил собравшихся с 80-летием основания Иркутской области, митрополит Иркутский и Ангарский Вадим благословил проведение этих дней, совпавших с несколькими знаменательными датами года.

Первая встреча прошла в областной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского, где были представлены гости нынешнего «Сияния России». Директор ОГАУ «Иркутский Дом литераторов» Александр Лаптев, председатель регионального отделения СП России Юрий Баранов, советник губернатора по культуре Владимир Скиф и министр культуры и архивов Иркутской области Ольга Стасюлевич задали бодрый настрой предстоящей неделе.

Г. Иванов от имени Союза писателей России вручил известному сибирскому прозаику Киму Балкову Золотую медаль им. В.М. Шукшина — за заслуги в отечественной литературе и в связи с 80-летием.

Гости поделились своими мыслями накануне встреч с читателями на разные темы современности, обозначив важные мировоззренческие моменты. Находясь в зале В.Г. Распутина, каждый отозвался о том, какое значение имел для «Сияния России» и для него лично этот необыкновенный писатель. Говорили о 100-летней годовщине Великого Октября, о необходимости изучать историю страны по серьёзным источникам, таким как книги Вадима Кожина (Н. Дорошенко); о роли патриотических толстых журналов, об истории становления «Молодой гвардии» (В. Хатюшин); о том, что русская литература сумела воспитать чувство ответственности в человеке (И. Изборцев); высказывалось предложение провести в следующем году, в год 25-летия «Сияния России», в Иркутске, научно-практическую конференцию, посвящённую русской духовности и культуре и издать по её итогам сборник (А. Шахматов).

День открытия завершился торжественным вечером в Театре народной драмы. В программе — выступление гостей, русские народные песни в исполнении артистов театра и отрывок из спектакля «Изба» по произведениям Распутина, документальный фильм ГТРК «Иркутск» «Хождение на Афон. Валентин Распутин». Вёл вечер заслуженный деятель культуры РФ Михаил Корнев.

Через два дня, 26 сентября, в этом же зале с успехом пройдёт творческий вечер писателя, почётного гражданина города Иркутска Валерия Хайрюзова.

* * *

25 сентября в 10.30 в некрополе Знаменского монастыря состоялась торжественная панихида, посвящённая памяти В.Г. Распутина.

В этот же день встречи со студентами и преподавателями прошли во многих местах: в Иркутском государственном университете путей сообщения — там всегда ожидает заинтересованная и чуткая аудитория, Байкальском университете экономики и права, педагогическом институте ИГУ, с читателями областной юношеской библиотеки им. И. Уткина и других библиотеках и учебных заведениях. В Иркутском областном колледже им. Ф. Шопена, музыкально-педагогическом колледже, гимназии № 44 состоялись не только беседы с молодёжью, но и встречи с оперным певческим искусством, благодаря участию в нынешнем празднике А. Шахматова.

Приведём три коротких репортажа с мест.

«Духовное начало в современной русской литературе» — такова тема, собравшая писателей и юных читателей в Гуманитарном центре-библиотеке им. Семьи Полевых 27 сентября. Гости стали Игорь Изборцев (Псков), Алла Озорнина (Чита), иркутяне поэт Геннадий Аксаментов и прозаик Олег Слободчиков. У всех разные судьбы и творческие пути, поэтому каждый по-своему размышлял о духовном начале в литературе.

Игорь Изборцев, автор многих книг, поделился собственным опытом.

— Жизнь каждого из нас тоже книга, в которой мы словно закладкой перемещаемся со дня на день к той самой заветной, последней странице, после которой не знаем, что с нами будет. Иногда случаются события, которые побуждают пересмотреть жизнь и многое изменить. И тогда Господь вручает нам новую книгу, и мы открываем её с первого листа...

В судьбе писателя поворотным оказалось начало 1992 года, когда он обратился к православной вере.

Творчество забайкальской писательницы Аллы Озорниной знакомо не только читинской детворе. Её книги выходят в Иркутске и Москве. Дочь известного детского поэта Георгия Граубина, она начала писать, будучи младше ребят, присутствовавших в зале. Однако после школы пришлось закончить медицинский вуз (семейная традиция!) и только потом заняться литературой. Разговор писательницы со старшеклассниками шёл на равных. Как врач-психолог, она убеждена, что книги дают большой опыт, в том числе и духовно-нравственный, который поможет выйти из трудной жизненной ситуации.

— Когда вы читаете книги, вы проживаете тысячи жизней!

Тем, кто не приобрёл вкус к чтению, она сказала:

— Я сочувствую вам. Ваша жизнь может оказаться скучной и пресной. Так воспользуйтесь возможностью прийти в библиотеку и взять в руки книгу!

Иркутский поэт Геннадий Аксаментов (тоже врач по первой профессии, по словам писателей-земляков, «заместитель святого Пантелеимона-Целителя»); прозаик, автор исторических романов Олег Слободчиков ввели ребят в мир своего творчества. Аксаментов прочитал стихи, определяющие его отношение к существу — «Письмо», «Тепло и свет», «Вот в чём вопрос», Слободчиков рассказал, как работал над историческими романами «Похабовы» и «Первопроходцы».

— Изучив документы, пройдя в экспедициях по Лене, Енисею и Ангаре, и даже пытаясь жить как они, я так до конца и не понял, что вело этих людей, что давало им такую невероятную силу! Видимо, не обошлось без Высшего Промысла...

Старшеклассники слушали внимательно — писательское слово нашло путь к их душе.

Оксана Запольская, сотрудница библиотеки им. Семьи Полевых

* * *

«Я славлю русский мир» — так были обозначены рамки разговора, который состоялся в филиале ВГИК им. С.А. Герасимова 27 сентября.

Открывая встречу, поэт В. Скиф обратился к студентам и их наставникам с такими словами:

— Сегодня рынок определяет духовные ценности. Скоро вы, нынешние студенты, будете решать, произведения каких писателей экранизировать. Находите настоящую литературу, раскрывающую русскую жизнь.

В. Хатюшин, поэт, прозаик, критик и переводчик, главный редактор журнала «Молодая гвардия», впервые прибывший на праздник «Сияние России», поделился впечатлениями о земле Приангарья.

— Иркутск, как мне кажется, ныне является литературной столицей России. Ещё недавно здесь жил Валентин Распутин, журнал «Молодая гвардия» ныне печатает стихи Анатолия Горбунова и Татьяны Суровцевой, статью о творчестве народного поэта Горбунова «Землю и небо любили» Анатолия Байбородина, стихи Владимира Скифа. И это всё талантливые произведения. Молодёжь сегодня не очень увлекается чтением, но студенты института кинематографии обязательно должны знать современную литературу, чтобы иметь чёткое представление, чем вы будете заниматься. Поэзия многое даст вам. Книги русских поэтов открыли мне глаза на мир, пробудили любовь к Родине, природе, близким. Читайте поэзию, она поможет вам и в жизни, и в работе.

Современное кино — это не то кино, которое нужно русскому человеку. Идёт поток лент об убийствах, расследованиях этих убийств. Жизни простого человека на экране не увидишь. Не отдавайте себя детективному жанру. Журнал «Молодая гвардия» имеет русское патриотическое направление. Следите за такими изданиями. Они раскроют то, чему стоит посвятить свою профессиональную жизнь.

Хатюшин прочитал стихи, только что рождённые здесь, в родных местах Распутина. Приведём строки из них.

Иркутск

В Иркутске сходятся две реки — Иркут и Ангара

.....
Нет, на Руси монархия не свергнута.
В ней царь и вождь скрепились на века.
По улицам Урицкого и Свердлова
я вышел к монументу Колчака.

Здесь две реки в один поток сливаются.
Его никто не в силах развернуть...
Здесь два пути страны соединяются
в единый, вечный, непрерывный путь.

25 сентября 2017, Иркутск

Следующим было стихотворение о Байкале, 7 октября

Байкал

.....
Вошли в меня сердечной новью
и Ангара, и Усть-Уда...
Как свет небесный Подмосковья —
Байкала синяя вода.

.....
Теперь в сибирской ностальгии
душа пребудет навсегда.
Скрывает столько тайн России
Байкала чёрная вода...

Игорь Изборцев рассказал о том, как на Псковщине, на Синичьей горе, где был убит Пушкин, служат молебны в памятные дни поэта, и Пушкин незримо принимает парад чтецов; Андрей Антипин коснулся судеб талантливых сибирских поэтов, не получивших известности при жизни.

Любовь Московенко, член СП России

* * *

В праздник «Сияния» были вовлечены также города и сёла Приангарья: Шелехов, Ангарск, Усолье-Сибирское, Пивовариха, Хомутово, Слодянка, Качуг, Анга, Усть-Уда.

29 сентября в Анге побывали: москвичи Геннадий Иванов и Александр Шахматов, сибиряки Анатолий Байбородин, Василий Забелло, Александр Никифоров, Андрей Антипин, Римма Михеева и автор этих строк.

Сразу чувствовалось, что гостей ждали. Всех приветствовала начальник отдела культуры Качугского района Вера Смирнова, была организована экскурсия по только что открытому Культурно-просветительскому центру им. Святителя Иннокентия (Вениаминова), после чего состоялся литературно-музыкальный вечер в Доме культуры под названием «К истокам духовности». Зал был полон — собрались жители посёлка, школьники, сотрудники библиотек, культурных учреждений Качугского района.

Открыл вечер Г. Иванов. Представитель руководства Союза писателей России, он выступил не с официальной речью, а как поэт-лирик. «Держитесь, люди русские», «Глядя на икону, «Из жизни нашей стали исчезать», «Куда бегут все эти мерседесы...», «Родительская суббота» — такие стихи воспринимались как слово собеседника о том, что сегодня переживает каждый. Приведём отрывок из стихотворения «Старая изба», написанного в 1988 году, чем-то созвучного рассказу Распутина «Изба»:

...В ней чудо жизни как-то зримей,
Слышнее волны бытия,
И каждый раз неповторимей
Здесь находил отраду я...

.....
...В сених под крышей паутины
Свисают пыльные миры,
Но нет здесь никакой рутины,
И всё притихло до поры.

Житель Верхоленьска, поэт и прозаик А. Никифоров хорошо знаком читателям своего Качутского района. На этот раз он представил только что вышедшую книгу стихов «Путевой лист». Небольшая, но ёмкая по заключённым в ней чувствам и мыслям, она объединила стихи разных лет. Названия разделов — география судьбы автора: «Город Мирный», «Село Бутаково», «Деревня Козлово», «Село Верхоленьск».

На своей плоскодонке
плыву по житейским волнам,
То внезапно на мель,
то в небесную синь залетаю.
Где последний причал,
к счастью, это неведомо нам.
Ненадёжное дно
я надеждой и верой латаю...

Стихи В. Забелло, посвящённые Байкалу, Сибири, России, уже давно издаются в российских толстых литературных журналах. Среди прочитанных — «Зажгу свечу воспоминательную», «Попрошайки», «Готовься, Русь!», «Притча», «На берегу» и др.

Прозаики А. Байбородин и А. Антипин мало говорили о своих произведениях — больше о творчестве других. Байбородин прочитал стихотворение год назад ушедшего из жизни Анатолия Горбунова «Осенний романс», чем привлёк внимание к ещё одной юбилейной дате — 75-летию со дня рождения этого яркого сибирского поэта. Антипин рассказал о малоизвестных талантливых поэтах: Вадиме Ярцеве из Усть-Кута, не выпустившем при жизни ни одной книжки, авторе стихотворения «Прощание с Союзом» и других болевых стихов; об уральце Алексее Решетове, который тоже не успел в своё время получить всероссийское признание. Прочитал его стихи — «Седому, как лунь, человеку...», «Девчата с железным венком», «Эти тихие речки»... и др.

Мы в детстве были много откровенней:
— Что у тебя на завтрак?
— Ничего.
— А у меня хлеб с маслом и вареньем.
Возьми немного хлеба моего...

Года прошли, и мы иными стали,
Теперь никто не спросит никого:
— Что у тебя на сердце?
Уж не тьма ли?
Возьми немного света моего.

А. Шахматов обратился к ангинцам от имени Русского Зарубежья:

— Мы не эмигранты, мы посланники России, Русского мира. Я рос в Китае, жил в Австралии, теперь — в родной России, в Москве. Трудно ныне не только у нас, но и во всём мире, где правители при разных политических режимах отыраиваются от народа. Русская культура высоко звучит повсюду. Мы должны всеми силами укреплять её и не унывать.

Шахматов исполнил несколько песен и романсов: «Дремлют плакучие ивы», «Живёт моя отрада», «Ах ты, душечка...», «Гори, гори, моя звезда» и др.

Вечер завершился ответным выступлением народного вокального ансамбля «Селянка» под руководством Игоря Корнилова, приветствием первого заместителя мэра Качугского района Нины Макрышевой и вручением благодарственных писем гостям от имени мэра Т.С. Кирилловой.

* * *

Юбилеи, презентации, конференции

Известно, что нынешний год богат на юбилейные писательские даты. Они последовательно отмечались выпусками книг, публикациями в прессе, библиотечными мероприятиями.

19 сентября состоялось чествование Кима Балкова в Научной библиотеке ИГУ, носящей имя В.Г. Распутина — ровесника и однокашника юбиляра по университету. Известный сибирский прозаик, лауреат многих литературных премий, плодотворно работающий в литературе с середины минувшего века, охвативший в своих книгах времена от первых послевоенных лет до первых десятилетий века нынешнего, принимал поздравления с 80-летием от губернатора Сергея Левченко, руководителей писательских организаций, директора ОГАУ «Иркутский Дом литераторов» Александра Лаптева, братьев по перу Владимира Скифа, Сергея Корбута, Анатолия Байбородина, лидера Иркутского отделения партии «Патриоты России» Василия Проничева, заместителя директора Института развития образования Иркутской области Натальи Пономарёвой, школьных учителей, воспитанников Иркутского кадетского корпуса и многих других.

Программу украсили концертные выступления солистов Иркутского музыкального театра им. Н.М. Загурского, артистов Иркутского Академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова, городского Театра народной драмы, Центра культуры коренных народов Прибайкалья, вокальной студии «Лидия», чтецов иркутской гимназии № 44, средней школы № 27.

Среди подарков юбиляру одним из главных стала изданная в этом году книга его повестей и рассказов «Серебряная коновязь».

Ведущие торжественного события — Маргарита Просекина (Иркутский Дом литераторов) и дочь писателя, педагог и литератор Елена Балкова.

* * *

В программу «Сияния» вошли презентации нескольких изданий в областной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского.

26 сентября — книги прозы А. Байбородина «Деревенский бунт» (М.: Вече, 2017); 29 сентября — книги Г. Афанасьевой-Медведевой «Народное слово в рассказах и

повестях Валентина Распутина» (Иркутск, 2017) и двухтомника стихов-портретов В. Скифа «Древо с листьями имён» (Иркутск, 2017), удостоенного Большой литературной премии России, с чем мы и поздравляем автора!

Следует отметить, что в этом году областным бюджетом было профинансировано издание восемнадцати книг иркутских писателей (рекордное количество за последние годы), среди которых произведения Н. Тендитник, П. Реутского, Р. Филиппова, А. Румянцева, С. Корбута и др.

* * *

Немало мероприятий прошло по обширной программе «Сияния России», составленной управлением культуры города Иркутска. Помимо Литературного форума «Золотой Витязь», вечеров в Театре народной драмы, это концерт русской духовной музыки «Пою имени Господа Вышняго» с участием Архиерейского мужского хора «Знамение», хора Ангарского кафедрального Свято-Троицкого собора, ансамблей «Лири» и «Ковчег»; гала-концерт областного фестиваля хоровых коллективов и вокальных ансамблей «Поющее Приангарье»; встреча в киноклубе «Золотой Витязь» с создателями документального фильма «Святитель Иннокентий (Вениаминов). Имя славное и почтенное», а также многочисленные выставки, творческие вечера, презентации книг.

* * *

Последний день «Сияния России», 30 сентября, стал первым днём Всероссийской конференции по творчеству Валентина Распутина «Правда памяти» (к 80-летию со дня рождения), устроенной Министерством культуры РФ, Иркутским краеведческим музеем, министерством культуры и архивов Иркутской области. Конференция началась с открытия проекта мультимедийной экспозиции в Музее В.Г. Распутина. Было представлено генеалогическое древо рода Распутиных, видеоматериалы из жизни и творчества писателя, а также первые страницы электронного словаря «Сибирская Атлантида Валентина Распутина».

О проекте рассказал директор краеведческого музея Геннадий Ступин, с приветственным словом выступили консультант министерства культуры и архивов Иркутской области Елена Вьюкова, бывший министр культуры и архивов Виталий Барышников, участвовавший в организации Музея В.Г. Распутина, гость «Сияния России» Александр Шахматов. Авторы-составители словаря доктор филологических наук, профессор Галина Афанасьева-Медведева и кандидат филологических наук, доцент Татьяна Романцова познакомили участников конференции со структурой электронного произведения, подготовленными материалами.

Презентация словаря «Сибирская Атлантида Валентина Распутина» состоялась, как и было запланировано, 30 ноября. По отзывам писателей и учёных, в словаре целостно соединилось слово Распутина с жизнью, бытом и языком ангарской деревни.

На конференции 1 октября выступили около двадцати участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Горно-Алтайска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, а также из Республики Бурятия и Китая.

Вполне понятный интерес вызвал доклад «В.Г. Распутин и журнал «Русская литература и искусство» доктора филолог. наук, профессора Пекинского универ-

ситета Ся Джунсянь (она же главный редактор журнала). Итоги доклада: традиционно, с 1950-х годов, с появлением переводов русская художественная литература играет важную роль в китайской литературной жизни. С 1970-х китайские специалисты обращаются к творчеству Валентина Распутина. Притом что исследуются современные произведения других русских писателей, он остаётся одним из любимых авторов.

Об этом свидетельствует признание в 2006 году в Китае повести «Дочь Ивана, мать Ивана» лучшим зарубежным произведением года.

Основные темы конференции — темы памяти, нравственности, вечности и современности, народного слова. Алла Большакова (доктор филолог. наук, ИМЛИ РАН) отстаивала термин «деревенская проза» как наиболее точный для художественного исследования крестьянской цивилизации (возникла небольшая дискуссия); Светлана Имихелова (доктор филолог. наук, Улан-Удэ) посвятила свой доклад мотиву памяти как основному в прозе Распутина; Наталья Ковтун (доктор филолог. наук, Красноярск) в «Зоне затопления» Р. Сенчина не увидела продолжения распутинской «Матёры», о чём говорили другие, а скорее публицистику, «неверие ни во что представителя обманутого поколения».

Вызвали удивление некоторые положения в докладе Павла Фокина (кандидат филолог. наук, Музей истории российской литературы им. В.И. Даля). Предложив тему «Наследник по прямой: Валентин Распутин и Достоевский», автор, похоже, излишне спрямил связи между писателями разных эпох, и это привело к мысли, что в «Живи и помни» Распутин «выносит приговор» советскому народу как «случайному народу». «Гуськов не преступник... Их поведение (его и Настёны) самое разумное... они заложники тоталитарной действительности».

В вопросах к докладчику выразилось несогласие в правомерности такого толкования повести писателя. Сам Распутин всегда возражал против восприятия Гуськова как жертвы режима. Что касается отношения к народу, то слова «приговор», «случайный народ» — если речь не идёт об «архаровцах» — никак не вяжутся с той болью за народ и верой в него, которой проникнута проза и публицистика Распутина. Есть и сравнительно недавнее свидетельство на эту тему. После поездки на Запад на встрече с писателем в Иркутском Доме литераторов его спросили: «А как там народ?» Распутин ответил: «Наш народ, даже такой как сегодня, лучше — там всё поставлено на деньги». Это было на рубеже 90-х — 2000-х годов. Не перепутал ли автор доклада голос Распутина с голосом старика из повести «Дочь Ивана, мать Ивана», подчинившегося «закону потери лица, закону предательства» и взявшегося рассуждать о народе?

Один из двух философских докладов — автор Андрей Тесля (кандидат философ. наук, Калининград) — был посвящён теме «Распутин в розановской оптике: опыт тематизации». Роднит двух русских писателей, по мнению автора, обращение к роду. Смерть не является фатальной. Но у Распутина — род умирающий. Через философа В. Розанова (1859–1919), через Серебряный век был увиден «модернистский характер прозы» современного писателя-сибиряка в его «ярко выраженных художественных текстах до 80-х годов». Автор приходит к выводу: Распутина можно перечитать через Розанова, и наоборот. Опять-таки: не слишком ли прямолинейное сопоставление?

Литературное наследие Распутина, вероятно, ожидают всё более смелые толкования, как это и происходит с великими писателями, когда в новых прочтениях их произведений неизбежно высвечиваются и новые времена.

* * *

До конца года прошли ещё две конференции по Распутину — 15 ноября в Москве, под эгидой Министерства культуры РФ, Литературного института им. А.М. Горького, Дома национальных литератур и 17 ноября в Санкт-Петербурге, где Литературный институт выступил вместе с Государственным музеем истории российской литературы им. В.И. Даля, Институтом мировой литературы им. М Горького РАН, Всероссийским музеем А.С. Пушкина, Российским книжным союзом при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Московская была обозначена как Первая Всероссийская научно-практическая конференция «Творческое наследие и нравственные уроки Валентина Распутина», петербургская — как «Международная научная», под тем же названием. В Москве один из самых интересных докладов был сделан Натальей Корниенко (член-корр. РАН, ИМЛИ) «Крестьянский вопрос в русской литературе XX века». Слово о Распутине также сказали известные писатели, почти все в разные годы побывавшие в Иркутске: А. Сегень, В. Карпов, А. Варламов, В. Гусев, Е. Сидоров, кинооператор В. Сачков. В связи с нехваткой времени из присутствовавших иркутян удалось выступить только критику В. Семенову на тему «Роль В.Г. Распутина в культурной жизни земли Иркутской». Среди слушателей присутствовали студенты Литинститута, что для них весьма полезно.

В Санкт-Петербурге почти половина участников — участники иркутской сентябрьской конференции «Валентин Распутин. Правда памяти». Несколько крупных имён знакомо иркутянам по другим культурным событиям, например, Вампиловскому фестивалю, «Сиянию России». Это Анастасия Гачева (доктор филолог. наук, ИМЛИ), доклад «Творчество Валентина Распутина в контексте русской религиозной мысли»; Сергей Есин (доктор филолог. наук, профессор, бывший ректор Литинститута), выступление носило название: «Почему я встал, когда входил Распутин»; Александр Корольков (доктор филос. наук, академик РАО), тема: «Я разговариваю и понимаю больше чувством...» Встречи и переписка с Валентином Распутиным». Из наших земляков выступили кандидат филолог. наук Валентина Иванова («Человек и его время в ранних рассказах Валентина Распутина») и недавняя иркутянка, ныне москвичка, доктор филолог. наук Ирина Плеханова («Валентин Распутин — поэт»).

* * *

ВЕЧЕР-ПОСВЯЩЕНИЕ РОСТИСЛАВУ ФИЛИППОВУ «Счастье обитает наяву» состоялся 14 декабря в день 80-летия со дня рождения известного сибирского поэта и проходил в Иркутском драмтеатре на Камерной сцене. К этому дню была издана его книга избранного «Такое дело жить...» (составитель В.С. Филиппова, автор вступ. статьи и редактор В.В. Козлов).

Оттого что программу готовили актёры, вечер-посвящение получился ярким литературно-музыкальным концертом с чтением стихов поэта, исполнением песен на его слова и его любимых русских романсов, которые он пел под гитару в кругу друзей. Среди выступавших — актёр и писатель Виталий Сидорченко, поэт Василий Козлов, художник Сергей Элоян, директор драмтеатра Анатолий Стрельцов. На экране прошли видеозаписи — о Филиппове читинского периода и кадры с берега Байкала, где поэт читает одно из своих лучших стихотворений «Когда в печи твоей румяной...».

Вечер вёл заслуженный артист России Яков Воронов.

* * *

20 ДЕКАБРЯ ОБЪЯВЛЕНЫ ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ГУБЕРНАТОРА Иркутской области за достижения в культуре и искусстве за 2017 год. Ими стали писатели Альберт Гурулёв — за книгу воспоминаний о Валентине Распутине «Остановиться... и оглянуться»¹ и Александр Донских — за двухтомник прозы «Родовая земля»; «Солнце всегда взойдёт» (оба из ИРО СП России); за спектакль «Прощание с Матёрой» был награждён творческий коллектив ИАДТ им Н.П. Охлопкова в составе: заслуженный артист России Николай Дубаков, народная артистка России Наталья Королёва, заслуженный деятель искусств России Александр Плинт.

В 2017 году учреждена ещё одна областная премия в честь выдающихся деятелей культуры и искусства. В области литературы лауреатом премии им. Ростислава Филиппова стал Василий Козлов; в области театрального искусства премию им. Александра Вампилова получила ведущая актриса Театра кукол «Аистёнок» Любовь Калиниченко.

* * *

25 ДЕКАБРЯ ТОРЖЕСТВЕННО ОТКРЫТ ПОСЛЕ РЕСТАВРАЦИИ особняк купца Бревнова — памятник истории и культуры федерального значения, в котором с октября 1978 года размещается Дом литераторов им. П.П. Петрова.

Церемонию торжественного открытия вёл директор ОГАУ «Иркутский Дом литераторов» Александр Лаптев. Он выразил благодарность проектировщикам, реставраторам и строителям, а также ныне действующей власти в лице губернатора Иркутской области С.Г. Левченко и министра культуры и архивов О.К. Стасюлевич, и обещал беречь здание все обозримые будущие годы.

Ольга Стасюлевич поблагодарила тех, кто был занят в течение двух лет работой по восстановлению здания, а также специалистов, которые контролировали процесс реставрации уникального памятника. Министр выразила надежду, что атмосфера обновлённого Дома литераторов будет способствовать творчеству, и сообщила, что отныне это дом для всех писателей.

Директор Центра по сохранению объектов культурного наследия Иркутской области Евгений Корниенко подробно рассказал обо всех этапах реставрации здания, о том, что продолжится восстановление усадьбы вокруг него. Исполнительный директор Объединённой строительной компании Сергей Линенко поздравил всех с завершением реставрации и пожелал писателям бережно относиться к дому, над которым с большим старанием потрудились коллектив строителей.

Старейший иркутский писатель Альберт Гурулёв с волнением и радостью говорил о возвращении в родные стены, где витает дух выдающихся предшественников, среди которых двое — Вампилов и Распутин — прославили Сибирь и город на Ангаре, достигнув мирового признания.

После выступления артистов областной филармонии было внесено шампанское, и присутствующие поздравили друг друга с желанным праздником.

Информация Александра Лаптева

¹Особенностью издания этой книги является то, что она вышла в свет при финансовой помощи руководителей трудоёмких сельских производств, настоящих тружеников и кормильцев области, какими являются В.А. Попов (ЗАО «Облагроснаб»), И.А. Сумароков (СХПК «Усольский свинокомплекс»), В.М. Лифантьев (ЗАО «Железнодорожник»), В.М. Шадрин (АО «Большееланское»). — Прим. ред.

ОТКРЫТИЕ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ В МУЗЕЕ В.Г. РАСПУТИНА
29 декабря стало последним крупным событием 2017 года в культуре Приангарья.

Конкурс на лучшее художественное решение экспозиции в марте месяце выиграла дизайнерская фирма из Казани — ООО «Айбат» под руководством Сергея Насекина. Она же на конкурсной основе получила право на воплощение проекта, к чему и приступила в октябре совместно с сотрудниками музея, подготовившими к этому времени музейные материалы. За неполные три месяца работа была выполнена.

Директор музея Сергей Ступин после короткой экскурсии рассказал о том, как поэтапно делались подступы к будущей экспозиции, подчеркнул, что ускорение стало возможным благодаря активному содействию родственников писателя и его друзей в наполнении музея экспонатами.

Заместитель губернатора Иркутской области Валентина Вобликова высоко оценила результат работы казанских дизайнеров, которым удалось погрузиться в мир Распутина, полностью отразить его судьбу на ленте жизни в цокольном этаже. Новые технологии, лаконичность, скромность в стиле, свойственная характеру писателя, должны привлечь всех, особенно молодёжь.

Протоиерей Алексей, духовник Распутина, заметил, что выбор такого дома для музея сам писатель, наверное, одобрил бы. Нижний этаж настроен так, будто он здесь присутствовал. Вся жизнь его — изнесение из глубин народной памяти, из почвы. Христианство, пропитавшее многие поколения его предков, было основой, на которой он рос. И потому лейтмотивом музея должна стать устремлённость к духовному началу, чему следовал и писатель Распутин.

В этот праздничный для многих день сказали своё слово: епископ Братский и Усть-Илимский владыка Максимилиан; принимавший участие в выборе дома для музея Виталий Барышников; друг Валентина Распутина Альберт Гурулёв; журналист и спутник писателя в поездках Константин Житов.

В завершение Сергей Ступин привлёк внимание посетителей к ещё одному объекту: есть не только дом, но и двор как продолжение музея, летом здесь будет выстроена сцена для проведения уличных мероприятий.

Лауреаты премии журнала «Сибирь» имени Алексея Зверева

7 февраля 2018 г. в Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского прошла читательская конференция по итогам работы редакции журнала «Сибирь» в 2017 г. На конференции, которую можно было бы с полным правом назвать писательской, состоялся откровенный разговор о проблемах и стратегии развития журнала. Несмотря на прозвучавшие критические замечания, в целом, читающая и пишущая публика положительно оценила работу редакции за прошедший год.

В заключение были названы лауреаты премии имени Алексея Зверева, которому 24 февраля исполняется 110 лет со дня рождения.

Лауреатами стали

— в номинации «Поэзия» — **Светлана Анина (Седых)** за подборку стихов «И в улыбке таится печаль»;

— в номинации «Проза» — **Иван Комлев (Виктор Иванов)** за повесть «Рядовой Иван Ященко»;

— в номинации «Публицистика» — **Валерий Хайрюзов** за статью «Время, судьбы и произведения».

Лауреаты были награждены дипломами и денежными премиями.

Поздравляем члена СП России **Анатолия Байбородина** с присуждением ему ежегодной премии журнала «Наш современник» за статью «Поле брани Виктора Астафьева» (опубликована в № 9).

Николай Иванов избран председателем Союза писателей России

15 февраля в Центральном доме литераторов на Большой Никитской XV съезд Союза писателей России выбирал нового председателя правления. Всех участников, независимо от занятой стороны в предстоящей выборной борьбе, объединяло ощущение окончания большой Эпохи. И, пожалуй, общее к ней отношение: *«Что пройдет, то будет мило»* (А.С. Пушкин).

Экс-председатель Союза писателей России Валерий Ганичев

Писатели постарше, обозначая всю меру трудностей, выпавших на период правления **Валерия Николаевича Ганичева** (1994–2018), ярко живописали контраст с предшествовавшими годами: внимание общества, поддержка государства.

Тем, кто помладше, воображение и вера (старшим коллегам) помогали представить положение советского писателя, когда председатель правления СП СССР по статусу был равен министру.

Сейчас это трудно представить, но Союз писателей России сохранился как авторитетная организация, отметили в своих приветстви-

ях съезду министр культуры **Владимир Мединский**, министр иностранных дел **Сергей Лавров**, глава Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям **Михаил Сеславинский**. У представлявшего Администрацию Президента советника Президента РФ **Владимира Ильича Толстого**, кроме приветствий, была задача практическая: обрисовать видение возможного нового будущего СПР, нового уровня отношений с властью. А вот представлять кандидата в председатели правления, который, по его мнению, успешно реализовал бы эту линию, ему не пришлось — имя **Сергея Шаргунова** уже «витало в кулуарах». Несколько извест-

Вновь избранный председатель СП России Н.Ф. Иванов

ных писателей, региональных организаций, в т. ч. Алтайская, выступили его горячими сторонниками, что с запасом обеспечило съезду драматическую напряженность, эмоции и споры начиная с процедурных пунктов.

Первым же кандидатом был **Николай Иванов**, нынешний и. о. председателя правления Союза, всё последнее время «тянувший лямку» практического руководства в связи с болезнью 84-летнего Ганичева. Нико-

лаю Фёдоровичу есть откуда черпать писательский опыт: за плечами 62-летнего военного журналиста — афганская кампания, четырёхмесячный чеченский плен, а сейчас он служит в налоговой полиции в чине полковника (!). Именно он подвёл к завершению филигранную операцию: капитальный ремонт великолепного здания Союза (Комсомольский просп., 13) — без отселения (грозящего утратой «лакомого» особняка).

37-летний Сергей Шаргунов — депутат Госдумы, энергичен, известен, «вхож в коридоры власти», только что стал лауреатом «Большой книги». Николай Иванов — талантливый организатор, надёжен и, главное, — проверен.

Но не сказать, что все выступления сводились к обсуждению pro et contra по этим персонам: обрисовывалось общее положение в литературно-книжном мире. **Канта Ибрагимов** вспоминал, как в Чечне принимали Сергея Михалкова — «высокого, импозантного, настоящего министра», и привел справку: сегодня в Китае есть официальные категории писателей, и писатель 1-й категории приравнен к академику. По теме выбора: Шаргунову будет тяжело, нужен Иванов.

Александр Проханов в своем стиле расчертил поле «90-х», когда КГБ, партия разбежались или притихли и только писатели забаррикадировались на Комсомольском, 13, стали точкой сопротивления. «Государство должно вернуться в литературу. За Шаргунова!»

Станислав Куняев: «Молодость — не минус, говорю по своему опыту 1970-х. За Шаргунова!»

Сергей Дмитриев (главред издательства «Вече») — единственный, кто «дер-

жал зал», даже не коснувшись персон и выборов. Со своей «статистической базой» (1000 книг в год) он мог уверенно обрисовать все реальные издательские, книготорговые тенденции: «Электронная книга НЕ вредит, а помогает продвижению бумажной. Издательская комиссия СПР — необходимый рычаг отрезанным регионалам. Ориентир упорядоченного будущего: «Личный кабинет писателя», где каждый может видеть движение своих книг до экземпляра»...

Владимир Толстой заметил, что наблюдал уже много писательских съездов, и каждый раз была надежда, что вот этот станет поворотным. Но тщетно. Так и нынешний, скорее всего, станет обычным очередным съездом. А СПР сейчас остро нужен лидер — популярный, харизматичный...

Один из сторонников Шаргунова и знаток процедур подсчитал: зарегистрировано 166 делегатов. Даже если Шаргунов сегодня не победит, но наберёт хотя бы 55 голосов — это будет значить, что не изберут и Иванова. Формально председателем останется Ганичев, и съезд должен будет продолжиться второй день. Если нужно, и третий, и далее.

Тут вспомнились выборы Папы Римского, когда толпы, собравшиеся вокруг Сикстинской капеллы, наблюдают за дымом из труб: черный — значит конклав ещё спорит, выбирает. Белый дым: новый Папа избран! Представились толпы на Большой Никитской, следящие за трубами над рестораном ЦДЛ...

Однако на шестом часу работы съезда собравшиеся писатели узнали, что участь ватиканских туристов, «ждунов» им не грозит. Председатель счётной комиссии Борис Орлов объявил: за Иванова — **132 голоса**. За Шаргунова — **28**. Новый председатель правления СПР избран!

Справка: Союз писателей России образовался в 1991 году после распада Союза писателей СССР на несколько независимых организаций и является крупнейшей из них. В 2017 году он состоял из 91 региональной организации и объединял около 8 тысяч человек.

АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВ

Главный редактор Русской народной линии

Обошлось без драки — значит есть надежда

Впечатления гостя XV съезда Союза писателей России

Позавчера, в день Сретения Господня, Союз писателей России — крупнейшее русское творческое общественное объединение — обрёл нового руководителя. Им стал, как известно, писатель и военный журналист, побывавший во многих «горячих точках», Николай Фёдорович Иванов.

Мне довелось быть свидетелем (в качестве гостя съезда) этого, пожалуй, исторического события, поскольку Валерий Николаевич Ганичев руководил Союзом писателей России почти четверть века, с 1994 года, когда он сменил на посту руко-

*Вновь избранный председатель Союза писателей России
Николай Иванов*

водителя Союза писателей России Юрия Васильевича Бондарева. И как-то уже стало само собой разумеющимся, что Союз писателей — это Ганичев, а Ганичев — это Союз писателей. Это и немудрено, и не только потому, что 24 года — это большой срок (даже Сергей Михалков был на этом посту меньше — 21 год: с 1970 по 1991-й). Стоит ещё вспомнить, какие это были годы! Ганичеву довелось

возглавлять Союз писателей России в тяжёлые девяностые и не менее трудные нулевые, когда порой приходилось буквально бороться за выживание. Неслучайно на съезде звучало много добрых слов в его адрес. Конечно, Валерий Николаевич сейчас уже физически не в состоянии руководить организацией (с декабря 2016 года его обязанности уже исполнял Николай Иванов). Но он не только сохраняет твёрдый ум, но и способность шутить, что и продемонстрировал в своём небольшом выступлении на съезде, не без горечи заметив: «Укатали Сивку крутые горки». Он выразил готовность служить русской литературе в любом качестве. Это очень отрадно, это свидетельствует, что для Ганичева председательская должность в Союзе была, как и положено русскому человеку, служением.

Съезд прошёл. Теперь можно выдохнуть и вздохнуть с облегчением. Особенно тем, кто, как автор этих строк, с горьким чувством наблюдал за довольно ожесточённой борьбой за председательское кресло в Союзе. Наконец-то закончилась эти предвыборная горячка и противостояние, длившиеся последние недели и даже месяцы, и вылившиеся в склоки, интриги и очень жесткие публикации на страницах литературных изданий и в блогосфере. Многие ожидали провокаций и какой-то грандиозной склоки на съезде. Слава Богу, всё ограничилось словесными перепалками, иногда оскорблениями, но всё обошлось без серьёзной драки.

Перед началом в кулуарах съезда молодой журналист подходил ко многим делегатам и гостям с вопросом: «Что вы ожидаете от съезда?» Обратился он с этим вопросом и ко мне. Я сказал примерно следующее: «В наше время, когда в обществе господствует разделение, Союз писателей России являл и являет собой оплот единства. И это очень вдохновляло и служило примером для многих других русских общественных организаций и творческих объединений. Дай Бог, чтобы это единство не было нарушено во время этого съезда и Союз писателей сохранил своё единство».

Моя тревога о возможном разделении, об опасности раздоров, которые имели все шансы возникнуть на съезде, была основана на том, что я общался со многими писателями — моими друзьями и знакомыми — и знал, какая идёт острая борьба за пост председателя. Многие прямо высказывали озабоченность, что на съезде может произойти любой форс-мажор. Русское Собрание проводило накануне свои традиционные, пятые по счёту, Калязинские чтения, и почти все наши соратники — члены Союза писателей России — отказались в них участвовать из-за непростой ситуации с подготовкой съезда.

Борьба, действительно, была острой. Теперь это уже не тайна, поскольку об этом открыто говорилось на съезде, на подготовительном этапе выдвигалось две кандидатуры. Секретариат и большинство региональных организаций выдвигали в руководители Союза избранного, в конце концов, председателем Николая Фёдоровича Иванова. Однако ряд влиятельных членов Союза предлагали на пост председателя известного поэта, главного редактора журнала «Наш современник» Станислава Юрьевича Куняева, который, хоть и старше Ганичева на год, но выглядит бодрым и весьма активен.

Однако, буквально накануне проведения съезда появилась кандидатура депутата Государственной Думы Сергея Шаргунова. Пошли разговоры, что его кандидатуру поддерживает Администрация Президента, что она согласована на самом верху. Получалось так, что любое выступление против этой кандидатуры могло

выглядеть как некое противостояние Союза писателей руководству государства. К сожалению, некоторые именно в таком ключе и пытались представить дело.

После выдвижения Шаргунова Куняев снял свою кандидатуру и стал поддерживать его.

Для Русской народной линии, для меня лично это противостояние в писательской среде было особенно тяжёлым, потому что многие писатели являются авторами РНЛ. И вот я оказался в ситуации, когда люди, к которым я испытываю самую искреннюю приязнь, а порой и дружеские чувства, оказались «по разные стороны баррикад», выступали с разных позиций. И у всех были «железные аргументы»...

К сожалению, на съезде не обошлось без неприемлемых методов борьбы, причём с обеих сторон. С одной стороны, звучали спекуляции вокруг того, что причина выдвижения Сергея Шаргунова состоит в том, что он женат на двоюродной сестре советника Президента по культуре Владимира Толстого, и, что, мол, Толстой просто продвигает своего зятя, а в итоге Администрация Президента развивает кумовство в Союзе писателей. При этом Толстой сидел в президиуме съезда и возразить на эти обвинения ему не дали. Звучали и совсем неприличные инсинуации на тему того, что, якобы, отец Сергея Шаргунова — известный священнослужитель протоиерей Александр — «отрёкся от своего сына».

С другой стороны, секретарь правления Московской областной организации Игорь Витюк, агитировавший за Сергея Шаргунова, откровенно с трибуны предлагал вполне циничную схему, что, мол, нужно набрать 55 голосов за Шаргунова, тогда, мол, Иванов не получит две трети голосов, а значит, согласно Уставу, председателем останется Ганичев. И тогда съезд придётся собрать снова, а на нём уже добиться избрания на пост председателя Шаргунова. Причём сам выступавший, похоже, не отдавал себе отчёта, что, озвучивая публично такие циничные расчёты, он скорее вызовет обратную реакцию — даже колеблющиеся проголосуют против такой идеи.

Голосование показало, что большинство писателей отдали свое предпочтение более опытному и известному в писательских кругах Николаю Иванову.

Кстати, во время съезда звучали и трезвые голоса, призывавшие к какой-то форме компромисса. Например, к тому, чтобы один из соискателей должности стал председателем Союза писателей России, а второй стал его первым заместителем. Наверное, такая схема сразу не может быть реализована, но при посредничестве власти какой-то формат взаимодействия Н.Ф. Иванова и С.А. Шаргунова может быть создан. По крайней мере, хотелось бы надеяться, что представители Администрации Президента не воспримут избрание председателем Союза писателей России Николая Иванова как некий вызов писателей государству, после чего последуют какие-то меры репрессивного характера в отношении Союза писателей. Можно, конечно, попытаться надавить на Союз писателей, можно даже выдавить его в оппозицию власти. Но кто выиграет от такого сценария? Только враги России. Пострадает только наше Отечество, потому что Союз писателей России — организация, стоящая на патриотических, государственных позициях. Сделать из писателей противников власти — величайшая глупость и даже преступление перед страной и народом. Дай Бог, чтобы этого не случилось!

Ну а Русской народной линии и мне лично хотелось бы сохранить добрые отношения со Станиславом Юрьевичем Куняевым и с Николаем Ивановичем Дорошенко, с моим земляком Николаем Фёдоровичем Ивановым и с Сергеем Александровичем Шаргуновым, с Александром Андреевичем Прохановым и с Василием Владимировичем Дворцовым.

В ходе дебатов Николай Иванов и Сергей Шаргунов пожали друг другу руки. В речах и того и другого звучала готовность к сотрудничеству, и каждый выказывал приязнь в адрес своего конкурента. Хочется надеяться, что это станет залогом сотрудничества этих двух людей, а Союз писателей России не превратится в очаг подковёрной внутренней борьбы, но станет идеологической опорой власти, к чему призывал в своём выступлении на съезде мэтр нашей современной литературы Александр Проханов.

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

Председатель правления Союза писателей России

Мы не прятались за спины друг друга

Разъехались последние делегаты. Проводили их, посидели на дорожку в Союзе — и только после этого, пожелав людям доброй дороги, можно считать, что съезд закончился.

Самое трудное в любой схватке, а тем более на нашей писательской войне, раз от раза вспыхивающей, — это отдавать свои последние патроны товарищу. Делиться своей личной защитой, даже не зная, какая ситуация возникнет через пару минут у тебя самого. Но — отдаёшь. Делишься.

15-го, на Сретенье, вы делились со мной последним. Я видел ваши глаза, видел ваши напряжённые лица, и сам, наверно, был натянутой струной. Меня восхитил факт, прекрасно видимый со сцены Большого зала ЦДЛ: никто из вас, голосовавших за меня, не прятался за спины соседей и не тянул руку с мандатом якобы из другого ряда. А ведь, проиграв, вы, теоретически, могли бы лишиться многого. Но вы пошли в атаку, не пряча своих лиц. Под своими именами. Называя свои организации. С несломленным и неподкупным убеждением в правоте своего выбора. И эта неизмеримая по эмоциональной силе энергетика зала спаяла нас.

Неразрывно спаяла.

И мы — выстояли. И вновь убедились: только в едином дыхании рождается победа.

А когда голосование закончилось, ушла и война. Вы опять стали просто писателями, каждый со своей судьбой. Усталыми или возбуждёнными, но гордыми. Живыми! Вы вновь стали созидателями. И это тоже было прекрасно видно со сцены. И ощущалось — кожей. Почему-то в тот миг захотелось оказаться рядом с вами в зале. И вместе с вами ощутить единство нашего Союза, насла-

диться чувством простого человеческого достоинства, гордости, радости. И надёжности ваших плеч.

Спасибо вам, мои родные, или даже не знаю, кем вы меня считаете!

Откуда победа? Когда у человека прорезается голос, он начинает петь. Наш Союз, несмотря на наши разные характеры — всё же сводный хор. А профессионалы знают: самое трудное — это уметь петь именно в хоре. Обладая своим чистым голосом — не выпячиваться. Но и не угасать. Слышать других. Мы провели свою съездовскую партию как по нотам. Тональность дали ваши светлые и добрые души. А ведь только и нужно было — не фальшивить, оставаться самими собой.

Мы сделали свой выбор. Мы не захотели стать никаким иным учреждением, кроме как Союз писателей России. Остались верны Бондареву, Распутину, Белову, Шукшину — нашим великим почти современникам, которых знаем, любим и помним. Которые своей жизнью, своими книгами проторили нам дорогу к новым горизонтам. Творческим и нравственным.

Я благодарен Валерию Николаевичу Ганичеву за доверие и постоянную поддержку.

Хочу выразить особую благодарность аппарату правления нашего Союза, который в условиях ремонта здания сумел подготовить съезд и достойно встретить делегатов со всей России. Благодарность сайту «Российский писатель», который ударил в набат и создал площадку для обмена мнениями, дав нам уверенность, что мы, разбросанные по регионам матушки-России, не одиноки и способны на многое. Кланяюсь тем, кто провёл весь день у мониторов — наша блистательная молодёжь всё-таки сумела организовать онлайн-трансляцию, сама выступала на съезде, и мы увидели и порадовались, как талантлива, смела и ответственна наша смена.

Ещё и ещё раз кланяюсь тем делегатам, которые пред хладными телекамерами и (уж не знаю, какими) взглядами наших оппонентов гордо и даже с каким-то вызовом поднимали свои мандаты. И вот же получилось так, что были они одного цвета со знаменем Победы, которое во время выступления-приветствия нашего старейшего коллеги, фронтовика В.С. Бушина вынес на сцену член Союза писателей России, кавалер четырёх орденов Мужества Алексей Новгородов. И когда зал встал, стало предельно ясно: мы не предадим своих идеалов.

Здание Правления Союза писателей России в Москве

После голосования некоторые гости съезда вкрадчиво спросили: ты знаешь цену этой своей победы?

Знаю.

И — всё! Остальное не делится, не дробится, не вычитается.

Потому что наше голосование уже стало историей, которую

мы сотворили, родили, выпестовали. Стало историей нашего Союза писателей России.

Спасибо вам, уважаемые коллеги, за доверие! А работа нас сама найдёт.

От редакции журнала «Сибирь». Иркутских писателей на съезде представляли секретарь Правления Союза писателей России, советник губернатора Иркутской области по культуре Владимир Скиф, председатель Иркутского регионального отделения СП России Юрий Баранов, поэт Василий Козлов.

Редакция журнала, Совет журнала поздравляют Николая Фёдоровича Иванова с избранием на пост председателя Союза писателей России.

Возвращаясь к напечатанному

В выпуске № 3 «Сибири» за 2017 год в материале «Запоздалое открытие иркутян» В. Семеновой было высказано подтверждение ранее опубликованной литературоведами В.П. Муромским, Е.В. Тимошук и другими версии о принадлежности пьесы «Тихая Заводь» Александру Вампилову. Обоснование выглядело убедительным, хотя с ним согласились далеко не все. В октябре минувшего года спорная ситуация прояснилась следующим образом.

Из сообщения сотрудников Отдела библиографии Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского:

Пьеса «Тихая Заводь» значилась как «вампиловская» в Санкт-Петербургской театральной библиотеке. Однако «подтвердить или опровергнуть авторство Вампилова» там не смогли. В Российской государственной библиотеке искусств псевдоним автора этой пьесы (А. Санин) был расшифрован как принадлежащий А.И. Гершзону, но абсолютной уверенности в этом не было. Зато специалисты библиотеки отослали нас к целому ряду библиографических источников, где «Тихая Заводь» названа «ранней пьесой А. Вампилова».

Нужный документ мы нашли, но не в библиотеках, а в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), откуда мы получили электронную копию машинописной рукописи пьесы «Тихая Заводь». Указан её автор — Гершзон Александр Исаакович, студент Литературного института им. Горького. Пьеса была представлена на конкурс лучшей одноактной пьесы к 40-летию ВЛКСМ в 1958 году.

Думаем, вопрос исчерпан. Список вампиловских пьес не увеличился, зато истина была установлена.

Ответ В.И. Липину

Редакция приносит извинения Вячеславу Ивановичу Липину за технические ошибки на странице 259 журнала № 5. В оригинале текст читается так:

«Двадцать первому не даЮ опечатки —
РаскачИваю я эпохи маятник.
На стене времени Оставлю отпечатки...»